

L. Akcunob

Сергей Тимофеевич Аксаков

Том 4. Статьи и заметки. Избранные стихотворения

(Собрание сочинений в пяти томах #4)

В истории русской литературы имя Сергея Тимофеевича Аксакова занимает видное место. Выдающийся мастер реалистической прозы, писатель, он в совершенстве владел тонким и сложным искусством изображения природы, был изумительным знатоком всех сокровенных богатств русского народного слова.

В настоящее издание вошли наиболее значительные художественные, мемуарные произведения, а также критические статьи Сергея Тимофеевича Аксакова.

В четвертый том собраний сочинений входят статьи и заметки, избранные стихотворения и записки об ужене рыбы.

<http://ruslit.traumlibrary.net>

Содержание

Статьи и заметки	0010
Письмо к редактору «Вестника Европы» *	0010
Мысли и замечания о театре и театральном искусстве *	0023
Некрология <А. И. Писарев> *	0030
Опера «Пан Твердовский» *	0033
Нечто об игре г-на Щепкина *	0046
«Пан Твердовский» *	0052
«Отелло, или Венецианский мавр» *	0055
Опера «Пан Твердовский» и «Пять лет в два часа, или Как дороги утки» *	0065
«Пожарский» и «Король и пастух» *	0075
«Батюшкина дочка» и «Дядя напрокат» *	0087
1-е письмо из Петербурга к издателю «Московского вестника» *	0097
2-е письмо из Петербурга к издателю «Московского вестника» *	0100
Письмо в Петербург <О французском спектакле в Москве> *	0108
«Севильский цирюльник» и «Ворожея, или Танцы духов» *	0113
«Федор Григорьевич Волков» и «Механические фигуры» *	0118
Ответ на антикритику г-на В. У. *	0124
«Разбойники» *	0127

«Каменщик» и «Праздник колонистов близ столицы» *	0130
Последний ответ г-ну под фирмою «В. У.» *	0134
Ответ г-ну Н. Полевому на его выходку во 2-м номере «Московского телеграфа» *	0136
<Об игре актера Брянского> *	0138
«Обриева собака», «Дипломат», «Новый Парис», «Семик» *	0145
«Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» *	0152
Рекомендация министра *	0170
«Дон Карлос, инфант испанский» и «Посланник» *	0173
«Внучатный племянник» и «Чудные приключения и удивительное морское путешествие Пьетро Дандини» *	0180
Письмо к издателю «Московского вестника» *	0188
О заслугах князя Шаховского в драматической словесности *	0192
Разговор о скором выходе II тома «Истории русского народа» *	0201
Испытание в искусствах воспитанников и воспитанниц школы Императорского Московского театра *	0206
«Марфа и угар», «Женщина-лунатик», «Новый Парис» *	0213

«Благородный театр» и «Кеттли» *	0215
«Горе от ума» и «Мельники» *	0218
«Графиня помещица», «Две записки», «Чертов колпак» *	0220
«Маскарад», «Рауль Синяя Борода», «Швейцарская молочница», «Домашний маскарад» *	0223
Письмо из Москвы *	0227
«Ненависть к людям и раскаяние» *	0231
Антикритика *	0234
Письмо к друзьям Гоголя *	0238
Воспоминание о Михаиле Николаевиче Загоскине *	0243
Несколько слов о биографии Гоголя *	0248
Биография Михаила Николаевича Загоскина *	0256
Несколько слов о статье «Воспоминания старого театрала» *	0360
Несколько слов о М. С. Щепкине *	0364
Письмо к редактору «Молвы» (1) *	0384
«Три открытия в естественной истории пчелы» *	0387
Письмо к редактору «Молвы» (2) *	0390
<О романе Ю. Жадовской «В стороне от большого света»> *	0393
Избранные стихотворения *	0396
Три канарейки *	0396
А. И. Казначееву *	0400

Песнь пира *	0406
«За престолы в мире...» *	0407
«Юных лет моих желанье...» *	0408
«Вот родина моя...» *	0409
Послание к кн. Вяземскому *	0410
Элегия в новом вкусе *	0415
Уральский казак *	0419
Послание к Васькову *	0422
Роза и пчела *	0422
8-я сатира Буало «На человека» *	0425
Послание к брату *	0446
Осень *	0450
Рыбачье горе *	0455
Послание в деревню *	0466
Стансы *	0469
К Грише *	0471
«Поверьте, больше нет мученья...» *	0472
«Сплывайтесь тихо...» *	0473
«Вот, наконец, за все терпенье...» *	0474
К Марихен *	0475
«Рыбак, рыбак, суров твой рок...» *	0476
Послание к М. А. Дмитриеву *	0477
Плач духа березы *	0479
Шестилетней Оле *	0480
31 октября 1856 года *	0482
17 октября (А. Н. Майкову) *	0483
Записки об уженье рыбы *	0486
Вступление	0487

Происхождение удочки	0496
Насадка	0522
О выборе места	0536
Прикормка	0548
Об уменьше удить	0553
О рыбах вообще	0582
1. Лошок	0610
2. Верховка	0613
3. Голец	0615
4. Пескарь	0618
5. Уклейка	0623
6. Елец	0626
7. Ерш	0628
8. Плотица	0633
9. Красноперка	0638
10. Язь	0641
11. Головлъ	0648
12. Лещ	0655
13. Сазан	0660
14. Карп, или карпия	0663
15. Линь	0666
16. Карась	0671
17. Окунь	0680
18. Щука	0691
19. Жерих, шереспер	0702
20. Судак	0705
21. Лох, красуля	0707
22. Форель, пеструшка	0710

23. Кутема0716
24. Налим0720
25. Сом0725
Раки0727
Крючки и жерлицы0732
Блесна0738
Алфавитный указатель имен0740
Комментарии0786

Сергей Тимофеевич Аксаков
Собрание сочинений в пяти
томах

Том 4. Статьи и заметки.
Избранные стихотворения

Статьи и заметки

Письмо к редактору «Вестника Европы»*

<О переводе «Федры»>

С радостью прочитал я в 46-й книжке «Сына Отечества» под статью: «Российский театр» известие о блистательном появлении русской «Федры» на петербургской сцене, с замечаниями г. сочинителя об игре актеров и о самом переводе. Давно носился слух, что г. Лобанов им занимается; давно уже любители словесности нетерпеливо ожидали окончания труда его, а прекрасный перевод «Ифигении в Авлиде» увеличивал сие нетерпение. Из отрывков, помещенных в «Сыне отечества», должно заключить, что перевод «Федры» в целом – прекрасен; но позвольте мне, милостивый государь, предложить мои замечания, посредством вашего журнала, на некоторые стихи, единственно в том отношении, что они выставлены сочинителем «Разбора» за лучшие, даже за превосходящие оригинал.

В первом действии (явление третье) Федра, открыв ужасную тайну Еноне, говорит:

*Взглянув на юношу, бледнела я,
пылала;
Вдруг сердце замерло, вдруг грудь
затрепетала;
В глазах простерся мрак, язык
мой онемел;
Я вся, весь мой состав и дрогнул и
горел.*

.....
Я крылась от него.[1]

Первый стих не имеет определенности стиха Расинова: *я его увидела; я краснела, я бледнела от его взгляда*; притом непременно должно было сказать *краснела*; пылать здесь еще не место. У Расина везде соблюдены постепенность и приличие; да и *пылала* – совсем не одно и то же, что *краснела*. Вместо стиха Расинова: *смятение возмущенной души моей*, переводчик говорит: *вдруг сердце замерло, вдруг грудь затрепетала*; но стих сей слишком сильное показывает действие, а потому, мне кажется, погрешает против быстрого, но постепенного действия люб-

ви, везде прекрасно выдержанного у Расина; еще ж и стих не гладок: верно, не для подражательной гармонии составлено последнее полустипение. После слов: *я вся не нужно говорить: весь мой состав*, ибо в слове *вся*, верно, заключается и состав Федры. *И дрогнул и горел* – дрогнуть не всегда значит хладеть; например: *дрогнули сердца в Новгороде* и пр. *Я крылась от него...* Скрывалась, убегала, кажется, было бы лучше.

Федра, увлекаясь страстию (действие второе, явление пятое), говорит Иполиту:

*Но нет, не умер он; он жив в тебе – и вдруг:
Мне кажется, в тебе – вновь дышит мой супруг.[2]*

В обоих стихах повторяется одна и та же мысль, и оба стиха нехороши. *Вдруг* вовсе лишнее; близкое повторение слова *в тебе* портит стихи, а не усиливает. Сказавши: *он жив в тебе*, не странно ли говорить: *мне кажется, в тебе вновь дышит* и пр. Как искусно у Расина разворачивается одна мысль из другой: *что я сказала? он не умер; он жив в тебе: мне мнится всегда, что я вижу пред собою*

моего супруга.

Ипполит

Я вижу, мой отец, сей доблестный герой, и пр.[3]

Последнее ненужное полустипение есть вставка переводчика, который пропустил стих Расина: *я вижу чудесное действие любви твоей*. Пропуск, по моему мнению, весьма важный, ибо как мог Ипполит не изъяснить своего внимания к столь живому мечтанию Федры? Не дать ему благовидных причин в собственных глазах ее?

Федра

Смой стыд чудовища ужаснейшего кровью.

Расстановка слов в этом стихе неудачна; *смой стыд...* неприятное стечение звуков, да и мысли сей у Расина нет.

*Вдова Тезеева горит к тебе любовью!
Нет, нет, чудовища не должен ты щадить;*

*Вот сердце! меч в него ты должен
свой вонзить.*

*Да страшное скорей бесчестие со-
трется;*

*Я чувствую, оно само на меч твой
рвется.*

.....

Отдай ты мне свой меч.[4]

Вообще сей монолог не так хорошо переведен. В стихе: *я чувствую, оно само на меч твой рвется* – оно должно отнести к бесчестию, не говоря о словоударении само. Последнее полустишие весьма неприлично растянуто; оно отнимает всю силу и необходимую краткость Расинова: *donne...* Он с намерением оканчивает монолог Федры одним словом: только одно слово можно произнести при мгновенном исполнении ее намерения.

Теперь следуют стихи, в которых г. сочинитель «Разбора» находит, что переводчик превзошел Расина. Вот они:

В третьем действии (явление второе) Федра, увидя входящую Енону, говорит:

*Я вижу, ты мне смерть, несчаст-
ная, несешь.*

Господин сочинитель статьи о «Федре» говорит в примечании: «Скажем мимоходом, что здесь переводчик наш превзошел Расина. Стих его гораздо живее, гораздо вернее выражает отчаяние Федры, нежели, стих Расинов: „Oenone, on me deteste; on ne t'ecoute pas“» (стр. 247).

Мое мнение совершенно тому противно: русский стих хорош, и я был бы им доволен, если б не знал стиха Расинова, который гораздо живее, вернее выражает положение Федры и может назваться одним из превосходнейших. Федра, обольщаемая слабым лучом надежды, что Ипполит внимал с холодностию ее признанию от изумления, от совершенного незнания любви, посылает Енону говорить с ним; приказывает ей или воспламенить его честолюбие, или смягчить его сердце отчаянием умирающей от любви к нему Федры; вся судьба ее зависит от сих переговоров... Енона возвращается с необыкновенною поспешностию. Что натуральнее, приличнее может быть сей мысли, мастерски в отрывистых фразах Расином выраженной: *Енона! меня ненавидят; тебя не хотели выслушать?*

Терамен

*В каких же ты странах надеешься
найти
Тезея жаркий след иль темные пу-
ти?[5]*

(Действие первое, явление десятое.)

В последнем стихе г. сочинитель «Разбора» находит более поэзии, нежели у Расина; но к чему особенная поэзия, чтоб сказать такую обыкновенную мысль: *где ты надеешься найти следы Тезея?* – *Жаркие следы* не говорится, а *горячие следы*, но и сие употребляется в низком смысле. *Темные пути* истинно темны. Мне кажется, сей эпитет неприличен.

Федра

*Енона! от стыда лицо мое пыла-
ет:
Ты зришь постыдную болезнь ду-
ши моей,
И слезы катятся невольно из
очей.[6]*

(Действие первое, явление третье.)

Г. сочинитель говорит: «Эти стихи и поэзией и свободой стихосложения превосходят стихи подлинника» (стр. 257). Я был бы согласен с ним, если б *стыда* и *постыдную* не стояли так близко один от другого. *Ты зришь* и пр. слишком определенно сказано; у Расина Федра говорит: *я даю тебе видеть* и пр.

Федра

*Вновь вспыхнула во мне свирепая
любовь.*

Уже не тайною я страстию томилась:

*Киприда вся в меня, как Фурия,
вселилась.[7]*

(Там же.)

Едва ли кто-нибудь согласится признать сии стихи лучшими французских, хотя Киприда и названа в них Фурией. – Следующие же стихи, названные не уступающими подлиннику, в которых (как сказано в «Сыне отечества» на стр. 58) *переводчик идет рядом с Расином*, весьма далеко отстоят от него:

Как скучен сей наряд, как тягостны покровы.

Чья дерзкая рука власы мои сплела

И на челе моем так пышно собралла?

Все ненавистно мне, все грустно и постыло.[8]

Вместо *дерзкая* должно сказать *докучная*, как заметил и г. сочинитель «Разбора»; слово *пышно* совсем лишнее; наконец, где мысль и мастерское падение звуков последнего стиха: *tout m'afflige et me nuit et conspire a me nuire?*

*Зачем я не в тени развесистых
древес!*

*Когда сквозь пыльный вихрь узрю
коней с возницей*

И взором понесусь за быстрой колесницей?..[9]

Сии стихи также гораздо хуже французских. *Пыльный вихрь* то ли, что *noble roussiere?* *Узрю коней с возницей* – принадлежит переводчику и совсем лишнее. Перенесены ли на русский язык красоты превосходного стиха: *Suivre de l'oeil un char fuyant dans la*

carriere? Слово: *fuuant*, сказанное искусною актрисою, заставляло некогда забывшихся зрителей искать взорами исчезающей в отдалении колесницы; русский стих не позволит русской актрисе произвести такого действия.

*Какого ждешь плода за все твое
стенанье?*

*Вздрогнешь от ужаса, коль я пре-
рву молчанье.[10]*

Стенанье? Расин говорит: *violence?* усилие, чтоб проникнуть тайну Федры? тогда мысль правильна; но какого ждать плода за стенанье? Теперь обращусь назад к известному и прославленному рассказу Терамена (о котором напечатано в «Сыне отечества»: «В некоторых местах, а особливо в рассказе Терамена, он (переводчик) даже побеждал непобедимого», стр. 57), и осмелюсь признаться, что подражательная гармония русского перевода мне кажется неудачною и что от г. Лобанова должно было ожидать лучшего. Я говорю только об отрывке, напечатанном в «Сыне отечества».

Неукротимый вол, неистовый

*дракон,
Вращая ошибом, крутился, пря-
дал он.*

.....
*Земля содрогнулась, тлетворен
воздух стал;
Его извергший вал со страхом от-
бежал![11]*

Второй стих несравненно хуже знаменито-го стиха Расинова: *Sa groupe se recourbe en reptis tortueux*, и не то значит. Последний стих мог бы назваться превосходным, если б, к сожалению, не рифмовала цензура. Отец нашего театра, А. П. Сумароков, почти так же перевел сей стих, если я не ошибаюсь:

*И вал, что нес его, со страхом
убежал.*

Теперь следует продолжение перевода г. Лобанова; пропустя несколько стихов:

*Рванулись на скалы, оцепенел воз-
ница;
Ось с скрипом хряснула. С утеса
колесница,
Сорвавшись, рухнула, рассыпала-
ся в прах...[12]*

Оцепенел возница? Мысли сей у Расина не бывало. Она совершенно не в характере Ипполита. Расин не только не называет его трусом, напротив – говорит: *L'intrepide Hippolyte etc. Ось с скрипом хряснула...* Подражательная гармония есть; но *хряснула* самое низкое слово. *С утеса колесница, сорвавшись, рухнула* – обстоятельство, прибавленное г. переводчиком. *Рухнула*, мне кажется, неприлично сказать о колеснице. *Рухнула башня, стена* – дело другое. Слово сие у нас еще не облагорожено употреблением его в высоких родах сочинений; впрочем, это не мешает ему со временем занять в них свое место. – Теперь обращаюсь с вопросом к беспристрастным читателям: можно ли торжествовать мнимые победы русского Тераменова рассказа? – Прочие отрывки из «Федры», напечатанные в «Сыне отечества», истинно прекрасны; но как нарочно слабейшие из них названы превосходнейшими.

Делая сии замечания, я имел особенную целию, как упомянул и прежде, доказать неосновательность суждений г. сочинителя

статьи «Российский театр»; тем более, что достоинство оригинала и перевода требовали большего внимания; статья же сия написана, по моему мнению, слишком на скорую руку, хотя и названа г. издателем «Сына отечества» в Современной библиографии той же книжки «Подробным разбором». Может быть, многие назовут мои замечания пустыми привязками, а особливо почитатели (часто, или, лучше всегда, пристрастные) г. Лобанова; может быть, назовут меня завистливым, мелочным Зоилом – но я беру дело на апелляцию к самому г. переводчику. Мне кажется, он будет ко мне справедливее других; он должен быть таким: ибо только отличные произведения достойны истинной, строгой критики, и если бы я менее уважал прелестный талант его, то никогда не написал бы сих замечаний.

1824 года, января 3-го дня.

Село Надежино.

Мысли и замечания о театре и театральном искусстве*

Того актера можно назвать *совершенным*, которого поймет и не знающий языка (представляемой пьесы) по выразительности голоса, лица, телодвижений; даже глухой – по двум последним; даже слепой – по одному первому.

* * *

Актер, в сильных драматических ролях, в двух случаях может играть хорошо: он должен быть или с пламенным воображением, с чрезмерно раздражительною чувствительностью, все увеличивающий, все принимающий близко к сердцу, приходящий в восторг от того, что другой едва примечает, – или внимательный только наблюдатель хода страстей человеческих и с хладнокровием, но верно им подражающий. В первом случае – талант, во втором – искусство; соединение их – составляет *совершенство*.

* * *

Почти каждый из славных актеров имел в

игре *нечто свое*, самым гением ему внушенное и – неподражаемое. Без сомнения, надобно пользоваться сим средством, но не забывать меры; иначе оно обратится в порок.

* * *

Великая важность для актера – особливо же для того, кто не одарен отличными физическими средствами от природы – уметь сберечь себя (не охлаждая игры) для сильных мест своей роли. – Шушерин употреблял сей способ с совершенным успехом.

* * *

Редко случается, чтоб актеры, одаренные отличными средствами, талантом и блестящею наружностью, достигали великого искусства. Причина ощутительна и естественна: кто обижен от природы, тот старается (имея склонность к своему искусству и ум) вознаградить свои недостатки познаниями, точностью игры, прилежным разбором ролей, примерами, советами; а дарование, украшенное всеми выгодами наружности, бросаюсь в глаза полузнатокам, обольщая надеждами даже и образованных судей, исторгает громкие похвалы и, ослепя самолюбием акте-

ра, останавливает его на пути к совершенству. – Печальный пример тому был наш Яковлев!.. Яковлев, сотворенный природою со всеми возможными, великими душевными и телесными средствами к достижению совершенства, Яковлев, предназначенный быть славою русского театра, краскою знаменитых актеров образованной Европы – скажу смело, не выдерживал ни одной роли! *места* были чудесные, а *все* было дурно!.. Просвещенная русская публика имеет право горько жаловаться на неумеренных его почитателей, которые называли его *северным Леке-нем!*.. Дмитревский и Шушерин могут служить противуположными примерами, как искусство побеждает природные недостатки.

[13]

* * *

Есть весьма дурная привычка у актеров и актрис, впрочем и недурных: они на сцене стараются голос свой делать ненатуральным и в самых жарких местах своей роли смотрят в глаза зрителям; а последние, в самое это время, часто поправляют свои уборы, чем убивают очарование, и зритель не может за-

быться. От сего порока не изъяты и знаменитые актрисы: девица Жорж была ему подвержена.

* * *

Хорошо, если актер каждый раз сходит со сцены недовольный собою, несмотря на громкие рукоплескания.

* * *

Многие спорят о том: нужен ли напев при декламации стихов в трагедиях, или нет? – По моему мнению, *он необходим*, но должно употреблять его умеренно и *не везде*. В местах, где говорится без сильного волнения страстей, в торжественных речах к воинам, к народу, в описательных рассказах, в обращениях к божеству – напев должен быть. К чему сей великий труд писать стихами, если читать их, как прозу? И созвучное протяжение стихов не производит ли живейшего впечатления в сердце человеческом? – Скажут, что такое чтение *ненатурально*; но разве натурально говорить стихами, да еще и с рифмами? В изящных искусствах есть условная натуральность. Не есть ли трагедия возвышенное, необыкновенное зрелище? Но я весьма

далек от того, чтоб согласиться *на распевание* трагедии, как то делали в Петербурге французские актеры и сама Жорж. Сие неумеренное распевание всегда вводилось славными артистами; их таланты, огонь, чувства одушевляли напев и делали его привлекательным, а подражатели их, как и всегда бывает, подумали, что в нем-то и заключается вся тайна искусства. Впрочем, на французском языке, который не весьма благозвучен, напев может употребляться в большей степени, нежели на нашем.

* * *

Можно принять за аксиому, что покуда некоторая часть зрителей не будет состоять из истинных знатоков и покуда актеры не будут уважать их мнением более, нежели рукоплесканием множества, до тех пор и с дарованиями актеры – никогда не будут истинными артистами.

* * *

Талант – первое условие для успеха; хорошие средства[14] почти так же важны; но без образования, без трудов, без очищенного вкуса, получаемого *непреренно в хорошем обще-*

стве, — ничего еще не значит. К сожалению, важность, *необходимость* последнего не всегда уважается молодыми артистами; сие неуважение погубило и Яковлева.

* * *

Отчего, в продолжение нескольких лет, почти все дебютанты (в обеих столицах, особливо в Петербурге) первыми своими появлениями приводили в восторг простых зрителей и обольщали великими надеждами самих знатоков, а впоследствии времени делались несносными и для тех и для других? Между многими другими главнейшая тому причина (мне кажется) состоит в том, что обыкновенно дебютанты показываются в ролях сильных и всегда бывают кем-нибудь из хороших актеров или любителей театра *поставлены на свои дебюты с голосу*. Зрители с приятным изумлением видят, что неопытный актер, в первый раз выходящий на сцену в роле трудной, уже ее понимает; слабость в выражении чувств относят к несмелости их выказать, к непривычке им предаваться; игра вообще слаба, но нет грубых ошибок; за некоторые точно выраженные места, за трудность роли

охотно прощают все дурное, приписывая его неопытности, застенчивости и пр. Не шутка показаться пред целую публику столицы!.. это даже некоторым образом льстит ее самолюбию!.. Сей же актер является потом в роле не так важной; зрители не сомневаются, что он ее сыграет *очень хорошо*... Напротив!.. Увенчанный лаврами дебютант, уже оставленный собственному невежеству и даже получивший о себе высокое мнение, играет ее – *очень дурно!*.. Зрители изумляются, на первый раз прощают, но требуют, чтоб с продолжением времени прибавлялось его искусство... Нисколько; он играет день ото дня хуже. Все видят, что обманулись, и за свою ошибку отмщают ужасно; от сего жестокого мщения гаснет последняя искра дарования, и актер, с восхищением принятый публикою в Полинике, Эдипе и Магомете, сходит на роли наперсников, потом простых вестников и везде – делается посмешищем, предметом оскорбления неумолимых зрителей и – навсегда потерянным для искусства!

1825 года. Февраля 15-го,

Некрология <А. И. Писарев> *

Марта 15-го, в шестом часу утра, скончался Александр Иванович Писарев от изнурительной чахотной лихорадки.[15]

Бескорыстные усилия знаменитого врача не могли спасти его; умственная деятельность слишком далеко превышала в нем силы телесные. Писарев увлек во гроб с собою великие, блистательные надежды друзей своих и всех коротко его знавших.

Он родился в 1801 году, 14 июля, в селе Паниках, Данковского уезда, Рязанской губернии. С самого детства отличался умом и памятью необыкновенными. В 1817 году он был отдан в университетский благородный пансион; там пробыл четыре года, ознаменованные отличными успехами в науках, и там открылась в нем решительная склонность к словесности: поприще свое начал он, как и всегда почти бывает, лирическими стихотворениями, в которых и тогда ярко блистало истинное дарование. В 1821 году он был выпущен из пансиона: золотая доска и десятый класс

свидетельствуют об его успехах. Любовь к театру заставила его служить при нем; испытав свои способности в разных родах словесности, он совершенно посвятил себя драматической литературе: его переводные комедии и водевили суть только опыты упражнения в слоге; но кто не знает остроумных, колких, иногда глубокомысленных куплетов его?.. К несчастью, он не успел написать начатой им большой исторической комедии «Колумб». План расположен превосходно, обдуман во всех подробностях: он известен многим литераторам; одно действие уже написано. Эта комедия, при хорошем исполнении, в чем нельзя было сомневаться, увенчала бы его долговечными лаврами.

Люди, не коротко знавшие покойного, не могут вполне разделять скорби друзей его, он был холоден в обращении, но пламенные чувства кипели под сей холодною наружностью; в дарованиях же его никто не сомневался, он сделал мало – но *мог сделать* много. Высокая комедия была бы достойным его поприщем, и он вооружил бы Талию, – скажем его словами,[16] – кинжалом Мельпомены!..

Глубокий, пронизательный ум, чуждый оков пристрастий и предрассудков литературных; строгий, верный вкус; сила мыслей новых, свежих; смелость, резкость в их выражении; едкая, убийственная острота; любовь к справедливости, ненависть к пороку... все заставляло ожидать от него комедий аристофановских...

Да не сочтут слова сии – пристрастными словами дружбы: я говорю о потере общей; скорблю о том, о чем скорбят все истинные любители изящного и дарований. О своей потере дружба не сказала еще ни слова...

Писарев погребен 20 марта в Покровском монастыре.

Опера «Пан Твердовский»*

Наконец, исполнились ожидания если не многочисленных, зато истинных любителей изящных отечественных произведений. «Пан Твердовский» дан 24 мая, и мы слышали оперу А. Н. Верстовского. Намереваясь поговорить о содержании пьесы, о музыке и вообще об исполнении, предварительно скажем, что мы не могли смотреть и слушать ее равнодушно: один из первых русских комиков написал волшебную оперу, натурально не для умножения авторской славы, а для другой, благонамеренной цели, и первый русский композитор музыки, прелестными произведениями которого восхищались все почти без исключения,[17] с сожалением прибавляя: *для чего Верстовский не напишет оперы?..* наконец, написал ее.

Пан Твердовский, богатейший польский вельможа, любит Юлию, дочь бедного дворянина Болеславского, и женится на ней (Юлия выходит замуж против воли; она повинуется только отцу, но любит Красицкого, как говорят, убитого на войне). Чего бы еще хотеть

Твердовскому? Но желание быть всемогущим повелителем духов не дает ему покою; он уже узнал многие тайны волшебства, но жаждет приобрести последнюю степень могущества. Здесь начинается пьеса. Действие первое. дремучий лес, древняя гробница, на сцене ночь и гроза; толпа цыган, в том числе мнимоубитый Красицкий, сбились с дороги; один из цыган находит избу, и все решаются переночевать в ней; Красицкий остается один с своею тоскою: он уже знает, что Юлия выходит за пана Твердовского; Гикша (цыган), более других к нему привязанный, приходит звать его обогреться, но Красицкий отказывается; Гикша приступает к нему с вопросами и узнает его историю. Читатели ее отгадывают. Красицкий влюблен в Юлию, он беден, искал счастья на войне с турками и три года не возвращался на родину. Богатый только одними ранами за отечество, не зная, куда приклонить голову, он пристал к шайке бродящих цыган: их беспокойная, разнообразная, кочевая жизнь ему полюбилась, и с ними-то пришел он на родину. После этого рассказа Гикша слышит шум и видит огонек; напрасно

уговаривая Красицкого спрятаться, он оставляет его одного.[18]

Является Твердовский с слугою: Красицкий изумляется, услыша его имя (слугою произнесенное), и прячется за деревья. Твердовский, узнав из каббалистических книг, что в древней гробнице (которая на сцене) покоится великий мудрец и чародей, скрывший с собою в могилу сосуд (с чем-то волшебным), посредством которого можно вызвать и покорить своей власти повелителя духов, пришел это исполнить. Он вызывает тень мудреца, и, несмотря на грозное условие, что если вызыватель мощного духа оробеет, то соделается сам рабом и жертвою его, Твердовский берет сосуд и с торжеством уходит; но Красицкий все слышал и видел, он летит погибнуть или спасти Юлию от мужа-колдуна. Театр перемещается и представляет готическую комнату в замке Твердовского; будущий тесть его и невеста, им приглашенные, давно ждут хозяина; наконец, он является; рассказывает, что во время грозы сбился с дороги, и спешит отправить своих гостей домой: у него другое на уме. Прощальный финал прекрасно изобра-

жает какое-то страшное нетерпение, волнуящее душу Твердовского. Театр переменяется и представляет подземелье, по сторонам которого стоят рядами гробницы; жертвенник, жаровня и лампада показывают, что это, вероятно фамильное, кладбище служит местом волшебных упражнений Твердовского. Мелодрама. Он выливает или высыпает из сосуда что-то на жертвенник и приказывает повелителю духов явиться в прелестном виде эфирного существа; он является истинно таким, но огненная стена и своды, хор невидимых духов смутили немного Твердовского; раздаются подземные громы, земля колеблется под его ногами, наконец, гробницы открываются, тени усопших встают, и Твердовский испугался... Прелестный гений исчезает, и страшилище является со свитком в руке, на котором написано: *ты погиб*... «Я погиб», – восклицает Твердовский и падает без чувств... Занавес опускается. Действие второе: театр представляет дикое местоположение, дерево с плодами, из скалы бежит ключ воды; цыганы расположились тут табором, они поют и пляшут; собираются к Твердовскому на свадьбу и

рассказывают слухи про его колдовство; приходит Красицкий в большом волнении, уговаривает Гикшу помогать своему намерению и уводит с собою, обещая дорогой все рассказать. Цыганы опять начинают веселиться, злой дух, или страшилище, появляется на скале, бросает камнями на сцену, сламывает сосну и, наконец, кидает целый отломок скалы; цыганы в ужасе убегают. Приходит Твердовский; он в отчаянии (как он туда зашел?); дух всюду его преследует, везде является пред его глазами; иссушает ручей, плодovitое дерево превращает в сухой пень и сам из него показывается. Приходят слуги Твердовского: они долго ждали его и, наконец, пошли отыскивать; пора идти к невесте. Твердовский оживает мыслию, что добродетельная супруга может подвигнуть небо к милосердию, и спешит к брачному торжеству. Театр переменяется и представляет веселое местоположение; дом Болеславского, несколько хижин и в глубине театра озеро с каменною плотиною. Мария, подруга Юлии, с молодыми поселянками убирает цветами дом невесты. Являются Красицкий и Гикша; они

хотят как-нибудь увидеть Юлию, наконец она приходит, и сердце ее как будто предчувствует присутствие милого; по просьбе Марии она поет любимый романс свой, кроме последнего куплета, говоря, что его сочинил Красицкий и что никто в мире его не услышит и не будет петь, как вдруг сам Красицкий, спрятавшийся за углом дома, поет свой куплет (это производит приятное впечатление на зрителей). Юлия в изумлении, Красицкий хочет броситься к ногам ее, но приходит Болеславский и Красицкий опять прячется. Юлия уходит скрыть свое смущение и радость; Красицкий с Гикшей показываются; Болеславский, увидев цыган, приглашает их повеселить гостей на свадьбе, и Гикша, чтоб показать свое искусство, поет балладу и под именем боярина Ратибора описывает Твердовского, а под именем отца, выдающего дочь за колдуна, — самого Болеславского; с намерением прерывает пение баллады, а на вопросы, что это значит, сам Красицкий объясняет загадку и рассказывает свое имя; [19] старая ненависть Болеславского воспламеняется, он бросается с саблею на Красицкого, но его удерживают.

Приходит Твердовский и узнает все дело; Красицкий вызывает его на смертный бой, но его обезоруживают и уводят в темницу. Гикша убегает, Болеславский почти силою подводит дочь к Твердовскому, чтоб она подала ему руку, но страшилище является между ними; его никто не видит, кроме Твердовского, который в отчаянии уходит. Болеславский в сомнении удаляется с дочерью домой; злой дух начинает проказить: является на каменной плотине озера, разрывает ее, вода хлынула, затопляет всю сцену, подмывает и разрушает хижины... Занавес опускается. В третьем действии театр представляет наружную часть замка Твердовского; в одной из башен заключен Красицкий; лунная ночь. Гикша с толпою цыган приходит спасти Красицкого. По заунывному его пению (делать нечего, в опере поют, когда автору хочется) узнают, в которой он башне, приставляют лестницу, перепиливают железную решетку окна, освобождают Красицкого и уводят. Театр переменяется, представляет прорванную плотину,[20] которую чинят; через воду лежат доски. Крестьяне разговаривают про разные беды – проказы злого <духа>.

Приходит Красицкий с Гикшею: первого любовь опять влечет к Юлии; забывая опасность, он хочет проститься или еще раз взглянуть на нее. Двери дома Болеславского открываются, и Красицкий с Гикшею прячутся; выходит Мария с Юлиею; Красицкий хочет броситься к ногам ее, но отец опять является, и несчастный любовник опять прячется.[21]

Болеславский начинает подозревать Твердовского и, несмотря на просьбы дочери и ночное время, идет в замок, чтоб изъясниться с ним откровенно. Едва он ступил на доски, через прорыв плотины лежащие, является злой дух, машет рукою, доски подламываются и Болеславский летит в воду. Дочь падает в обморок. Красицкий все это видел; он бросается в воду и спасает Болеславского, в котором чувство благодарности заглушает старинную ненависть. Красицкий не говорит о себе, умоляет об одном: не отдавать Юлии за колдуна Твердовского. Отец приглашает своего избавителя к себе в дом, и все уходят. Театр переменяется: готическая комната в замке Твердовского. Он торжествует; злой дух, зная еще возможность раскаяния, обманул его

ложною покорностью. Уже он исполняет все его мысли и является ему в виде прелестного гения. Приходит старый конюший Твердовского, умоляет его, чтоб он послушался какого-то пустынного и заслужил прощение неба чистосердечным раскаянием. Твердовский отсылает старика с словами: «Я знаю, что делать!», но внутренне колеблется; наконец, жажда волшебного могущества превозмогает, и роковое нет вылетает... Мгновенно стол с плодами превращается в гробницу Твердовского, и злой дух в прежнем виде страшилища является со свитком, на котором написано: «Твой час, Твердовский, наступил». Невидимый хор поет сии слова... Но Твердовский решается погибнуть со славою, повелевает стихиям потрясти землю, призывает с небес *пламя*, хочет умереть на развалинах своего замка *повелителем злого духа*. [22] Заклинания его действуют: замок горит, земля колеблется и Твердовский спешит исполнить свое намерение. Театр переменяется и представляет горящий замок над озером, в котором отражается зарево; все действующие лица выбегают на сцену и с ужасом видят казнь небес-

ную. Удар грома разрушает башню, злой дух показывается на воздухе с Твердовским, бросает его в озеро, и – пламя потухает, мир и тишина водворяются. Болеславский выдает Юлию... Нужно ли досказывать за кого?.. Финал утешительными звуками заключает оперу.[23]

Вот содержание пьесы; мы заметили некоторые несообразности его; вообще, по нашему мнению, оно очень мало развернуто, особенно в отношении к характерам действующих лиц, а потому они и не возбуждают сильного участия: это очерки характеров. Много в пьесе кажется даже непонятным, единственно потому, что зрители не могут расслушать слов пения и не знают, что написано *в прописях*; а там-то и находится связь пьесы и объяснения поступков действующих лиц. Впрочем, ход очень естествен, многие положения прекрасны, и некоторые арии написаны хорошими стихами.

Не будучи музыкантом, нельзя сметь определить с надлежащим отчетом истинную сте-

пень достоинства музыкальной поэмы; но если музыка должна быть языком души; если назначение ее не одни уши, а сердце; если точное выражение чувств и положения действующих лиц составляют высокое достоинство музыкального произведения, то музыка г. Верстовского – превосходна! Опытные знатоки и беспристрастные артисты согласны с нашим мнением. Увертюра показалась нам мастерским произведением; все мотивы оперы прекрасно отзывались в ней и составляли целую музыкальную мысль. Оба антракты прелестны: первый затрогивал сердце живыми звуками веселой, беззаботной жизни цыган, а второй выражал бурное волнение и, наконец, отчаяние души Твердовского. Отличными номерами мы считаем: арию Твердовского в втором действии, где он колеблется, потом заклинание и финал; цыганскую песню, балладу, романс, который допеваает Красицкий, дуэт Твердовского с Юлией и все хоры. Инструментовка вообще превосходна.

Должно отдать справедливость: спектакль был дан очень хорошо. Декорации прекрасны, а особливо работы г. Брауна; оркестр вы-

полнял свое дело мастерски; костюмы отличные, одни – богатством, другие – вкусом. Машины, в том положении, как они есть при Московском театре, действовали на этот раз очень удачно,[24] пожар потух превосходно. Заметим, что отца Юлии можно было одеть и беднее, но опрятнее: платье на нем казалось очень поношенным; что цыганы, а особливо цыганки, были костюмированы слишком близко с обыкновенными нынешними театральными цыганами; что злой дух или страшилище был не страшен и походил на святочного пугалу; чтоб привести в трепет смелого и решительного Твердовского, надобно было изобрести что-нибудь гораздо ужаснее; что после чистой перемены из готической комнаты в подземелье с гробами сих последних не надобно было выдвигать (это вредит будущему эффекту), а должно поставить их заранее (и в большем числе) за заднюю занавесью, которую для этого можно на одну кулису подвинуть вперед; что раскаленной или огненной стены почти никто не приметил; что кудрявые, полупрозрачные тени, или мертвецы, не отвечали своему назначению:

не были ужасны и не походили на мертвецов, тут надобно употребить настоящих *будущих мертвецов*; что сосна повисла и после сама встала, а лучше бы, кажется, вырвать ее и с корнем бросить в средину веселящихся цыган; что камешки и отломки скалы были ни на что не похожи и очень смешны; что к полному очарованию наводнения недоставало, чтоб плотина не открывалась прежде воды; доски стукнули, и все очарование пропало, и это неестественно: озеро волнуется, выходит из берегов и должно вместе с вырванной частью плотины, затопляя ее, хлынуть на сцену; что ключ настоящей воды был не приметен и досаждал своим журчаньем. На театре, где все обман, и вода истинная не годится. Лучше бы сделать искусственный каскад в большом виде и поставить его гораздо далее. – Вот все, что можно было заметить самому строгому зрителю.

Очень редко можно найти артиста, соединяющего искусного актера с отличным оперным певцом, а потому не должно слишком строго судить игру их. Мы не будем говорить об игре гг. актеров в этой пьесе, оставляя это

до будущих спектаклей, значительнейших в отношении действия. Мы ограничимся на этот раз общим замечанием, что не довольно одних дарований для достижения имени отличного артиста: надобно учиться и трудиться.

Мая 29 дня, 1828 года.

Нечто об игре г-на Щепкина*

По поводу замечаний «Северной пчелы»

В 64-м и 65-м №№ «Северной пчелы» напечатаны суждения об игре г. Щепкина в «Эзопе» и «Чванстве Транжирина». Любовь к истине заставляет нас сказать, что они совершенно несправедливы: или пристрастие к гг. актерам, занимающим эти роли в Петербурге, или неведение театрального искусства внушили сочинителю такие приговоры. Он говорит, что г. Щепкин не удовлетворил ожиданию публики; что главное достоинство роли Эзопа состоит в искусном чтении басен, чего он не выполнил, и что г. Брянский в этой ро-

ли лучше г. Щепкина. Напротив, последний играет Эзопа с отличным успехом, и сочинитель ошибается, почитая все достоинство игры этой роли в искусном чтении басен. 1) Чтение на театре нестерпимо, а надобно говорить, рассказывать басни, и Щепкин исполняет это прекрасно. 2) Надобно дать характер Эзопу, и в этом-то Щепкин берет решительное преимущество пред г. Брянским. Мы искренно уважаем этого почтенного и полезного артиста, но всегда скажем, что у него характер Эзопа холоден, бесцветен, тогда как у Щепкина он выражен мастерски. Любовь к свободе, любовь к добродетели и человечеству, вырывающиеся в немногих словах и прямо от сердца у раба-сатирика, выражаются Щепкиным превосходно. Какою душевною теплотою согревает он весь характер Эзопа! Приговор самой пиесе также несправедлив (ее называют дурною и говорят даже, что в ней нет разговора). Не защищая интриги этого водевиля, можно ли не отдать справедливости отделке характеров и еще более искусству разговора? – Последнее составляет главное достоинство пиесы, и в этом отношении

она заслуживает особенное внимание. Суждения об игре г. Щепкина в «Транжирине» еще страннее. В 65-м № «Северной пчелы» напечатано: *«Артист сей (Щепкин) был, кажется, не на своем месте. Мы в нем видели не помешавшегося на знати Транжирина, который дурачится от глупости, сам того не понимая, но человека, делающего глупости с умыслом, по расчету. Жесты, движения, мимика г. Щепкина были не транжиринские; у нас в сей роли неподражаем г. Бобров».* Даже смешно защищать игру г. Щепкина в этой роле; он играет ее, предпочтительно пред другими, с таким совершенством, выше которого ничего и придумать нельзя. Предпочитать г. Боброва г. Щепкину в «Транжирине» – значит, с позволения доложить, вовсе не знать театрального искусства. Г-н Бобров артист хороший, почтенный и некоторые роли игрывал прекрасно, но без сравнения с г. Щепкиным. Ему мог быть несколько соперником в этой роли покойный старик Рыкалов, это правда; но и тот в целом характере гораздо был ниже его. В доказательство нашего мнения насчет малого познания театрального искусства сочинителя

статей, в «Северной пчеле» напечатанных, довольно привести собственные слова его, что г. Щепкин должен играть благородных отцов и что это его настоящие роли.

Кстати поговорить теперь с сердечным сокрушением о том, как равнодушен у нас так называемый лучший круг публики к отечественному театру, как редко в нем бывают, а потому и мало знают. Например, талант и искусство г. Щепкина, несмотря на славу, которою он пользуется, совсем не оценены. В его игре восхищаются чем? смешными местами и сильным огнем (иногда даже излишним). Не смотрят на то, что Щепкин творец характеров в своих ролях, что цельность их всегда предпочитает пустому блеску и что когда он молчит, тогда-то с большим искусством играет свое лицо. Припоминают себе, например, г. Колпакова, который одно слово в целой пиесе говаривал смешнее Щепкина, и определяют, что такой-то играл эту роль лучше. Есть добрые люди, которые говорят, что Щепкин все роли *на один манер* играет и что ему стоит только выучить слова; а Щепкин из Транжирина переходит в Данвиля (в «Уроке стари-

кам»). Не быть смешным в этой роле – есть уже торжество для Щепкина, а он в ней благороден, исполнен чувств, и только одно закоснелое предубеждение может видеть его и не восхищаться.[25] Щепкин – мученик каждой новой роли до тех пор, покуда трудами, а иногда и ночами, без сна проведенными, не постигнет и не выразит ее характера: разумеется, что мы говорим о ролях значительных. Конечно, г. Щепкин вредит современной славе своей, играя множество ролей;[26] но искусство выигрывает. Побеждение трудностей дело великое, оно облегчает путь другим; но кто замечает это?.. Приезжай бульварный фарсёр из Парижа – прощай Щепкин, бонтон наш на него и не взглянет. Хорошо, что наш артист об этом не заботится и что благородное стремление к возможному совершенству никогда его не оставляет; но сколько дарований и начинаний благонадежных молодых людей погибли единственно оттого, что не были замечены и отличены публикой; итак, кто виноват, что таланты наши останавливаются обыкновенно на первых ступенях искусства?

Да не подумают почтенные читатели, что

пристрастие водит пером нашим: со временем они услышат, какую горькую правду станем мы говорить при разборе игры гг. Щепкина, Мочалова и других. Благонамеренными замечаниями, хотя бы они были строги, даже иногда несправедливы, никому оскорбляться не должно; тем менее людям с истинными дарованиями. Мы можем ошибаться, но никакие отношения не будут управлять нашими мнениями; мы можем ошибаться, но будем говорить искренно, и насмешки, ничтожное оружие по большей части неправой стороны, нами никогда употребляемы не будут.

1828 года. Июня 7 дня.

«Пан Твердовский»*

Волшебная опера в трех действиях, сочинение М. Н. Загоскина, новая музыка А. Н. Верстовского

10 июня, 1828 года.

Г-н Лавров играл роль Твердовского без искусства, но местами недурно. Пел очень хорошо, особливо первую арию. Мы с большим удовольствием заметили, что в этой опере у него слова в пении были слышнее. Должно сделать общее замечание г. Лаврову, что он на театре дурно себя держит: все его телодвижения неловки, неприятны, неблагородны. Мы не сказали бы этой правды какому-нибудь старому актеру, в котором дурные привычки или несчастная метода напыщенной декламации сделалась второю натурою (зачем огорчать людей без пользы?); но г. Лаврову скажем смело, за долг считаем сказать, что ему грешно остаться неблагодарным за щедрые дары, природою на него излиянныя. Превосходный орган, сильная грудь, прекрасная

наружность, чувство и огонь (хотя последними пользоваться он не приобрел еще искусства) призывают его на степень отличного артиста даже независимо от пения. Труды, ученье, размышление, *хорошее общество*, советы людей образованных, которым, однако, не должно верить слепо, — вот истинные средства достигнуть славной цели и даже — не умереть в потомстве.

Мы не будем говорить об игре г. Булахова. Скажем единожды навсегда, что мы удивляемся, для чего сей артист, имея прелестный голос, зная так хорошо музыку, не старается хотя сколько-нибудь *одушевлять* своего пения? Мы заметили, что в роли Красицкого и пение его далеко не достигало обыкновенного своего достоинства. Не понимаем причины.

Г-н Бантышев в роли Гикши порадовал нас. Для начинающего артиста он играл довольно хорошо, кроме излишества телодвижений (весьма ошибаются, считая их приличными этой роли) и недостатка огня, особливо в цыганской песне. С его приятным голосом и наружностью каких успехов не может он обе-

щать себе? Условия те же: не считать искусства за ремесло, любить, уважать его, трудиться и учиться.

Г-н Воеводин в роли Болеславского, впрочем ничтожной, играл – как он обыкновенно играет. Сей заслуженный артист *имел* свое достоинство и очень хорошо знает музыку. Времена переходчивы; чем восхищались назад тому десять лет, то ныне почитается дурным. Он не виноват, что образовал себя по старинной, неестественной методе, когда о другой еще не имели понятия.

Г-жа Репина, которую мы так часто и, несмотря на то, всегда с удовольствием видим на сцене, пела не сильно, но приятно и верно. Играть было почти нечего. При первой значительнейшей роли мы, отдавая должную справедливость ее таланту, сделаем верный разбор ее игры.

Остальные лица в пьесе совершенно ничтожны и не заслуживают внимания. Мы поговорим об артистах, занимавших оные, тогда, как они будут играть важнейшие роли.

«Отелло, или Венецианский мавр»*

Т*рагедия в пяти действиях*

17 июня, 1828 года.

Мы не станем излагать содержания пиесы, всем известной; она уже двадцать лет играет на театрах обеих столиц с большим успехом и нередко. Приступая к разбору игры действующих лиц, предварительно только скажем, что пиеса и особенно характер Отеллы обезображены: сначала г. Дюсисом, а потом русским переводчиком, который придал еще пиесе напыщенный слог, всего менее ей приличный; ибо Шекспир не придворный декламатор и писал не по классическим рамкам французских трагедий. Из этого следует, что сыграть трагедию «Отелло», как она есть, на русской сцене с желаемым совершенством — невозможно.

Роль Отеллы, пламенного, ревнивого до бешенства африканца, г. Мочалов играл прекрасно; характер в целом был выражен верно; нет сомнения, что, обладая сильнейшими

физическими средствами, он мог бы выполнить его превосходнее; но от г. Мочалова зависит, чтобы мы никогда об этом не вспоминали. Мы видели в этой роли всех лучших русских актеров: гг. Яковлева, Мочалова (отца) и г. Брянского. Г-н Яковлев торжествовал в Отелле, и – не совсем справедливо, несмотря на его превосходные средства для выполнения этой роли в совершенстве. Довольно сказать, что он ее *декламировал с напевом* и некоторые черты характера неверно понимал.[27] Впрочем, ярость, бешенство он выражал несравненно. Г-н Мочалов (отец), уступая ему в целом, имел счастливейшие минуты в переходах от бешенства к глубокому чувству нежности и страстной любви. Г-н Брянский играет эту роль вообще ровнее, благороднее, или, лучше сказать, пристойнее обоих; но что за Отелло, у которого не кипит в жилах кровь, не льется пламя знойных степей африканских?

По нашему мнению, отлично были выражены г. Мочаловым следующие места: в первом действии защитительные ответы Отеллы в сенате. С каким благородством, достоин-

ством и скромностию сказал он: «Вспомни, что ненавидимый тобою мавр спас твое отечество», и потом с каким простосердечием произнес он: «Вот средства, вот опасное искусство, коими любовь обоих нас прельстила». Во втором действии Пезарро говорит: «Но для вельмож сих ты не что иное, как простой выслужившийся воин». Отелло возражает: «Простой выслужившийся воин! Дерзкое название сие обязывает их по крайней мере ко мне благодарностию. Так! благодаря их презрению, поддерживаемый самим собою, я достоин названия воина, вышедшего заслугами. Все сии вельможи, утвердив между собою законами права рождения, не совсем безрассудно поступили. Будучи одним знатным происхождением важны в свете, оно в глазах их все в себе заключает. Что бы осталось им, если б они не имели предков! А я, сын знойной степи, сын природы, обязанный всем самому себе и ничем гнусному обману, я шествую в мире без страха, без угрызения совести, во всей своей силе, во всей своей свободе». С какою благородною гордостью сказал г. Мочалов этот монолог, какая мимоходом сверкнула

колкая насмешка в словах: *не совсем безрас- судно поступили!* Последние строки возбуди- ли в душе зрителей удивление к великому че- ловеку – всем одному себе обязанному! Так же превосходно сказал он, при описании Пе- зарры действий ревности: «О, бедственное со- стояние!» Это был стон, вырвавшийся из серд- ца, предчувствующего, какою мукою ревно- сти будет оно терзаться. В четвертом дей- ствии вопли его еще за сценою: «Измена, ад- ский умысел!» показали нам, каким гневом кипит Отелло. Слова: «Нет, Пезарро, нет; она невинна, она непричастна злодейству. Мож- но ли ее винить за то, что она прелестна» и пр. были сказаны с такою истиною, верно- стью, что можно было подумать: *слава богу. Отелло образумился.* С глубоким, ужасным и холодным отчаянием произнес он: «Друг мой! минуты для меня драгоценны: я люблю рес- публику» и пр. Сердце замирало от страха, ко- гда Отелло, говоря с притворною холодно- стью, вдруг предался всей ярости своей: «В крови, столь гнусной, в крови, столь для меня ненавистной, я хочу видеть обоих их погру- женными» и проч., но вторичный переход в

бешенство, в том же монологе, после некоторого успокоения, который никем, никогда не выполнялся: «Но нет, чувствую, что моя злоба, выходя из пределов, возбуждает меня ко мщению. Иду напиться кровию лютейшего врага моего...» – был выполнен удивительно и показал нам неистощимый огонь артиста. Сожаление о Брабанцио было выражено с глубоким чувством: «Брабанцио, добродетельный старец» и проч. Душа возмущалась, когда говорил Отелло: «О, почто оставил я знойные степи, почто не умер неизвестным на берегах африканских». И потом: «Друг мой! ветры, носясь с яростию над главами нашими, предвещают бурю; вой свирепых тигров, как бы предостерегая, в лесах раздаётся; а женщина, с спокойным вероломством лаская нас, поражает кинжалом!» В пятом действии, когда на слова Эдельмоны: «Отелло, сколько ты переменился», – он отвечает: «Еще, если б угодно было богу испытать меня несчастиями; еще, когда бы он поразил обнаженную главу мою всякого рода бедствиями, унижениями; когда бы он повергнул меня во все горести нищеты; когда заключил бы меня в узы и разру-

шил все мои надежды, я бы нашел в удрученной душе моей несколько терпения. Но сделать меня предметом общего посмеяния; видеть себя столь жестоко оскорбленным, и от кого? – от женщины, в которой полагал я все мое блаженство» и проч. В этом монологе слова: «Я бы нашел в удрученной душе моей несколько терпения» – были превосходно произнесены: мы живо почувствовали всю силу характера, которую показал бы этот человек в несчастиях другого рода! Но в четвертом действии, в двух местах, г. Мочалов превзошел все наши ожидания, превзошел самого себя; это было торжество *одного* таланта. Никакое искусство не может достигнуть такой степени совершенства, с каким он сказал по прочтении письма: «О, вероломство!..» Из глубины души растерзанной, убитой вырвались эти звуки, слабо произнесенные, но всем слышные и потрясающие сердца. Слова же: «О, крови, крови жажду я!» были произнесены в неистовстве самим Отеллою.[28]

Теперь заметим места, которые показались нам слабо или неверно выраженными. Во втором акте: «Ах! вспылчивость Брабан-

цио приводит меня в трепет...» было произнесено с излишним жаром и криком; также и небольшой монолог: «Как! чтобы я был ревнив! чтоб я поработил себя гнусному сему чувству! чтоб я стал влачить адскую жизнь горестного сего состояния!» и проч. Если б выражение, данное г. Мочаловым, было верно, как мог бы Пезарро отвечать: «Как я рад, узнав истинные твои мысли. Теперь я могу показать свободнее совершенную мою к тебе привязанность и открыть тебе, что мой долг велит». Начало четвертого акта (кроме восклицания: измена! адский умысел!) показалось нам несколько слабо.[29]

Слова: «Обмани меня, но возврати мне прежнее мое блаженство!» были холодно произнесены; а слова: «Но, может быть, она сняла ее (повязку) без всяких причин, из прихоти, приличной ее полу...» были сказаны слишком разговорно, даже близко к комическому тону. После слов раскаяния: «А я собой гнушаюсь...» не надобно становиться с такою важностию на колени, как делал это г. Брянский; но едва ли не падает Отелло к ногам Эдельмоны и у Шекспира; если и нет, то пере-

ход: «Вот грудь моя, рази, рази ее» надобно отличить явственнее, с большею чувствительностью, с противоположностью прежнему бешенству: в Отелле и раскаяние должно быть чрезмерно. В пятом акте слова: «О, будь еще невинна, будь невинна!» были сказаны с жаром и силою, также без оттенка перехода и без глубокого чувства нежности. Впрочем, это дело сценическое; мы слышали сии выражения лучше сказанные г. же Мочаловым.[30]

Натуральность игры г. Мочалова казалась иногда впадающею в излишнюю простоту (тривиальность); но причиною сему, нам кажется, напыщенный тон других действующих лиц и слог перевода, дико и неприятно отличавшийся какою-то надутостию от простоты его игры; к тому же, когда все декламируют по нотам, странно слышать одного говорящего по-человечески. От излишних криков г. Мочалов удерживался, что в этой роли чрезвычайно трудно. Хотя с сожалением, но мы должны заметить дурные привычки г. Мочалова, как-то: ходить раскачиваясь, сгибаться, пожимать часто плечами, не удерживаться на одном месте в порывах страстей и хлопать

ладонями по бедрам. Чем выше дарование, тем сильнее желание видеть его в полном блеске, и ему ли не победить таких ничтожных недостатков? Безделица иногда разрушает очарование; презренная паутина мешает видеть солнце. Благородство во всех движениях есть неотъемлемое свойство лиц, им представляемых.

Г-н Третьяков, артист с истинным дарованием и, как нам известно, любящий свое искусство, в роли Пезарры был гораздо ниже своего таланта: он выражал характер неверно и увлекался общим духом декламации. Пезарро не громкими восклицаниями, не жаром выражений растравляет ревность в Отелле, но насмешливым тоном, холодностью – потому-то Отелло ему и верит. Ему приличнее всех была простота обыкновенного разговора.

Истина заставляет нас сказать, что все прочие артисты играли очень дурно. Напыщенное методическое чтение по каким-то однообразным нотам, мертвая холодность, отсутствие всякого искусства составляли характеристику игры их. Под сей несчастной методой даже нельзя узнать, имеет ли кто дарова-

ние, или нет: она, как смерть, равняет всех и потому убийственна для таланта. Должно, впрочем, сказать правду, что г-да актеры и актрисы, которых мы так строго осуждаем, лет пятнадцать тому назад считались бы хорошими артистами, но теперь в трагедиях, верно, не понравились бы образованной публике ни Лапин, ни Плавильщиков, ни Шушерин, ни Дмитревский: все они (прошу заметить – только в трагедиях) не говорили, а читали, декламировали нараспев. Итак, единый способ – обратиться к натуре, истине, простоте; изучить и искусство представлять на театре людей не на ходулях, а в настоящем их виде.

Июня 19 дня.

Опера «Пан Твердовский» и «Пять лет в два часа, или Как дороги утки»*

Опера-водевиль в двух действиях

Июля 3 дня.

Об опере «Пан Твердовский» мы уже сказали наше мнение во всех отношениях. К сожалению, мы должны прибавить, что время не улучшает ее исполнения. Музыку мы слушали с новым и живейшим удовольствием. Соглашаемся, однако, что превосходный хор при появлении гробницы Твердовского кажется *неуместным*, особенно потому, что хор поет: «Небес свершилось повеленье», а черт держит надпись: «Твой час, Твердовский, наступил». Можно ли действовать заодно небесам и аду? В этот раз г. Бантышев поменее употреблял телодвижений, и приметно, что он старается победить важный порок методы своего пения: невнятное произношение слов. Прочее все шло по-старому, кроме того, что из прежнего святочного пугалы черт превратился в блестящего, розового щеголя; это весьма

странно противоречило словам: «Адское чудовище, страшилище, мертвящий твой взгляд» и проч.

С большим удовольствием смотрели мы водевиль «Пять лет в два часа, или Как дороги утки», переделанный с французского незабвенным А. И. Писаревым; это одно из последних его произведений и доказывает, как овладел было он языком разговорным. Какая легкая острота, непринужденная игра слов! Без всякой натяжки или работы! И на французском языке *так* написанный водевиль заслужил бы похвалы, а на русском это подвиг немаловажный в отношении к слогу. Друзья его смеялись сквозь слезы. – Вот содержание водевиля.

Тони, молодой рыбак и простак, любит Фанни (и любим ею), дочь лесничего Бертрама, который соглашается на их свадьбу с условием, если Тони достанет пятьдесят гиней. Но где их взять бедняку, которому все не удается? Он поет:

*Лошадьми, водой, парами,
Сеют, жнут, куют, прядут;
Скоро думать – не умами,*

А машинами начнут.

*Все колеса да пружины!
Только знай их заводить...
А не вздумают машины,
Чтоб работников кормить.*

Фанни придумала и посылает своего любезного к крестному отцу попросить пятьдесят гиней. Во время его отсутствия приходит брат лесничего Бертрама, Джон Пудинг, пирожник; он сбирал свои пирожные долги в их околотке и остается на свадьбу племянницы. Прибегает Дик (молодой рыбак, весельчак и проказник, товарищ простосердечного Тони) и приносит от мирного судьи выписку из газет, в которых напечатано: «Знаменитый разбойник Робинсон остановил вчера одного путешественника и предложил ему купить утку за двести гиней; пистолет, приставленный к груди путешественника, принудил его согласиться на покупку». Слушатели поражены такою новою отраслью торговли, а особливо дядя Пудинг, который от природы трус и собирает деньги. Все расходятся по своим делам и просят Дика сказать Тони, когда он возвра-

тится, что невестино семейство ждет его ужинать. Дик остается один, смеется, вспоминая свои проказы над простодушным Тони, и поет:

*Он всех своим аршином мерит
И верить всякому готов:
Судейским обещаньям верит
И предписаньям докторов;*

*Он верит женским увереньям,
Он верит нашим домовым,
Купцам, журнальным объяв-
леньям
И даже актам долговым.*

Тони возвращается в горе и жалуется на своего крестного. Дик спрашивает его: «Что ж? разве он отказал?»

Тони

То-то и беда, что ничего не отказал, решительно ничего.

Дик

Что за вздор ты несешь?

Тони

Я ничего не несу: видишь, вернулся с пу-

стыми руками. Моего крестного утраздило вчера скончаться, и он мне ничего не отказал.

Дику, по старой привычке, пришла охота посмеяться над бедным Тони: он уверил его, что утки чрезвычайно поднялись в цене, что за одну платят по двести гиней. Тони поверил и бежит домой за утками, которых у него, по счастью, две. Дик, смеясь, уходит. В самое это время Пудинг возвращается к брату; ночное время и шестьдесят гиней в кармане заставляют его крепко трусить. Между тем проворный на этот раз Тони, посадя лучшую свою утку в клетку, выбегает на дорогу и сталкивается с Пудингом (они друг друга никогда не видывали), который в самую ту минуту говорит: «Ну, если я наткнусь на молодца, который торгует утками?» Обрадованный Тони сейчас предлагает ему купить утку; естественно, Пудинг принимает его за Робинсона, из чего выходит презабавная сцена. Заплатя шестьдесят гиней, Пудинг бежит прямо к судье. Тони в восхищении мечтает о будущем своем житье-бытье, как вдруг видит команду

лесничего, которая уже ищет разбойника, ограбившего Пудинга, и хочет его немедленно повесить. Тони узнает свою ошибку; страх заставляет его бежать куда глаза глядят; он оставляет прощальное письмо к Бертраму и Фанни. Все огорчены, получив его, и намереваются отыскивать Тони. Так кончается первое действие, происходившее в Англии, около Дувра. Второе действие начинается через пять лет, в Париже. Рыбак Тони уже банкир Петерсон. Он спас жизнь богатому купцу, который усыновил его и умер, оставя ему в наследство все свое имение: у г. Петерсона уже великолепный дом, услуга и управитель Глюкман; он, по совету других, думает жениться, хотя помнит и любит свою Фанни; для будущей супруги приказывает нанять горничную, которая и приходит. Эта горничная – его милая Фанни! Отец ее лишился места, дядя обанкрутился, и все они переехали жить в Париж, где Пудинг опять печет свои пироги. Любовники в восхищении; посылают карету за своими родными; но каково положение Пудинга, когда он, заглянувши в контору банкира Петерсона, видит *своего разбой-*

ника, считающего деньги. Он сообщает это открытие Бертраму. Посылают за полицией и хотят открыть хозяину, что у него в доме скрывается вор. Петерсон приходит; он еще незнаком с Пудингом, который подходит к нему с распростертыми объятиями и видит, о ужас, опять *своего разбойника!*.. Сцена очень смешная. Натурально, дело все объясняется. Пудингу за шестьдесят гиней дают две тысячи, и он с важностью говорит: «Видно, утка вывела утят». Полицию отсылают; мир, веселье и свадьба.

Вообще водевиль разыгран был прекрасно. О г. Щепкине нечего и говорить: мы видели в нем настоящего дядю Пудинга. Нельзя было не смеяться от души, когда ему в первом действии предложили купить утку, и когда он после уверял, что разбойник был великан с огромными усами и что он два раза сбивал его с ног; также и во втором действии, когда с распростертыми объятиями подошел он к будущему племяннику и узнал в нем *своего разбойника*. Г-н Щепкин даже в водевиле умел одушевить свой куплет, слабый в сравнении с целой пьесой,[31] и заставил рукоплескать

уже разъезжающуюся публику. Вот слова куплета:

*Правда, мужество, познаныя,
Без которых тяжело жить,
Разум, честность, дарованье,
Продолжайте говорить.*

*Лесть, неправда, предрассудки,
Страсть а невежестве дремать,
Страсть к чужому – хоть на сут-
ки
Не пора ли замолчать?*

Г-н Живокини играл Тони; он находился в затруднительном положении: эта роль была прилажена нарочно для г. Рязанцева, так сказать по мерке его таланта – он был любимец публики, – а г-ну Живокини, согласно с его средствами, надобно было играть совершенно другим образом. Он исполнил это прекрасно и во втором действии был даже лучше Рязанцева, который банкира играл уже ловким, светским человеком, а это неверно: простак Тони должен был выглядывать из банкира Петерсона, как это и выполнил г. Живокини. Ему не доставало натуры Рязанцева, примет-

но было искусство, но мы надеемся, что со временем он обработает эту роль превосходно. Этот молодой артист заслуживает особенное уважение по любви к своему искусству и с каждым днем оправдывает общие надежды; он уже побеждает свою привычку к фарсам, обратился к натуре, простоте и доставляет нам удовольствие своим разнообразием и оригинальностью.

Г-жа Репина в роли Фанни была очень хороша: невинное простодушие, радость при встрече с Тони, удовольствие быть знатной барыней, женская суетность к нарядам, желание повелевать и вместе робость были выражены ею прелестно. С каким милым простосердечием пропела она:

*Чтобы нам приманить в свой дом
Толпу друзей на всякий случай,
Получше повара найдем –
И повалят друзья к нам кучей.
Но в них немного барыша,
И лучше жить своей семьею...
Я молода и хороша:
Семья придет сама собою.*

Г-н Потанчиков роль старика Бертрама, для молодого актера, играл недурно.

Г-н П. Степанов в роли Глюкмана – был очень хорош. Хотя это не характер, а карикатура, но, играя ее с таким совершенством, он много обещает в будущем.

Г-н В. Степанов в роли Дика был весел, жив и развязен, он также подает о себе хорошую надежду; но мы, руководствуясь одною благонамеренностью, заметим ему, что в нем приметны какая-то выученная ловкость, а иногда фальшивый жар; мы опасаемся, чтоб он не потерял природного огня и натуральности.

А. И. Писарев не видел представления этого водевиля: он уже носил в груди своей близкую смерть. С большим усилием, за несколько дней до представления, выслушал он в своей комнате, сидя в постели, репетицию пьесы. Его тяжелой болезни должно приписать, что г. Рязанцев не выполнил своей роли с полным успехом. Этот молодой актер, одаренный прекрасным талантом и, к общему сожалению публики, похищенный у Москвы Петербургом, большею частью своих успехов обязан покойному Писареву. Он не только

указал ему истинный способ игры, но именно для него обрабатывал характеры в своих пьесах.

1828 года, июля 6 дня.

«Пожарский» и «Король и пастух»*

«Пожарский»
*Трагедия в трех действиях, в стихах,
и водевиль*

«Король и пастух»

В одном действии с дивертисманом

Июля 22.

Трагедия «Пожарский» г. Крюковского слишком известна всем; давно уже оценено литературное ее достоинство. Несмотря на слабость драматического действия, никогда не ослабеют ее права – двигать душою зрителя. Имена Пожарского, Минина – героев бессмертных, самобытных, народных – всегда будут воспламенять нас восторгом. Доколе будет существовать великое царство Русское, доколе, при гласе Пожарского: «К Москве!..»

станут трепетать сердца истинно русские.

Разбирая представление трагедии «Отелло», мы осуждали напыщенность и декламацию гг. артистов; хотя они в «Пожарском» подвергаются, по-видимому, тому же упреку, но трагедия сия, в духе школы французской написанная, сама есть декламация; играть ее с простотой обыкновенного разговора едва ли можно, и потому мы осуждаем только излишество декламации или недостаток искусства. Спектакль сей заслуживает особенное внимание не изяществом исполнения, но появлением двух новых артистов: г. Орлова в роли князя Пожарского и воспитанницы школы московского театра г-жи Степановой в роли Ольги. Дебютантов, выступающих в первый раз на публичную сцену, судить вообще трудно, а у нас и невозможно. Наши дебютанты, в обеих столицах, почти никогда не являются в настоящем своем виде – с своими природными недостатками и дарованием. Мы видим в них верные отголоски их учителей и по большей части дурные. Это не относится к г. Орлову, в котором мы не заметили особенного кому-нибудь подражания, но зато г-жа Сте-

панова служит очевидным и неприятным доказательством слов наших. Мы не можем ничего сказать об ее даровании; не знаем даже, есть ли оно, или нет, но скажем откровенно, что она продекламировала всю роль машинально, как будто выученную с голоса без всякого участия души. Она не произвела в нас никакой приятной надежды, хотя и была вызвана. Г-н Орлов обрадовал любителей трагедии прекрасными своими средствами: высокий рост, сильный, но не грубый орган, приятное лицо, довольно хорошее произношение, в самой неловкости приметное благородство – дают г. Орлову возможность достигнуть степени очень хорошего и полезного артиста. Надобно приобрести искусство, следовательно надобно много трудиться; как быть, его легко не достигают. Не должно ослепляться вызовами (г. Орлов был вызван): они происходят от разных побудительных причин и ничего у нас не значат. Зрители всегда снисходительны к дебютанту, а особливо с хорошими средствами, зато после они с сугубою строгостию будут требовать от него успехов. Кроме неопытности и незнания театрального

искусства, мы заметили недостаток огня в игре г. Орлова; если б он одушевлял свою роль, мы бы охотно ему простили другие погрешности. Сердечно желаем, чтоб этому причиною была одна робость, которой мы приписываем и неверность чтения в иных местах и которая была слишком заметна. Впрочем, от этого порока у нас скоро освобождаются. Желаем искренно ему успехов. Заметим вообще, что роль князя Пожарского требует везде сердечной теплоты и достоинства в исполнении: он горит любовью к отечеству, и в нем все подчиняется этому чувству; что ораторская декламация может быть употреблена только в обращениях к богу, к героям русской земли, к отечеству, к войскам, но все прочее, особливо прощание с супругою и сыном, должно быть выполнено совершенно другим образом. Тут не надобно ни чтения с напевом, ни слез, ни жалобной элегии... внутреннее чувство, супруг и отец едва приметны в великом человеке, который идет спасать отечество. Последний стих при прощании ясно это доказывает:

Прости, он при тебе не будет сиротою.

По нашему мнению, двойное обнимание с супругою и сыном пред разлукой, падающий меч из рук при встрече с ними и проч. – совершенно неприличны. Во всей трагедии есть одно только истинно драматическое место: когда Пожарскому доносят, что Заруцкий отступает, что семейство его поляки берут в плен и что неприятель угрожает сбить с тылу правое крыло войска. Оно было выполнено совершенно несогласно с ходом действия и природой, а потому и не произвело впечатления: начато было слишком сильно, в середине – растянуто,[32] и конец вышел слаб. С благородным жаром, но без волнения противных чувств, идет Пожарский на брань за отечество; весть о пропуске поляков и об опасности его семейства, составляющего для него все благо жизни, воспламеняет его мужество; он летит спасти жену и сына и потом ударить на врагов; но внезапное известие об измене и отступлении Заруцкого, о вылазке неприятеля, грозящего окружить правое крыло русских войск, производят уже в нем борение чувств, брань *страстей*...Любовь к отечеству торжествует, и в восклицании Пожарского: К

Москве!.. должно быть слышно это торжество.

Г-н Третьяков играл Минина, выборного от всея земли Русской, очень недурно; хотя эту роль должно играть несравненно простее других, но зато он одушевлял свою декламацию, он чувствовал в душе, что говорил, и производил чувства в зрителях.

Г-н Козловский в роли гетмана Заруцкого, напротив, – был очень дурен. Эта небольшая роль может быть сыграна с большим успехом и должна произвести сильное впечатление: она исполнена страсти; но г. Козловский продекламировал ее без всякого огня, даже читал неверно, не дал ей никакого характера; к тому же его странное, манерное, какое-то французское произношение русских слов до чрезвычайности неприятно. Мы советуем ему прежде всего исправить этот недостаток: чистое произношение – первое условие в актере, особливо в трагическом; а потом надобно ему обратиться к искусству выражать характеры. Он имеет хорошие средства.

Г-н Виноградский в роли есаула для многих был загадкою; кажется, он исполнял все, как надобно: читал верно, держал себя при-

лично, а решительно не производил никакого впечатления! По нашему мнению, отгадка состоит в том, что он не играл, а читал заученное, чужое, не по его средствам расположенное, и потому все выходило холодно и бесцветно – следствие все той же методы декламации.

Г-н Максин порядочно проговорил за начальника дружины русских воинов.

«Король и Пастух», водевиль, переведен с французского князем А. А. Шаховским, нашим первым драматическим писателем, который обогатил русскую сцену многими отличными произведениями, который почти один (как сочинитель) составляет жизнь нашей драматической словесности. Вот содержание водевиля: Фердинанд, король португальский, в день восшествия своего на престол приходит, переодевшись в простое платье, под именем Мендозы, вместе с своим министром дон Рамиром, назвавшимся Перещом, к содержателю трактира близ Лиссабона, Альварецу, у которого год тому назад они были в то же время и в том же виде и с которым

очень подружились. У этого трактирщика есть дочь, Ермозина, которую он хочет выдать замуж за пожилого придворного келлермейстера, дон Игнадора; но молодая девушка любит молодого пастуха Педро и, разумеется, любима им. Отец и другие деревенские жители считают этого пастуха сумасшедшим, потому что он всем рассказывает (и совершенную истину), как спас жизнь на охоте королю португальскому. Трактирщику пришла счастливая мысль в голову – доказать дочери, что Педро сумасшедший: он упросил гостя своего Мендозу *назваться королем*. Если пастух примет его за настоящего короля, то явно, что он сумасшедший. Выдумка была очень удачна, ибо пастух в самом деле сейчас узнал короля, и даже просьбы Ермозины не могли вывести его из мнимого заблуждения: это очень забавно и живо на сцене. Ермозина, в досаде на гостей, бежит рассказать все дело деревенскому алькаду, в надежде, что он разделается с самозванцами. Король также узнал своего избавителя; радуясь, что может сделать его счастливым, посылает с запискою во дворец, уверяя трактирщика, что отсылает Педро к доктору,

который его вылечит. Между тем приезжает и придворный келлермейстер праздновать свой стговор и привозит целую шлюпку столовых припасов и вин, разумеется с кухни и из погреба королевских. Посудите об ужасе дон Игнадора, когда он увидел самого Фердинанда! Дон Рамир тихонько приказывает ему надеть шляпу и не узнавать короля. Сцена очень смешная: дон Игнадор ни жив ни мертв; но делать нечего, садится за свой воровской обед и, дрожа как в лихорадке, терпит пытку от шуток Фердинанда, а вдобавок должен петь. Между тем по уведомлению Ермозины приходит алькад со стражею и хочет взять Мендозу под караул как самозванца; он объявляет свое настоящее имя, и в то же самое время является весь двор короля с пастухом Педро. Трактирщик с алькадом узнают истину. Фердинанд всех прощает, но вместо погреба отдает в смотрение дон Игнадору зверинец, заметив, что он не охотник до дичины, а Ермозину и погреб вручает счастливому Педро. Водевиль прелестный: умный и веселый; переведен прекрасно разговорным языком; некоторые куплеты забавны и остроум-

НЫ.

Г-н Щепкин играл превосходно роль трактирщика Альвареца. Какая живость, выразительность, мастерская отделка и отчетливость в самых мелочах! Как вполне был выражен характер! как одушевлял он куплеты и какая истинная натура! Обставь такими артистами целую пиесу, и тогда произведешь совершенное очарование.

Г-н Зубов, почтенный ветеран московской сцены, очень хорошо играл придворного келлермейстера; особенно трусость была в нем так натуральна, что зритель мог ошибиться.

Г-жа Лаврова играла роль пастуха Педро местами прекрасно. Искренно признаемся, что мы были поражены не степенью ее искусства, а решительным талантом. Какой голос! Сильный, приятный, исполненный души! Знатоки говорят, что она фальшила в пении; мы этого не заметили; а очень жаль, если это правда. Нам показалось, что и независимо от пения она могла бы быть прекрасною актрисою. За что такое дарование не достигает своей цели? За что артистка, которая могла бы быть украшением сцены, так мало занимает-

ся своим искусством? За что изящное превращать в простое ремесло? С сердечным прискорбием говорим слова сии, ибо г-жа Лаврова играет очень редко, а еще реже – достойна своего таланта.

Г-н Виноградский в роли короля был не совсем дурен; но эту роль надобно играть с большим искусством, свободнее, легче и с тонкою выразительностью.

Г-н Щепин, который обещает в себе хорошего резонера, судя по другим ролям, был нехорош в роли дон Рамира: она требует опытного и ловкого актера.

Г-жа Ветроцинская играла роль Ермозины... но для чего говорить бесполезную и неприятную истину? мы никогда не будем судить об ней как об актрисе; говорят, что она и пела так же. Последние три действующие лица охлаждали и растягивали ход водевиля, который должен был идти очень быстро. Кажется, король и министр нетвердо знали свои роли.

Водевиль окончился дивертисманом: между нашими танцовщицами отличалась силою и верностию танцев г-жа Харламова.

Г-жа Гюлленъ-Сор танцевала pas de deux с г. Ришардом-меньшим. Она восхитила нас. Мы ни в ком не видывали такого счастливого соединения силы и приятности, чистоты и выразительности. Все движения ее исполнены жизни. Московский балет ей много обязан. Молодые танцовщицы наши весьма выгодно переменились со времени приезда этой отличной артистки.

Г-н Ришард-меньшой, несмотря на искусство в танцах, по нашему мнению не имеет приятности: в нем видно какое-то усилие и принуждение.

1828 года. Июля 25 дня.

«Батюшкина дочка» и «Дядя напрокат»*

«Батюшкина дочка»

*Комедия в трех действиях, в прозе,
князя А. А. Шаховского*

«Дядя напрокат»

*Комедия-водевиль в одном действии
и дивертисман*

«Праздник жатвы»

Августа 23 дня.

Первое действие есть картина капризов и бешенства батюшкиной дочки, Любви Осиповны. Несмотря на доброе сердце, все терпит от ее вспыльчивого нрава: мать, графиня Брезинская, сестра Лиза, самая кроткая девушка, учителя и горничная Маша. Капитан морской службы Рогдаев, давно влюбленный в прелестную капризницу, знакомый отцу ее (который сам избаловал дочку), решается ее исправить, согласясь с князем Сицким, влюбленным в Лизу, и с Машею. Сицкий душит Любовь Осиповну комплиментами, а Рогдаев

(к которому она неравнодушна) хладнокровно говорит ей резкие истины. Второй акт состоит из балета в трех действиях: со всем *прибором сатана*; туда заманили батюшкину дочку; она видит свое изображение в бешеной графине, видит, как все зрители явно заметили в ней графиню, указывают на нее пальцами; она сердится, терзается. В третьем акте Любовь Осиповна, почувствовав, так сказать, сама себя, приходит в раскаяние; Маша бежит за Рогдаевым, он приходит и видит, что Любовь целует его *портрет*. Дело объясняется. Рогдаев снимает завесу с глаз ее; в истинном виде изображает ее характер, ужасные его последствия, открывается в любви и получает руку искренно раскаявшейся и твердо положившейся исправиться батюшкиной дочки.

Из содержания этой комедии читатели могли увидеть, что исправление Любви Осиповны невероятно и что драматического действия в этой пьесе мало; надобно прибавить, что в этот раз ее давали в двух актах: средний был выкинут. С одной стороны, пьеса выиграла: она сделалась не так растянута (балет про-

должался около двух часов); а с другой стороны, для зрителя, не видавшего балета, связь пьесы была прервана и конец вышел темен. Разговорный язык во всей пьесе большого достоинства.

Любовь Осиповну, батюшкину дочку, г-жа Синецкая играла очень хорошо, относительно к своим средствам. Вся роль бешеной, избалованной девушки разобрана и понята ею прекрасно; везде, где требовались чувствительность и тонкость в выражении, мы были совершенно довольны; но мы не видели вспыльчивости, бешенства. Орган ее, слабый [33] и не способный к одушевленному изменению тонов, не выражал внутренней досады и гнева; в ее движениях неприметно было живости, скорости, нетерпения: необходимых признаков этого характера. Первое действие нам показалось несколько слабее и однообразнее в исполнении; второе гораздо лучше. Вообще приметно было изученье, искусство. Может быть, многим покажется наше суждение слишком строго, но что ж делать, ежели нам *так кажется*? Мы обещались говорить искренно. Истинная артистка, как г-жа Си-

нецкая, которая во многих первых ролях, в больших комедиях, доставляет зрителям полное удовольствие верною и благородною игрою, конечно, не оскорбится нашими благонамеренными замечаниями. Что же касается до всегдашнего старательного изучения и исполнения своих ролей, то с этой стороны она заслуживает совершенную благодарность публики.

Г-н Мочалов роль капитана Рогдаева играл не только как артист с талантом, но и с отличным искусством; по нашему мнению, это одна из совершеннейших его ролей. Мы заметили, что по пиесе Рогдаев должен быть старше, нежели каким его играл г. Мочалов; что в четвертом явлении первого акта напрасно погорячился он в словах: «Графиня! капризы, вспыльчивость могут быть извинены воспитанием, лишняя живость нрава – молодостию; но несправедливость ничем, а неблагодарность...» Так же и во втором действии: «Если вы меня принуждаете говорить, то я скажу вашему слишком вспыльчивому нраву, который чуть не стоил жизни человеку...» Все это должно быть произнесено с большею вырази-

тельностью, с большою важностью и достоинством, но без вспыльчивости: Рогдаев действует умышленно. Длинный монолог в предпоследнем явлении второго действия был рассказан г. Мочаловым с возможным совершенством, кроме следующего места: «Добрая матушка ваша всякий день плачет и хотя очень вас любит, но я уверен, что иногда принуждена проклинать день вашего рождения и память отца вашего», которое было слабо в отношении к целому. Этого нельзя извинить сценическою случайностию: это место сильнейшее, на нем все основано, им достигается цель, а потому оно непременно должно быть сказано сильнее других.

Графиню Брезинскую г-жа Кавалерова играла очень хорошо: натурально и верно.

Князя Сицкого, роль, впрочем, ничтожную, играл г. Сабуров. Играть нечего, но роль надобно было знать. Не наше дело судить, как должно смотреть на это начальство театра, но, по нашему мнению, незнание ролей есть знак неуважения к публике. Г-н Сабуров так привык к нему, что оно его не смущает, а забавляет.

Г-жа Нагаева изрядно играла Машу, но могла бы играть гораздо лучше. В ней приметно малое упражнение в своем искусстве, иначе она не сказала бы *смотря* вместо *смотря*; роль тоже не совсем была тверда. Мы с сожалением говорим это: г-жа Нагаева для ролей служанок имеет решительный талант.

Г-жа Родецкая в роли Лизы совершенно не походила на лицо, ею представляемое. Признаемся, что даже странно видеть это на столичном театре и доказывает или невнимание к искусству, или совершенную бедность.

Парикмахер Дюшон (г. Ленский), англичанин Жемсон (г. Третьяков), италианец Ремини (г. Живокини), немец Глюкман (В. Степанов) были вообще недурны, но г. В. Степанов играл совсем не пожилого немца, а какого-то молодого француза. Режиссер, как видно, не позаботился и взглянуть, что Глюкман, отец семейства, выходит на сцену пятнадцатилетним мальчиком.

Водевиль «Дядя напрокат», переделанный с французского покойным А. И. Писаревым, весьма забавен и хорошо играется. Прекрас-

ные куплеты, веселость одушевляют всю пьесу. Вот содержание: г. Дерсан, богатый молодой человек, влюблен в бедную благородную девицу, Емилию Дорваль, ремеслом портретную живописицу, у которой, однако, есть дядя в Америке, вероятно наживший большое состояние. Емилия, узнав от живущих с ней в одном доме швеи Луизы и каретного подмастерья Варфоломея (которые друг к другу равнодушны), что Дерсан тихонько покупает ее картины дорогою ценою и платит за ее квартиру втрое, нежели сколько берут с нее хозяева, почитая выше всего доброе имя, решается съехать с квартиры и никогда не видаться с Дерсаном. Он в отчаянии. Встречается с Фомою Бонитоном, бывшим кучером своего отца, который, узнав, что вся надежда Дерсана основана на возвращении дяди Емилии из Америки, предлагает ему сыграть комедию и назвать его дядею, возвратившимся с большим богатством из Америки. Дело слажено и сначала идет очень хорошо, Емилия поверила; но, по несчастю, Варфоломей в самом деле родной племянник Бонитону и узнает его. Кое-как обман скрывают, хотят

уверить Варфоломея, что кормилица его подменила и что он, следовательно, не племянник богатому дяде; в самое это время приносят письмо к Бонитону, в котором уведомляют, что ему возвращается место кучера дилижанса, прежде отнятое; сам Бонитон ошибкою отдает его прочесть Емилии. Истина открывается, Варфоломей восклицает; «Так ты был дядей только напрокат!» – но Емилия, тронутая любовью Дерсана, обещавшая ему свою руку, из опасения разорить его, соглашается выйти за него замуж. Причина недостаточна, но для водевиля годится. Разговор очень хорош, и большая часть куплетов прекрасны. Последний – особенным отношением к покойному Писареву горестно отозвался в сердце его приятелей. Мы видели, что один почтенный артист на сцене не мог удержаться от слез: вот куплет:

Емилия (к зрителям)

*В представленьи, как в процессе,
Суд готовясь произнести,
Не забудьте, что в пиесе,
Кроме нас, участник есть.*

*Он решенья ожидает,
Замечаньям будет рад
И, поверьте, не желает
Брать успехи напрокат.*

Бонитона играл г. Щепкин... Искренно признаемся, что он приводит нас в затруднение! беспрестанно хвалить, того и гляди что прослышем пристрастными его почитателями, не говоря уже о том, что нажужжит «Северная пчела»; да и словарь похвальных выражений скоро истощится; порицать же его не за что. Есть у него один неизменный недостаток: произношение *некоторой буквы*, но насмешники скажут, что мы *выезжаем на одном глаголе*. Делать нечего; до удобного случая к нему придраться надобно сказать: Бонитона играл г. Щепкин прекрасно.

Г-н Живокини в роли Варфоломея был недурен. Знаем его благоразумие и, не опасаясь оскорбить его, скажем, что Рязанцев в этой роли был превосходен. Счастливая его натура оказывалась тут в полном блеске. В этой роли в первый раз заметили мы в его игре огонь. Отдавая полную справедливость стараниям г. Живокини, за долг считаем на-

помнить ему, что простосердечие не есть глупость, а шутовство – не веселость. Он понимает нас.

Г-жа Репина, в роли Эмилии Дорваль, не так была хороша, как в других водевильных ролях: это не ее род. Девица Дорваль должна была казаться несравненно выше своего состояния.

Г-жа Лаврова в Луизе произвела на нас неприятное впечатление: таланта много, а успеха – мало. Явное нестарание, явная нелюбовь к искусству: играя так редко, не знать роли; в последнем, право, далеко превосходил ее г. Сабуров; прибавьте к этому холодность, привычную на сцене ловкость, и вот и все, что составляло игру его в роли Дерсана.

Дивертисман был выполнен очень хорошо.

1-е письмо из Петербурга к издателю «Московского вестника»*

Уезжая из Москвы, я дал вам слово посмотреть внимательно несколько спектаклей в Петербурге и беспристрастно описать их; исполняю ваше желание. Очень знаю, что вооружу на себя многих; сам с изумлением пишу, но истина всего для меня дороже; из любви к ней и театральному искусству предаю себя на жертву критикам и пристрастным хвалителям петербургской сцены.

Вчера уз видел «Ябеду», обветшалое слогом и формой, но все бессмертное произведение Капниста. Отдаю полную справедливость г. Боброву: в роле председателя он очень хорош. Главное его достоинство – натуральность, которая соединяется с удивительною наружностью простака, что в этой роли, впрочем, было и не нужно. В некоторых местах г. Бобров был превосходен, но зато другие?.. но зато как поставлена вся пьеса? Не верю, что я видел это в Петербурге: мне кажется, я съездил в Нижний или Саратов. – Вообразите, что «Ябеда», списанная с природы, в высочайшей степе-

ни комической, «Ябеда», которой единственное и великое достоинство состоит в истине действия, представляемого на сцене, играет здесь *совершенным фарсом!*.. Где теперь ее достоинство? Какое впечатление она произвести должна? Совершенно противное намерениям автора. Он хотел картиною своею возбудить отвращение, ужаснуть зрителя: вот нравственная мысль, цель этой комедии, а здесь она только смешит чернь и наскучает зрителям образованным. – Пovýтчика Доброва играет г. Каменогорский какою-то карикатурою и к тому везде читает, а не говорит. Председательша (г-жа Ежова) без всякого отчета беспрестанно кричит, несколько раз начинает драться; нежность и ласки ее – отвратительная утрировка. Представьте себе, что когда муж ее читает от Праволова письмо, из коего выпадают деньги, то председательша растягивается по полу и, ползая, подбирает их... Опьянелость гостей – также фарс и выполняется без искусства: их таскают под руки. Советник-заика забавляет публику тем, что руки и ноги его действуют, а тело не встает со стула. Все советники и прокурор бесцветны и

однообразны; даже пьяны делаются все в одно время и вдруг. Секретарь (г. Пономарев) слишком утрировал свою ролю в противность автору и здравому смыслу, вырывая бумагу у повытчика, читавшего очень внятно, и говоря: ты *стал бормотать*, он сам читает внятно и протяжно, тогда как ему именно надобно было читать или очень скоро, или непонятно, для того, чтоб никто не вслушался. Любовник, любовница, Праволов таковы, что, право, совестно писать.[34]

Неправда ли, что я удивил вас? Но я сам удивлен не меньше вашего. Признаюсь, вот чего я никак не ожидал. Зная некоторых почтенных, заслуженных артистов петербургских, наслышавшись о разборчивом вкусе публики, я надеялся найти здесь совершенное отсутствие фарсов, лад (ensemble) в пьесах, богатство в хороших аксессуарах, искусную обставку, старательное исполнение... и что же я нашел?..

Завтра играют «Коварство и любовь». Нетерпеливо хочу увидеть г-на и г-жу Каратыгиных...

2-е письмо из Петербурга к издателю «Московского вестника»*

Вчера я видел спектакль в Петербурге!.. Иг-
рали «Коварство и любовь»: пиеса обстав-
лена лучшими артистами и очень хорошо
слажена. Не выдавая своего мнения безоши-
бочным, сделаю общее замечание, что эту
трагедию должно играть гораздо проще, на-
туральнее; лица, выведенные в ней, взяты из
обыкновенного общества, она написана про-
зою – к чему такая декламация, напев? Г-н Ка-
ратыгин, артист с отличным дарованием и
даже искусством, в роли Фердинанда испол-
нен силы, чувства и благородства. К сожален-
нию, орган его как будто испорчен – груб,
охрипл; многих изменений голоса он не мо-
жет взять. Мимика лица в выражении неко-
торых страстей – неприятна. Вместо нежно-
сти, любви – выражает плаксивость. Впрочем,
несмотря на сии недостатки, сей просвещен-
ный артист, свергнув оковы декламации и
старой методической игры, со временем до-
стигнет, без сомнения, степени знаменитого
трагического актера. Г-жа Каратыгина, играя

Луизу, была не в своей роли: видна искусная актриса, ловкая, благородная на сцене, но совсем не Луиза; даже наружность ее, прекрасной полной женщины, не шла к этому лицу. Притом много манерности и мало истинной чувствительности. Г-жа Валберхова роль леди Мильфорт выполнила очень хорошо: с благородством и глубоким чувством; жаль, что она также много декламировала; но, несмотря на это и на приметную слабость голоса и груди, она прекрасно выразила характер представляемого лица. Г-н Брянский превосходно играл старого музыканта, отца Луизы; но, признаюсь: для меня удивительно, почему он не играл президента? Для общего достоинства пьесы это было необходимо. Роль Миллера, правда, – роль очень благодарная, следственно и нетрудная, но такому артисту, как г. Брянский, надобно искать трудностей.

Президента играл г. Толченев, секретаря Вурмса – г. Хотяинцев; первый был отлично дурен, второй – просто дурен, именно оттого, что старался выдавать, выжимать каждое слово и всю ролю играл карикатурно. Он своей диктовкой заставлял смеяться даже тогда,

когда Луиза писала письмо, смертный приговор себе и Фердинанду. Но в искусстве смешить некстати превзошел его г. Сосницкий. Он в роли маршала был настоящий буф и много вредил г. Каратыгину при вызове на дуэль. Например: в самое это время, стоя за креслами, он, будто от страха, поджимал то ту, то другую ногу; а когда побежал, то ноги его чуть не до спины загибались. Странно, как артист, пользующийся такою славою и так любимый публикою, позволяет себе неприличные и отвратительные фарсы.

Я видел еще несколько раз г. Каратыгина в других ролях и, наконец, в «Гамлете». Это торжество его; прочие действующие лица, в том числе и г-жа Каратыгина, игравшая Гертруду, заслуживают одно порицание; но г. Каратыгин превосходен: в этой роле и голос его приличен страстям и напев стихов извинителен, даже незаметен; ужас, отчаяние выражал он несравненно. Лучшее место было видение тени отца. Удивительно, как скоро зритель привыкает к методу или особенному способу выражения актера, даже неприятному для слуха, если актер одушевляет игру свою талан-

том и верностию чувств. Кто никогда не слышал г. Каратыгина, тому чтение его до того покажется странным, что можно из театра уйти; но кто выдержит первые минуты, тот не уйдет уже и целые часы. Живо чувствую теперь, как должен был не понравиться петербургской публике наш москвич Мочалов, который в трагедиях, в стихах, не только не поет, не декламирует, но даже не читает, а говорит. Зрителям, привыкшим к величественной, стройной (хотя слишком тонкой) фигуре г. Каратыгина, к важным, благородным его движениям, к его громозвучному органу, к его пышной декламации, к его напеву – под сею формою только признававшим царя на сцене, – чем должен был показаться Мочалов: человек среднего роста, без искусства держать себя хорошо на сцене, с дурными привычками, с небольшим голосом и *говорящий, как и все люди?..* Но как неизмеримо расстояние между трудностями сих метод! Как легко с хорошими средствами декламировать, и как трудны, опасны и высоки красоты игры простой, истинной; надобно прибавить, что во многих трагедиях она невозможна; но

всему есть мера.

Познакомившись довольно коротко с игрою г. Каратыгина и желая передать вам яснее свои мысли, я сделаю сравнение первых артистов обеих столиц.

Г-н Каратыгин сотворен для первых ролей героев, царей; г. Мочалов – для первых ролей любовников и молодых царей. Переходя из одного амплуа в другое, оба равно неудовлетворительны; но с г. Каратыгиным случается это очень редко, с г. Мочаловым очень часто: впрочем, это не его вина. Каждый для своих ролей имеет прекрасные средства; но орган г. Каратыгина неломок, неприятен; голос г. Мочалова несильный, но прелестный, обольстительный во всех изменениях: черты лица его прекрасны и благородны; чувствительность, любовь, восторг выражает он лучше Каратыгина; но зато чувства ужаса, отчаяния несравненно сильнее изображаются на лице последнего. Декламация г. Каратыгина, всегда равно сильная и верная, заставляет забывать его методический напев; чтение (или лучше разговор) г. Мочалова – совершенство... Г-н Каратыгин благороден на сцене; выдерживает ровно

весь характер; его движения красивы, приличны лицу, им представляемому; положения картинны, даже до излишества. Мочалов держит себя дурно; несчастные привычки не оставляют его ни в царях, ни в знатных барицах, ни во фраке, ни в мундире: везде одна неловкая походка, одни неприятные телодвижения; цельность характеров не всегда выдерживает; всегда играет роли неровно, но зато имеет такие минуты, такие превосходные места, которые доходят прямо до сердца, в восторг приводя зрителя, чего г. Каратыгин в своей игре не имеет и едва ли достигнуть может. Г-н Каратыгин владеет собою при выражении сильнейших страстей: это важное условие в искусстве. Он может быть иногда сильнее, иногда слабее, но никогда не сыграет дурно. За г. Мочалова никто, ни он сам, не может поручиться в том, что он сыграет хорошо. Его искусство – вдохновение. Г-н Каратыгин очень часто играет, очень много трудится: это видно; он неограниченный властелин своих средств. Г-н Мочалов имеет самый тесный репертуар, целый век играет несколько трагедий и то редко; если дела останутся в та-

ком положении надолго, то путь к дальнейшим успехам может и навсегда заградиться для него. Это золото, еще в горниле неочищенное; алмаз в коре, еще неограниченный; но ничто лучше не доказывает самобытности его таланта, как смелое введение простого разговора на сцене и упорное его продолжение. Сей путь никто не указал ему; он избрал его по внутреннему убеждению. Какие трудности, неприятности, препятствия надобно было преодолеть сначала! Теперь уже и многие переменили свое мнение, а со временем и все в этом согласятся; но в труднейшем изящном искусстве предупредить свой век и смело побороть его предрассудки – есть подвиг великий. Итак, вот результат мой: талантом – г. Мочалов выше г. Каратыгина; как актер – последний несравненно выше г. Мочалова. – Чего не дано природою, того никакими трудами приобрести нельзя. Искусство – приобрести можно. Публика петербургская обязана благодарности своему артисту и всегда с восторгом принимает его, но, конечно, публика московская желала бы превзойти петербургскую и в благодарности. До свидания и проч.

Р. С. Удивляться надобно здешнему репертуару! – весь Н. И. Ильин на сцене. Бенефисные, спекуляционные пиесы все в ходу. Часто дают «Татьяну прекрасную на Воробьевых горах», которая отличается особенно следующими стихами:

*За царя, за славу, честь
Нам слона приятно съесть!*

Также «Вертера», которого истинно я не мог досмотреть: отвратительные фарсы г. Величкина и г-жи Ежовой выгнали меня из театра в половине пиесы. Кажется, убедительный пример для всех фарсеров есть г. Рязанцев: с каким единодушным удовольствием принимает его публика, и как проста, противоположна игра его всяким фарсам!

Письмо в Петербург <О французском спектакле в Москве> *

Наконец, исполнились нетерпеливые ожидания страстных галломанов, наступила эпоха в театральных летописях Москвы, и французский театр в Москве, 1 января 1829 года, открылся «Расточителем» («Dissipateur») Детуша.

Принадлежа к партии умеренных, или, лучше сказать, не принадлежа ни к какой, я сердечно желал, чтобы древняя столица наша украсилась новым общественным удовольствием – французским спектаклем. Признаюсь, однакоже, тебе, что, несмотря на пышные обещания галломанов, на громкие и непонятные фразы «Московского телеграфа», который возвещал, что французский театр будет освещен *разноцветным газом*, и с каким-то удовольствием и народною гордостью повторял выражения: *Французы в Можайске! Французы в Москве!* – несмотря на все это и на известную способность и охоту французов к театральному искусству, я не увлекался блистательными надеждами. Зная, что средства

были недостаточны для привлечения к нам отличных артистов, я не ожидал много хорошего, но никогда не воображал, что увижу до такой степени посредственное – чтоб не сказать больше, – как первый французский спектакль. Гостеприимная и великодушная московская публика приняла снисходительно дебют приезжих гостей, но без одобрения: истина была так очевидна, что почти все мнения слились в одно общее. Боже мой, какой бы шум подняли в Париже, если б там осмелились выписать такую иностранную труппу!

Самый выбор пьесы удивил меня. Надобно сказать правду, что и отличные артисты могли бы сделать эту пьесу – только не скучною. Старые, обветшалые формы, безжизненные характеры, пустая декламация, условная неестественность, кажется, уже никому не могут нравиться. Французы говорят, что это именно *пьеса для дебюта*. Положим так, – но для каких артистов? для отличнейших, которые бы собственным искусством и огнем согрели, одушевили холодное произведение старичка Детуша.

Сказав тебе мое мнение о труппе француз-

ской вообще, скажу и частное об артистах; но похвалы мои будут относительные к недостатку целого.

Г-н Менье играл Клеона (Расточителя). Выговор и орган у него очень хороши; первые акты, несмотря на выученные, манерные телодвижения, были лучше последних; но когда дело дошло до чувств и до огня, то, скажу скромно, явилась одна холодная, поддельная, несносная декламация. Барона играл г. Далес; его считают лучшим актером, но в этой роли едва ли он кому понравился. При всем том я заметил в нем некоторый жар, и, может быть, в других пьесах он будет играть удачнее.[35]

Дядю Жеронта играл г. Филибер. Орган у него не так хорош, по крайней мере он натуральнее других. Г-жа Виржини в роли Юлии была недурна: выговор прекрасный, и некоторые отдельные мысли автора выражены ею довольно удачно, но чувствительности души было очень мало. Всех лучше играла и всех более имеет таланта, по моему мнению, г-жа Альфред, занимавшая роль Финеты. На эту субретку всегда можно смотреть с удовольствием. Роль болтуни-крестьянки в водеви-

ле она выполнила очень хорошо. Хуже других показался мне г. Виктор, игравший Паскения; зато Кузнецкий мост, французские книжные лавки и другие московские французы были от него в упоении восторга.

Водевиль (Comedien d'Etampes) шел гораздо лучше. Г-н Сент-Альбен, игравший комедианта, имеет талант и искусство, но холоден: эта роль много бы выиграла от живости исполнения. Водевиль, любимое зрелище французской черни, для нее написанный, с такими фарсами, грубыми экивоками и непристойностями, не мог понравиться лучшему кругу московской публики, и выбор его для дебюта еще страннее выбора комедии. Я не дождался конца водевиля; говорят, что пели куплет, в котором величали русских покровителями талантов и изящных искусств. За это спасибо, и слава богу, если это не лесть, а правда — особенно в отношении к отечественным дарованиям. Г-н Сент-Альбен был вызван.

Чтоб лучше тебе дать понятие о французском спектакле, скажу, что его можно было сравнить с каким-то экзаменом взрослых воспитанников и воспитанниц в декламации на

французском языке или в сказывании уроков. Чистое, правильное произношение и твердое знание наизусть составляли все его достоинство. Мне даже жаль приезжих гостей наших: вероятно, они думали, что найдут публику, подобную той, которая наполняет мелкие парижские театры: без сомнения, эта уверенность уже проходит. Надобно отдать, впрочем, должную справедливость французским актерам: пиесы слажены, по возможности, очень хорошо, роли выучены твердо, реплики всегда схвачены вовремя, и вообще видно старание и внимание к искусству. Вот чему надобно у них учиться русской московской труппе.

1829 года, января 2-го дня.

«Севильский цирюльник» и «Ворожея, или Танцы духов»*

«Севильский цирюльник»
Комедия в четырех действиях, сочи-
нения Бомарше, вновь переведенная с француз-
ского Г***

«Ворожея, или Танцы духов»

Оригинальная опера-водевиль, соч. кн. Ша-
ховского,
и Разнохарактерный дивертисман

Понедельник. 14 января.

Кому не известен «Севильский цирюль-
ник»? Этот сюжет сделался как будто народ-
ным на нашей сцене; его играют, поют, тан-
цуют. Не смеем решительно судить о перево-
де – нам показался он весьма посредствен-
ным. Комедия же вообще была разыграна
очень хорошо, и мы смотрели на нее с боль-
шим удовольствием.

Г-н Мочалов, о высоком таланте которого
мы уже имели случай говорить, в роле графа
Альмавивы не удовлетворил ожиданиям зри-

телей. Конечно, он был недурен, не портил и способствовал даже успеху пьесы, но не украсил ее: играл слабо, без искусства; не умел или не хотел притвориться пьяным солдатом и бакалавром, – был, против своего обыкновения, холоден и даже извистие, что Розина не жена Бартоло – принял довольно равнодушно; наконец, не открыл зрителям и актерам своего графского костюма, а доиграл пьесу в плаще. Кто же виноват, если многие не узнали в нем графа Альмавиву?

Доктора Бартоло играл г. Щепкин. Несмотря на некоторые свои обыкновенные недостатки, то есть излишнюю крикливость, излишнее дрожание рук, несмотря на свою неудобоизменяемую фигуру и однообразный орган, что еще более увеличивало сходство других ролей с ролею Бартоло, он выполнил ее отлично хорошо. Многие места были сыграны превосходно. Нельзя было не восхищаться тонкостию, истиною и разнообразием его игры. С большим искусством оттенял он малейшие изменения страстей и переходы. Все было одушевлено и – верно.

Г-жа Львова-Синецкая очень хорошо игра-

ла Розину: с душою и искусством. Нам показалось, однако, что первый разговор ее с Фигаро неверно выполнен: она с какою-то простотою и радостию расспрашивала, в кого влюблен Линдор? Розина не проста и с некоторым беспокойством и даже ревностию должна его расспрашивать. Еще показалось нам странным, что Розина во всю пиесу не снимала шляпки.

В роли Фигаро г. Сабуров доставил нам большое удовольствие, а особенно последними тремя действиями. Первое шло у него как-то вяло; не было плутовства, бойкости. Если б г. Сабуров мог прибавить к своей игре огня и быстроты, он бы играл эту роль превосходно. Г-н Живокини занимал роль Дон Базиля и — неудачно, хотя наружность его очень была выгодна; в нем неприметно было никакого характера. Надобно заметить, однако, что весьма трудно представить в этом лице, черты коего накинаны весьма слабо, плута и дурака, жадного к деньгам. Прочие роли ничего не значат. Лучшая сцена по игре и комическому достоинству — когда Бартоло достает подмененное письмо из кармана Розины, ле-

жащей в притворном обмороке.

Водевиль «Ворожея, или Танцы духов», интрига которого нам кажется невероятною, но который всегда будет нравиться многими остроумными куплетами и прекрасным разговором, был игран некоторыми лицами слабо, а потому и не имел общего ладу. Сверх того, роль у г-жи Лельской была нетверда. Ворожею Кунштук играла г-жа Бажанова как нельзя хуже. Г-жа Сабурова, в роле Лельской, была недурна; можно было даже с удовольствием видеть ее на сцене, но до отличного исполнения этой роли еще очень далеко. Такой опытной и приятной актрисе, как г-жа Сабурова, должно бы, кажется, с большим искусством обработать эту роль, у нее совершенно бесцветную. Брюзгину играла г-жа Кавалерова прекрасно. Эта почтенная артистка выполняет свои роли всегда верно, умно и натурально. Вот как может скрываться великое дарование, поставленное не на своем месте! Около двадцати лет г-жа Кавалерова была дурна на сцене, играя наперсниц в трагедиях; а третий год, в ролях пожилых и вздорных женщин, она доставляет истинное удоволь-

ствие самому взыскательному зрителю. Публика обязана за это кн. Шаховскому. Г-н Сабуров, в роле Ключова, был очень хорош. Лельского играл г. Бантышев и весьма порадовал нас. Он говорил почти везде хорошо: натурально, верно и даже с чувством, но держал себя дурно, особливо когда горячился. Проклятый цыган Гикша как-то *проявлялся* в нем; со всем тем он подает большие надежды; его старательность делает ему честь, и мы искренно желаем, даже осмеливаемся предвещать ему успехи.

Дивертисман, как и всегда, был очень хорош, и девица Карпакова – прелесть.

Кстати теперь сказать, что мы видели этот самый водевиль, разыгранный школою московского театра. Водевиль вообще шел прекрасно, а девицы Карпакова и Куликова восхищали нас своею игрою и талантом. Первая из них, без сомнения, будет знаменитою жрицею Терпсихоры, хотя Талия не перестанет сожалеть о ней. Девица же Куликова обещает отличную актрису – нельзя еще сказать, в каком роде, но великий талант ее и ум на сцене не подвержены сомнению. От нее зависит

учением и старанием оправдать наши надежды.

1829, январь 16.

**«Федор Григорьевич Волков» и
«Механические фигуры»***

«Федор Григорьевич Волков, или День
рождения русского театра»

*Анекдотический водевиль, соч. князя А. А.
Шаховского*

и

«Механические фигуры»

*Разнохарактерный пантомимный балет,
соч. г. Бернаделли*

Пятница, 25 января.

Нельзя без истинного, сердечного наслаждения видеть этот прекрасный, русский, народный водевиль. Мысль высокая и глубокая – представить борьбу невежества и просвещения: луч света пронизывает мрак. Люди, которых имена всегда будут любезны и драгоценны истинно русским, оживляются пред

вами волшебным могуществом драматического искусства. Вот он, представитель способностей русского человека, со всею силою ума, со всею живостию духа, со всею твердостью воли – Федор Григорьевич Волков! Вот его достойные сотрудники, первые любители изящного, первые ревнители учения – братья Волковы, Дмитревский и другие! Вот этот кожаный сарай, где зародилось зерно театрального искусства в России, столь сильно способствующего просвещению... И, наконец, вот он прототип невежества, сильный единомыслием толпы, закоренелостью предрассудков, заклятый враг всякого просвещения – Фаддей Михеич! Сцена, когда последний нечаянно приходит в театр, устроенный в сарае, и, не имея возможности уйти, садится спиною к театру, чтоб ничего не видеть, и затыкает уши, чтоб ничего не слышать, принадлежит к небольшому числу бессмертных сцен Аристофана и Мольера. По нашему мнению, это есть одно из совершеннейших произведений князя Шаховского. Содержание казалось бы слишком глубоким и тяжелым для водевиля, и, конечно, оно подавило бы неопытного

комика; но сочинитель с удивительным искусством овладел им и воспользовался. Каким жаром любви к драматическому искусству, еще сильнейшей любви ко всему отечественному, проникнут, согрет этот превосходный водевиль! Кто слушал его равнодушно, для того театр – только средство убивать время. Не заслуживает ли писатель общественной благодарности, доставляя сердцу и уму столь высокое наслаждение, воспламеняя в душе зрителей чувства народной гордости и стремления к просвещению? И о сочинителе-то «Волкова», «Пустодомов», «Аристофана» какой-нибудь *Михеич* нашего века с безнаказанною наглостию смеет сказать, что он «не имеет самобытного таланта, что он имеет относительное достоинство, как *кривой в земле слепых*, что он выбирает без вкуса, переводит дурно, пишет плохо!..» [36]

Но не уйти со временем *Михеичу* от водевиля! Он сам (то есть *Михеич* нашего века), его мнимая ученость, его литературное самозванство, его минутные успехи, – истинно комическое явление нашего времени, – будут долго забавлять публику: мы охотно смеемся

прежним своим ошибкам и заблуждениям, когда успели уже от них освободиться.

Возвращаемся к «Волкову». Единственными недостатками его показались нам (не сме-ем судить решительно – мы не читали пьесы): излишество пения и некоторые вставки, замедляющие ход действия, хотя имеющие отдельное достоинство. Утощение по старине нищей братии хотя приятно напоминает человеколюбивое обыкновение почтенных наших предков, но слова в нем очень мало слышны, и притом, удерживая на сцене всех актеров, которым потом надобно переодеться, оно делает антракт очень длинным и охлаждает участие зрителей.

Вообще этот водевиль играется на московской сцене с большим успехом; но, из любви к искусству, мы откровенно скажем, что можно его играть лучше. Не надобно довольствоваться гг. артистам тем, что таланты и выгодная для ролей наружность заставляют хвалить их. Достоинство водевиля и особенное отношение его к ним самим требуют отличного исполнения. Мы уверены, что они смотрят равнодушно на этот кожевенный са-

рай, колыбель их искусства и благосостояния. Некоторые аксессуарные лица были плохи; [37] некоторые сцены нетверды и не слажены. Г-н Мочалов в роле Ф. Волкова, кроме неприятных телодвижений и (раза два) неуместных вскрикиваний, был превосходен. Говоря же о ботике Петра и отвечая на вопрос отчима: о чем он задумался? г. Мочалов достиг неподражаемого совершенства. Роль Полушкина удивительно шла к г. Лаврову, и он везде одушевлял ее; но искусство владеть сильным голосом и искусство произношения еще не постигнуты им. У него не только в пении, но и в разговоре иногда не слышно слов, особливо когда заговорит он с жаром: несмотря на это, он играл прекрасно. Г-жа Кавалерова очень хороша была в роли матери Волковых, особливо когда позарумянилась от романи. Но выражение материнской чувствительности нам не понравилось. Михеича довольно хорошо играл г. Живокини: мы с удовольствием заметили, что он понемногу отвыкает от фарсов[38] и кривляний и что у него появляется истинный жар в игре. Поздравляем его; это плод труда и любви к ис-

кусству – теперь успехи его будут вернее. Г-жа Лаврова была недурна в роли Вани Дмитриевского; не знаем только, верно ли она пела? Несколько выражений были сказаны ею бесподобно. Г-н Третьяков играл ярославского голлову очень хорошо. Г-жа Репина, в роли Груши, питомицы Михеича, доставила полное удовольствие зрителям; она прелестно сыграла Грушу, а рассказ в пении был выполнен мастерски. Хотя роль ее без всякого сравнения ниже роли г. Мочалова, но вот следствие таланта и искусства! Публика вызвала их вместе и почтила равными рукоплесканиями. Надобно сказать правду, г-жа Кавалерова также заслуживала быть вызванною. Заметим, что г-жа Репина была одета слишком несовременно, также и г-жа Лаврова. Другие анахронизмы в костюмах по крайней мере не так бросались в глаза, но Груша должна была быть одетою непременно в кофточку; нам кажется, что и наружность ее нимало не потеряла бы от этой перемены. Публика принимала пиесу с беспрестанным рукоплесканием, внимательно замечая все красоты ее.

Смешной фарс-балет «Механические фигу-

ры» был очень хорошо выполнен во всех подробностях. Девица Карпакова танцевала прелестно.

Января 27.

Ответ на антикритику г-на В. У.*

Публика справедливо скучает антикритиками, еще более возражениями на них, где дело идет всегда об оскорбленном самолюбии сочинителей, а не об истине, и я никогда бы не отвечал на грубую, неприличную антикритику г-на В. У., напечатанную в 1-м номере «Телеграфа» 1829 г., но раздражительность антикритика, вероятно переводчика комедии «Севильский цирюльник», или его друга, который позволил себе совсем нелитературные выходки и, наконец, невероятную выдумку, принуждает меня сказать несколько слов и подтвердить их доказательствами.

Г-н В. У. говорит, будто *он видел у покойного А. И. Писарева, отданный ему на выправку, жалкий перевод (то есть мой) Мольерова «Скупого»*. Если б это было и справедливо, то все он не имеет никакого права говорить о пере-

воде, который не напечатан и не играл; еще менее – публиковать домашние сношения приятелей. Такие поступки нигде не терпимы и нигде не позволены; но теперь не о том дело, а вот о чем: я начал переводить Мольеру комедию «Скупой» *месяц спустя после смерти* А. И. Писарева; кончина его была причиною моего перевода; он обещал г. Щепкину перевести эту пиесу для бенефиса – и я исполнил его обещание. Публика не обязана мне верить на слово, и я свидетельствуюсь в том г. Щепкиным, до которого всех ближе касается это дело, и почтенными особами, бывшими в самой короткой связи с А. И. Писаревым и знавшими все литературные его намерения.[39]

Какой же перевод видел г-н В. У. у покойного Писарева? Искренно сожалею, что мое замечание о посредственности перевода «Севильского цирюльника» было невинною причиною такого поступка г. В. У., который назвать настоящим именем я предоставляю ему самому и читателям. Если б Писарев был жив, то, без сомнения, я воспользовался бы его замечаниями. Не худо прочесть свой перевод

просвещенному и беспристрастному приятелю прежде печати или представления.

Напрасно также г-н В. У. назвал себя уполномоченным от всех без изъятия артистов московского театра для объявления мне, что они не обращают внимания на мои замечания. Во-первых, это неправда; во-вторых, желая сказать мне неприятность, он оскорбил всех артистов: не уважать чужих мнений есть знак непростительного самолюбия и невежества.

Быть может, г-н В. У. скажет, что он говорил не обо мне, что он видел другой перевод у А. И. Писарева, но дело это слишком известно многим литераторам, и я предупреждаю его: никто не поверит такой увертке. К чему было колоть меня чужим переводом?

1829 года, февраля 4.

«Разбойники»*

Трагедия в пяти действиях, соч. Шиллера,
сокращенный перевод с немецкого.

Дивертисман

Среда, 6 февраля.

Плод разгоряченного воображения юного Шиллера, еще не знавшего ни драматического искусства, ни света, ни людей, несмотря на блистательные красоты, всегда довольно чудовищный, дается на русской сцене – в сокращенном виде! Не о чем жалеть, если б эту пиесу вовсе не давали, но жаль видеть ее обезображенною, безжалостно обрубленною на ложе прокрустовом! Тяжкий грех сей лежит не на московских артистах: в Петербурге произведена сия операция, вероятно для бенефисных спекуляций. Должно еще заметить, что рука, которая поднялась на Шиллера, не необходимо была на то подвигнута: если б исключили сцены или выражения, противные строгой нравственности, вредные в каком-нибудь отношении, по крайней мере признан-

ные такими, это дело другое; а то просто: показалась пьеса длинною, действующие лица болтливými – и трагедию сократили. Что ж вышло? – Входы и выходы без всякого отчета, беспрестанные, частые перемены, испорченные характеры, для не знающих пьесы темные места, действия лиц без причин, трагедия без связи.[40]

Сам Карл Моор, пощаженный более других, в теперешнем виде не может быть сыгран отлично, в отношении к целости его характера: везде скачки, нет постепенного и всегда неизменного хода страстей. Трагедия «Разбойники», по преданию, пользуется громкою славою на сцене нашей. Было время, когда публика страстно и добродушно любила театр, восхищалась всеми пьесами, плакала от всех трагических актеров... золотое время невинности! Тогда ходили в театр наслаждаться, а не судить; тогда довольно было белого платка в руке актера и дрожащего голоса, чтоб привести зрителей в очарование! В это-то время составила слава «Разбойников». Нынешнее поколение наслышалось о ней – и Большой Петровский театр в другой

раз был полон; зрители приметно скучали, несмотря на остатки сильных мест и прекрасную игру г. Мочалова в роли Карла Моора. Разбойничьи сцены были довольно слажены, но вся трагедия выполнена очень слабо. Старый граф (г. Волков) несносно дурен; его холодность, неподвижное лицо, комическая дряхлость – нестерпимы. Г-н Орлов, в роли Франца, совершенно неопытен: да и требовать от него искусства в такое короткое время невозможно. Всего досаднее, что, с превосходнейшим органом, его не было слышно. Амалию г-жа Львова-Синецкая играла хорошо, но играть было нечего. Все прочие лица, кроме Швейцера, были очень плохи. Даже и г. Третьяков, игравший Швейцера, по-видимому, с большим успехом (ему хлопали и его вызывали), по нашему мнению, играл неудачно, хотя мог бы выполнить эту роль прекрасно. Первое: он портил характер, представляя Швейцера крикуном; второе: так дурно управлял голосом, что слышны были одни вскрикивания и много слов совсем пропало даже для ближайших зрителей. Г-н Мочалов некоторые явления играл превосходно. В четвертом

действии слова: «мой отец», или: «приведи мне его живого», «прочь, злодеи!» и в пятом: «она моя! Любовница Карла Моора от него и умереть должна...» были сказаны неподражаемо.

Дивертисман составляли не отличные артисты.

1829. Февраля 8 дня.

«Каменщик» и «Праздник колонистов близ столицы»*

«Каменщик»
Комическая опера в трех действиях,
музыка соч. г. Обера

и
«Праздник колонистов близ столицы»
Разнохарактерный дивертисман

Понедельник, 18 февраля.

Давно не смотрели мы с таким удовольствием оперы и смело можем сказать, что «Каменщик» идет на московской сцене лучше всех комических опер. К сожалению, велико-

лепный Петровский театр довольно глух: в пении слов никогда не слышно, а потому мы, не читав пьесы, не можем решительно сказать об ее содержании. Странное заключение в оковы Моренвиля и Ирмы, почти в самом предместьи Парижа, какими-то турецкими невольниками в испанских костюмах нам показалось невероятным; освобождение их сделалось слишком в короткое время, а появление освобожденных с Рожером было нечаянно и как-то скромно: они бы должны прийти в сопровождении людей, их освободивших, с некоторою торжественностию.

Музыка г. Обера прекрасна и отлично аранжирована. Знатоки называют его немецким Россини и «Каменщика» предпочитают «Снегу» (опера того же сочинителя). Лучшими номерами считают: прощальный дуэт Рожера с Генриеттой, рабочую песню каменщика и слесаря, прерываемую обходом турецкой стражи, и музыку, выражающую в третьем действии шум в народе. Вся пьеса была сложена отлично, и публика принимала ее с особенным одобрением, тем более, что у нас оперы идут почти всегда плохо. Это даже изумля-

ло многих. Уж не оттого ли так хорошо выполняется эта опера, что две наши водевильные актрисы, г-жи Репина и Сабурова, заменили в ней наших первых оперных певиц?..

Г-н Булахов пел прелестно и играл Рожера лучше всех своих ролей. Костюм его странен: это не каменщик из парижского предместья, а какой-то нарядный швейцарец. Г-н Бантышев пел очень приятно, играл графа Моренвиля недурно, но держал себя нехорошо. Кажется, можно сказать решительно, что у него талант *комический*. Г-н Воеводин в роли слесаря Баптиста был весьма хорош; пел, как и всегда, очень верно. Г-жа Савицкая играла Ирму, молодую гречанку, слабо, но пела довольно хорошо. Г-жа Сабурова в роли Бертран прекрасно играла и пела. Г-жа Над. Репина прелестно играла Генриетту, молодую жену Рожера; пела приятно, верно и с душою. Справедливость требует сказать, что эта артистка есть украшение московской комической оперы и водевиля: с каждым представлением мы замечаем в ней успехи. Ссора с мужем была сыграна превосходно. Никого так часто не видит публика на сцене, как г-жу Репину, и ни-

кто так постоянно, как она, не доставляет зрителям удовольствия приятною, верною, старательною игрою. Мы говорим о водевилях и комических операх.

Дивертисман «Праздник колонистов» и пр., весьма подержанный, был выполнен довольно хорошо. Мы ничего не можем заметить в нем особенного, кроме того, что г. Цыганов своим неодушевленным пением мало-российских песен заставил нас вспомнить и пожалеть о г. Рязанцеве (он певал эти песни) даже как о певце, а у него вовсе не было голо-су!.. Бог судья людям, лишившим нас его престного таланта.

Февраля 19.

Последний ответ г-ну под фирмою «В. У.»*

Г-н В. У., не имея никакой возможности опровергнуть сказанной и доказанной мною истины, обличившей его в двух выдумках, прибегает, как я и предсказал, во 2-м номере «Телеграфа» к пустому набору слов, к уверткам, к новым выдумкам и к сплетням; отвечать на них совестно и не должно: они сами на себя опровержение. – Теперь заставляет меня писать благодарность. Во-первых, благодарю г-на под фирмою В. У. за исчисление и напоминание публике о моих переводах в стихах: трагедии Софокла, комедии Мольера и сатир Буало. Г-н В. У. их бранит и – делает свое дело. Ведь не хвалить же ему человека, который имел несчастье мимоходом задеть его раздражительное самолюбие; да и такая похвала повредила бы мне в общем мнении: хороши или дурны мои переводы, о том пусть судит публика и литераторы, а не г-н В. У. Во-вторых: благодарю за то, что мои суждения и сравнения гг. Мочалова и Каратыгина, изложенные в 2-м письме из Петербурга и на-

печатанные в 22-м номере «Московского вестника», понравились г-ну В. У. и он, разбирая представление «Разбойников», повторил их, разумеется в других выражениях. Забавно, что мы так встретились, а еще забавнее, что он в той же статье называет меня (стало, и себя?) *кривотолком!*

В заключение г-н В. У. пишет: «Литеры В. У. в течение нескольких лет являлись под разными статьями в русских журналах, и посему они сделались уже *фирмою* литератора, их употребляющего» и пр.

На сие объявляю, что г-н под *фирмою* В. У. мне совершенно неизвестен, а по многим разысканиям и расспросам я удостоверился, что ни один *литератор* так не называется.

Февраля 26.

Ответ г-ну Н. Полевому на его выходку во 2-м номере «Московского телеграфа»*

Не желая иметь никаких сношений с г-м Полевым, я считаю, однако, за нужное ему заметить, что он действует сам против себя: к чему было откликнуться Михеичем? Читатели не ведали, и я даже не знал, точно ли сам издатель «Телеграфа» писал несправедливый и дерзкий отзыв о сочинениях кн. Шаховского? Теперь прошу не гневаться на меня, если это имя утвердится за ним: я был невинною причиною. Г-ну Полевому не нравится перевод «Филоктета» – я горжусь тем; г. Полевому не нравится перевод VIII сатиры Буало – это натурально; там есть следующие стихи:

*Итак, трудись теперь, профессор
мой почтенный,
Копти над книгами, и день и ночь
согбенный;
Пролей на знания людские новый
свет,
Пиши творения высокие, поэт, –
И жди, чтоб мелочей какой-ни-*

*будь издатель,
Любимцев публики бессовестный
ласкатель,
Который разумеет язык недавно
стал,
Подкупленный пером тебя везде
марал!..
Конечно, для него довольно и пре-
зрения
и проч.[41]*

Многие скажут, для чего я не следую смыслу последнего стиха? Вот мои причины: может быть, г. Полевой хороший человек и хороший гражданин; я охотно этому верю. Будь он дурной писатель – никогда моя рука не поднялась бы против него; но лицо, представляемое им в нашей литературе, не только смешно, но и вредно: как издатель журнала, который прежде имел достоинство, он рассеивает свои кривые толки, несправедливые и пристрастные суждения; следовательно, обличать его в неправде и невежестве, унижать его литературное лицо – есть долг каждого любителя словесности. Надобно признаться, долг скучный и весьма неприятный.

Наконец, издатель «Московского телегра-

фа» в пример, как я перевожу Буало, приводит два последние стиха VIII сатиры. Стихи переведены весьма близко. Там их говорит осел: я не понимаю, для чего повторяет их г. Полевой?

Февраля 26.

<Об игре актера Брянского>*

Мы видели г. Брянского в некоторых пьесах и считаем за долг сказать свое мнение об игре его. Первым дебютом этого почтенного артиста, в нынешний приезд в Москву, была роль Кадера в известном, весьма остроумном водевиле князя Шаховского «Три дела, или Евфратский пеликан». С тою же искренностью, с которою некогда в Отелло и Езопе отдавали мы преимущество артистам, занимающим сии роли на московской сцене, скажем, что в роли Кадера г. Брянский превзошел г. Щепкина. Вся роль разобрана была с тонкостью и выполнена с искусством; умная и верная игра его доставила истинное удовольствие и самым взыскательным зрителям. Мы заметили, однако, две ошибки, из ко-

торых последняя могла произойти от случайности сценической. Во втором действии г. Брянский, говоря о желании угостить детей своего друга, коим некогда был сам угощаем, придал вовсе ненужную силу и чувствительность словам простым, неважным: их надобно было сказать мимоходом; а в третьем действии, когда участие в повести, рассказываемой Кадером, изобличает настоящего вора, слова: «*Вор, отдай же украденные алмазы...*» были сказаны слабо, не могли смутить преступника и исторгнуть у него признания в вине. Должно было: искусно ослабя окончание предыдущей речи, поразить виновного решительным переходом в совершенную уверенность или сказать вышеприведенные слова с большею силою, нежели они были сказаны г. Брянским. Уступая ему преимущество в целом, у г. Щепкина были, однако, места, в которых его живая чувствительность на сцене производила впечатление сильнейшее на зрителей. Два года не был в Москве г. Брянский, и мы с удовольствием заметили, что голос его сделался мягче, гибче и приятнее: верхние тоны прежде у него были дики и

несвободны. Вот как истинные артисты и в зрелых летах не перестают трудиться, обрабатывая свои средства, — пример, достойный подражания!

Нам не случилось видеть г. Брянского в последнее представление «Мизантропа»; по мнению некоторых любителей театра, он всю роль играл ровно, благородно и верно своей методе, но с ощутительным недостатком вспыльчивости и опрометчивой чувствительности. Мы видели его прежде в этой роле и уверены в справедливости сего мнения. Скажем мимоходом, предоставляя себе при случае поговорить об этом пространнее, что роль Мизантропа (переложение сей пьесы на русские нравы — есть ошибка), по нашему мнению, играетя на сценах обеих столиц, даже французскими актерами — неверно. Мольер, вероятно, хотел представить не степенного, важного, благоприличного и *пожилого* человека, но весьма *молодого*, несветского, вспыльчивого до бешенства, опрометчивого и чувствительного до глупости юношу. Он во всей пьесе не мизантроп, а филантроп, и человеконенавистником делается уже после от-

каза Солимены. Это следствие обстоятельств и поступков его в продолжение пяти действий, а не причина их. Так по крайней мере нам кажется.

С большим любопытством и вниманием смотрели мы на г. Брянского в роли Франца Моора в трагедии «Разбойники». Мы ожидали отличного исполнения и откровенно признаемся – ожидание наше не вполне удовлетворилось. Впрочем, мудроно винить и артиста: роль Франца ужасно обрезана и совершенно искажена; еще прибавим, что судим г. Брянского, как отличного актера, со всевозможною строгостию. Вот какие были недостатки, по нашему мнению: Франц Моор не холодный злодей, а неистовый; бешенство страстей довело его до злодейств неслыханных: зависть к брату, чувственная любовь к Амалии; яркими чертами горит на нем его характер; его ненавидят все; он никого не обманывает; даже и отца, ослабевшего умом от старости, он не убеждает, а принуждает; вот почему в некоторых сценах первых двух действий игра г. Брянского нам показалась не вполне выражающею характер Франца; она была равна,

спокойна, даже благородна; обманы, убеждения, клеветы его – не отвратительны, не возмущали сердца зрителей; не видно было волнения злодея. – Средину и конец последнего действия сыграл г. Брянский отлично хорошо, а началом мы были также не совсем довольны: не робость простачка, а ужас злодея должно представить. Сон был рассказан холодно, даже неискусно: без крика, шепотом можно рассказать его, но живостию рассказа потрясти сердца зрителей. С сожалением должно сказать, что г. Мочалов роль Карла Моора в это представление играл нехорошо, а к большому сожалению, именно погрешностями исторгал рукоплескания у некоторых зрителей. Первое действие было играно с излишним огнем и разными выходками для райка; второе лучше, в третьем и четвертом он уже не находил в себе чувства и огня и заменял их неуместным криком, усиливая и слабые места; «*мой отец...*» – слова, которые он говаривал неподражаемо, были не слышны, а «*приведите мне его живого*» – сказаны карикатурно, с троекратным повторением последнего слова.

Роль Миллера в трагедии «Коварство и любовь» г. Брянский выполнил с удивительным совершенством. Как разнообразен репертуар этого почтенного артиста и как это выгодно для театра!

Наконец, видели мы г. Брянского и в «Уроке старикам», комедии де Лавиня: он играл Данвиля, а г. Щепкин – Бонара. Это был для нас уже последний опыт искусства и дарования г. Брянского. Мы внимательно наблюдали игру и решительно скажем, что ему не должно играть характеров пылких, исполненных живой чувствительности. У него нет наружного, сценического огня, и в чувствительных явлениях мимика лица неприятна; он впадает в чтение, в декламацию во всех сильных местах; когда заговорит скоро – орган его сам себя заглушает и произношение становится нечистым. Он все делал, что мог и что должно опытному артисту, но все было холодно и потому не производило впечатления. Г-н Щепкин умел весьма искусно сыграть Бонара и доставил удовольствие скучавшим зрителям, хотя нам кажется игра его не совсем верною: Бонар насмешник добродуш-

ный, грубоватый в обращении. Впрочем, средства г. Щепкина едва ли позволяют ему играть эту роль иначе. Но кто позволил ему трепать себя по русскому брюшку? Г-жа Синецкая очень хорошо выполнила роль г-жи Данвиль. Г-н Афанасьев, в котором весьма заметно истинное дарование и даже искусство, играл Валентина однообразно, принужденно и карикатурно. Слабая походка никуда не годилась. Советуем ему держаться простоты, естественности и не внимать ни смеху, ни хлопанию райка.

Водевиль «Молод и стар» весьма забавен, а по разговорному языку едва ли не лучший у нас. Некоторые куплеты очень остроумны, некоторые – натянуты. Водевиль разыгран был превосходно. Г-н Живокини очень хорош, кроме походки: зачем фарсы при такой прекрасной игре? Г-ну Щепкину мы бы советовали не торопиться в пении, лучше говорить последний куплет, не слишком живо выражать некоторые чувства, не потирать руками и проч... и без того понятно все и забавно.

Мая 14.

**«Обриева собака», «Дипломат»,
«Новый Парис», «Семик»***

«Обриева собака»

Мелодрама в трех действиях

«Дипломат»

Комедия-водевиль в двух действиях, перевод с французского гг. Шевырева и Павлова

«Новый Парис»

Опера-водевиль в одном действии, переделан с французского Н. И. Хмельницким, новая музыка гг. Маурера и Верстовского

«Семик»

Разнохарактерный дивертисман и пр. и пр. Бенефис г-жи Над. Репиной

21 июня.

Несмотря на лето и пустоту Москвы, Большой Петровский театр почти был полон. Публика убедительно доказала, что уважает талант и ценит всегдашнее усердие бенефициантки, в первый раз еще получившей бенефис; без этой причины ни «Собака», ни два новые водевиля, ни новая музыка не могли

бы собрать лучшую публику в то время, когда она решительно в русский театр не ездит. Г-жа Репина была встречена громкими и продолжительными рукоплесканиями, а после водевиля «Новый Парис» вызвана *одна*, единственно в знак лестного благоволения публики, хотя гг. Щепкин и Сабуров, по достоинству ролей своих, играли гораздо лучше ее. Выбор пьес, кроме первой, которая попала нечаянно и заменила комедию «Дворянские выборы», [42] делает честь бенефициантке; ее бенефис был прекрасен без всякого содействия театральных машин. Она просто торжествовала благосклонное внимание признательной московской публики.

Ни слова не скажем о «Собаке»: что говорить о подобных пьесах; одно только появление, в роли Немого, нашей прелестной танцовщицы г-жи Гюльень заслуживает внимание.

«Дипломат», комедия-водевиль, известный давно остроумием и веселостию, который на сцене многие давно желали видеть, заранее обещая ему блестящие успехи, испытал странную участь и непрочность надежд чело-

веческих! Переведенный уже целый год, ходивший по Москве в многочисленных списках, игранный на благородных театрах, осыпaeмый похвалами за интригу и острые куплеты – был принят на публичной сцене довольно холодно; даже не последовало обыкновенного знака одобрения, часто незаслуженного и весьма несправедливого, – вызова переводчиков. По нашему мнению, вот решение этой задачи: 1) Большая часть публики не слыхала водевиля, следовательно не поняла и скучала. Известно, что наш Большой театр глух; к тому же в этой пиесе нельзя было кричать или вытягивать слова карикатурно, ибо действующие лица в нем принадлежат к лучшему обществу, а потому этот водевиль был слышен менее всех, игранных когда-либо на Большом Петровском театре. 2) Публика наша, как и везде, делится на два разряда, из которых высший (а пиеса именно написана для него), к сожалению, не хлопает и не вызывает. 3) Артисты наши делали все, что могли; [43] но скажем откровенно, не опасаясь оскорбить их самолюбия и отдавая всю справедливость их стараниям, что и в этот раз мы мо-

жем похвалить в них – одно усердие. Актеры, которые обыкновенный водевиль разыгрывают превосходно, легко могут в такой пиесе, где действующие лица – владетельные герцоги, посланники, князья и графы, играть дурно, тем более, что такого рода пиес они никогда не играют. Женщины были лучше мужчин, но г. Сабуров несравненно лучше всех: ловок и натурален; более живости – и мы назвали бы его игру прекрасною. Искренно желаем, чтоб такие пиесы игрались часто: это было бы школою для наших артистов, разумеется любящих свое искусство. 4) По замечанию многих зрителей, герцог и его племянник были одеты неприлично, а музыка к некоторым куплетам (не слишком ли их много?) прибрана не весьма удачно. Вот причины, по которым прекрасный водевиль, с прекрасными куплетами, был принят несколько холодно; удивительно, однако, как многие острые куплеты, блестящие не пошлыми насмешками над судьями, докторами и мужьями, но мыслями новыми, не обратили на себя внимания публики? Как бы не похлопать, например, следующим стихам:

Шавиньи

*Война – вот наше наслажденье!
В своем мы деле мастера;
И наша шпага на сраженье
Острее колется пера.
И вы ведь так же много бьетесь,
У вас все та же кутерьма;
Но только вы с умом деретесь,
А мы деремся без ума.*

Он же

*Поверьте мне, почтенный граф,
Что я политикой не занят;
Меня от милых мне забав
Ее дела не переманят.
Я с ней век сладить не умел,
И мне ль она не надоела?
Служил у иностранных дел –
И вечно странствовал без дела.*

Герцог

*Он вас всех слушается боле,
И ваш совет ему так свят.*

Шавиньи

Все, что в его светлейшей воле,

*Ему советовать я рад.
Мы то укажем, что прикажут;
Властители, в делах своих,
Всегда нам одобренье скажут,
Когда мы скажем что по них.*

Шавиньи

*Я какой судьбою чудной
Залетел так высоко:
Хоть попасть в министры труд-
но,
Но министром быть легко.
Я здесь первый и последний
Выслужился без хлопот:
И не терся я в передней,
Чтобы двигаться вперед.*

Мы не выписываем самых лучших куплетов потому, что они были уже напечатаны в «Атенее».

Опера-водевиль «Новый Парис», довольно забавный фарс, написанный легким, разговорным языком, с гладенькими куплетами, был разыгран очень хорошо. Вот тут наши артисты стояли на своих местах. Г-н Сабуров отлично играл нового Париса.

В «Семике» случилась другая странность:

прелестные русские песни г. Верстовского не удостоились ни малейшего одобрения! Что сказать в оправдание? Их так проворно спел г. Бантышев, что зрители не успели почувствовать их достоинства; иные ждали этих песен до конца дивертисмана, а к тому же – было слишком поздно.

26 июня.

Сейчас мы, к удивлению нашему, прочли в газетах, что «Дипломат» и «Парис» повторяются в пятницу, 28 июня, опять на Большом театре! Чтобы опять их не слышали? Кажется, комедии и водевили всегда повторяются на Малом театре, по крайней мере некоторых сочинителей и переводчиков?..

«Юрий Милославский, или Русские в 1612 году»*

Исторический роман в трех частях
Сочинение М. Н. Загоскина. Ч. I, с. 236. Ч. II, с. 166. Ч. III, с. 263.

Москва. В тип. Н. Степанова, 1829

Радуюсь прекрасному явлению в литературе нашей, как общему добру, мы с большим удовольствием извещаем читателей, что, наконец, словесность наша обогатилась *первым историческим романом*, первым творением в этом роде, которое имеет народную физиономию: характеры, обычаи, нравы, костюм, язык. Не один раз прочитав его со вниманием и всегда с наслаждением, мы считаем за долг сказать свое мнение откровенно и беспристрастно, подкрепляя по возможности доказательствами похвалы свои и осуждения, разумеется кроме тех случаев, где и то и другое будет основано на чувстве чисто эстетическом – вкусе: он у всякого свой. Если б романы Вальтер-Скотта были написаны на русском языке, и тогда бы «Юрий Милославский» сохранил

свое неотъемлемое достоинство. Это небывалое явление на горизонте нашей словесности: романы Нарезного хотя показывают некоторое дарованье в сочинителе, но выполнены слишком дурно во всех отношениях; в других новых наших романах нет ничего национального, русского.

Эпоха или время действия выбрано самое счастливое; исторические происшествия и лица вставлены в раму интриги с искусством, освещены светом истории прекрасно и верно.

Москва во власти поляков присягнула королевичу Владиславу. Страх, своекорыстные виды и неимение других средств к спасению государства, раздираемого безначалием, междоусобием и развращением нравов вследствие тиранского самовластия Иоанна, слабости Федора и преступных путей к престолу Годунова, заставили всех прибегнуть к сему несчастному поступку. Герой романа, Юрий, сын умершего боярина Дмитрия Милославского, бывшего воеводой в Нижнем Новгороде, известного своею ненавистью к ляхам, присягнул вместе с прочими Владиславу. Юный, прекрасный, добродетельный, набож-

ный и страстно любящий свое отечество, Юрий увлекся примером и обстоятельствами. Личное уважение и даже приязнь соединяет его с Гонсевским, начальником польских войск, занимающих Москву. Слух, что низовцы, удаленные от ужасов московских, следовательно лучше других понимающие настоящее положение дел, уже вразумленные коварством Сигизмунда, собираются восстать народною войною на чуждых утеснителей, встревожил сих последних, и Гонсевский, вместе с другими, посылает в Нижний Новгород Юрия Милославского для усмирения взволнованных умов. Кто лучше его, сына заклятого врага поляков, добровольно целовавшего крест Владиславу, может убедить непокорных? С этой точки начинается роман. Расскажем в коротких словах его содержание, обнажив главный ход от явлений эпизодических: влюбленный в неизвестную девушку, виденную им недавно в московской церкви Спаса на Бору, Юрий Милославский едет в Нижний; в продолжение дороги, а особливо в доме боярина Кручины Шалонского глаза его открываются, и раскаяние в присяге Влади-

славу им овладевает; в Нижнем это чувство возрастает до высочайшей степени, до отчаяния, и Юрий, сказав речь в собрании сановников нижегородских как посланник Гонсевского и спрошенный Мининым: *что бы он сделал на их месте?* – не выдержал и дал совет идти к Москве, ибо поляки слабы. В то же время решается он и объявляет торжественно, что идет в монахи, ибо не может сражаться ни за ту, ни за другую сторону. Юрий приезжает в Сергиеву лавру, объявляет Аврааму Палицыну о своем желании и о причинах оною. Палицын принимает его предварительный обет иночества, разрешает от клятвы Владиславу и посылает как своего послушника сражаться с поляками под Москву. Юрий едет; на дороге, чтоб избавить от виселицы дочь боярина Шалонского, в которой он еще прежде узнал свою любезную, женится на ней (это обстоятельство оправдано прекрасно) и тот же час отвозит свою несчастную молодую в монастырь Хотьковский и прощается с нею навеки. Москву освобождают, поляки разбиты и бегут; Юрий открывается Палицыну в своем вынужденном браке, и

Палицын разрешает его от обета идти в монахи, основываясь на том, что брак есть уже таинство неразрешимое, а послушники могут возвращаться в свет, и Юрий, как видно из эпилога, делается счастливым супругом Анастасии.

В чувствительном роде лучшие места: восстание нижегородцев и смерть боярина Шалонского; в комическом: две шутки Кирши, его колдовство и посвящение в колдуньи старухи Григорьевны; в ужасном: буйная ярость шишей (русских гвериласов); в описательном: переправа через Волгу в то время, когда лед только что тронулся.

Должно заметить, что никто не имеет такой комической добродушной веселости, как г. Загоскин; в этом отношении талант его высшего достоинства и совершенно оригинален. Читая роман сей, есть где заплакать от душевного умиления и от сердца посмеяться самому невеселому человеку. Но нельзя сказать, чтобы любопытство и участие в развязке были подстрекаемы сильно.

Не говоря уже о характерах некоторых действующих лиц, большею частью хорошо

выдержанных, разнообразных, прекрасно изобретенных, комических положениях, об искусной отделке подробностей, впрочем не всех, главнейшее достоинство сего романа состоит в живом, верном, драматическом изображении нравов, домашнего быта, местностей, особенностей и природы царства Русского. Вот язык, которым должны были, кажется, говорить люди русские в 1612 году; вот их образ мыслей. Кто знает хорошо свое отечество, тот станет восхищаться верностью сих картин; кто не знает его (ибо много есть русских, не знающих ничего в России, кроме гостиных Петербурга или Москвы), тот, вместе с иностранцами, познакомится с жизнью наших предков и теперешним бытом простого народа.

Интрига романа проста, не запутана эпизодами, хотя ход ее не везде равно выдержан; некоторых мест нельзя читать или слышать без живейшего участия, без слез; таковы: речь Минина, восстание в Нижнем Новгороде, смерть боярина Кручины, смерть юродивого. Впечатление сего романа самая чистая нравственность: любовь к отечеству и добро-

детели.

В первой части и несколько во второй приметна в романе какая-то неполнота в описаниях, сжатость, неоконченность и даже неясность. Не знаем, что тому причиною: новизна ли труда, или торопливость; третий том во всех отношениях написан лучше двух первых. Можно заметить, что поступок Юрия Милославского, уже разочарованного насчет намерений Сигизмунда, но продолжающего действовать вопреки своему сердцу и даже долгу к отечеству и, наконец, в совете сановников нижегородских от одного вопроса Минина говорящего против себя и опровергающего собственные слова (ну, если бы его послушались?) – несколько странен. Можно укорить Юрия слабостью ума и характера. Не говорим уже о том, что Гонсевский и другие, пославшие его в Нижний для укрощения бунта, были весьма неблагоприятны, даже просты, ибо людей нетвердых и всего более вполонину преданных к их стороне, не посылают для отвращения гибели в решительную минуту. Шутка Милославского с паном Копычинским, которого он заставляет съесть целого гуся, –

всем известная быль, она не в характере Юрия, доброго и кроткого человека; запорожец Кирша гораздо забавнее и естественнее выгоняет лишний народ из избы, сказав, что один из проезжих – разбойничий атаман, по прозванию *чертов ус*. Из всех лиц романа язык только одного Юрия иногда отзывается новыми выражениями и мыслями.[44]

Вот несколько частных замечаний:

Часть I.

1) Нельзя в начале апреля, при необыкновенном продолжении зимы, ездить целиком (стр. 8): глубокие снега около Нижнего того не позволят, разве по *насту*, но этого не объяснено. Жестоких метелей в сие время не бывает: снег получил *осадку*, и ветер не может *взрывать* его (стр. 9). Нехороша фраза: *на бесчувственном лице изобразилась радость* (стр. 17).

2) Вначале сказано, что *Смоленск во власти польского короля* (стр. 3), а известие о взятии его получено Юрием после: в доме Кручины Шалонского.

3) Слово *беглец* (стр. 24), вероятно, не упо-

треблялось тогда – в простых разговорах, как и ныне, не скажут: он беглец, а он беглый.

4) *Простоволосая* (стр. 38) значит не глупую, а не повязанную платком женскую голову, что считалось и считается предосудительным; отсюда в переносном смысле составил глагол *опростоволоситься*, то есть дать себя поймать без повязки, застать врасплох.

5) Слово *мыт* (стр. 39) надобно объяснить. Его знают как имя болезни.

6) *Я не привык кормиться ничьими остатками* (стр. 77). Дурное и двусмысленное выражение. *Объедками*, вероятно, желал сказать сочинитель.

7) Не говорят колдуну: *тебя умудрил господь* (стр. 105).

8) Причина недостаточна, почему поляки не стали осматривать чулана колдуна (стр. 113): *кой черт велит ему забиться в эту западню*, говорят они, но сия причина и прежде существовала, а они все-таки выбили дверь; явно, что это нужно было автору и он поступил самовластно.

9) *Узда заменялась медною цепью* (стр. 121). Едва ли! Разве вместо удила и поводьев

была медная печочка.

10) Колдуны именно не ходят в церковь; им за то и верят, что они в связях с дьяволом! (стр. 122).

11) Странно, как ускакал Алексей на своем *пешем* коне от преследованья поляков? (стр. 125).

12) Выражения Юрия: *мнение толпы ничего не доказывает, и сольются поколения в один народ...* слишком новы и неуместны в разговоре со слугою. Это хотелось сказать автору (стр. 127).

13) Не говорится: *зарезанный бык* (стр. 133), а убитый.

14) *Ревел нелепым голосом* (стр. 138); выражение неточное.

15) *Дурной гражданин едва ли может быть хорошим отцом* (стр. 148). Весьма часто бывает: примеров много.

16) Подстилка нескольких снопов соломы (стр. 161) в избе, куда ждут молодых из церкви и кучу гостей, – невероподобна.

17) Дурные стихи плохого поэта дурно выраженной мысли Байрона не стоят повторения:

*Улыбка горести подобна
На гроб положенным цветам!..*

18) *Бедненький ох, а за бедненьким бог; за-
чем изменять народную поговорку в народ-
ном романе?* (стр. 245). Надобно сказать: го-
ленький ох, а за голеньким бог!

19) *Воображение охладело, и Юрий заснул*
(стр. 255). Боже сохрани, только успокоилось.

Часть II.

1) *В случае нужды готов довольствоваться*
(стр. 19); правильнее сказать: не готов, а
может.

2) *Вспорхнул на седло* (стр. 3) нейдет как-то
к запорожскому казаку; лучше: *взмахнул*, а
притом правильнее: *вспорхнуть с гнезда*,
нежели *вспорхнуть на дерево*.

3) *Народ отхлынул, как вода* (стр. 31);
неприменно надобно сказать: от чего? от ска-
лы или плотины.

4) Злые кони сбивают седоков тем, что на
всем скаку бросаются в сторону; а поворотить
круто на скаку, как пишет сочинитель на стр.
32, никакая лошадь не может: сама упадет.

5) Околица не может быть затворенная (стр. 23), а разве ворота.

6) Юрий с слугою опередили солнце (стр. 36); чем? как? Переход к прощанию Юрия с Шалонским чрезвычайно сжат.

7) Похоронит так далеко от торопился, что лучше сказать уж: похоронил (стр. 43).

8) Соскучив не получают ответов (стр. 43); дурная фраза.

9) Кирша говорит неправду два раза сряду. Прежде он сказывал, что казак им убит, а теперь говорит: к счастью, он отдохнул. Корабленников тоже ему не давали, а только хотели дать (стр. 47).

10) Ангел красоты (стр. 50) нейдет говорить Юрию: ново.

11) Оправдание, почему Кирша не открыл опасности Юрию (чтоб не посорить его с отцом любезной), весьма выискано и казаку не свойственно (стр. 57).

12) Нехорошо сказать: Аргамак вместо того, чтоб драться с лошадью и пр. (стр. 68).

13) Читатель остается в неизвестности, зарядил ли пистолет свой Юрий (стр. 71), а это знать нужно.

14) Ответ запорожца Кирши на вопрос Алексея: для чего он не предупредил их о разбойниках? самый странный; он говорит: *я боялся, что вы не сумеете притвориться*, и т. д. Это пустое оправдание; да разве он не мог также хватить Омляша по голове, не доезжая до оврага, где спрятаны его товарищи? Какой опасности подвергал он и себя и своих благодетелей без всякой причины! Не понимаем даже, для чего автору было это нужно?

15) На стр. 79 опять наши путешественники в водополь и распутье, только начавшееся, когда глубокие снега напитались водою, ездят по лесу и оврагам без дороги. У нас в это время почти вовсе проезда не бывает и по дорогам, особливо около Нижнего.

16) Закраиною называется лед, примерзший к берегу, а не расселина между льдом и берегом, как выразился сочинитель на стр. 85: *перепрыгнув через закраину*.

17) На стр. 89. Юродивый играет на песчаной косе с ребяташками; это невозможно: тогда все было еще покрыто льдом, снегом и прибывшею, полою водою.

18) *Милославский провел большую часть*

ночи, размышляя о своем положении, которое казалось ему вовсе незавидным (стр. 108). Последние слова похожи на шутку, а Юрий был в ужасном состоянии.

19) Побасенка Минина об утопающем отце и сыновьях его (стр. 133) рассказана неясно, и применение ее к положению Милославского неверно.

Должно заметить, что выражение *меж тем* чрезмерно часто и иногда некстати употребляется в целом романе. А всего досаднее оно после прекрасного, исполненного чувства обращения автора на стр. 121:

О, как недостаточен, как бессилен язык человеческий для выражения высоких чувств души, пробудившейся от своего земного усыпления. Сколько жизней можно отдать за одно мгновение небесного чистого восторга, который наполнял в сию торжественную минуту сердца всех русских! Нет, любовь к отечеству не земное чувство! Она слабый, но верный отголосок непреодолимой любви к тому неизвестному отечеству, о котором, не постигая сами тоски своей, мы скор-

*бим и тоскуем почти со дня рожденья
нашего.*

Меж тем все спешили по домам и пр.

Часть III.

1) Запорожец, столько преданный Юрью, узнав о мнимой его смерти, вскрикивает: *ах боже мой, боже мой...* и велит казакам подать кису с водкой и пирогом (стр. 8). Это не в характере Кирши: он слишком горячо привязан к Милославскому.

2) *Лошади шарахнулись и стали* (стр. 16). Шарахнулись не значит испугались, а бросились от испуга.

3) *Что же прибыли, что Юрий и жив* (стр. 21); и правильнее по смыслу речи, и лучше сказать: *если Юрий и жив.*

4) Сочинитель говорит на одной и той же 58 стр.: *и в наше время многие воображают Муромские леса*

*Жилищем ведьм, волков,
Разбойников и злых духов.*

А несколько строк пониже: *о ведьмах не говорят уже и в самом Киеве; злые духи оста-*

лись в одних операх, и пр.

5) Автор прекрасно выдержал характер за- порожца Кирши, который не согласился вы- тащить утопающего в болоте земского ярыж- ку (стр. 96), но, кажется, в оправдание Кирши надобно бы сказать, что, вытаскивая разбой- ника, подвергались опасности утонуть чест- ные его товарищи. Притом не худо объяс- нить, что дорога по таким непроходимым то- пям делается из гати, которая, перегнив, пре- вращается в чернозем, а по оному растут не одни уже болотные травы и корнями связы- вают зыбкую трясиину. Этого не все знают. Стая волков, бегущая к утопшему, хотя произ- водит эффект на читателя, но это несправед- ливо. Никакое чутье не могло слышать запа- ха от человека, затянутого глубоко в тину, тем более по прошествии одной минуты.

6) *В течение сего разговора* (стр. 98). Нехо- рошо. Лучше: *в продолжение*.

7) Опять искажение пословицы: *Не спро- сясь броду, не бросайся в воду*. Надо сказать: *не суйся в воду*. При некотором размышлении всякий почувствует, что *бросаться* и *совать- ся* не синонимы.

8) На стр. 112 сочинитель говорит, что Троицкая лавра *отстоит от Москвы не далее шестидесяти четырех верст*. Тут надобно сказать положительно: во стольких-то верстах.

9) *Я едва смею надеяться, что ты не отринешь* и пр., нехороша фраза.

10) *Хлебы пересидели* (стр. 142); говорится: *пересиделись*.

11) (стр. 175) невероятно, чтоб у Анастасии, бывшей в руках грабителей-шишей, нашлись, как нарочно, на пальцах два золотых перстня для обрученья.

12) *Он приподнял раненого, в котором читатели, вероятно, узнали уже боярина Кручину*. Никак нельзя узнать; сочинитель описал местоположение, не известное читателям.

13) Анастасия, обвенчавшись с Юрием, через несколько минут прижимает руку его к своему сердцу и говорит: *чувствуешь ли, как бьется мое сердце? Оно живет тобою* и пр...И действие и слова не в характере того времени. Анастасия могла взять руку Юрия и поцеловать. Также, прощаясь с ним у ворот Хотьковского монастыря, по нашему мнению, сле-

довало бы ей поклониться в ноги своему спасителю, супругу и *господину*.

Искренно признаемся, что большая часть наших замечаний маловажны; это послужит доказательством автору внимания, с которым мы читали его сочинение, и желания видеть труд его в совершеннейшем виде. Хотели было мы выписать несколько страниц из лучших мест, но поистине затруднились в выборе: весь роман есть одна из приятнейших и замечательных страниц в летописях нашей словесности[45]

К сожалению, должно прибавить, что, несмотря на хорошую бумагу и буквы, печать нехороша и что бесчисленное множество знаков восклицаний, двоеточий и тире, часто неверно поставленных, досаждают читателю. Правописание также несколько капризно. Виньеты гравированы недурно, но нарисованы очень плохо. Мы уверены, что скоро понадобится второе издание, в котором, конечно, постараются избежать этих мелочных недостатков.

Рекомендация министра*

Довольно рано поутру, то есть в одиннадцатом часу, и в приемный день докладывают министру, что какой-то чиновник с рекомендательным письмом просит позволения представиться его высокопревосходительству. Министр был человек неласковый на приемы. «Черт бы его взял! – закричал он. – Что ему надобно? Впусти его». Чиновник входит тихими шагами, униженно кланяется и объясняет, что его высокопревосходительство обещался при случае замолвить за него словечко. «Вот тебе раз! – заревел министр. – Ты, батюшка, сумасшедший: я сроду тебя не видывал». – «Точно так, ваше высокопревосходительство, но вот письмо той особы, которой вы изволили обещать – попросить за меня», – и чиновник подал письмо с низким поклоном. Письмо было от такого человека, которому *нельзя было* отказать. Министр бесился, но делать нечего. «Ну хорошо, – сказал он, – хоть я тебя не знаю и ты просишь важного места, на которое много искателей, но так и быть: *для его сиятельства* я напишу письмо к N. N., а он

для меня даст тебе место. Садись и пиши». Чиновник сел за письменный стол, взял бумагу, перо, обмакнул его в чернилицу и с подобострастием ожидал диктовки. «Пиши, – начал министр, ходя большими шагами по комнате. – Милостивый государь мой... Ну, пиши, как его зовут?» – «Я не знаю, ваше высокопревосходительство», – с трепетом и едва внятным голосом отвечал чиновник... – «Ну вот, батюшка, ведь ты глуп! Не знаешь, как зовут того, кого надобно просить за тебя!» – «Кажется, Иван Федорович или Федотович...» – «Ну, пусть будет он Федотович, пиши: Милостивый государь мой Иван Федотович! Написал?» – «Написал, ваше высокопревосходительство». – «Покажи... Ну, батюшка, ты совсем дурак. Зачем ты поставил знак восклицанья? Ведь он не министр и не равный мне: пристало ли моему знаку восклицания стоять перед ним во фрунте? Точку, сударь, ему, точку. Пиши: податель сего письма известен мне... Ну, да черт тебя знает, как ты мне известен!» – «Письмо его сиятельства», – промолвил чиновник. «Ну, ну, пиши: известен мне за способного и знающего чиновника, а потому

прошу вас, милостивый государь мой, доставить ему место, коего он желает; а я за оное останусь вам благодарным... благодарным!.. Черт вас побери обоих... Есть за что мне благодарить!.. Ну, пиши: с моим почтением честь имею, и прочее, как обыкновенно. Написал? Давай подпишу, да и провались от меня... Ах ты, болван! – закричал министр вне себя от гнева, взяв письмо и прочитав его. – Ну как тебе быть правителем дел, когда ты под диктовку трех слов написать не умеешь! Ты написал: имею честь быть... Да разве я могу быть?.. Ты можешь быть, он может быть (указал министр на человека, прошедшего мимо дверей). А я могу пребыть; разве не читывал рескриптов? как там пишется? пребываем. Я ведь министр. Выскобли, сударь, выскобли, вот так»... Чиновник выскоблил; министр подписал.

Рекомендация подействовала, место было дано искателю, и он через несколько лет подлыми происками приобрел довольно значительность и даже, несправедливую впрочем, славу умного человека. Но министр всегда улыбался, когда слышал последнее, и гово-

рил: «Полноте, он дурак; он думал, что я могу быть!»

«Дон Карлос, инфант испанский» и «Посланник»*

«Дон Карлос, инфант испанский»
Трагедия в пяти действиях, сочинение Шиллера, переведенная стихами, размером подлинника, [46] г. П. Ободовским

«Посланник»

Комедия-водевиль в одном действии, перевод с французского

Разнохарактерный дивертисман

1830 года, января 3. Пятница. Бенефис г.

Мочалова

Жалко было смотреть и на изуродованных «Разбойников»; но искажение «Дон Карлоса» несравненно прискорбнее для всех почитателей знаменитого германского драматурга. Это правда, что пьеса в оригинале не удобна для представления по своей огромности, но, кажется, есть «Дон Карлос», уменьшенный самим автором и написанный прозой для игры на театре. По нашему мнению, как мы и

прежде имели случай сказать, такого рода выкройки суть святотатства, в смысле оскорбления святости прав сочинителя, и какого же? великого Шиллера!.. Никого не обвиняя положительно, заметим, что в Петербурге для бенефисов заведено такого рода выкраивание. – Всех более пострадал несчастный маркиз Поза, этот высокий фанатик добродетели! Поступки его – загадка для зрителей, ибо характер нимало не развернут; Филипп – сумасброд, а последняя сцена с Дон Карлосом – бессмыслица! Вот каково вынимать звено из славного целого творения. Забавно также превращение Доминго из духовной особы в светскую, тем более, что ему обещают кардинальскую шапку. Хорошее исполнение «Дон Карлоса» затруднит всякий театр, труппу, богатую драматическими актерами; но в Москве, где существует один только талант трагический, такое предприятие вовсе неудобно исполнимо. Итак, искренно пожалев о наших артистах, делавших не свое дело или не умевших за него приняться, поговорим о г. Мочалове. Роль Дон Карлоса создана, так сказать, по форме его таланта. Порывы страстей,

бурные восторги любви, благородный пламень чувств, характеристика Карла и – таланта Мочалова; в этой роли он должен был далеко превзойти Каратыгина; совершенства могли мы ожидать и – обманулись в своих ожиданиях. Кроме обыкновенных пороков игры его, впрочем неизвинительных, то есть недостатка благородства, беганья по сцене, хлопанья руками по бедрам, он до того неровно играл, что казалось, в одной и той же сцене говорили за Дон Карлоса разные люди; он впадал в такую тривиальность, что многие выходы можно было назвать истинно комическими. Откуда взял он это приторное нежничанье, это псалмопевное завыванье? Мы не узнавали Мочалова. Но вправе ли мы требовать, чтоб он поверил нам? Публика осыпала рукоплесканиями те места, за которые его освистали бы в Париже, и молчала там, где был он прекрасен! (ибо все-таки он имел минуты превосходные); но мы напомним г. Мочалову, что просвещеннейшая часть зрителей, по несчастному какому-то обычаю, хлопает мало и редко и что всего менее можно полагаться на одобрение публики бенефис-

ной. Нелицеприятная истина заставила нас без пощады высказать правду; но мы знаем, что многое можно сказать и в извинение г. Мочалову. Первое: играть не с кем; второе, и самое важное: это был бенефис. Не всем известны хлопоты и суматоха, его сопровождающие. Послезавтра повторяют «Дон Карлоса»; посмотрим и скажем читателям, ошиблись мы или нет в своих предположениях. Кажется, нельзя г. Мочалову самому не чувствовать дурного исполнения прелестной роли.

Прекрасный водевиль «Посланник», весьма хорошо переведенный (переводчик неизвестен) и прекрасно разыгранный, доставил нам большое удовольствие. Куплеты очень милы, но последние слабее, а это важная ошибка, ибо в водевиле, более даже чем в других делах, конец венчает дело. Как обрадовались зрители, увидя превращение г. Щепкина (из превращенного в секретари Доминго) в графа Аранцо. Г-жа Репина играла прелестно, по обыкновению, а г. В. Степанов — необыкновенно хорошо. Не имея никаких особенных причин бранить этого приятного молодого актера, мы скажем, что игра его до-

ставила большое удовольствие всем зрителям. Дивертисман был составлен из прекрасных танцев, как и всегда.

Выписываем несколько куплетов из водевиля «Посланник». Слуга, Лафлеш, говорит: каков же я дипломат? а граф Аранцо отвечает: не дипломат, а разве плут! Лафлеш, оставшись один, поет:

*Мы слышали то издревле:
Что дороже, то в чести;
Что немножко подешевле,
В том как будто нет пути.
Здесь зависит все от платы:
Попадем по деньгам мы
За сто франков – лишь в плуты,
За сто тысяч – в дипломаты.*

Лафлеш уговаривает Занету, молоденькую модную торговку, чтоб она притворилась влюбленною в одного молодого человека, за что ей щедро заплатят.

Занета (поет)

*Нет, нет, благодарю покорно.
В любви я никогда не лгу.*

*Любить, вздыхать, страдать при-
творно
Я не умею, не могу.*

Лафлеш

Так вот совет для нашей цели.

Занета

Какой, позвольте вас спросить?

Лафлеш

*Его притворно полюбить,
Его ж червонцы – в самом деле!*

Потом Занета поет:

*Пускай язык болтает гибкой,
Пусть бредит он – но то беда,
Что сердце слушает ошибкой
Его болтанье иногда.
Я это очень разумею,
Любовь лукавое дитя:
Когда шутя играем с нею,
Она уколёт не шутя.*

Наконец, вот два куплета из окончательного водевиля:

Граф

*Чтобы попасть в чины большие,
Советы выслушай мои:
Умей секреты знать чужие
И крепче запирай свои.
Возможно ль быть нам без секре-
та?
Весь мир есть тайный кабинет;
И знание всех секретов света –
Есть дипломатики секрет.*

Занета

*А разве мы не дипломатки?
Кто в силах нас перехитрить?
Красавиц милые загадки
Кто может лучше нас решить?
Иная свежестью пленяет,
Хотя давно ей сорок лет,
И кто же, кроме нас, узнает
Увядшей младости секрет?*

«Дон Карлос» отменен за болезнь г. Мочалова, и мы не можем сдержать своего обещания читателям. Не можем сказать, чувствовал ли Мочалов недостатки первого представления и умел ли их поправить.

«Посланника» давали в другой раз с комедиею «Недоросль», и прелестный, умный, чуждый фарсов и экивоков водевиль сей до-

ставил новое удовольствие публике.

1830. Января 9.

«Внучатный племянник» и «Чудные приключения и удивительное морское путешествие Пьетро Дандини»*

«ВНУЧАТНЫЙ ПЛЕМЯННИК, или ОСТАВКА ДИЛИЖАНСА»

Комедия в пяти действиях, в прозе Пикара, перевод А. И. Писарева

«ЧУДНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ И УДИВИТЕЛЬНОЕ МОРСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПЬЕТРО ДАНДИНИ»

Волшебная опера-водевиль в трех действиях, перевод с французского г. Ленского, и разнохарактерный дивертисман.

Бенефис г-жи Львовой-Синецкой 16-го января.

Содержание пьесы Пикара, впрочем презабавное, слишком скудно для комедии в пять актов; его было бы достаточно для водевиля

или маленькой комедии в стихах; это веселая шутка, довольно игриво исполненная, но чрезвычайно растянутая сочинителем и прекрасно переведенная покойным А. И. Писаревым. Пьеса вообще была разыграна довольно удачно; молодого адвоката, вместо г. Мочалова, играл г. Ленский недурно; но зато приятеля его, военного офицера Дервиля, играл г. Бантышев весьма плохо. Неотъемлемый его талант для ролей комических весьма невыгодно выказывался и в Дервиле. Роль г-жи Синецкой (она играла актрису Сенанж) неважна и могла быть выполнена лучше. Она играла благородно и ровно всю свою роль, а ей бы следовало сначала играть бойкую французскую актрису-субретку, а потом, когда она представляет вымышленное лицо наследницы, внучатную сестру настоящего наследника, Ласуша, то надобно больше аффектации, больше явного притворства и манерности, ибо глупого Ласуша обманывать должно крупными, так сказать выпуклыми, чертами; тонкому, искусному притворству, похожему на истину, он скорее бы не поверил.

Г-н Баранов был весьма натурален в роли

дурного актера; г-н Афанасьев играл доктора Монришара порядочно, но мы ожидали от него лучшего исполнения. Г-н Щепкин был очень хорош в роли Ласуша, купца, торгующего лесом; можно, однако, заметить, что он напрасно покашливал, пожимался и вообще, так сказать, поддавал пьесе излишнего комического жару. Мы знаем, что это значит: он боялся, что комедия покажется скучною; но, несмотря на доброе намерение, этого похвалить нельзя. Гг. Живокини и П. Степанов выполнили неважные свои роли прекрасно.

Волшебный водевиль «Пьетро Дандини», несмотря на фарсы автора, а может быть, и переводчика, весьма забавен: в нем много остроумных, колких и даже глубоких мыслей, завернутых в шутовские слова; приметно было, что иных намеков зрители и не поняли в настоящем смысле, тем более, что не ожидали их в волшебном и вздорном водевиле; перевод очень хорош: проза разговорна, и некоторые куплеты написаны легко и замысловато; жаль, что встречается довольно плоских шуток и каламбуров. Нельзя не похвалить г-на переводчика за благородное употребление

своих досугов; встретить в актере образованного человека, с успехом занимающегося переводом театральных пьес, хорошо делающего стихи – весьма приятно. Хотя перевод водевилей дело неважное, но приобретение разговорного языка не безделица. Желаем от души дальнейших успехов г. Ленскому.

В этом водевиле была важная достопримечательность: это декорации подводных чертогов Амфитриты, работы г. Брауна. Вот артист, которым московский театр по справедливости может гордиться! Это было истинное очарование! Восхищенные зрители встретили громкими рукоплесканиями новое и прекраснейшее произведение мастерской кисти нашего отличного декоратора. Многие утверждают, и мы согласны с ними, что ни в Москве, ни в Петербурге не бывало такой декорации. По окончании водевиля г. Браун был вызван, после г-жи Синецкой, вместе с гг. Живокини и Бантышевым.[47]

Новые костюмы, сделанные по рисункам Локуэса, очень хороши; но нельзя не заметить, что Истина, Нереида, реки и речки были одеты по-домашнему; что драгоценные ста-

туи, долженствующие явиться в великолепных волшебных чертогах последнего явления, весьма неприятно отличались от старой голубой залы слишком всем известной за комнату человеческой работы.[48]

Роль бабушки Дандини, превращающейся от живой воды в молоденькую девушку, занимала бенефициантка; дряхлую старушку можно бы сыграть с большим искусством, но быть весьма хорошею драматическою актрисою и хорошо представлять карикатуры – дело разное. Впрочем, мы рады, что г-жа Синецкая отлично исполняет первое, а не последнее. Карикатура не характер, и карикатурщик искусный – еще не артист и не актер. Г-жа Синецкая не поет, а потому она читала куплеты, и прекрасно. Восторг женщины, вдруг помолодевшей, она выразила отлично хорошо: с чувством и огнем. Г-н Живокини играл Пьетро Дандини с большим успехом. Еще поменее фарсов – и трудно будет пожелать лучшего исполнения этой роли. Г-жа Н. Репина, по обыкновению, была прелестна. Грех на сочинителе или переводчике, что он куплетом счастливого Пьетро возбудил в зри-

телях порок отвратительный – зависть. Несмотря на опасность прогневить г. Бантышева, несмотря на вызов публики, его прекрасный голос и комический талант, скажем, что он в роле Фретино, молодого мызника, сам не знал, кого играл: в одной и той же сцене он переменял тон, выражение и характер. Знатоки в музыке говорят, что он в пении не успевает... рано же г. Бантышев вздумал отдыхать на лаврах!..

О прекрасных танцах на московском театре нечего и говорить. Заметим только, что г-жа Гюлень, к удивлению зрителей, никогда почти не танцует с г. Ришаром; но это не мешает ей отличаться между нашими лучшими танцовщицами, как Сириусу между звездами!

Бенефис был невелик, мы насчитали очень много пустых лож, особливо в бельэтаже. Удивляемся этому. Кажется, бенефициантка не менее прежнего заслуживала внимания и одобрения публики.

Вот несколько куплетов из «Пьетро Дандини».

Пьетро и Фретино попали в кита; первый по возвращении в свет хочет издать свое пу-

тешествоие, журнал которого держит в руке.
Он поет:

*Натуралисты, рот разиня,
Прочтут на первом здесь листе:
«Записки о китах Дандини,
Который сам сидел в ките».
А если сделать я успею,
Что эту книгу запретят:
Ее раскупят наподхват,
И тут-то я разбогатею!*

Фретино развел огонь в ките, жарит про-
глоченных им рыбок и припеваает:

*Ей-богу, это презабавно,
Как все друг другу мы вредим:
Кит нас обоих съел недавно,
А этих рыбок мы съедим;
Для выгод собственных – творе-
нья
Один другого не щадят:
Всегда, везде без исключенья
Большие маленьких едят.*

Пьетро с товарищем провалились сквозь
брюхо кита и попали в подводные чертоги
Амфитриты. Нереида показывает гостям раз-
ные реки и называет их по именам.

Пьетро

*А это кто такой прелестный
И стройный кавалер?*

Нереида

*Узнай,
Что это в свете всем известный
Свидетель храбрости Дунай;
Он здесь историк между нами,
И, быв соседом мусульман,
Он с давних лет шумит волнами
О грозной славе россиян.*

Фретино уронил шляпу в источник живой воды – и старая дрянная шляпенка сделалась новою и прекрасною. Он поет:

*Твердят о новом то и дело;
А если посмотреть на свет:
Все в нем ужасно постарело,
И нового давно уж нет.
Известные поэты наши!
Чтоб новой мыслию блеснуть,
Не худо б вам творенья ваши
В живую воду окунуть.*

Не худо бы!

1830 года, января 22.

Письмо к издателю «Московского вестника»*

<О значении поэзии Пушкина>

Не для комплимента вам, м. г., а для правды надобно сказать, что журнал ваш всегда был беспристрастнее и умереннее других; должно признаться, что в нынешнем году, говоря об «Истории русского народа», и вы сбились с тону; но только с тону, а сказали чистую правду. Итак, позвольте и теперь поместить в вашем журнале отзыв человека, не принадлежащего ни к одной из партий, разделяющих на разные приходы нашу отечественную словесность.

Всегда уважая необыкновенный талант А. С. Пушкина и восхищаясь его прелестными стихами, с неудовольствием читывал я превеличенные, безусловные и даже смешные похвалы ему в «Сыне отечества», в «Северной пчеле» и особенно в «Московском телеграфе». Пушкина не разбирали, не хвалили даже, а

обожали и предавали анафеме всех варваров, дерзавших восхищаться не всеми его произведениями и находивших в прекрасных стихотворениях его – недостатки!.. Называя Байрона *первым поэтом человечества, своего века*, «Телеграф» не обинуясь говаривал: *Байрон, Пушкин* и пр. И что же теперь?.. Если неумеренные похвалы возбуждали неудовольствие в людях умеренных, какое же негодование должны произвести в них явные притязания оскорбить, унижить всякими, даже нелитературными средствами, того же самого поэта, перед которым те же раболепные журналы весьма недавно – пресмыкались во прахе? Разве Пушкина можно ставить в ряд с его последователями, хотя бы и хорошими стихотворцами? Он имеет такого рода достоинство, какого не имел еще ни один русский поэт-стихотворец: силу и точность в изображениях не только видимых предметов, но и мгновенных движений души человеческой, свою особенную чувствительность, сопровождаемую горькою усмешкою... Многие стихи его, огненными чертами врезанные в душу читателей, сделались народным достоянием!

Об искусстве составления стихов я уже не говорю.

Многие скажут: «Зачем узнавать Пушкина в пародиях? Зачем относить к нему разные намеки? Он выше их...» Милостивые государи, узнавать – не значит признавать обвинения и клеветы справедливыми! Но не узнать нельзя... Мудрено ли подделаться к наружной форме, употребляя карикатурно и слова и выражения поэта?..

Есть и другие журналы, впрочем достойные уважения, в которых разбирали Пушкина или с пустыми привязками, или с излишним ожесточением. Последнее тем прискорбнее, что встречалось в рецензиях критика, по видимому имеющего обширные познания не только в своей, но в древних и новейших иностранных литературах, мысли которого по большей части свежи и глубоки. Я уверен, что он отдает полную справедливость Пушкину и что только нелепые похвалы и вредное для словесности направление его последователей, вместе с строгим образом мыслей самого критика о некоторых предметах, увлекли его в излишество...[49]

При нынешнем странном и запутанном положении литературных мнений не должно молчать. Пусть публика знает, что многие, или, лучше сказать, все благомыслящие люди радуются, например, отпадению «Телеграфа» и «Северной пчелы» от так называемых *знаменитых друзей* и их приверженцев, ибо все они более или менее известны своими дарованиями и талантами. Похвалы вышесказанных журналов – пятнали славу их!.. и да погибнет навсегда прозвище *знаменитых друзей*, не в добрый час данное им в «Сыне отечества». Круг людей, которых славят «Телеграф» и «Северная пчела», до того уменьшился, что им приходится хвалить – только друг друга; брань их – есть уже право на уважение просвещенного общества. Прежде «Телеграф» нападал на литераторов, не пользующихся громкою славою, и на людей ученых (последнее весьма понятно); теперь он напал, или, приличнее сказать, *кинулся*, на все отличные таланты и на всех, совершивших уже свое литературное поприще, не в шутку *знаменитых* и заслуженных корифеев нашей словесности... В добрый час!.. Но под каким медным

цитом[50] укроется он от клейма общественного мнения?..

1830 года.

О заслугах князя Шаховского в драматической словесности*

Странное положение нашей словесности, Сили, лучше сказать, литературных мнений, которых представителями, к сожалению часто неверными, более или менее должны назваться журналы, заставляет говорить о том, о чем говорить еще рано и при других обстоятельствах было бы ненужно и неприлично. Но время летит, и будущее поколение, будущий историк словесности русской с негодованием отзовется о нашем молчании; ибо никогда столь быстро не менялась литературная слава, как ныне; это правда – иные потеряли ее и справедливо, но зато какую черною неблагодарностью платим мы некоторым писателям, которых имена, по их заслугам и талантам, должны мы произносить с почтением и признательностью. Напоминаю читателям, что я принимаю журналы представите-

лями мнений литературных целой публики. Не говоря о других, скажем только о князе Шаховском: никто не представляет разительнейшего примера. Двадцать пять лет князь Шаховской обогащал русскую сцену новыми пьесами; в продолжение этого времени переведено, переделано и сочинено им шестьдесят шесть или шестьдесят семь пьес; почти все из них имеют прямое или относительное достоинство; многие приводили в восхищение зрителей и читателей; многие и теперь доставляют им истинное, постоянное удовольствие; везде есть или веселость, или остроумие, или неподдельное чувство горячей любви ко всему отечественному. Двадцать пять лет русская публика веселилась его произведениями; да и что бы был наш репертуар без разнообразного и плодovitого таланта кн. Шаховского? В течение последних десяти лет между многими другими написал он четыре пьесы, утвердившие его славу, казалось, на незыблемом основании.[51]

Первая из них – «Пустодомы», оригинальная комедия, отличного достоинства, написанная весьма хорошими, а местами прекрас-

ными стихами; в ней вывел князь Шаховской с большим искусством старое зло в новом костюме: мотовство, или, удачно названное им, пустодомство; комедия богата прелестными сценами; разговорный язык отличный и до сего времени неслыханный у нас на театре. Вторая – «Финн», обязанная своим существованием прелестному эпизоду в поэме Пушкина «Руслан и Людмила». В «Финне» многие места написаны такими превосходными пламенными стихами, которые во мнении людей беспристрастных поставили князя Шаховского наряду с первыми русскими стихотворцами, чего до тех пор, конечно, никто не думал. Тот же поэт (Пушкин) внушил ему и новое произведение: «Керим-Гирей, или Бахчисарайский фонтан», которое снова всех удивило, ибо в нем князь Шаховской показал опыт прекрасного лирического стихотворства. Наконец, явился давно ожидаемый «Аристофан», комедия, исполненная возвышенных чувств и богатая сценами изящной красоты, к сожалению не для всей публики понятными; разговор в ней прекрасный, даже иногда образцовый для комедий такого рода. Я не гово-

рю, чтоб каждое из сих четырех драматических произведений не имело своих недостатков; но человек, написавший их даже и не в нашей литературе, заслужил бы истинную благодарность от своих современников; а у нас?.. Прочтите отзывы о князе Шаховском в «Телеграфе» и «Северной пчеле»... Впрочем, я не думаю опровергать их; я пишу свои мысли, предлагаю мои доказательства тем людям, которые, не отнимая у нашего первого комика, употребляю их выражение, *некоторого дарования* и заслуг, обвиняют его за то, что он написал слишком много, а потому будто большая половина пьес вышла слабых; за то, что большая часть из них переводные или заимствованные; что в пьесах его везде почти вставлены музыка и танцы; наконец, что он пишет иногда дурные лирические стихи.

Здесь выходит странное противоречие: обвинения сии в частности, порознь более или менее справедливы, а результат, выводимый из них о князе Шаховском, – неверен. Вот мои объяснения и доказательства: князя Шаховского можно обвинять за множество им написанных пьес потому только, что, вероятно, их

количество мешало ему обработать их качество; без его плодovитой производительности, конечно, получили бы мы половину из них в совершеннейшем виде; но сие обстоятельство, вредное *непосредственно* славе Шаховского, было полезно литературе – *относительно*. Он перепробовал все роды драматической словесности, заимствовал содержание пьес из театров всех образованных наций, примеривал их на русский вкус и лад, много раз торжествовал, нередко терпел неудачи, иногда падал, но своими падениями, своими опытами указал путь к надежным успехам будущему драматику. Когда князь Шаховской начал писать, у нас не только не было драматической литературы (которой и теперь нет), но мы даже не знали: как она может быть у нас? что нам пригодно? кому мы можем или должны подражать? Само собою разумеется, что у нас не было разговора на сцене, а потому успехами стихотворного и прозаического языка в театральных сочинениях мы обязаны князю Шаховскому, ибо он и в том и другом показал прекрасные опыты; нужно ли объяснять, что под именем *разговора на сцене* я ра-

зумею разговорность языка, сообразную с характеристикой действующих лиц, а не гладкий слог, не красноречие, в котором выказывается, как в зеркале, сам автор со всеми приметами и образом мыслей своего времени.

Оттого, что князь Шаховской перевел, написал так много, несколько лет имели мы, да и теперь имеем, приятный и разнообразный репертуар в обеих столицах. Правда, некоторые пиесы, принятые в свое время с восторгом, надоели публике и считаются ею уже пустыми, скучными; но причиною сему не столько переходчивость времени, как чрезмерно частое их повторение и весьма плохое исполнение сценическое: ибо они, как пиесы старые, избитые, обставлены самыми дурными актерами. Правда и то, что они были написаны для своего времени, для особенных обстоятельств, что некоторые из них должны быть оставлены как средства или орудия, уже исполнившие свое дело; но если это назвать недостатком, то ему подвержены все знаменитые комики всех веков и всех народов.

Беспреданно составляя новые пиесы, князь Шаховской имел еще другую цель — и

достиг ее: он *воспитал* ими труппу артистов по новой методе игры; если ни одного из них не вышло великого по таланту, то неужели и за то обвинять Шаховского? Но г-да Брянский, Сосницкий, покойный Рамазанов, г-жи Валберхова (в комедиях), Дюр, которой также нет на свете, Сосницкая и некоторые другие всегда будут признаны прекрасными артистами, истинными художниками. Многие пиесы писаны Шаховским именно для них, по мере их раскрывающихся дарований и возрастающего искусства; ему обязаны мы, что у нас начали говорить на сцене по-человечески. Пусть только укоренится эта метода, и со временем, когда явятся у нас актеры с талантами и образованием, почувствуют цену благого начала, сделанного Шаховским.

Правда, у князя Шаховского часто некстати бывает музыка и танцы; вообще он любит великолепный спектакль, и его обвинители, недоброхоты говорят, что он делает это с намерением, для поддержания слабости своих произведений; но с этим никак нельзя согласиться. Ясно, что князь Шаховской имел другую цель: соединение на нашей сцене всех

изящных искусств; что он жертвовал иногда собою для таких опытов, ибо часто и очевидно вредил себе ими, а сценические выгоды, вероятно, ему слишком хорошо известны. Итак, опыт сей, хотя он был не всегда удачен и, по моему мнению, даже не может иметь успеха в наше время, как объяснитель неизвестного заслуживает нашу благодарность, а не порицание. Кажется, что опыту сему более подвергались пиесы бенефисные.

Наконец, князь Шаховской пишет иногда лирические дурные стихи и печатает их... Очень жаль, но разве из этого следует, что он плохой драматик? что все им прежде написанное дурно? Державин писал ужасными стихами уродливые драматические произведения, но разве от того он менее великий бессмертный лирик – наша слава, наша народная гордость? Никто не может подумать, чтоб я ставил рядом исполинский гений Державина с плодовитым талантом князя Шаховского; но род сочинений сего последнего несравненно труднее и важнее для общества, нежели вдохновенное парение музыки первого, ибо, кроме таланта, требует великой опытности,

искусства, долговременного наблюдения нравов, познания сердца человеческого. Хотя иные не признают влияния театра на ход образования и нравственности человеческой, но, кажется, в этом нельзя сомневаться; конечно, никто не выйдет из театра лучшим, нежели в него вошел; никакой порочный уже человек не исправится; но семена, западающие в сердца невинные, неприметным образом для них самих пускают рост и дают благое направление их нравственности, предохраняя ее от будущих уклонений.

Еще должно с признательностью сказать, что во всех шестидесяти семи пьесах князя Шаховского сохранена строжайшая нравственность; что пламенная любовь ко всему народному, русскому отражается везде, где она могла иметь место; никто не найдет в его сочинениях ни соблазнительных сцен, ни экивоков, ни вольнодумных выходов, столь любимых чернью публики и столь выгодных для автора на сцене. Полный театр князя Шаховского, если б он был напечатан, служил бы очевидным и убедительным доказательством, что автор нигде не упустил из виду

своей цели. Конечно, в этом отношении не упрекнет его ни один отец семейства, ни моралист, ни гражданин, ни христианин. Итак – благодарность писателю, подвизавшемуся со славою и общею пользою на поприще многотрудном, выполнившему так много различных условий, удовлетворившему стольким требованиям, обстоятельствам и времени.[52]

Мая 17 дня. Москва.

Разговор о скором выходе II тома «Истории русского народа»*

А. Здравствуйте, почтеннейший!
Б. Здравствуй, любезнейший! Что скажешь новенького? Ты что-то весел!

А. Признаюсь, я очень доволен, что, наконец, г. Полевой напечатал в 9-й книжке «Московского телеграфа» объявление о скором выходе второго тома «Истории русского народа» и последующих за ним. Теперь прекратятся пустые толки, будто он, г. Полевой, оставляет «Историю» и раздает деньги подписавшимся. Вот и «Телеграф»: не угодно ли вам прочесть?

Б. Я читал.

А. Что же вы скажете, почтеннейший?

Б. То же, что я говорил тебе некогда при чтении пресловутого объявления об «Истории русского народа», напечатанного при 80-м номере «Московских ведомостей» в 1829 году. Все, что я тогда предсказывал, – сбылось на самом деле. Я говорил, что «История» не может быть даже сносною; что такое сочинение – не стихи, которые могут быть написаны удачно и дурным поэтом, ибо минута вдохновения может посетить всякого; что нельзя верить, будто г. Полевой без предварительных сведений, без помощи предуготовительных наук (его ученость всем известна) написал в несколько лет, между дел, «Историю русского народа» до Адрианопольского трактата, тогда как Карамзин, при всех средствах и пособиях, в двадцать пять лет довел ее только до междуцарствия. Я говорил тебе, что это физически невозможно, что это насмешка над легковерием публики и что вам не видать этой «Истории» не только в 1830-м, но и в последующих годах. Я говорил тебе, что одна мысль написать *современную* «Историю» – уже нелепа и смешна, что слог, поня-

тия и связь их в вышесказанном объявлении достаточно обличают: каково будет написана сама «История» и – скажи правду, первый ее том не превзошел ли все дурные ожидания?..

А. Я не стану с вами спорить: мы различно понимаем вещи; но почему ж объявление в 9-й книжке «Телеграфа» вам не нравится?

Б. Да разве я это говорю? Напротив, оно мне нравится. Хочешь ли, я переведу его на русский язык и растолкую тебе настоящий смысл? Например, слова: *«Получив несколько вопросов о том: скоро ли будут изданы второй и следующие томы „Истории русского народа“, вопросы, сопровождаемые изъявлением нетерпения видеть оные скорее»* и пр.[53] – значат, что обманутое легкоеверие публики истощилось и что многие начинают г. Полевого побранивать, а он за это нетерпение – благодарит. Далее: *«Все томы „Истории русского народа“ у меня приготовлены...»* в переводе значит: их нет, ибо когда же было: первый том два раза выдать, второй выдавать, остальные переделать и последний, то есть до Адрианопольского трактата, – написать? Далее: *«Я решился изменить многие подробно-*

сти, переменить расположение многих глав, словом переделать все» и пр. значит: этого нельзя сделать, ибо «История» не выдумка, не сказка, и в ней такого рода самоуправные перестановки и изменения невозможны (впрочем, что невозможно г-ну Полевому?). Далее: «Второй том (который надобно выдать сейчас) требовал переработки, а последующие: третий, четвертый и пятый, изображая просто ход происшествий, подверглись меньшей отделке вновь...» потому что их могут и подождать; но каков язык, любезнейший? меньшей отделке вновь! Наконец: «Теперь второй том выдан будет вскоре: третий, четвертый и пятый последуют за ним без остановки; думаю, что шестой, седьмой и восьмой успею выдать в нынешнем году» и пр. значит: и не думай получить их, ибо четыре тома выдать в 1830-м нельзя успеть, потому что половина его уже прошла, а и второго еще не издано. – Вот настоящий тебе перевод.

А. Воля ваша – вы пристрастны. Увлекаетесь духом партии и осуждаете целое творение, из двенадцати томов состоящее, по одному первому.

Б. Послушай, любезный; мне уж скучно стало повторять тебе одно и то же: я никаких духов не знаю и не имею причин быть при- страстным; я зритель, а не актер на сцене сло- весности. Знаю только, что издание вашей «Истории» продолжится много лет, а всего ве- роятнее – никогда не кончится; что г. Полевой затеял труд не по силам, ибо все им написан- ное явно доказывает: недостаток образова- ния, незнание языка, сбивчивость в суждени- ях; все написанное им есть не что иное, как собрание чужих мыслей, готовых фраз, часто бессмысленных, и общих мест. Его выраже- ния вошли в пословицу как примеры надутый галиматъи: это мыльные пузыри, которые ка- жутся чем-то издали и разлетаются при ма- лейшем прикосновении. – В последней ста- тье, которою ты так доволен, позабавило ме- ня особенно выражение г. Полевого, что *все время его посвящено «Истории», а прочие за- нятия составляют его отдых*. Вот истинно не знаешь, чего пожелать ему: труда или по- коя! Прощай, любезный! советую тебе осто- рожнее хвалить «телеграфские» выходки: время обмороченья проходит. Скажу тебе по

секрету, что скоро все вы явно отложитесь от издателя «Истории русского народа», ибо большая часть из вас делают это теперь – тайно!

Москва, 1830, июня 6 дня.

Испытание в искусствах воспитанников и воспитанниц школы Императорского Московского театра*

Ежегодно делаются испытания театральных школ в Москве и в Петербурге. Сии так называемые экзамены, как и все вообще, не достигают цели и не отвечают даже своему названию. Прежде всего надобно определить назначение театральных школ. Если оно состоит в доставлении театрам фигурантов и фигуранток, изредка солистов и никогда актеров или актрис *образованных*, то мы согласимся, что школы свое назначение исполняли и исполняют. Нам могут возразить, что публика видела на сцене артистов с дарованиями и даже с большим талантом, вышед-

ших из школы... Это правда; но много ли их было? Образованы ли их способности и развиты ли дарования ученьем?.. Одним словом, грамотны ли они были? Бог давал их нам (и то уж давно), а школы в этом столько же виноваты, как Холмогоры в рождении Ломоносова. При теперешнем начальстве московской дирекции публика имеет все причины надеяться и все право ожидать, что оно, обратив внимание на ученье, даст другое направление школам – приличнее и полезнее прежнего. Из сотни *избранных* воспитанников и воспитанниц неужели все обижены от бога, неужели русский народ так беден дарованиями? Нет, вся тайна состоит в том, чтоб каждого поставить на свое место...

Испытание началось хором Россини (верхний певческий класс г. Эрколани) и дуэтом из оперы «Ilda d'Avent», пропетым девицами Куликовою и Виноградовою; потом воспитанник Петров пел арию из оперы «Невеста» (последний принадлежит к нижнему певческому классу г. Наумова). Здесь можем только заметить, что Виноградова имеет прекрасный, сильный и одушевленный голос, на котором,

вероятно, дирекция основывает свои надежды для оперы: в последнюю зиму мы заметили в Виноградовой способности сделаться со временем не только певицею, но и актрисою; Куликова, кажется, лучше знает музыку, но ее поприщем должна быть комедия, а не опера. Засим следовал танцевальный класс; воспитанники Карпаков, Карасев и Самарин-бис, воспитанницы Санковская-бис, Сониная, Литавкина, Михайлова-бис, Опалихина, две Негины, Самарина-бис, Акимова, Полетаева, Оттаво и Алексеева танцевали разные па – и прекрасно! Соло, сочинения Эрколани, очень хорошо играл на виолончели ученик г. Марку, воспитанник Куликов: мы надеемся, что он со временем сделается артистом, достойным своего учителя. Скрипичный класс г. Мазанова отличился: воспитанник Щепин прекрасно играл *попурри* из тем А. Н. Верстовского, а Гурьянов и Поляков – концертант своего сочинения. Все любители и знатоки музыки слушали их с большим удовольствием, отдавая полную справедливость исполнению и сочинению концертанта; многие заметили, что для полного успеха недоставало только на-

шим музыкантам – иностранных фамилий. Потом был разыгран водевиль в одном действии «Новая шалость, или Театральное сражение». Выбор пьесы, назначение ролей и самая постановка показались нам не совсем удачными. Для чего школа разыгрывает пьесу? Вероятно, не для того, чтоб показать множество личик воспитанниц и воспитанников, а для того, чтоб в исполнении ролей, по способностям, розданных, видеть род и меру дарований маленьких актеров, определить будущее их назначение и ободрить вниманием и похвалою избранных зрителей. «Новой Шалостью» этого сделать было нельзя; водевиль самый вздорный и пустой: не в чем было показать ничьих способностей! Прошла пора, когда за переводы таких пустяков *ставили* в первые драматические писатели, прошла пора смотреть эти пустяки! Хоры были хорошо слажены и живо исполнены. Можем похвалить воспитанницу Григоровичеву в роли Кого, старой арендаторши,[54] и Алексееву в роли Виктора, одного из мальчиков-офицеров; последняя очень много обещает; Самарин мл., кажется, не без таланта, но роль Алина, им

игранная, требует живости, веселости, резвости, которых именно он не имеет; напротив, мы заметили в глазах его выражение унылой чувствительности; Лидину мы все равно что не слышали: она говорила два слова; Куликова только пела в дуэте, Виноградова также... Это жаль! способности сих последних известны: зрители желали бы видеть их успехи. Пусть школа поставила бы новые, трудные пиесы; пусть они были бы разыграны в целом нехорошо (детям нельзя хорошо представлять людей взрослых); но зато начальство и зрители видели бы ход, успехи дарований воспитанников и будущие надежды. Из виолончельного класса г. Марку мы слышали еще воспитанника Наврозова: он довольно хорошо разыграл концертино Ромберга, но, кажется, Куликов сыграл бы его гораздо сильнее. В заключение испытания был дан известный пантомимный балет в одном действии «Пажи герцога Вандомского», поставленный в школе из маленьких воспитанников и воспитанниц г-жою Гюлень: это был настоящий экзамен танцев! Должно отдать полную справедливость г-же Гюлень: она не только

превосходная танцовщица, но и учительница! В балете обратили на себя общее внимание: Санковская мл., две Миняевы, Филлис, Тукмакова, Иванова и Шван; последнего, кроме искусства в танцах, заметили мы по живости его особенной физиономии, которая как будто обещает в нем комического актера.

Нечего сказать, танцы в Москве отлично хороши! Заметим только, что надобно обращать внимание не на одни ноги; не одна трудность и чистота в отделке разных мудреных па нравится на сцене, но грациозность всего бюста, особенно рук, выражение лица должно соответствовать выражению танца. Признаемся откровенно, мы не любим этих трудных, мудреных, вычурных па! Танец, например, должен выражать восхищение, а лицо искажается от напряжения сил и грудь колышется от усталости: Зефир или Флора готовы задохнуться!.. Неужели это приятное зрелище? И как тяжелы, как вредны для здоровья такие танцы! Кого употребляют в них с малых лет, те никогда уже не могут быть актрисами или актерами: от танцев страдает грудь, повреждается орган, и, вероятно, они

немало погубили у нас истинных талантов для сцены словесной. К этому должно прибавить, что вкус публики к балетам прошел; да и как любить их? Содержания почти никакого – и одни бесконечные танцы: высокие искусства мимики и пантомимы у нас не существуют. Сделаем еще одно замечание, что воспитанницы слишком скоро говорят и имеют какое-то неприятное, жеманное произношение. Вместо *e*, выговаривают *и*; мы уже давно и много раз замечали это и заключим искренним желанием, чтоб образование ног не мешало образованию голов и чтоб в школе был открыт класс искусства чтения, которое должно быть основанием театрального учения.

«Марфа и угар», «Женщина-лунатик», «Новый Парис»*

«МАРФА И УГАР»

Комедия в одном действии, переведенная с французского

«ЖЕНЩИНА-ЛУНАТИК»

Опера-водевиль в одном действии, переведенная с французского кн. Шаховским

«НОВЫЙ ПАРИС»

Опера-водевиль в одном действии, подражание французскому г. Хмельницкого. Музыка гг. Верстовского и Маурера.

19 апреля. В Большом театре

Видно, необходимость заставила дать такие пиесы для первого появления г. Сосницкого, который, кажется, года три не являлся на московской сцене. Даже странно видеть искусного, опытного артиста, каков, без сомнения, г. Сосницкий, играющего Луцкого и нелепого Лионеля. Бог судья г. Хмельницкому, который испортил живую интригу французской пиесы вставкою своего Нового Пари-

са! Смешно было бы судить о г. Сосницком по таким ничтожным ролям; но его ловкость, натуральность, благородство, верность и точность выражения даже и в них приметны, равно как и недостаток живости, резвости и огонька. «Марфа и Угар» давалась для съезда публики, которой было довольно много. Нижние три ряда лож и кресла были полны: остальное все пусто. Оба водевиля шли весьма недурно. Но жалко было смотреть на г. Щепкина в роли Мишо; неприлично и невыгодно большой талант и большое искусство показывать публике в роли паяца из-под Новинского: кажется, прошли времена, когда Щепкин игрывал Бабу-Ягу. Этот спектакль показался нам дебютом г-жи Репиной: она играла две роли, совершенно в разных родах. Хотя мы с удовольствием смотрели на нее и в Наташе (в «Женщине-лунатике»), но Фаншету она играет несравненно лучше. Заметим г. Щепкину, что он напрасно разнообразил выражение слов «долго скрывался я...», а всего более заметим – или пожелаем, – чтоб он не играл таких ролей: совестно даже и похвалить его! Виноградова с одушевлением пропе-

ла свой куплет. Круглая комната в «Женщине-лунатике» без разреза боковых кулис и с потолком есть приятная новость на сцене. Выгоды этого способа, особенно на нашем Большом театре, весьма важны: для глаз обман полный; закулисных лиц и сцен никому не видно, и, что всего важнее, несравненно слышнее все, даже негромкие разговоры действующих лиц на сцене. Публика, верно, будет весьма благодарна дирекции за такое внимание к ней и к искусству.

«Благородный театр» и «Кеттли»*

«БЛАГОРОДНЫЙ ТЕАТР»
Комедия в четырех действиях, в стихах, соч. М. Н. Загоскина

«КЕТТЛИ»

Водевиль в одном действии. Перевод с французского г. Ленского.

26 апреля. Вторник, Малый театр

Комедия «Благородный театр», всегда доставлявшая удовольствие зрителям своими комическими сценами и неподдельною веселостью, погибшая для нас со смертью Сабуро-

ва, была дана по случаю приезда к нам петербургского гостя, г. Сосницкого. Публика обрадовалась, и театр наполнился зрителями; даже роптали, почему не дана пиеса на Большом театре, ибо многие не достали билетов, хотя те же зрители стали бы роптать, смотря эту пиесу на Большом театре, приговаривая: «Ну как можно на такой площади играть комедии! это убийство!» и проч. и проч. Мы давно уже слышали отличные похвалы г. Сосницкому в исполнении роли Посошкова; похвалы сии, с одной стороны, совершенно справедливы. Он играет эту роль с большим искусством, с большою отчетливостию в отделке самых мелких подробностей! Но характер Посошкова, неудобопонятный и неестественный, если он не будет представлен человеком *страстным*, влюбленным до безумия в театральное искусство и в свое драматическое произведение, человеком, для которого все прочее дело постороннее, — такой характер был лучше выражаем покойным Сабуровым; в нем было более собственной жизни; это обстоятельство имело сильное влияние на всю пиесу, и нам кажется, что ее игравали

прежде гораздо удачнее. Впрочем, г. Щепкин (Любский), г-жа Кавалерова (Любская) и г. Цыганов (Бирюлькин) были очень хороши; зато г-жа Боженовская (Кутермина) и г. Соколов 1-й (Честонов) – очень дурны, по обыкновению. Г-жа Нагаева (Наташа) прежде удачнее играла, особенно в том явлении, где она уведомляет Любского о побеге дочери; эту сцену исполняла она иногда отлично; многие помнят, как Наташа говаривала: «Кричала!» Г-н Потанчиков приятно удивил нас: он хорошо сыграл Волгина. Желаем ему успеха в подобных ролях. Мы недовольны были концом того явления, где Посошков не выпускает Волгина из комнаты; но, кажется, г. Сосницкий затянул эту сцену, которая должна гореть: он как будто забывал иногда ролю. О прочих актерах говорить нечего.

Водевиль «Кеттли» доставил всем удовольствие прекрасною игрой г-жи Над. Репиной: верность пения и, всего более, одушевление оного заставляли забывать слабость голоса певицы. Уступая г-же Дюпарк в выражении простодушия и тайной печали, г-жа Репина решительно превосходит ее в выражении

чувства любви и к отцу и к любовнику.

«Горе от ума» и «Мельники»*

«ГОРЕ ОТ УМА»

Комедия

«МЕЛЬНИКИ»

Комический балет в одном действии.

Среда, 27 апреля, на Большом театре

Нечего говорить об этой пиесе: все знают ее наизусть, и все по несколько раз видели на сцене; множество стихов из нее сделались народными пословицами. Щепкин, Кавалерова, Орлов играли отлично хорошо; но в роли Софьи Павловны видеть г-жу Панову – нестерпимо!.. Г-н Мочалов держал себя как будто поприличнее, зато менее было огня; несколько слов в разных местах сказаны им прекрасно; но поговорим о своих артистах когда-нибудь после. С нетерпением желали мы видеть г. Сосницкого и с сожалением должны сказать, что он не совсем удовлетворил нашему ожиданию, то есть ожиданию отличного исполнения роли Репетилова, в которой одним явлением так мастерски нарисован портрет и ха-

ракти! Мы судим строго нашего дорогого гостя, судим его как образованного художника: зачем он шатался на ногах? Репетиллов ужинал, выпил лишний стакан шампанского, но отнюдь не пьян. Как мог Репетиллов, описывая от чистого сердца друзей своих, насмехаться над ними? По крайней мере смех и тон г. Сосницкого выражал насмешку, а не глупую веселость; но, несмотря на это, мы слушали Репетиллова с удовольствием.

Для г. Флери (которого афиши величают первым комиком берлинского театра) смотрели мы несносный балет «Мельники». Конечно, г. Флери отличный гротеск (русского, пожалуй, назвали бы и паяцом); но со всем тем таких искусников даже неприятно видеть на сцене, посвященной высокому драматическому искусству.

«Графиня поселянка», «Две записки», «Чертов колпак»*

«ГРАФИНЯ ПОСЕЛЯНКА, или МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ»

Комедия в двух действиях, сочинение гг. Скриба, Мельвиля и Кармуша, перевод с французского А. Б.

«ДВЕ ЗАПИСКИ, или БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТ»

Опера-водевиль в одном действии, перевод А. И. Писарева

«ЧЕРТОВ КОЛПАК»

Волшебный водевиль, перевод с французского А. С.

Разнохарактерный дивертисман.

Пятница, 20 мая, бенефис г. Баранова

«Две записки» – один из слабых водевилей, переведенных покойным А. И. Писаревым, всем известен: с потерей Рязанцева, который играл Батермана, эта пьеса совсем упала. «Графиня поселянка» – настоящая диковинка! В комедии Скриба находятся между прочими лицами баронесса Владимирская, русская гос-

пожа, и Трофим Куликов, управляющий вотчиною! Содержание пьесы состоит в исправлении от бешенства и капризов одной молодой женщины; но все это ведено и сведено весьма дурно, за что, вероятно, мы обязаны переводчику. Главную роль бешеной Полески де Ферсгейм играла г-жа Панова; роль требует искусства и таланта; итак, нужно ли говорить, как она была отделана? Прочие все наши артисты играли, как обыкновенно; но зрители, которых, впрочем, было весьма немного, были вознаграждены за скучную комедию «Чертовым колпаком»! Этот водевиль до того нелеп, что своей дичью заставил всех хохотать. Идея «Чертова колпака» напоминает комедию Макиавеля; но мы грешим – думаем, что это не перевод, а оригинальное всероссийское сочинение; итальянец Любим (одно из действующих лиц) утверждает нас в этом мнении. Подобного бессвязного вздора еще не случилось нам видеть на сцене! Черт женат, бегаёт от жены с колпаком; час изгнания из ада пробил, он проваливается и сейчас возвращается; он подавал бумагу Плутону, уволен на жительство в мир православный и вот

каким куплетом объясняется с зрителями:

*Спешил сюда я с нетерпеньем,
Чтоб жить спокойно в сих ме-
стах,
И вдруг заметил с удивленьем,
Что все здесь ходят в колпаках.
Желал узнать я непременно,
Умнее ль от него дурак;
Но вижу, вижу совершенно,
Что это все не мой колпак.*

Особенно позабавили нас четыре стишка одного куплета, которых, по несчастью, очень много. Вот они:

*Ах! Сколько в свете шуму, гаму,
Что это люди за народ!
Один другому роет яму.
Да сам в нее и попадет.*

Об игре актеров не станем говорить; да и кого играть было? Заметим только, что к девице Лидиной роль черта не шла и по тоненькому голоску и по личику. Надобно, чтоб в черте проглядывало что-нибудь чертовское. Еще заметим, что и человеческий колпак может быть впору на всякую голову, а чертов и подавно; но в бенефисе случилось противное,

и колпак не влезал на головы некоторых, особенно г. Живокини, который буфонил крошечку поменьше.

**«Маскарад», «Рауль Синяя Борода»,
«Швейцарская молочница»,
«Домашний маскарад»***

«МАСКАРАД»
Водевиль в одном действии, перевод с французского

«РАУЛЬ СИНЯЯ БОРОДА, или ТАИНСТВЕННЫЙ КАБИНЕТ»

Пантомимный балет в четырех действиях, соч. Валберха

«ШВЕЙЦАРСКАЯ МОЛОЧНИЦА»

Водевиль в одном действии, перевод с французского

«ДОМАШНИЙ МАСКАРАД»

Разнохарактерный дивертисман.

Бенефис танцовщице г-же М. Ивановой.

Пятница, 27 мая, Большой театр

Этот бенефис придуман замысловато: он начался и кончился – маскарадом! И ход был

правилен: начали языком – кончили ногами!.. Несмотря на то, зрителей было немного; впрочем, несравненно больше, чем в бенефисы гг. Баранова и Ленского.

Комедия «Маскарад» ничтожна и была разыграна, как обыкновенно разыгрываются одноактные французские комедийки, поставляемые в начале спектаклей для съезда публики. «Рауль Синяя Борода», несмотря на давность, избитость, так сказать, своего содержания, все-таки его имеет, а потому сноснее других. Лет сорок уже начали печатать на Руси, под именем детских волшебных повестей, на французском и русском языках одну книжку, для детей даже неприличную, где между «Красной Шапочкой», «Семимильными сапогами» и «Тремя сестрами» находится и «Рауль Синяя Борода»: итак, кому он не известен? С удовольствием отдаем справедливость танцам Московского театра; но танцы не пантомима, а пантомима, не доведенная до высокой степени совершенства – более чем скучна: Гюллень и Ришард, как танцовщики, отличные артисты, а как мимики – весьма обыкновенны. Г-н Флери, явившийся Раулем,

принадлежит к этому же разряду (хотя должно сказать, что в нем очень мало проявлялась прежняя складная кукла). Итак, какое действие мог произвести весь балет?.. Скуку! Последнее сражение было исполнено живо; г. Флери вызвали: учтивость московской публики!

Водевиль «Швейцарская молочница» — чувствительного содержания; жаль, что развязка мало развита, а потому и безотчетна, веселости же в пьесе мало: ибо шутки г. Живокини, игравшего пастуха Цуга, впрочем, довольно умеренные, шутки над слепым стариком Яковом — совсем не забавны. Последнего играл г. Лавров недурно; но он не водевильный актер: прекрасный и сильный голос его глушит куплеты, и слова бывают не слышны. Девушка Федорова, игравшая главное лицо Графини, дочери слепого Якова, некогда бежавшей с любовником, уже скончавшимся, а теперь, под чужим именем Эммелины, живущей у своего отца, который не хочет простить раскаявшейся дочери, не могла выполнить хорошо своей роли: и потому, что она требует большого искусства, и потому, что девушка Фе-

дорова вовсе не умеет да, кажется, и не может петь: при ней голос г-жи Н. Репиной казался слишком сильным! Заметим девице Федоровой, что она напрасно старалась представлять какую-то вертлявую крестьяночку, напрасно каждую минуту оборачивалась к зрителям: роль ее совсем этого не требовала (оборачиванье же к зрителям – порок, к сожалению, многих и нигде не годится). Впрочем, у девицы Федоровой есть чувствительность, по крайней мере в голосе, и она могла бы с успехом выполнить свою роль. Г-н П. Степанов в ничтожной роли бургомистра Бетемберса был так хорош, что нельзя не отдать ему полной справедливости. Бургомистр явился прекрасною карикатурой без всякого фарса. Так мастерски обработать и выдержать созданную им самим физиономию лица ничтожного может только артист, любящий и уважающий свое искусство: ибо он знал, что публика не обратит внимания на его художническое старанье. Но, судя по оному, мы осмеливаемся предсказывать, что г. П. Степанов со временем сделается украшением московской сцены и любимцем публики; г-жа Н. Репина иг-

рала работницу Катерину очень мило; роль мала и не важна; но именно в этом роде ролей г-жа Н. Репина бывает всегда прелестна. В последнем куплете (некоторые из них были недурны) она умела придать столько души слову: *от души*, что зрители от души похлопали ей. Мы забыли сказать, что бенефициантка, г-жа М. Иванова, танцевала свои па с большою приятностию, чем она и всегда отличалась.

Письмо из Москвы*

После статьи, напечатанной в «Молве», об испытании в искусствах воспитанников и воспитанниц Московской театральной школы, я дал тебе слово описывать школьные спектакли. На сих днях, к большому моему удовольствию, удалось мне видеть один из них, и я исполняю мое обещание. В школе играли два водевиля: «Теобальд, или Возвращение из России», и «Два учителя, или Осел осла дурачит». Последнюю пиесу, конечно, можно бы исключить из школьного репертуара. Начну с того, что спектакли в школе необходимо должны продолжаться во весь год, что, гово-

рят, и будет исполняться. Это делает честь театральному начальству, коего внимание и заботливость о школе суть вернейшие залогов приятной будущности для нашей сцены. Не стану судить строго, ибо строгие требования здесь неуместны; но и без всякого увеличения скажу, что весь спектакль вообще был разыгран прекрасно; к сожалению, «Два учителя» шли ладнее и тверже; впрочем, этот водевиль и выполнить гораздо легче.

Из воспитанников Самарин 2-й и Максин были очень хороши. Первый играл Теобальда, роль необыкновенно трудную, состоящую из отрывистых слов и прерываемых фраз; странность и страдательность положения этого лица должна была выражаться мимикою, и Самарин весьма удовлетворительно все это выполнил: он был благороден и вообще играл с чувством; жаль, что голос у него, кажется, слаб, особенно в грудных, низких тонах. Впрочем, не смею решительно этого утверждать, ибо зрители сидели аршинами двумя ниже действующих лиц, звуки через них перелетали, и вообще нехорошо было слышно. Максин

в роли Жака Трише показал очень много ловкости, естественности и тонкости в верном выражении лица, им игранного. Из воспитанниц много обещает девица Виноградова: голос у ней прекрасный, и хотя она не всю роль Розалии (в «Теобальде») играла верно, но в некоторых местах была очень хороша, и смело можно надеяться, что она будет не только оперной певицей, но и хорошею актрисою, если будет стараться образовать себя: ученье единственная к тому дорога. Девица Лидина играла маленькую роль Баронессы: она также подает большие надежды. Девица Алексеева обещает хорошую субретку, девица Негина – оперистку. Воспитанник Сахаров в роли Чупкевича был недурен. Но выше других, без сомнения, – девица Григоровичева, которая играла прекрасно и г-жу Лормуа и Турусину. Эта воспитанница имеет решительный талант и весьма редкий: глубокую, тихую чувствительность. Амплуа благородных матерей и старух почти всегда исполняется дурно. Девица Григоровичева, к удивлению моему, и в роли провинциальной старухи (Турусиной) была также очень хороша и – нисколько не карика-

турна. Впрочем, последних ролей не должно играть много и часто. Девушка Григоровичева имеет чувствительность, ум в игре, нераздельное свойство таланта, а потому она может играть и другие роли: без сомнения, начальство школы сделает несколько опытов, и я надеюсь, что они будут счастливы. Оркестр был составлен из воспитанников; один из них управлял им, это воспитанник Поляков. Печать дарования видна на лице его и во всех приемах; нарочно для сего случая и, как я слышал, в самое короткое время сочинил он два антракта, которые и композицией и оркестровкой заслуживают похвалу. Хоры в водевиле «Два учителя» были составлены также из воспитанников и воспитанниц школы, и все любовались верностью и живостию исполнения; хоры не только что пели, но играли, а оттого действие на сцене было одушевлено: этого недостает на наших больших сценах. Пожелаем искренно успехов искусству, которое мы с тобою до сих пор так горячо любим.

«Ненависть к людям и раскаяние»*

Комедия в пяти действиях,
Дивертисман.

Пятница, 10 июня, Малый театр

Давно уже афиши возвещали возобновление, или восстановление, этой пьесы, старой, всем известной, многими охуждаемой, но всегда производящей сильное действие; наконец, ее дали. Если б до представления пьесы или до прочтения афиши спросить всех, не только знатоков, любителей, но даже и посетителей театра, кто играет Эйлалию, то, конечно, начав с г-жи Синецкой и дойдя до г-жи Пановой, никто не отгадал бы, что Эйлалию играет воспитанница Федорова. Бедная девочка попала в преступницы, в матери восьмилетних детей! из ролей простеньких крестьяночек – в образованные женщины! С своим румяным, как маков цвет, лицом – в казнимую совестью, бледную, желтую г-жу Миллер (об этом идет целое явление в пьесе). Даже и побелить или пожелтить ее никто не потрудился! Как девица Федорова, а не как Эйла-

лия, она была очень жалка, и совестно осуждать ее; скажу даже, что все заметили в ней если не сильное чувство, то по крайней мере какую-то слезливую чувствительность. Но заметно было и то, что вся роль выучена ею с голоса и она пропела ее, как канарейка с органчика! Даже все положения, все движения были заученные, чужие, следственно принужденные!.. Зато сбывлись робкие надежды некоторых любителей театра. Г-н Мочалов сыграл Неизвестного, или Мейнау, – превосходно! Двадцать пять лет знаю я Петербургский и Московский театры, видел всех артистов, с успехом игравших эту роль (в том числе одного немецкого актера в Петербурге, лучше других понимавшего Мейнау), и, несмотря на сильные места в роли, которыми славился покойный Яковлев, по моему мнению никто с такою истиною чувств, с такою верностию, целостию характера не играл Мейнау, как г-н Мочалов. Но, увы! сыграет ли он так же эту роль в следующий раз? Ручаться не смею, но повторяю при этом случае, что талант его, хотя редко бываешь доволен им, может стоять на самой высокой степени до-

стоинства! Да не соблазнится г. Мочалов скудостью рукоплесканий: кому было хлопать? В креслах половина зрителей была официальная! И неужели внутреннее чувство самодовольствия не наградило его за прекрасное исполнение роли Мейнау? Артиста, который всегда так разыгрывал бы свои роли, поистине можно назвать жрецом в храме изящного искусства! Весь рассказ, особенно первая половина и вся последняя сцена с Эйлалией были исполнены г. Мочаловым с совершенством. Какой ужасный смех! Какая истина, глубокость чувства! Заметим, однако, что ему надобно быть постарее, а на лице его должны лежать морщины, не старостью, но страданиями души налагаемые. Заметим, что последнее восклицание Мейнау, сделанное г. Мочаловым: «Друг мой, я тебя прощаю!» – неверно. Одно слово *прощаю* должно вырваться из души его при взгляде на детей, из души, и без того уже изнемогавшей от полноты чувств. Гг. Цыганов, в роли Биттермана, Потанчиков, в роли слуги, Живокини, в роли Петра, были очень хороши; первый смешил без всяких фарсов и излишеств. Г-жа Нагаева изрядно иг-

рала Лотте, дочь лейб-кучера, а г-жа Рыкалова – жену графа. Г-н Орлов был нехорош потому, что роль Горста к нему не шла, а г. Соколов в роли графа Винтерзее был несносен потому, что к нему никакие роли нейдут.

Антикритика*

В № 20 «Сына отечества» нынешнего года напечатан критический разбор трагедии «Марфа Посадница новгородская» соч. г. Погодина. Прежде всего заметим, что никто не имеет права назвать г. Погодина сочинителем оной трагедии, ибо он сам в предисловии называет себя только издателем. Сия критика, под наружною холодностью и спокойствием, проникнута сильнейшим ожесточением, и вся ее неприязненная цель – унижить до последней степени такое сочинение, которому, несмотря на его недостатки, порадовался, без сомнения, каждый благонамеренный литератор и любитель словесности. Мы знаем, что ничего нет скучнее антикритик и рекритик, да и объем «Молвы» не позволяет входить в подробности. Но считаем за долг предупредить своих читателей, что вышесказанная

статья написана не с тем, чтоб, разбирая сочинение, определить в нем и дурное и хорошее, но с намерением, принятым заблаговременно, – разбранить оное! Осуждения г. критика были бы весьма дельны, если б были справедливы и доказаны; вероятно, он думал, что ему поверят на слово, ибо взводит на сочинителя то, чего не бывало. Например, г. критик говорит, что «Послы новгородские признают Иоанна государем и соглашаются на все его требования, но великий князь отсылает их» и проч. (стр. 332). Стоит прочесть трагедию, чтоб увидеть несправедливость последнего. Послы уступали только некоторые из прежних прав своих, а Иоанн хотел всего и говорил: «Хочу властвовать у вас, как властвую в Москве». В противном случае не за что было бы и драться. Г. рецензент продолжает: «Снимают вечевой колокол, но вдруг Марфа бросается со слезами обнимать его, и эта выходка заставляет толпу переменить намерение» и проч. (стр. 333). Новая неправда: колокола не снимали и даже не говорили об этом, а *выходка Марфы* есть одно из прекрасных драматических движений; таково сердце че-

ловеческое, что, допуская мысль, бываешь не в силах ее исполнить, даже видеть исполнение. По безотчетному ли чувству поступила так Марфа, или по глубокому расчету, это все равно; но сей порыв всегда производит на слушателей сильное действие, а потому весьма натурально и даже неизбежно, что он должен был увлечь – и увлек народную толпу. «Заговор удельных князей неуместен, – говорит г. рецензент, – его не бывало, следовательно, и быть не могло» (стр. 338). Плохая аксиома! Мало ли что быть могло и чего не было! И мало ли что было, вероятно, о чем молчит Летопись новгородская! Г. рецензент обвиняет Марфу, что она «с начала до конца трагедии говорит», а не действует (стр. 343). Но чем же Марфа должна действовать, как не умом, не мыслями и не словами (выражением их)? Неужели руками? Действие слова человеческого всего сильнее: оно движет толпы народные и управляет сообщниками в переворотах, подобных новгородскому. Г. рецензент называет трагедию «площадною», основываясь на том, что два действия «происходят на площади» и что она «наполнена пло-

щадными лицами» (стр. 347). Если лица дьяка Феофилова, посадников, Марфы и, наконец, Иоанна кажутся г-ну критику площадными, то нам остается только удивляться его площадному воззрению на высокие предметы. Опасаясь наскучить читателям и полагая, что мы довольно убедили их в *благонамеренности* критики «Сына отечества», мы оканчиваем свои возражения самую смешною выходкою г. рецензента, который говорит, что трагедия никуда не годится потому, что ей самое приличное название: «Трагедия о том, как Иоанн разбил войско новгородское и взял Новгород» (стр. 335). Мы спрашиваем г. критика и всех читателей: какой первоклассной трагедии нельзя сделать такого определения? Например: Трагедия о том, как Отелло по несправедливой ревности убил Дездемону, Трагедия о том, как Вильгельм Телль убил Гесслера и освободил Швейцарию, и проч. Вот до каких несообразностей доводит пристрастная неприязнь... и не хуже ли она пристрастной дружбы, о которой говорит г. рецензент?

Письмо к друзьям Гоголя*

Гоголя нет на свете, Гоголь умер... Странные слова, не производящие обыкновенного впечатления. Умереть Гоголю вдруг нельзя: тело его предано земле, но дух вошел в нашу жизнь, особенно в жизнь молодого поколения. Много, очень много надобно времени, чтоб память о Гоголе потеряла свежесть; забыт, кажется мне, он никогда не будет. Но Гоголь сжег «Мертвые души»... вот страшные слова! Безотрадная грусть обнимает сердце при мысли, что Гоголь не досказал своего слова, что погиб плод десятилетних вдохновенных трудов, что навсегда исчезли созданные им образы, выступавшие во втором томе «Мертвых душ», первые главы которого он читал многим. Я сам слышал четыре, а С. П. Шевырев и А. О. Смирнова, как говорят, слушали семь глав. И Уленька, и Тентетников с их взаимною любовью, и генерал Быстрицев, и Костанжогло, и братья Платоновы, и многие другие – все погибли, и навсегда! Это ужасно, это невыносимо горько. Но теперь еще не время распространяться об этом. Я об-

ращаюсь к статьям Гоголя, получившим теперь настоящий смысл, к его «Предисловию» и «Завещанию», напечатанным в книге «Выбранные места из переписки с друзьями». Если б Гоголь был жив, я никогда бы не стал перечитывать этой книги, в свое время не один раз прочитанной мною; но теперь следовало это сделать, и я прочел ее вновь. Поразили меня эти две статьи. Больно и тяжело вспомнить неумеренность порицаний, возбужденных ими во мне и других. Вся беда заключалась в том, что они рано были напечатаны. Вероятно, такое же действие произведут теперь обе статьи и на других людей, которые, так же, как и я, были недовольны этою книгой и особенно печатным завещанием живого человека. Смерть все изменила, все поправила, всему указала настоящее место и придала настоящее значение. Гоголя как человека знали весьма немногие. Даже с друзьями своими он не был вполне или, лучше сказать, всегда откровенен. Он не любил говорить ни о своем нравственном настроении, ни о своих житейских обстоятельствах, ни о том, что он пишет, ни о своих делах семейных. Кроме

природного свойства замкнутости, это происходило от того, что у Гоголя было постоянно два состояния: творчество и отдохновение. Разумеется, все знали его в последнем состоянии, и все замечали, что Гоголь мало принимал участия в происходившем вокруг него, мало думал о том, что говорят ему, и часто не думал о том, что сам говорит; одним словом, Гоголя не могли знать хорошо и потому могли усомниться в задушевности, в правде многих слов его последней книги. Но теперь, когда он смертью запечатлел искренность своих нравственных и религиозных убеждений, кажется наступило время дать полную веру его христианской любви к людям. Речь идет не о том, ошибочны были или нет некоторые мысли и воззрения Гоголя, речь идет о правде его смирения, чистоте намерений, сердечности чувствований и стремления к добру.

Я убедительно прошу всех друзей и почитателей Гоголя обратить особенное внимание на следующие его слова: «Завещаю по смерти моей не спешить ни хвалой, ни осуждением моих произведений в публичных листах и журналах; все будет так же пристрастно, как

и при жизни. В сочинениях моих гораздо больше того, что нужно осудить, нежели того, что заслуживает хвалу. Все нападения на них были в основании более или менее справедливы. Передо мной никто не виноват; неблагороден и несправедлив будет тот, кто прекнет мною кого-либо в каком бы то ни было отношении».[55]

Неужели теперь мы не поверим в искренность каждой буквы этих слов? Чем можем мы достойнее почтить память усопшего нашего друга, как не самым точным исполнением завещанного им желания? Я знаю, нельзя ожидать общего почтительного молчания хотя на короткое время. Вероятно, много будут писать и уже пишут теперь о Гоголе. Вероятно, некоторые, глубоко, болезненно огорченные смертью любимого и чтимого художника, станут так горячо хвалить его, что оскорбят самолюбие многих; оскорбленные станут возражать с большею неумеренностью; охотно присоединится к ним онемевшее перед таинством смерти старинное недоброжелательство, и закипят над свежую могилу Гоголя новые вражды, тогда как сердце его билось

одним желанием, чтоб люди жили в мире и любви. Не будет ли это истинным оскорблением памяти Гоголя, который никогда ни к кому не питал неприязни, даже скоропреходящего гнева: эту истину могут засвидетельствовать не только все друзья, но даже сколько-нибудь знакомые с ним люди. Не заводить новые ссоры следует над прахом Гоголя, а прекратить прежние, страстями возбужденные, несогласия и в этом искать утешения в нашем общем великом горе.

Деревня.

1852 года, 6 марта.

Воспоминание о Михаиле Николаевиче Загоскине*

Не даром считают високосные года тяжелыми годами. Ужасен настоящий високос для русской литературы!

21 февраля потеряли мы Гоголя, 12 апреля – Жуковского и наконец 23 июня – Загоскина. Нисколько не сравнивая этих писателей в талантах, положительно можно сказать, что Загоскин пользовался гораздо большею народностью, принимая это слово в его известном у нас значении. Почти все, что знает грамоте на Руси – читало и знает Загоскина; к этому числу должно присоединить всех без исключения торговых грамотных крестьян. Восемь изданий «Юрия Милославского» (переведенного на многие европейские языки), три или четыре издания некоторых других романов, повестей и рассказов, разошедшихся по всем отдаленным углам России – ясно и убедительно подтверждают слова мои. В четыре месяца угасли у нас три славы, три знаменитости, три последних писателя, которые продолжали писать, которых талант был

всем известен, всеми признан. Такая быстрая утрата славных имен была бы поразительна во всякой литературе, гораздо обильнейшей и полнейшей, а у нас – это опустошение! Без сомнения, есть много на Руси людей с дарованиями замечательными, но одни как-то не высказались вполне: показали некоторые стороны своего таланта, имели заслуженный успех и – замолчали; другие еще мало написали, не получили настоящего значения, общей известности и общего признания: это еще надежды, часто обманчивые, и высшие ступени поприща русской литературы остаются пусты, мрачны, одеты глубоким трауром.

Предоставляя другим впоследствии написать полную биографию М. Н. Загоскина, с исчислением и оценкою всех его литературных произведений и с указанием почетного места, которое он должен занять в истории русской литературы – я хочу только сказать несколько слов о нем, как о человеке имеющем полное право на участие и благодарность современников.

Много есть на свете добрых людей, но трудно найти человека, в характере которого

соединялось бы столько простоты душевной, доброты сердечной и ясной, неистощимой веселости, происходившей от спокойной, безупречной чистоты сокровенных помышлений и от полного преобладания доброты над всеми другими качествами, как это было в покойном М. Н. Загоскине. Живой, откровенный и вспыльчивый от природы, он мог сказать в горячем, приятельском споре что-нибудь оскорбительное другому, но едва вылетало огорчительное слово, как уже раскаяние овладевало Загоскиным, и, чтоб загладить свою вину, он готов был сделать все для этого человека. Эта веселость, не оставлявшая его вовсе до последнего дня жизни, была в высшей степени общительна и увлекательна, как все происходящее искренно из глубины души. Эта добродушная веселость, разлитая во всех его сочинениях, передаваемая языком легким, ясным и живым, в соединении с неподдельною национальностью, произвела без сомнения тот восторг во всех читающих сословиях, с которым был принят первый роман Загоскина («Юрий Милославский»); восторг *общий*, которого не производил *ни один*

русский писатель.

Около тридцати лет жил Загоскин постоянно в Москве, любимый и уважаемый всеми: мудрено найти человека, который бы не знал его лично или не слышал о нем. Утро посвящал он деятельности литературной и служебной, а вечера проводил в обществе, которое потеряло в нем человека, одушевлявшего московские беседы и приятельские кружки своим присутствием, своими веселыми и живыми разговорами. Даже в последние два года, будучи постоянно болен, он выезжал сначала почти ежедневно и, увлекаясь живостью и веселостью своего характера, горячо предавался шумному потоку споров о разных современных интересах и вопросах. Будучи по преимуществу русским человеком в складе своего ума и речи, нередко простым и метким словом обличал он запутанность отвлеченного предмета, о котором шел спор, и громким смехом признавали обе спорные стороны верность живописного эпитета. Тяжело, грустно его друзьям и всем близким знакомым привыкать к мысли, что они никогда уже не увидят Загоскина и не услышат его голоса, зву-

чавшего добродушием и жизнью. Грустно должно быть и всем добрым и честным людям, что не стало доброго и честного человека.

Смело можно сказать, что в продолжение всей своей жизни, служебной и домашней, Загоскин не сделал никому зла и, по доброте своей природы, даже не мог его сделать, но добра сделал он много и многим. Я не говорю уже о том духовном добре, которое произвели и будут производить большая часть его сочинений безукоризненною чистотою своего нравственного направления.

Не потому пишутся эти строки, что будто о покойниках ничего, кроме доброго, говорить не должно, а потому, что должно говорить о них правду.

Несколько слов о биографии Гоголя*

Вот и год прошел, как нет на свете Гоголя! 21 февраля 1853 года, в память дня его кончины, много пролито теплых слез и отслужено панихид: Гоголь был не только великий художник, но и вполне верующий христианин. Гоголя нет на свете – мы привыкли к этим словам и к горестному их смыслу. Изумление прошло; но не прошла и никогда не пройдет скорбь, что уже нет между нами великого писателя, от которого мы еще так много ожидали в будущем. В продолжение года беспрестанно где-нибудь писали о Гоголе. Писано было не помногу, но с живым участием; печатали иногда то, чего не следовало, что рано было печатать; но немало высказалось прекрасных мыслей, верных взглядов и твердых убеждений. Конечно, никто не прочел без сочувствия и благодарности благородной статьи одного из жителей Курской губернии в защиту Гоголя.[56]

Печатные известия и достоверные слухи пробежали по всей России о тех немногих нравственных сокровищах, которые остались

в утешение нам после смерти Гоголя. В почти-тельном ожидании остаются все, жаждущие этой умственной пищи, известной еще немногим. Между тем прежние печатные сочинения Гоголя давно разошлись, и уцелевшие экземпляры покупаются, как я слышал, за страшно дорогую цену. Ожидание всех обращено на его семейство или на тех, кому поручены литературные дела покойного. В сочинениях Гоголя чувствуется потребность, необходимость: иначе не стали бы платить пятьдесят и семьдесят пять рублей серебром за те четыре книжки, за которые недавно платили и, вероятно, скоро будут платить по-прежнему двадцать пять рублей ассигнациями.

Естественно было желание публики узнать биографию Гоголя, и так же естественно было желание людей пишущих сообщить хотя некоторые биографические известия о нем. Жаль, что, увлекаясь добрым чувством, нарушая должное уважение к предмету, столь важному и многозначительному, печатали иногда известия рановременные (и потому лишенные всякого значения), переме-

шанные с известиями о модных платьях и катаньях;[57] неуместны также и не интересны для публики странные споры о дне и годе рождения Гоголя, когда так нетрудно и положительно можно узнать эти числа от его матери; еще менее интересны улики в ошибках, когда сам исправляющий их впадает в другие ошибки:[58] все это разрешить и поправить было легко не печатным образом. Не заслуживает внимания недавно раздавшееся шипение, вероятно, давно сдерживаемой неприязни или зависти, скрытое под формою повети. Презрительным равнодушием наградит публика такие бессильные и жалкие попытки. Но были статьи, замечательные по изложению и содержанию. Первое почетное место между ними принадлежит статье, напечатанной в апрельской книжке «Отечественных записок» прошедшего года: «Несколько слов для биографии Н. В. Гоголя». Она написана с участием, увлекательно, тепло и в то же время с соблюдением разумной меры теплоты; она составляет драгоценный материал для будущей пространной, полной биографии Гоголя. Но ее время не близко. Биография всякого

известного и почему-нибудь замечательного человека представляет много затруднений; не только нельзя ее скоро напечатать по свежести отношений покойного к живым людям, но даже нельзя беспристрастно написать: ясности взгляда будет мешать близость предмета; надобно отойти от него, и чем предмет выше, тем отойти надобно дальше: я разумею биографию внутренней жизни, искреннюю и полную. Прекрасная статья, о которой я сейчас говорил, могла быть написана вполне удовлетворительно, потому что время, ею изображенное, время детства Гоголя, уже далеко и потому что детский и юношеский возрасты не представляют препятствий и трудностей к их описанию, непременно сопровождающих изображение жизни человека в годах зрелого мужества. Биография же Гоголя заключает в себе особенную, исключительную трудность, может быть единственную в своем роде. Натура Гоголя, лирически-художественная, беспрестанно умеряемая христианским анализом и самоосуждением, проникнутая любовью к людям, непреодолимым стремлением быть полезным, беспре-

станно воспитывающая себя для достойного служения истине и добру, — такая натура в вечном движении, в борьбе с человеческими несовершенствами ускользала не только от наблюдения, но даже иногда от понимания людей, самых близких к Гоголю. Они нередко убеждались, что иногда не вдруг понимали Гоголя, и только время открывало, как ошибочны были их толкования и как чисты, искренни его слова и поступки. Дело, впрочем, понятное: нельзя вдруг оценить и поверить тому чувству, которого сам действительно не имеешь, хотя беспрестанно говоришь о нем.

Для большего уяснения предмета я позволю себе повторить некогда сказанное мною: Гоголя как человека знали весьма немногие. Даже с друзьями своими он не был вполне, или, лучше сказать, всегда откровенен. Он не любил говорить ни о своем нравственном строении, ни о своих житейских обстоятельствах, ни о том, что он пишет, ни о своих делах семейных. Кроме природного свойства замкнутости, это происходило от того, что у Гоголя было постоянно два состояния: творчество и отдохновение. Разумеется, все знали

его в последнем состоянии, и все замечали, что Гоголь мало принимал участия в происшедшем вокруг него, мало думал о том, что говорят ему, и часто не думал о том, что сам говорит! К этому должно прибавить, что разные люди, знавшие Гоголя в разные эпохи его жизни, могли сообщить о нем друг другу разные известия. Да и не подумают, что Гоголь менялся в своих убеждениях; напротив, с юношеских лет он оставался им верен. Но Гоголь шел постоянно вперед; его христианство становилось чище, строже; высокое значение цели писателя – яснее, и суд над самим собою – суровее. Итак, в этом смысле Гоголь изменялся. Но даже в одно и то же время, особенно до последнего своего отъезда за границу с разными людьми Гоголь казался разным человеком. Тут не было никакого притворства: он соприкасался с ними теми нравственными сторонами, с которыми симпатизировали те люди или по крайней мере которые могли они понять. Так, например, с одним приятелем и на словах и в письмах он только шутил, так что всякий хохотал, читая эти письма; с другими говорил об искусстве и

очень любил сам читать вслух Пушкина, Жуковского и Мерзлякова (его переводы древних); с иными беседовал о предметах духовных; с иными упорно молчал и даже дремал или притворялся спящим. Кто не слышал самых противоположных отзывов о Гоголе? Одни называли его забавным весельчаком, обходительным и ласковым; другие – молчаливым, угрюмым и даже гордым; третьи – занятым исключительно духовными предметами... Одним словом, Гоголя никто не знал вполне. Некоторые друзья и приятели, конечно, знали его хорошо; но знали, так сказать, по частям. Очевидно, что только соединение этих частей может составить целое, полное знание и определение Гоголя.

Итак, остается желать, чтоб люди, бывшие в близких сношениях с Гоголем, записали для памяти историю своего с ним знакомства и включили в свое простое описание всю свою с ним переписку. Тогда эти письма, будучи объяснены обстоятельствами и побудительными причинами, осветили бы многие, до сих пор неясные для иных стороны жизни Гоголя. Такие-то, поистине драгоценные мате-

риалы в соединении с печатными сочинениями Гоголя, с теми, которые будут напечатаны, и с его письмами дали бы возможность биографу достойным образом исполнить свое важное и трудное дело. Гоголь вел обширную переписку. Приблизительно можно сказать, судя по числу его писем к некоторым известным лицам, что число всех писем может простирается до нескольких сотен. Какое богатство! Гоголь выражается совершенно в своих письмах; в этом отношении они гораздо важнее его печатных сочинений. Какое наслаждение для мыслящих читателей проследить, рассмотреть в подробности духовную жизнь великого писателя и высоконравственного человека! Сколько борьбы в примирении художника с христианином, сколько подвигов послушания и сколько ошибок, увлечений зыбкого человеческого ума, никогда, однако же, не помрачивших чистоты душевной, открыла бы такая биография! Сколько умильного и поучительного нашли бы в ней даже такие читатели, которые чужды литературного направления! Да исполнится когда-нибудь это желание, без сомнения разде-

ляемое многими, и да будет оправдан и оценен Гоголь по достоинству как художник и как человек.

1853 года, марта 1-го дня.

Деревня.

Биография Михаила Николаевича Загоскина[59]*

Род Загоскиных принадлежит к одной из старинных дворянских фамилий. В родословной книге князей и дворян российских, составленной по *бархатной книге* и изданной «по самовернейшим спискам» в 1787 году, сказано: «Загоскины выехали из Золотой Орды. Выехавший назывался Захар Загоско, а от него и родовое название принято». Михаил Николаевич Загоскин родился 14 июля 1789 г., Пензенской губернии и уезда, в селе Рамзае, принадлежавшем тогда его отцу. Загоскин воспитывался в деревне до четырнадцатилетнего возраста; в детстве его уже замечена была в нем необыкновенная, не часто встречаемая в детях, страстная охота к чтению, вследствие которой скоро оказалась склонность и

способность сочинять самому. Одиннадцатилет он написал повесть под названием «Пустынник», которая начиналась небольшим предисловием, где сочинитель просил читателей и читательниц «быть снисходительными к его сочинению, приняв в уважение, что автор повести одиннадцатилетний юноша». Последние строки уже показывают, что этот юноша много читал и заимствовал авторский прием. Повесть «Пустынник» была так недурно написана для мальчика (хотя он и называл себя юношей), в ней столько было оригинальных мыслей и приемов (так казалось окружающим), что многие, которым отец Загоскина давал читать ее, не хотели верить, чтобы это было написано *Мишей*, как называли его в семье, в кругу родных и близких знакомых. Ободренный блистательным успехом, одиннадцатилетний автор продолжал писать; но все его сочинения, до первой печатной комедии, пропали, и впоследствии Загоскин очень жалел о том, единственно для себя, любопытствуя знать, какое было направление его детского авторства. Уцелела только одна трагедия в трех действиях «Леон и Зыдея», напи-

санная какими-то «силлабическими» стихами с рифмами. Произведение совершенно детское, вероятно предупредившее повесть «Пустынник». Охота к чтению и жажда к знаниям были в нем так сильны, что он, живя в деревне, мало разделял обыкновенные детские забавы своих сверстников, хотя от природы был резв и весел; ребяческой проказливости он не имел никогда, всегда был богомолен и любил ходить в церковь. Почти все свое время посвящал он книгам, так что окружающие боялись, чтобы от беспрестанного чтения он не потерял совсем зрение, которое и тогда было слабо, почему и были вынуждены отнимать у него книги; но любознательный мальчик находил разные средства к удовлетворению своей склонности. Между прочим он употреблял следующую хитрость: когда отец его входил в свой постоянно запертый кабинет, в котором помещалась библиотека, и оставлял за собою дверь незапертою, что случалось довольно часто, то Миша пользовался такими благоприятными случаями, прокрадывался потихоньку в кабинет и прятался за ширмы, стоявшие подле дверей; ко-

гда же отец, не заметивши его, уходил из кабинета и запирал за собою дверь – Миша оставался полным хозяином библиотеки и вполне удовлетворял своей страсти; он с жадностью читал все, что ни попадалось ему в руки, и не помнил себя от радости. Он оставался в кабинете иногда по несколько часов, то есть, до прихода отца; при первом звуке ключа он прятался опять за ширмы, и когда отец принимался сам за чтение или за письменные дела, Миша уходил потихоньку и нередко уносил недочитанную книгу. Наконец хитрость эта была открыта; предаваясь чтению с самоабвением, он не расслышал отворяющейся двери и был пойман отцом на месте преступления, с книгою в руках. Отец, видя в сыне такое необыкновенное стремление к чтению и образованию, чего, конечно, не мог не одобрить, разрешил ему брать книги из библиотеки с его позволения; книги выбирались преимущественно исторические, и молодой Загоскин мог удовлетворять свободно своей склонности, не предаваясь однако ей с излишеством, за чем уже наблюдали постоянно.

Доброта и вспыльчивость были отличии-

тельными качествами Загоскина в самых ранних детских годах. Вот пример того и другого: маленький Загоскин любил читать, лежа на диване и лакомясь изюмом и коринкой; один из меньших братьев часто влезал к нему на диван, начинал его трогать, щипать и просить ягод; Загоскин отдавал часть лакомства с просьбою не мешать ему; через несколько минут маленький шалун опять являлся с прежними доуками; Загоскин отдавал весь изюм и коринку с условием: не входить к нему в комнату и не мешать его чтению; но через несколько времени, истребив весь запас лакомства, брат снова отворял дверь – и тогда Загоскин, всплыв, вскакивал с дивана, бросал книгу и принимался таскать за волосы неотвязчивого ребенка; впоследствии он любил этого брата с особенною нежностью.

Так шли дела до 1802 года. В это время Михайла Николаевич Загоскин, по 14 году, был отправлен отцом в Петербург, где и начал свою службу в канцелярии государственного казначея, куда определился канцеляристом в 1802 году 15 мая; оттуда перешел он служить

в Горный департамент; потом был перемещен в Государственный заемный банк, и в 1811 году опять перешел в Департамент горных и соляных дел, помощником столоначальника, в чине губернского секретаря. Очевидно, что статская служба Загоскина подвигалась вперед медленно. Наконец наступил 1812 год, загорелась отечественная война, и Загоскин, оставив статскую службу, записался 9 августа в петербургское ополчение. Нельзя предположить, чтоб в это десятилетнее пребывание и служение в Петербурге Загоскин не занимался литературою. К сожалению, никаких точных сведений я об этом получить не мог.

Знаю только положительно, что именно в это время Загоскин старался вознаградить недостаток своего образования, что, при вступлении в военную службу, он знал уже по-французски и несколько по-немецки. Знаю также и то, что именно в это время Загоскин очень нуждался в средствах к существованию, и что нередко находился в совершенной крайности вместе с своим верным дядькой и слугой, Прохором Кондратьичем,

которого вывел впоследствии в романе «Ми-рошев».

Кто знал Загоскина, хотя не в молодых годах, тот может судить, каким пылким молодым человеком был он на 24 году своей жизни, когда вступил офицером в ряды петербургского ополчения, в корпус графа Витгенштейна. С детских лет, имея по преимуществу русское направление и пылкую натуру, он горел нетерпением запечатлеть кровью свою горячую любовь к отчизне; в сражении под Полоцком он был ранен в ногу и получил за храбрость орден Анны 3-й степени на шпагу. По излечении раны он возвратился к своему полку и по желанию графа Левиса был назначен к нему адъютантом; в этой должности находился он до сдачи Данцига, то есть до окончания войны. С прекрасной наружностью, внушавшей расположение и доверенность, вспыльчивый, живой, откровенный, добрый и постоянно веселый, Загоскин был любим товарищами и всеми его окружавшими. Истинный русак, исполненный добродушного комизма, он имел множество самых смешных столкновений с немцами в продолжение дол-

гой осады Данцига. Он любил об этом рассказывать даже в немолодых своих годах, и рассказывал так оригинально, живо и забавно, что увлекал всех своих слушателей, и громким смехом выражалась общая искренняя веселость. Некоторые происшествия, описанные Загоскиным в четвертом томе «Рославлева», действительно случились с ним самим или с другими его сослуживцами, при осаде Данцига.

После сдачи Данцига ополчение было распущено, и Загоскин, не желая продолжать военной службы, для чего он мог бы перейти в какой-нибудь армейский полк, отправился в Россию, на свою родину, в Пензенскую губернию, в свой любимый Рамзай, где, хотя на короткое время, обратился снова к прежним, дорогим его сердцу, занятиям: чтению и сочинению. Там в первый раз попробовал он себя на поприще драматическом и написал комедию в одном действии под названием «Проказник». Многие из тех, кому он читал свою пьесу, очень ее хвалили; но молодой автор не мог иметь доверенности к своим судьям; а потому по приезде своем в Петербург, в самом

начале 1815 года, где он поступил опять на службу в тот же Департамент горных и соляных дел, тем же помощником столоначальника – Загоскин решился отдать на суд свою комедию известному комическому писателю, князю Шаховскому, хотя и не был с ним знаком. К такому поступку побудили его следующие причины: он не знал лично никого из петербургских сочинителей, на чье суждение мог бы положиться; кн. Шаховской был тогда в большой славе, и все его пиесы игрались на театре с блистательным успехом; наконец, самое важное обстоятельство – князь Шаховской служил при театре репертуарным членом, и от него вполне зависели принятие театральных пиес и постановка их на сцену. Скромный Загоскин, не будучи уверен в своем таланте, никак не мог решиться приехать прямо к князю Шаховскому; он написал к нему письмо от неизвестного, в котором просил: «прочеть прилагаемую пиесу и, приняв в соображение, что это первый опыт молодого сочинителя, сказать правду: есть ли в нем талант и заслуживает ли его комедия сценического представления? Если нет, то не спра-

шивая об имени автора, возвратить рукопись человеку, который будет прислан в такое-то время». Этот человек – был сам Загоскин. Я не знаю этой пьесы: ее играли на театре с посредственным успехом, и она никогда не была напечатана; но впоследствии я слышал от князя Шаховского, что он был приятно изумлен, когда между десятками бездарных произведений попалась ему в руки эта небольшая комедия, в которой он заметил много живости и неподдельной веселости. Князь Шаховской, разумеется, не возвратил ее, а просил, также через письмо, отданное самому Загоскину, пожаловать неизвестного автора к нему, прибавляя, что он находит пьесу весьма хорошо написанною, и что очень желает лично познакомиться с сочинителем. Обрадованный Загоскин, часа через два, явился к знаменитому тогда драматургу и был им очень обласкан. С этих пор началось его знакомство с князем Шаховским, перешедшее потом в самую близкую и дружескую связь. В том же 1815 году, вскоре после появления на сцене большой комедии князя Шаховского «Липецкие воды, или Урок кокеткам», кото-

рая несмотря на блестящий сценический успех, нашла много порицателей, Загоскин написал комедию в 3-х действиях «Комедия против комедии, или Урок волокитам», представленную в Петербурге на малом театре в пользу актера Брянского, 3 ноября 1815 года. – Эта пьеса написана Загоскиным, который всегда уважал талант князя Шаховского, а теперь сделался одним из самых жарких его почитателей, – в защиту комедии «Липецкие воды», о чем и сам автор говорит в предисловии. Очевидно, что в литературном мире жестоко нападали на «Липецкие воды». Хотя публика не слушала этих нападений, хотя во время представления этой комедии театр всегда был полон и беспрестанно раздавались громкие рукоплескания, но Загоскину были так досадны выходки противников князя Шаховского, что он решился высказать на сцене в защиту «Липецких вод» все то, что можно было изложить в длинной полемической статье – и он написал «Комедию против комедии». Действуя тогда по горячему душевному убеждению (как и во всю свою жизнь), Загоскин своей комедией вооружил против себя

большую часть тогдашних литераторов, что также можно видеть из предисловия к пиесе, написанного через год после ее представления на сцене, где она имела значительный успех. Для объяснения такого противоречия между успехами князя Шаховского на сцене, в публике светской, и гонений в кругу литературном, надобно сказать несколько слов о тогдашних литературных партиях. Князь Шаховской был славянофил того времени, шишковист, то есть принадлежал к партии Александра Семеновича Шишкова, весьма немногочисленной, но упорной и горячей. Название славянофильства было дано и употреблялось тогда так же неверно, как и теперь: это просто было и есть – русское направление. Шишков книгою своею «Рассуждение о старом и новом слоге» уже давно вооружил против себя и против своих единомышленников почти всех литераторов, обиженных нападениями на Карамзина и его последователей. Но на князя Шаховского сердились даже более, чем на самого Шишкова, именно за комедию «Новый Стерн», в которой было осмеяно карамзинское чувствительное направление.

Эту маленькую пиесу, которую теперь знают весьма немногие из молодого поколения литераторов, тогда знала вся читающая публика и хлопала ей на сцене без милосердия. Книга Шишкова забывалась понемногу, а «Новый Стерн», написанный недавно, игрался часто на театре.

В комедии же «Липецкие воды» осмеивалось балладное направление Жуковского, что также оскорбило многих. Нечего и говорить, что обе стороны были и правы, и виноваты. Теперь это ясно, но тогда было темно. Публика мало заботилась о том, кто прав, кто виноват: она смеялась и хлопала в театре Шаховскому, смеялась и знала наизусть эпиграммы, на него написанные, особенно следующую:

*С какою легкостью свободной
Играешь ты природой и собой;
Ты в шубах Шаховской холодный,
В водах ты Шаховской – сухой.*

Это была одна из самых удачных эпиграмм князя Вяземского, намекавшая третьим стихом на шуточную поэму князя Шаховского «Расхищенные шубы», а четвертым – на «Липецкие воды». В печати стояло вместо Шахов-

ской – *Шутовской*. – Как бы то ни было, только «Комедия против комедии» была принята на сцене очень хорошо и давалась часто. Я сам слышал, даже от противников князя Шаховского, что в пьесе Загоскина гораздо более живости действия, интереса завязки и комизма, чем в «Липецких водах»; хотя на искренность таких отзывов нельзя полагаться, ибо тут похвалюю защитника бьют защищаемого, но комедия Загоскина точно имела достоинство, не только как первый дебют молодого писателя, как пьеса, написанная кстати, по обстоятельствам, как пьеса своего времени, но как литературное произведение с нравственной мыслью, высказанной на сцене живо и весело, языком чистым, легким и разговорным. Очевидно, что Загоскин уже много писал прежде, но не печатал, «набивал руку», как он сам мне говаривал. Тогда так легко и свободно писал для сцены только один Шаховской, заслуги которого разговорному языку, литературе драматической и сценической постановке – весьма важны и стоят благодарного воспоминания.

«Комедия против комедии» была началом

и основанием известности Загоскина. В 1816 году 21 мая он вышел из Горного департамента и женился в Петербурге, а в 1817 году определен в Дирекцию императорских театров помощником члена репертуарной части; в этом же году была представлена и напечатана новая комедия Загоскина в 5-ти действиях «Господин Богатонов, или Провинциал в столице», посвященная князю Ивану Михайловичу Долгорукому, которому автор комедии был всегда сердечно предан. Эта пьеса имела большой успех на сцене, несмотря на то, что была дана в первый раз 27 июня, когда весь Петербург переселяется на дачи.

Удивительно, как трудно человеку забыть, хоть на одну минуту, свое настоящее воззрение и возвратиться к тем понятиям, к тому взгляду, которыми руководствовался он тому лет 40 назад и под условиями которых ложились на него впечатления окружающих его предметов и явлений. Я с особенною живостью почувствовал эту трудность, прочитав Богатонова в 1852 году. Он гораздо выше во всем «Комедии против комедии». В «Богатонове» выведено уже не пустое кокетство, не

волокитство, а глупый богатый невежда, степной помещик, помешавшийся на связях с знатью и переехавший на житье в Петербург; лицо, на котором, как на оселке, пробуетя и оказывается нечистая сущность столичных негодяев, с их иностранным, или лучше сказать, с французским направлением. В продолжение 35 лет, наружные формы этих лиц так изменились, что нельзя представить себе их прошедшую действительность. Если б этот тип пропал совсем, то было бы легче вообразить его и не сомневаться в верности изображения; но он не перевелся, его все знают и видят, только совсем под другими формами, — и потому лица Загоскина кажутся теперь призраками, придуманными автором для назидания публики, а более для потехи зрителей, или ветряными мельницами, с которыми он добросовестно сражается. Приняв в соображение, что все условия французской комедии, чтимые и уважаемые беспрекословно самыми умными тогдашними людьми, теперь скучны и невыносимы даже в Мольере; что Мольер в малейших подробностях считался тогда непогрешимым образцом, что Загоскин,

разумеется, благоговейно шел по тем же следам – надобно признать немало дарования в сочинителе, если его талант пробивается сквозь всю эту кору. Читая «Богатонова», именно чувствуешь почти на каждой странице это, так сказать, *проступание* природного комического дарования; некоторых сцен и теперь нельзя прочесть без смеха, а живая человеческая речь слышна у всех, даже иногда у добродетельных людей. Отсюда можно сделать заключение, как должен был нравиться «Богатонов» в 1817 году. Оно так и было: как современник Загоскина, я имею полное право удостоверить в том читателей. Я могу ошибаться в собственных своих суждениях, а не в том, чему я был свидетелем. Несмотря на невыгодное время своего появления, «Багатонов» очень понравился, и его давали очень часто в продолжение лета, осени и всего зимнего карнавала; зрители постоянно смеялись и хлопали, и он долго оставался на репертуаре. Самобытность комического таланта в Загоскине была признана всеми; вскоре он утвердил это мнение новой комедиею в 3-х действиях, под названием «Вечеринка уче-

ных», которая в 1817 году, ноября 12, была дана в Петербурге в бенефис актера Боброва. В том же году Загоскин был определен почетным библиотекарем в императорскую Публичную библиотеку. – «Вечеринка ученых», конечно, бедна своей интригой и содержанием, даже беднее предыдущих комедий Загоскина, уже потому, что повторяет одну и ту же завязку и развязку: везде надобно женить доброго человека на хорошей девушке, везде есть тетушка или сестра, несогласная на этот брак, везде есть друг, дядя или брат, ему покровительствующий, везде изобличают жениха негодяя, всегда графа или князя, и отдают невесту доброму человеку, ею любимому. Это общая тема с разными вариациями; но, несмотря на то, покровитель дядя в «Вечеринке ученых», г-н Волгин, так оригинален и смешон, что вариация вышла весьма удачна. Литературное заседание в доме сестры его, пожилой вдовы г-жи Радутиной, помешавшейся на сочинении стихов и прозы, так забавно, исполнено такого добродушного комизма, что эту сцену никто не выслушает и не прочтет без смеха. Может быть литераторы и

журналист, выведенные в пьесе, покажутся лицами неестественными, преувеличенными; но такие лица не только бывали тогда, но даже и теперь можно отыскать им подобных, конечно, уже людей не молодых, которые в светском кругу низшего слоя считаются даровитыми писателями. Нет, не призраки они были, а взяты из жизни, списаны с натуры и единственно потому эта небольшая комедия, своим третьим актом, всегда возбуждала общий смех и рукоплескания зрителей Петербургского театра. Я видел ее потом уже в 1821 году в Москве, и публика также смеялась и также хлопала. Без сомнения, Загоскин писал свои комедии легко и скоро: это чувствуется по их легкому содержанию и составу; иначе такая деятельность была бы изумительна, ибо в 1817 же году Загоскин вместе с г. Корсаковым издавал в Петербурге журнал «Северный Наблюдатель», который, кажется, выходил по два раза в месяц, и в котором он принимал самое деятельное участие; а в последние полгода – что мне рассказывал сам Загоскин, – когда ответственный редактор, г. Корсаков, по болезни или отсутствию не мог за-

ниматься журналом – он издавал его один, работая день и ночь, и подписывая статьи разными буквами и псевдонимами. Не имея в руках книжек этого журнала, ничего не могу сказать о достоинстве статей Загоскина.

В 1818 году Загоскин оставил службу при театре и был перемещен на штатную вакансию помощника библиотекаря с жалованьем. Он принимал деятельное участие в приведении библиотеки в порядок и в составлении каталога русских книг, за что через два года был награжден орденом Анны 3-й степени. В непродолжительном времени, и именно 5 июля 1820 года, он оставил службу и должность штатного помощника и был переименован в прежнее звание почетного библиотекаря.

Вероятно в этом году была написана Загоскиным новая, большая комедия: «Второй Богатонов, или Столичный житель в провинции», которую я не видал на сцене, хотя она была с большим успехом играна, и которой я не читал; не знаю даже, была ли она напечатана. При всем моем старании, я нигде не мог ее достать.

В 1819 году литературная деятельность Загоскина ограничилась небольшой комедией в одном действии: «Роман на большой дороге». Эта пьеса не имеет значения и написана так, для развлечения, посреди хлопотливых занятий по делам устройства императорской Публичной библиотеки; а более для того, чтобы дать что-нибудь новенькое в бенефис своим любимым актерам, Сосницким, которых и публика также очень любила. Впрочем, и в этой безделке язык также очень хорош, разговор жив и весел. Молодой гусар Изборский, лицо, написанное для Сосницкого, который славился в подобных ролях, мастерски подражая тогдашней военной молодежи – нарисовано очень недурно: но зато интрига и развязка пьесы до такой степени неправдоподобна, условность доведена до такой наивности, что теперь она составляет своего рода комическое явление и заставляет смеяться читателя. Несмотря на все это, «Роман на большой дороге» был принят публикою с большим одобрением. Эту комедию давали в первый раз в 1819 году, июля 29, на большом Петербургском театре, в пользу актера и актрисы г-

д Сосницких. – В 1820 году Загоскин написал комедию в 3-х действиях «Добрый малый» и посвятил ее своему начальнику, директору Публичной библиотеки, Алексею Николаевичу Оленину. Это имя не будет забыто в истории русской литературы. Все без исключения русские таланты того времени собирались около него, как около старшего друга, и вот почему Загоскин посвятил ему свою комедию. Она была представлена в первый раз на большом Петербургском театре 23 июня того же 1820 года. – В основе этой пиесы уже лежит более глубокая, более серьезная мысль. «Добрый малый» – не пустое, не временное лицо, а вечное; протей по своему многообразию, он не переведется, покуда будут жить люди обществом; я думаю даже, что и между дикарями есть своего рода добрые малые. Хотя у Загоскина Вельский в действительности совсем не «добрый малый», а настоящий мошенник, но в комедии везде проведена мысль: *вот кого в свете называют добрым малым*. Так бы и следовало назвать комедию. Пиеса написана под прежними сценическими условиями, завязка, развязка и характеры

действующих лиц, в своей основе, также прежние, с некоторыми приличными изменениями, но со всем тем комедия была признана публикою и литературным судом того времени – лучшим произведением Загоскина, из всего им написанного до тех пор, что и по моему мнению было справедливо. Выбрав одну из многих физиономий «Доброго малого», взглянув на него с своей точки зрения, Загоскин очень верно и даже смело нарисовал всю его фигуру и придал ему приличное внутреннее значение: Вельский последователен и не изменяет себе до конца пьесы. Сначала он своей угодливостью напоминает как-то Молчалина, но впоследствии это сходство исчезает. Заимствовать Загоскин не мог, потому что комедия Грибоедова написана гораздо позднее. В этой пьесе есть другое лицо, которое, мне кажется, выдержано и окончено лучше всех: это старик Ладов, безграмотный собиратель древностей, почти влюбленный в Вельского. Сцена между им и старинным его приятелем Стародумовым, который, зная Вельского за негодяя, старается образумить Ладова – выдержит современную строгую критику и

написана с большим умением. Последняя сцена, где читают письмо Вельского и где он отделяет всех слушателей своего письма, также очень хороша и имеет некоторое сходство с последнею сценою «Ревизора». Комедия очень ловко оканчивается словами Ладова, которому ясно доказали, что Вельский мошенник, что он всех обманывал, обыграл наверное своего приятеля и хотел отбить у него невесту: «Эх, милый! все так... да малый-то он добрый!..» Вообще во всей пиесе много жизни и веселости – веселости, которую не может заметить никакое остроумие, никакое комическое положение действующих лиц. Разговорный язык даже лучше, чем в прежних пиесах Загоскина. Это была последняя пиеса, написанная им в Петербурге.

В 1820 году, в июле, Загоскин по семейным обстоятельствам переехал в Москву, где и продолжалась вся остальная литературная его деятельность. В Москве Загоскин короче познакомился, а потом и подружился с Фед. Фед. Кокошкиным, с которым был знаком и в Петербурге, но против которого он был предубежден князем Шаховским, не любив-

шим Кокошкина без всякой основательной причины. Литературный круг «Переводчика Мизантропа», как его тогда величали, встретил Загоскина с полным радушием, и вскоре он сделался близким приятелем всех его членов.

До 1821 года Загоскин не писывал стихов; он не чувствовал падения и меры стиха, и сам признавался, что это не его дело. Один раз в кругу коротких приятелей рассердили его тем, что не хотели даже выслушать каких-то его замечаний на какие-то стихи, основываясь на том, что он в стихотворстве ничего не понимает. Загоскин вспылил и сказал, что он докажет всем, как понимает это дело, и через два месяца прочел прекрасное, довольно длинное послание к Н. И. Гнедичу, написанное шестистопными ямбами с рифмами. Оно стоило Загоскину невероятных трудов: не имея уха, каждый стих он разделял черточками на слоги и стопы, и над каждым слогом ставил ударение; в иной день ему не удавалось выковать более четырех стихов, и из такой египетской, тяжелой работы стихи вышли легки, свежи, звучны и естественны! Все бы-

ли изумлены. Тут проявилась вполне настоящая русская, разумеется, талантливая натура Загоскина; сказал: сделаю – и сделал, да еще едва ли не лучше учителей. Это послание, кажется, было напечатано в Петербурге, в журнале «Общества соревнователей просвещения». Из писем Гнедича видно, что в 1821 же году Загоскин написал стихами сцены: «Авторская клятва» и потом: «Выбор невесты». Обе эти пиесы, написанные в драматической форме, были читаны в «Обществе соревнователей просвещения» в Петербурге, в журнале которого они и напечатаны. Вот что пишет Н. И. Гнедич к Загоскину от 19 апреля 1821 года: «После „Авторской клятвы“, я уже перестану и удивляться твоим истинно блистательным успехам, любезный друг Михаил Николаевич... но удовольствие Крылова при слушании „Авторской клятвы“ верно лучшая тебе порука за достоинство пиесы, основанной на действии и характерах и написанной живо и чисто. Самая же пиеса порука нам, что ты подаришь театр комедией в стихах...». Тогда же Загоскин написал несколько «Разговоров в прозе», очень веселых и забавных, вроде

учебных разговоров или диалогов. Гнедич, строгий судья и не охотник хвалить, пишет об этом в одном из своих писем 1821 года мая 19: «Не думаю, мой друг, чтобы хвалы могли избаловать тебя. Ты имеешь и ум, и совесть дарованья, – чтобы не ослепляться собою. Успехи действительно, во всем смысле этого слова, блистательны – так никто не начинал: ты понимаешь меня – не *начинал*...Я слышал и твои разговоры в прозе. Их читал Греч, и читал прекрасно. Мысль чрезвычайно оригинальная, веселая и выполнена отменно приятно. Род этот, то есть маленькие сочинения в разговорах, может быть лучшим упражнением твоего таланта для отдыхов от работ серьезных, то есть больших».

Ободренный успехом, Загоскин решился написать комедию стихами; с твердостью и, можно сказать, с самоотвержением засел за работу и через несколько месяцев написал довольно большую комедию в стихах, в одном акте, также шестистопными ямбами с рифмами: «Урок холостым, или Наследники», которая в 1822 году, 4 мая, была сыграна на Московском театре и тогда же напечатана.

Всякая комедия, написанная прекрасными стихами, языком разговорным, была бы тогда замечательным явлением, и без той неизменной веселости и комической жизни, которой так много в «Наследниках». Публика и литераторы приняли пиесу с восхищением; стихи в этой пиесе вообще так хороши, что и теперь можно их прочесть с удовольствием. Конечно, тогда уже начинали писать гладкими стихами для театра; но в этой пустой, щеголеватой гладкости состояло все их достоинство. Стихи Загоскина, напротив, при всей легкости разговорного языка, не пусты: в них есть содержание, сила, и мысль укладывается в стихе вся без остатка и без натяжки. В пиесе нет таких мест, которые бы ярко выдавались. Она вся написана хорошо, вся ровна. Выписываю совершенно на выдержку: бедная девушка Лиза живет из милости в доме своего дальнего родственника, жена которого, г-жа Звонкина, попрекает её бедностью, а сын её Любим, влюбленный в Лизу, ее смиренно защищает:

Лиза

Конечно, я бедна; но бедность не порок.

Звонкина

А что ж, сударыня, чай скажешь:
добродетель!
Покойный твой отец, всемирный
благодетель –
А нищий сам, как ты, точь в точь
же рассуждал,
Престрогий был судья и взятки он
не брал.
Тот домик выстроил, другой купил
деревню,
А он прямехонько попал бы в бога-
дельню.

Любим

Честнейший человек!

Звонкина

Скажи, сударь, гордец:
Хотел быть всех умней! Что ж
вышло наконец?
Да что и говорить! он был совсем
без правил.
Служил в палате век – а дочь с су-
мой оставил.

Любим

Все так, однако ж он...

Звонкина

*Ну, полно врать – молчи!
Пошли ко мне отца; а ты до-
стань ключи
От сахара – они в столе; – отдай
их Дуньке;
Да у меня смотри! прошу ходить
по струнке!
Ступай!*

Как хорошо обрисовывается натура Звонкиной, и как много слышно действительной жизни во всех ее словах, и какая естественность разговора! Сцены подлой угодливости наследников, когда приезжает их дядя богач и холостяк – очень живы и смешны. Старик, хорошо понимающий своих наследников, прикидывается, что сам хочет жениться на Лизе, и все родные, смертельно перепуганные, желая удержать богатство дяди в своей семье, спешат помолвить ее за Любима, о чем прежде не хотели и слышать. Старик того и желал; он отдает все свое имение внуку, и

один из родственников, более всех потерявший, имевший сам виды на Лизу, оканчивает пьесу следующими стихами:

Турусин

*О варвар, о злодей!.. Ну, выдумал я
средство:
Без денег, без жены и даже – без
наследства.*

В том же 1822 году, мая 18, Загоскин поступил к московскому военному генерал-губернатору в число чиновников особых поручений, с исправлением должности экспедитора по театральному отделению. Для объяснения такого, странного теперь, назначения, надобно сказать, что тогда в Москве не было дирекции театра, а находилась контора, состоявшая под непосредственным заведыванием генерал-губернатора, князя Д. В. Голицына, который ценил Загоскина как литератора и очень любил его как человека.

В 1823 году Загоскин написал комедию-водевиль: «Деревенский философ», которая была сыграна 23 января, в бенефис Сабурова. Это очень забавная безделка с прекрасными куп-

летами. Выписываю один из них: его поет Волгин, мечтая о своем проекте: «устроение водяного сообщения между Черным и Каспийским морем»:

*Чтоб подробно их исчислить,
Коротка вся жизнь моя;
Без восторга и помыслить
Не могу об этом я.
Персияне и китайцы,
Кашемирцы и бухарцы
Приплывут в Одессу к нам;
Мы соболью бросим ловлю,
А индийскую торговлю
Приберем тогда к рукам.*

В 1823 году, марта 30, Загоскин определен в контору дирекции Московского театра (получившего свое особенное образование и особого директора) членом по хозяйственной части.

До 1828 года Загоскин ничего не напечатал; литературная деятельность его как будто приостановилась; на это были следующие причины; во-первых, он усердно занялся своей хлопотливой должностью; во-вторых, ему очень не нравилась служебная перспектива в

чине вечногo титулярнагo советника, потому что не воспитывавшись ни в одном казенном заведении, он не мог быть произведен в следующий чин, и Загоскин решился выдержать экзамен для получения чина коллежскагo асессора. К экзамену надобно было приготовиться, и Загоскин посвящал на это все свободное от службы время, в продолжение полутора года; он трудился с такою добросовестностью, что даже вытвердил наизусть «римское право». Наконец, он выдержал испытание блистательно, и сам требовал от профессоров, чтоб его экзаменовали как можно строже. Загоскин в письме ко мне очень забавно описывает свои экзамены и между прочим сердится на одного из профессоров, который предложил ему вопрос: кто такой был Ломоносов? – «Ну, можно ли об этом спрашивать (пишет Загоскин) не мальчика, а литератора, уже давно получившаго некоторую известность? Я хотел было отвечать ему, что Ломоносов был сапожник». Свалив с плеч экзамен, Загоскин, давно ничего не писавший, принялся за большую комедию в стихах, которую ему и прежде хотелось написать; он писал

долго, – и наконец, в 1828 году «Благородный театр», комедия в 4-х актах, была сыграна на московской сцене. Эта пьеса имела самый полный, самый огромный успех: зрители задыхались от смеха, хохот мешал хлопать, и гром рукоплесканий вырывался только по временам, особенно по окончании каждого акта; только в последующие представления неумолкаемые рукоплескания раздавались вместе со смехом. Комедия вполне стоила такого успеха – не по мысли, которая не имела большой значительности и тогда, теперь же и совсем ее теряет (кто в 1852 году станет серьезно заниматься благородными спектаклями?.. а тогда занимались ими серьезно), – но потому, что вся пьеса исполнена такой неистощимой веселости, живости, естественности, до того проникнута комизмом характеров, положений и речей, написана такими прекрасными стихами, что собственно в этих отношениях не имеет себе равной. Кроме Любского, затеявшего у себя благородный спектакль, изображенного и выдержанного в совершенстве, кроме Волгина, грубого добряка, попадающего нечаянно в закулисный

омут, вовсе ему чуждый и неизвестный, Волгина, который, по моему мнению, своим положением забавнее всех других лиц, – в этой комедии есть характер, задуманный весьма счастливо и выполненный прекрасно: это Посошков, человек умный, страстный любитель театра, сочинитель и актер, чувствующий, понимающий искусство, и только потому смешной и даже глупый, что ничего кроме искусства не видит и не понимает. Эта исключительность, эта односторонность, которые иногда бывают губительны людям с истинными дарованиями, схвачены автором очень удачно. Я не помню, было ли лицо Посошкова замечено и оценено тогдашними критиками. Должно сказать правду, что необыкновенному успеху пиесы способствовало мастерское исполнение на сцене: пиесу ставил князь Шаховской, не имевший равного себе знатока в этом деле. Роль Любского была создана, так сказать, по средствам и особенности таланта Щепкина: Любский, с начала до конца, находится в тревоге и волнении, горячится, выходит из себя; только Щепкин, наделенный таким неистощимым запасом огня, мог выдер-

жать эту роль, не заменяя криком внутренней горячности, не делаясь однообразным. Не выдавши, нельзя себе вообразить того совершенства, с которым, 25 лет назад, играл Любского наш знаменитый артист. Мочалов – в роли Вельского, Сабуров – Посошкова и Рязанцев – Изведова (незабвенные потери для сцены) вместе с Кавалеровой, Репиной и со всеми другими без исключения – составляли такой лад в ходе пьесы, какого я, постоянный любитель театра, никогда после не видывал. По общему признанию и по справедливости «Благородный театр» – лучшая комедия Загоскина. Я хотел выписками подтвердить мои слова, но это невозможно: надобно выписывать всю пьесу.

С 1823 по 1829 год включительно Загоскин получил ордена 4-й степени св. Владимира и 2-й степени Анны и чины коллежского асессора и надворного советника.

Еще до окончания комедии «Благородный театр», овладела Загоскиным мысль: написать русский исторический роман. Ему до смерти надоело, как он сам мне часто говаривал: «таскать кандалы условных, противо-

естественных законов, которые носит сочинитель, пишущий комедию, да еще шестистопными стихами, с проклятыми рифмами». Вспомнив трудность, с какою Загоскин писал стихи, и охоту щеголять мудреными рифмами – легко понять, что он говорил очень искренно: впрочем Загоскин иначе и говорить не умел. Роман казался ему «открытым полем, где могло свободно разгуляться воображение писателя». Немедленно, после первых представлений «Благородного театра», вполне удовлетворивших самолюбию Загоскина, принялся он готовиться к сочинению исторического романа. Он был весь погружен в эту мысль, охвачен ею совершенно; его всегдашняя рассеянность, к которой давно привыкли и которую уже не замечали, до того усилилась, что все ее заметили, и все спрашивали друг друга, что сделалось с Загоскиным? Он не видит, с кем говорит, и не знает, что говорит? – Встречаясь на улицах с короткими приятелями, он не узнавал никого, не отвечал на поклоны и не слышал приветствий: он читал в это время исторические документы и жил в 1612 году. Наконец, обдумав содержа-

ние, выбрав эпоху и прочтя добросовестно все, к ней относящееся, с необыкновенным одушевлением принялся он писать, и в 1829 году напечатал «Юрия Милославского, или Русские в 1612 году», в 3-х томах. Появление этого романа составляет эпоху в жизни Загоскина, в литературном и общественном отношении. Восхищение было общее, единодушное: немного находилось людей, которые его не вполне разделяли. Публика обеих столиц и вслед за нею, или почти вместе с нею, публика провинциальная пришли в совершенный восторг. Впоследствии, не так скоро, но прочно, без восторга, но с каким-то умилением начала читать и читает до сих пор «Юрия Милославского» вся грамотная Русь... и читает она его не даром: русский ум, дух и склад речи впервые послышались на Руси в этом романе. Все обрадовались «Юрию Милославскому», как общественному приятному событию; все обратились к Загоскину: знакомые и незнакомые, знать, власти, дворянство и купечество, ученые и литераторы – обратились со всеми знаками уважения, с восторженными похвалами; все, кто жили или приезжали в Москву,

ехали к Загоскину; кто были в отсутствии – писали к нему. Всякий день получал он новые письма, лестные для авторского самолюбия. Жуковский писал: «Вот что со мной случилось: получив вашу книгу, я раскрыл ее с некоторою к ней недоверчивостью, с тем только, чтобы заглянуть в некоторые страницы, получить какое-нибудь понятие о слоге вообще; но с первой страницы перешел я на вторую, вторая заманила меня на третью, и вышло наконец, что я все три томика прочитал в один присест, не покидая книги до поздней ночи. Это для меня решительное доказательство достоинства вашего романа». – Пушкин выразился почти так же в своем письме: «М. Г. Мих. Ник. Прерываю увлекательное чтение вашего романа, чтоб сердечно поблагодарить вас за присылку „Юрия Милославского“, – лестный знак вашего ко мне благорасположения. Поздравляю вас с успехом полным и вполне заслуженным, а публику с одним из лучших романов нынешней эпохи. Все читают его. Жуковский провел за ним целую ночь. Дамы от него в восхищении. В „Литературной газете“ будет о нем статья Пого-

рельского.[60] Если в ней не все будет высказано, то постараюсь досказать. Простите. Дай бог вам многие лета, т. е. дай бог нам многие романы» и пр. Января 11-го, 1830, Спб. – Пушкин сдержал слово и написал об «Юрии Милославском» в «Литературной газете».

А. Н. Оленин, И. И. Дмитриев, кн. Шаховской, Гнедич, Крылов и другие горячо и искренно приветствовали торжество нового таланта. Один только Крылов не писал сам, по известной своей лени, но за него писали Пушкин, Гнедич и князь Шаховской.

В одном из писем князя Шаховского, писанном прежде писем Жуковского и Пушкина, интересно следующее описание литературного обеда у графа Ф. П. Толстого, которое показывает впечатление, произведенное «Юрием Милославским», при первом его появлении в печати: «Я уже совсем оделся, чтоб ехать на свидание с нашими первоклассными писателями, как вдруг принесли мне твой роман; я ему обрадовался и повез с собой мою радость к гр. Толстому. Но там меня ею уже встретили. Первое действующее лицо авторского обеда, явившееся на сцену, был Пуш-

кин, и тотчас заговорил о тебе; Пушкин восхищался отрывками твоего романа, которые он читал в журнале; входит Крылов из дворца: расспросы о тебе и *улыбательные* одобрения твоему роману; входит Гнедич: в восхищении от прекрасного твоего романа; наконец является Жуковский и, сказав два слова, объявляет, что не спал вчера всю ночь – от чего же? Все-таки от твоего романа, который он получил, развернул, хотел прочесть кое-что, и, не сходя с места и не ложась спать, не мог не прочесть всех трех томов; а это самая лучшая похвала, какую он мог сделать твоему сочинению; он просил меня тотчас к тебе написать о действии, которое ты над ним произвел, о своей благодарности и о том, что хотя он еще не успел поднести твоего романа императрице, но предварил ее, что она увидит диво на нашем языке».

Многое изменилось вокруг Загоскина: недоброжелатели сделались друзьями, порицатели комика – хвалителями романиста, с важностью прибавляя, что наконец Загоскин попал на настоящую дорогу. Женщины не остались равнодушными в общем деле, и

много прекрасных писем получил Загоскин от женщин, совершенно ему незнакомых: одним словом, он сделался знаменитостью, модным человеком, необходимостью обедов, балов, раутов и бесед с литературным направлением, львом тогдашнего времени. Внимание и одобрение государя довершило торжество Загоскина.

«Юрий Милославский» и теперь считается самым лучшим произведением Загоскина. Свежесть его прекрасного таланта, новость характеров, в первый раз выступивших на сцену русского романа, а всего более жизнь, везде разлитая, и неподдельная веселость русского ума, придают столько достоинства роману, что в этом отношении он занимает первое место в русской литературе. Очевидно, чтение исторических романов Вальтера Скотта внушило автору мысль написать русский исторический роман; очевидно, что он заимствовал форму и даже приемы знаменитого шотландца; но этим ограничилась вся подражательность Загоскина. Его счастливая, по преимуществу русская, натура создала чисто русских людей, задуманных, может быть,

по образцу чужому. Разумеется, настоящий герой романа – Кирша, а сам Юрий Милославский лицо довольно бесцветное. Впрочем, многие герои романов Вальтера Скотта ничем его не лучше. Загоскин сам чувствовал, что Юрий Милославский мало возбуждает участия, и потому хотел оживить его, придав ему черты русского молодечества; он исполнил это не совсем удачно, потому что поступок с паном Копычинским не вытекает из характера Юрия Милославского; к тому же это анекдот новый, всем известный, и перемена рябчиков на гуся не помешала читателю вспомнить, что это случилось недавно, а не 200 лет тому назад. Такое воспоминание, по моему мнению, вредит впечатлению, не дает забыться вполне воображению и перенестись в ту эпоху, которую описывает сочинитель.

В «Юрии Милославском» большая часть сцен написана с увлекательною живостью, и все лица, кроме героя и героини романа, особенно там, где дело идет о любви (самое мудреное дело в народном русском романе) – лица живые, характерные, возбуждающие более или менее сочувствие в читателях всех родов;

лицо же юродивого, Мити, явление исключительно русское, выхваченное из народной жизни, стоит выше всех и может назваться художественным созданием; оно написано с такою сердечною теплотою, которая проникает в душу каждого человека, способного к принятию такого рода впечатлений. Это характер очень трудный: малейшее несоблюдение меры, в ту или другую сторону, уничтожило бы его высокое достоинство. Чувство любви христианской и религиозного настроения, которыми постоянно был проникнут сочинитель, перешли на бумагу. Мне привелось это видеть своими глазами. Я пришел однажды к Загоскину довольно рано поутру, вошел в его кабинет и увидел, что он сидит за письменным столом. Я подошел к нему так тихо, что он меня не слышал; когда я взглянул на него, то был поражен... Загоскина нельзя было узнать: слезы текли по его щекам и выражение духовного блаженства разливалось во всех чертах лица... Я не умею, не могу передать моего впечатления, хотя оно совершенно живо и свежо в моей памяти. «Что с тобой?» – спросил я. Загоскин взял тетрадь, всю

закапанную слезами, и прочел мне смерть боярина Кручины Шалонского.

У нас не было еще народного писателя, в точном и полном смысле этого слова; наше отчуждение от народа и его малограмотность — прямые и очевидные тому препятствия; но Загоскин более других может назваться народным писателем. Кроме прочих сословий, его читали и читают все, знающие грамоте, торговые крестьяне; они рассказывают читанное ими, а иногда читают вслух многим другим безграмотным крестьянам. Огромное число табакерок и набивных платков, с изображением разных сцен из «Юрия Милославского», развозимых по всем углам необъятной России, поддерживают известность имени его сочинителя. Я встречал простолюдинов, которые знают не одного только «Юрия Милославского», но и вышедшие после романы и повести Загоскина.

«Юрий Милославский» имел восемь изданий; он переведен на французский, немецкий, итальянский, голландский и английский языки и везде был принят с большими похвалами; на французский язык было сдела-

но вдруг четыре перевода в Москве и Петербурге. Я видел у Загоскина много писем от разных европейских литературных знаменитостей, писем, наполненных лестными отзывами; было даже одно или два письма от Вальтера Скотта, но их (как и многих других) до сих пор не могли отыскать в бумагах покойного. Два письма, от Мериме и Фон-Ольберга, писанные *по-русски*, и потому замечательные, я помещаю в приложении. – Перевод «Юрия Милославского» на чешский язык вышел прошлого года. Вот что пишет об этом один пражский ученый к известному нашему профессору славянских древностей, О. М. Бодянскому: «Прага, 6/18 июля 1851 года. – Недавно перевели „Юрия Милославского“ Загоскина: вы не можете иметь понятия, как перевод был расхвачан. Все ждали в типографии: один читал его в первой, а другие – во второй корректуре; остальные же, при освобождении листов из-под тисков, складывали оные и впивались в них чтением. Кажется, нет человека в Праге, который не прочел бы „Юрия Милославского, или Руссов в 1612 году“». Без сомнения такой восторженный при-

ем был приготовлен известностью Загоскина: вероятно, пражские литераторы писали прежде о нем в журналах, а может быть и переводили отрывки из его сочинений.

Из всего сказанного мною об «Юрии Милославском» не подлежит сомнению, что он имел самый блистательный и прочный успех; но по какой-то странной причине, тогдашние журналы были очень умеренны в своих похвалах; положим, что двое из журналистов были сами романисты; но отчего другие, или холодно и двусмысленно хвалили, или упорно молчали? Отзывы журналов оставались в таком неблагоприятном расположении до смерти Загоскина, кроме «Библиотеки для чтения». Я недавно читал в одном из петербургских журналов, что рецензент, по случаю восьмого издания «Юрия Милославского», развернул его – и зачитался; «так легко и свободно читается этот роман», прибавляет он. Дело понятное: он хотел сказать, что других достоинств в нем не находится. В этом роде я читал и слышал много отзывов. Нет, милостивые государи: так нельзя объяснить огромный, повсеместный успех «Юрия Мило-

славского» и собственное ваше сочувствие; не в одной живости и веселости рассказа, не в легкости языка надобно искать причины его, а в том, что весь роман проникнут русским духом, народностью. Вот отчего при чтении забываются, не примечаются его недостатки, в отношении к искусству, и, может быть, глубине взгляда на историческую эпоху. Чувство народности, согревающее весь роман, невольно пробуждает то же чувство, живущее в душе каждого русского человека, даже забитого европейским образованием; и это-то чувство народности понимают и ценят высоко самые иностранцы; и вот почему можно назвать Загоскина народным писателем. Если б весь народ знал грамоте, он читал бы с увлечением, не только «Юрия Милославского», но и другие сочинения Загоскина. Его по преимуществу русская натура, его самородный талант слышны в каждом слове, когда он не надевает на себя личины несродной ему природы. Чтобы задумать и заговорить вполне русским человеком, ему не нужно подслушивать, как думает и говорит русский народ: ему стоит только заговорить самому; этого не может сделать

ни один из русских писателей. Напротив, Загоскину большого труда стоит изображение лиц, которые говорят хотя русскими словами, но думают и складывают речь свою не совсем по-русски, так что в этих изображениях он уступает многим нашим писателям: русский дух и склад речи проступают у него там, где они неуместны. Но зато, когда Загоскин вырывается на свободу, то говорит свое живое слово, а не чужую мертвую речь. Эта особенность таланта Загоскина, по моему мнению, составляет его замечательное и великое достоинство. Пожалуй, у нас в литературе есть свои руссизмы, искусственно составленные из слов настоящих русских людей, отлитые в известные формы, так сказать: руссизмы казенные, которые, будучи лишены духа и жизни, остались мертвой буквой и не только не возбуждают сочувствия, но напротив производят самое неприятное впечатление.[61] Князь Шаховской сделал из «Юрия Милославского» романтическое представление в 5-ти сутках; оно не имело успеха на сцене.

В 1830 году, апреля 30, Загоскин переме-

щен в должность управляющего Конторою императорских московских театров, а в 1831 – произведен в коллежские советники, определен в должность директора Московских театров и пожалован в звание действительного камергера двора его императорского величества.

Немедленно после выхода в свет «Юрия Милославского» Загоскин задумал писать другой исторический роман: «Рославлев, или Русские в 1812 году», напечатанный в 1831 году. Очевидно, что Загоскин взял на себя слишком тяжелое обязательство, невозможное в исполнении по близости эпохи, которой прошло только 18 лет; не говорю уже о громадности, о всемирном значении самого события. Он писал этот роман около двух лет; слух о нем прошел по всей России, и все с напряженным нетерпением ожидали его появления. Некоторые из литераторов предвидели трудность такой задачи, и вот что Жуковский писал к Загоскину: «Мне сказывал князь Шаховской, что вы, в pendant вашему 1612 году, пишете роман 1812 года; не хочу с вами спорить; но боюсь великих предстоящих вам трудно-

стей. Исторические лица 1612 года были в вашей власти, вы могли выставлять их по произволу; исторические лица 1812 года вам не дадутся. С первыми вы могли легко познакомиться воображение читателя, и он, благодаря вашему таланту, уверен с вами, что они точно были такими, какими ваше воображение их представило вам; с последними этого сделать нельзя; мы знаем их, мы слишком к ним близки; мы уже предупреждены насчет их, и существенность загородит для нас вымысел. Впрочем, нет невозможного. Я говорю только: трудно! На всяком шагу порог, и спотыкаться легко». Но по выходе «Рославлева» Жуковский писал следующее к Загоскину, от 14 июня 1831 года: «Благодарю вас и за подарок и за „Рославлева“, почтеннейший Михаил Николаевич. И с ним то же случилось, что с его старшим братом: я прочитал его в один почти присест. Признаюсь вам только в одном: по прочтении первых листов, я должен был отложить чтение, и эти первые листы произвели было во мне некоторое предубеждение против всего романа, и я побоялся, что он не пойдет наряду с „Милославским“. Описание

большого света мне показалось неверно, и в гостиную князя Радугина я не узнал светского языка. Но все остальное прекрасно, и „Рославлев“ столько же приманчив, как старший брат его. Благословляю вас обеими руками на романы: это ваше дело, и предметов бездна...». Хотя с Жуковским нельзя согласиться в мнении о «Рославлеве», но до его выхода из печати, общая уверенность, что «Рославлев» будет еще лучше, или по крайней мере еще интереснее «Юрия Милославского», была так велика, что в Москве произошло, в своем роде, также событие, неслыханное в летописях книжной русской торговли. Роман еще не был кончен, как стали просить Загоскина, чтоб он его продал: за право напечатать четыре завода, то есть 4800 экземпляров, предложили сочинителю сорок тысяч рублей ассигнациями (а тогда ассигнации имели большой лаж), с тем только, чтобы он не печатал второго издания в продолжение трех лет! Это невероятно, но дело было точно так и шло через меня. Еще невероятнее, что содержатель типографии, Н. С. Степанов, покупавший роман, не имел денег для такого предприятия, и

что московские книгопродавцы купили экземпляров будущего неоконченного романа, в 4-х небольших частях, с обыкновенною уступкою 20 процентов за комиссию, на 36 тысяч рублей ассигнациями, и внесли деньги вперед, обязуясь продавать *не дороже* 20 рублей за каждый экземпляр! Кто знает незначительность капиталов наших московских книгопродавцев, их осторожность, даже робость во всех книжных оборотах, тот поймет, как велика была общая вера публики в талант автора «Юрия Милославского»: поступок книгопродавцев служит только ее выражением. «Рославлев» не вполне удовлетворил всеобщему ожиданию, и смелое предприятие Степанова не имело успеха. Две тысячи четыреста экземпляров, купленные книгопродавцами, разошлись, но затем требования на книгу прекратились. Главною причиною неудачи была холера в Петербурге; куда, вместо затребованных 800, отправлено 100 экземпляров. Впрочем, если б Степанов мог выдержать, переждать, то получил бы большие выгоды; но он не мог этого сделать, продал другую половину экземпляров за бесценок, и потерпел да-

же небольшой убыток. Впоследствии не только «Рославлев» разошелся, не сбавляя своей слишком высокой цены, но имел еще три издания; следовательно, приняв в соображение, что первое было вчетверо больше обыкновенного, он выдержал семь изданий. Хотя это доказывает почти такой же успех, какой имел «Юрий Милославский», но в сущности большинство читающей публики не так было довольным новым романом, как прежним. «Рославлев» не мог иметь ожидаемого успеха, хотя талант сочинителя, во многих частностях, выказался с прежнею силою и свежестью. Не только современное, величайшее в мире, событие, так близко к нам стоявшее, что глаз еще не мог оглянуть его, но и самое содержание романа, основанное на современном же, известном тогда, происшествии, не могло произвести полного впечатления и возбудить сильного участия, которое должен произвести роман. Потеряв достоинство голого факта, силу действительности, происшествие не имело и достоинства вымысла, ибо все его знали. Написать же картину двенадцатого года – мысль необдуманно смелая. Еще все акте-

ры, кончивши великую драму, полные ею, стояли в каком-то неясном волнении, смотря с изумлением на опустевшую сцену их действий – как вдруг начинают им представлять их самих; многим из них это показалось кукольной комедией. К тому же справедливость требует сказать, что самые частности, так сказать, лоскутки картины двенадцатого года, кроме некоторых сцен (как например, превосходной сцены ямщиков), в «Рославле» слабы и односторонни, а характеры действующих лиц мелки, хотя многие из них написаны очень верно и забавно. Одним словом: выбор такого содержания был ошибкой Загоскина. Вспомним, что Вальтер Скотт испытал падение с своей историей Наполеона, написанной слишком рано. «Рославлев» был переведен на французский и немецкий языки. Кн. Шаховской сделал из него драму, которая не имела успеха.

В 1833 году Загоскин напечатал роман в 3-х частях, который назвал: «Аскольдова могила, повесть из времен Владимира I». Эта повесть проявляет тот же талант сочинителя, но по своему составу, по множеству мелодраматич-

ческих эффектов, по недостатку местного и современного эпохе колорита (который и воссоздать очень трудно), по содержанию политическому и любовному, мало здесь возбуждающему сочувствия в читателе, имела гораздо менее успеха, чем «Рославлев». Особенно никого не удовлетворило окончание, развязка повести; происшествия слишком спутаны, натянуты, рассказаны торопливо, как-то сокращенно, и смерть героя и героини повести, которые во время бури бросаются в Днепр с высокого утеса, от преследования варяжской дружины, несогласна с духом христианской веры, которою они были озарены и глубоко проникнуты. Это просто самоубийство, а не мученическая кончина. Но в сценах народных, принимая их в современном значении, в создании личности весельчака, сказочника, песельника и балагура, Торопки Голована, дарование Загоскина явилось не только с тою же силой, но даже с большим блеском, чем в прежних сочинениях. Торопка Голован, по моему мнению, в своем роде даже лучше знаменитого Кирши в «Юрии Милославском». Какая бездна неистоимой веселости, смет-

ливости, находчивости и русского остроумия! Этот характер был загроможден, утоплен, так сказать, во множестве других лиц и происшествий романа; когда же он вырвался на сцену в опере, где он хотя не так полон, но зато сделался виднее – его высокое достоинство обозначилось ярко. Кроме того, в «Аскольдовой могиле» все сцены, в духе христианском написанные, – прекрасны и так искренни, что их нельзя читать без сердечного сочувствия. Много есть людей благочестивых, которые в этом отношении ценят «Повесть из времен Владимира I» выше всех других сочинений Загоскина. Она имела два издания. Другая блистательная судьба ожидала «Аскольдову могилу», когда Загоскин сделал из нее оперу того же имени, которая была дана в первый раз 1835 года сентября 16. Конечно, успех оперы зависит от музыки, а не от либретто, но здесь сочинитель либретто отчасти разделяет торжество с сочинителем музыки. Этим несколько не уменьшается заслуженная слава А. Н. Верстовского: музыка его сделалась народною; кто не знает ее, не любит и не поет?

Двадцать лет опера «Аскольдова могила»

играется на театрах обеих столиц и на театрах провинциальных – и зрители не могут не слушаться и насмотреться на нее. Огромные суммы принесла она дирекции театров, особенно в Москве, где она превосходно была поставлена, и где прелестный голос и до совершенства доведенная игра г-на Бантышева, в роли Торопки Голована, до сих пор восхищают зрителей. Всего более нравится в этой опере третий акт, прекрасно написанный Загоскиным в драматическом отношении. Он весьма счастливо воспользовался старинной воровской песней, в которой один из разбойников действует точно так же, как Торопка Голован, то есть, поет и словами песни сказывает своим товарищам, что надо делать, и что они тут же исполняют. Большая часть московских жителей, много раз, может быть, десятки раз, видали «Аскольдову могилу», но магическая сила третьего акта не слабеет. Здесь безусловно торжествует народность слова и музыкальных звуков! Многие, в том числе я сам, прихаживали в театр не за тем, чтобы слушать оперу, которую знали почти наизусть, а с намерением *наблюдать публику*

в третьем акте «Аскольдовой могилы»; но недолго выдерживалась роль наблюдателя: Торопка обморачивал их мало-помалу своими шутками, сказками и песнями, а когда заливался соловьем в известном «уж как веет ветерок», да переходил потом в плясовую «чарочка по столику похаживает» – обаяние совершалось вполне; все ему подчинялось, и в зрителях отражалось отчасти то, что происходило на сцене, где и горбатый Садко, озлобленный насмешками Торопки, против воли пускался плясать вместе с другими.

В 1834 году произведен Загоскин в статские советники, а в 1837 году в действительные статские советники и утвержден директором императорских московских театров; в этом же году он напечатал «Повести Михайла Загоскина» в двух частях. В первой помещен «Вечер на Хопре», состоящий из вступления и семи рассказов, а во второй части – «Три жениха», в пяти главах и «Кузьма Рощин» в двух отделениях. Все семь вечерних рассказов на Хопре имеют *страшное* содержание, которое впрочем никого не испугает, а разве иногда рассмешит. Хотя все они написаны тем же

прекрасным, свободным и живым языком, но область чудесного, фантастического, была недоступна таланту Загоскина: он – писатель действительности. Вторая часть повестей имеет гораздо большее достоинство. «Три жениха, провинциальные очерки» очень забавны, и драматическая форма, употребляемая в них иногда автором, придает много живости этим очеркам. Должно заметить, что Загоскину была не коротко знакома общественная жизнь губернских наших городов и вообще быт провинциальный: по четырнадцатому году его отправили в Петербург, и только после окончания войны 1812 года приезжал он, не более, как на год, в пензенскую отцовскую деревню; с тех пор он жил безвыездно сначала в Петербурге, а потом в Москве. Итак, все написанное им впоследствии, по прошествии многих лет, написано по воспоминанию, по рассказам других. Русская натура его с помощью таланта разгадала многое, и многое нарисовано очень верно, как в «Провинциальных очерках» так и в других пьесах; но некоторые типы и обычаи уже отжили свое время и могут назваться теперь анахронизмами.

«Кузьма Рощин» рассказ живой и занимательный. Он переносит читателя в те давно прошедшие времена, о которых всякий из нас слышал что-нибудь в своем детстве. Несмотря на то, «Повести» Загоскина не имели большого успеха. Из «Кузьмы Рощина», в 1837 году, была сделана драма в 3-х актах не помню кем, не обратившая на себя внимания публики.

Содержание первого страшного рассказа, не совсем верно названного «Пан Твардовский», подало мысль Загоскину, гораздо прежде, написать оперу единственно для того, чтобы дать возможность известному нашему композитору Верстовскому испытать свои музыкальные дарования в сочинении оперы. Опера явилась еще в 1828 году, была хорошо принята публикой и довольно долго оставалась на сцене; цыганская песня «Мы живем среди полей», весьма удачно написанная Загоскиным и положенная на музыку Верстовским, особенно нравилась и долго держалась, да и теперь еще держится в числе любимых песен московских цыган и русских песельников.

В 1838 году Загоскин напечатал роман или

повесть (назовите, как угодно) в трех частях, под названием «Искунитель». Суд образованной публики и суд литературный признали «Искунителя» самым слабым сочинением Загоскина, с чем автор сам соглашался и что будет весьма справедливо, если, произнося такой приговор, иметь в виду только две последние части этого произведения; первая часть ярко от них отличается. Автор рассказывает в ней детство и юность своего героя Александра Михайловича (фамилия его не названа), проведенные в деревне Тужиловке, в одной из отдаленных наших губерний, – и рассказывает просто, живо, тепло и увлекательно. Под именем Тужиловки Загоскин описал село своего отца, Рамзай, в котором он родился и воспитался; некоторые черты в характере героя романа, даже черты лица срисованы автором с самого себя: без сомнения, это обстоятельство способствовало теплоте и верности описания. В конце первой части Александр Михайлович переезжает на службу в Москву и вступает в свет. Здесь уже нельзя узнать прежнего сочинителя: все светские лица, лица не русские, лишены жизни и дей-

ствительности, и повесть делается скучною, неестественною, не возбуждающею интереса, хотя написана языком прекрасным и содержит в себе много прямых, здравых суждений и нравственных истин, выражающих горячую благонамеренность автора. Загоскин хотел представить, каким опасностям подвергается молодой человек, добрый, слабый и неопытный, вступая в испорченное светское общество; всю его порчу хотел он сосредоточить в одном лице, в каком-то загадочном бароне Брокене, придав этому искусителю, кроме ума и разных дарований, что-то фантастическое и дьявольское. Я уже говорил, что изображение людей, утративших русскую физиономию, а также изображение всего фантастического, было не в характере таланта Загоскина. «Искуситель» убедительно подтверждает мои слова: как только Александр Михайлович в конце третьей части, после всех заблуждений и самых затруднительных обстоятельств, из которых выпутывается неправдоподобным и непонятным образом, садится в коляску и возвращается домой, в деревню, в простой, русский быт – все переме-

няется, и рассказ автора получает живость, истинность и занимательность.

В 1839 году было напечатано новое произведение Загоскина «Тоска по родине», повесть в двух частях; успех ее был посредственный, но все она была принята лучше «Искусителя» и выдержала два издания. Она разделяется на четыре большие главы: первая написана очень живо и весело; по несчастю во второй начинается или, правильнее сказать, усиливается любовь, появившаяся еще в конце первой главы. Все любовные сцены, во всех без исключения произведениях Загоскина, выходили неудачны: точно то же выходит и здесь. Третья глава и почти вся четвертая содержит в себе путешествие, или проезд через Англию и Францию, и почти двухлетнее пребывание в Испании героя романа, Владимира Сергеевича Завольского. Хотя Загоскин довольно живо и ловко описывает и Лондон, и Париж, и Гранаду, и Алгамбру, но как-то чувствуется, что он сам их не видал: почерпнутые из чужих путешествий описания выходят бледны и читаются без интереса; в них недостает той оригинальности собственного

взгляда, который вносит каждый, сколько-нибудь даровитый путешественник в свои дорожные записки. Нельзя заочно вообразить себе именно того впечатления, которое произвела бы самая действительность; впечатление воображаемое не может быть искренне и непременно будет ошибочно. Развязка повести, происходящая на песчаном берегу моря в Испании, куда прибыл для этого русский фрегат; чудесное избавление, из-под ножей убийц, героя романа тем самым морским офицером, от которого Завольский бежал в Испанию, и который оказался родным братом, а не любовником героини романа – все это слишком самовольно устроено автором и не удовлетворяет читателя. Но зато личность и характер слуги Завольского, Никанора Федотова, во всей повести проведены искусно, нарисованы верно и выдержаны вполне. Федотов не походит ни на слугу Юрия Милославского, Алексея (который также очень хорош), ни на Торопку Голована; но представляет в особом роде тип русского слуги, написанный мастерски.

В том же году Загоскин сделал из своей по-

вести «Тоска по родине» оперу того же имени, а Верстовский написал для нее музыку. Она была дана 21 августа 1839 года. Опера не имела успеха и очень скоро была снята с репертуара. Я не читал либретто и не видал пиесы на сцене, но слышал прежде некоторые номера музыки и помню, что они нравились всем.

С 1837 по 1842 год Загоскин оставался директором московских театров; в продолжение этого времени он с горячим усердием занимался своей должностью. Несмотря на то, что он, с высочайшего соизволения, построил малый театр собственными средствами дирекции (за что получил всемилостивейше пожалованную табакерку с шифром), денежные дела ее находились постоянно в хорошем положении. В 1840 году, 13 апреля, Загоскин награжден был за усердную службу орденом св. Владимира 3-й степени. В 1842 году, 3 февраля, вследствие собственного желания и прошения, по высочайшему указу, определен директором Московской Оружейной Палаты: в этой должности оставался он до своей кончины. В продолжение последней десятилетней своей службы, в 1845 году, Загоскин был по-

жалован кавалером ордена св. Станислава 1-й степени, а в 1851-м – кавалером ордена св. Анны 1-й степени.

В продолжение этого пятилетия (с 1837 по 1842 год) Загоскин написал комедию в стихах «Недовольные», которая была представлена на Московском театре без большого успеха, несмотря на многие комические сцены и на множество прекрасных и сильных стихов. Впрочем были люди очень довольные «Недовольными», и И. И. Дмитриев в письме к Загоскину очень хвалил комедию. Вообще в чтении она нравилась гораздо больше. Другая комедия в прозе «Урок матушкам», напротив, имела очень большой успех, и до сих пор остается на репертуаре: в самом деле, она очень весела и забавна. Загоскин составил или, лучше сказать, переложил ее слово в слово из одной своей повести «Три жениха», о чем я уже и говорил.

В 1842 году Загоскин написал роман в 4-х частях, под названием «Кузьма Петрович Мирошев, русская быль времен Екатерины II». Это сочинение не было оценено по достоинству: большинство публики прочло его с удо-

вольствием, но без всякого увлечения. Несмотря на то, «Мирошев» имел два издания. Литературный суд не обратил на него особенного внимания, признавая, что Загоскин с обыкновенным своим дарованием, но с излишнею плодовитостью, описал ничем не замечательную жизнь пошлого, бесхарактерного человека. По моему мнению, такое суждение поверхностно и несправедливо. Я считаю «Мирошева» лучшим произведением Загоскина, не исключая даже «Юрия Милославского». В основе романа лежит серьезная и глубокая мысль, которую мы не хотели понять и оценить по человеческой гордости и тщеславию; а может быть, тогда еще рано было оценить ее. Кузьма Петрович Мирошев существо тихое, скромное, покорное, по преимуществу доброе и вполне верующее, с благодарностью принимающее от бога и радость, и печаль: человек божий, в том высоком нравственном значении, в каком употреблялись эти слова в старину, но которыми теперь уже определяют у нас совсем другого рода человека. По-видимому, смиренный и богобоязливый Кузьма Петрович лицо совсем не по-

этическое, и его-то бесцветную жизнь и невидную долю рассказал нам автор – от детства до старости.

Глупая и злая мачеха невлюбила Мирошева за то, что его звали Кузьмой; она чуть не била его отца, промотала его хорошее состояние (2000 душ), и после смерти родителей сыну осталось в наследство 300 рублей; деньги пришли очень кстати, потому что в это время его выпустили в офицеры из кадетского корпуса. Круглый сирота и совершенный бедняк, Кузьма Петрович имел сокровище – дядьку, Прохора Кондратьича, любившего его с материнскою горячностью. В этом лице Загоскин изобразил собственного своего слугу и дядьку, который точно так же любил его и разделял с ним нужду и бедность в продолжение десятилетнего пребывания в Петербурге с 1802 по 1812 год. Мирошев служил с примерным усердием, дрался с неприятелем храбро; других награждали – ему не давали ничего; Мирошев не роптал, не обвинял никого. Один трусишка офицер по протекции вышел в чины и сделался его командиром – Мирошев повиновался без ропота; командир стал его

гнать (как случайного свидетеля своей трусости), стал придирааться к нему на каждом шагу, и Мирошев, увидя, что дело плохо, вышел в отставку поручиком и отправился в Москву вместе с своим Прохором Кондратьичем искать честного куска хлеба по гражданской службе. Дорогой попали они в маленькую деревеньку Хопровку, которая очень понравилась Мирошеву красивым местоположением, а дядьке – полными хлебными гумнами. Вдруг открывается, что Мирошев законный наследник этого имения, госпожа которого, его родная тетка, недавно умерла. Какое неожиданное благополучие! Но Мирошев узнает, что тут же живет воспитанница его тетки, бедная сирота, обер-офицерская дочь, и что покойница хотела, но не успела укрепить ей свои 50 душ – и Мирошев опять нищий: он отдает сироте свое родовое имение, исполняя волю умершей тетки. По счастью, девушка ему понравилась еще прежде, чем он узнал о своих правах на наследство. Мирошев женится на ней, и счастливый, благословляющий милость божию, живет спокойно 17 лет в своей красивой Хопровке. Но нужно испытание

злату в горниле, и бог посылает Мирошеву испытание: единственная дочь, которую он и мать любят всею силою простых сердец своих, ничем другим неразвлеченных, полюбила сына соседа, богатого и знатного родом; сын, разумеется, сам ее любит; но отец слышать не хочет о женитьбе сына на мелкопоместной дворяночке. Дочь сделалась больна, почти умирает, мать приходит в отчаяние. В то же время встала другая беда: крепостной человек, управитель графского соседнего имения, озлобленный за отказ его сыну, круглому дураку, которого он вздумал женить на дочери Мирошева, известный ябедник и делец, подаст просьбу на бедного Кузьму Петровича и отнимает у него, без всякого права, почти всю землю, то есть совершенно его разоряет. Обидное сватовство «холопского» сына взбесило всю дворню Мирошевых, вывело из себя даже тихую и скромную супругу Кузьмы Петровича, — он один оставался кроток и тверд в своей кротости, он не позволил проводить сваху с бесчестием. Борьба с именем знатного вельможи и богача была невозможна: Мирошев везде проигрывает, и дело переходит в

Московский Сенат; но он терпеливо переносит свое горькое положение, грозящее ему совершенным разорением, сокрушается только о больной дочери, и то без малейшего ропота на волю Божию. Дочери помогает проезжий лекарь, и Мирошев, собрав последние крохи, едет хлопотать по своему делу в Москву. Разумеется, приказные в Сенате его грабят, и он наверное бы проиграл свою тяжбу, если бы один из его прежних сослуживцев (такой же бедняк, как и он) не вздумал затащить его обманом на обед к тому самому графу, с которым он тягался. Этот вельможа держал открытый стол, то есть у него мог обедать всякий порядочно одетый человек, никому не объявляя своей фамилии. Мирошев после обеда узнал, у кого он в гостях, ужасно переконфузился от мысли, что ел хлеб и соль у хозяина, с которым вел тяжбу, и спешил уйти домой. По несчастью или, лучше сказать, по счастью, сосед его за обедом (мошенник, переодетый в офицерский мундир) украл ложку: подозрение падает на Мирошева! Его замешательство, когда при выходе спросили его фамилию и местожительство, превращает подо-

зрение в уверенность. Графу доложили о покраже, и он приказывает отнести к Мирошеву, мнимому вору, еще 11 ложек: «пусть де будет у него полная дюжина». Здесь-то несчастный Кузьма Петрович, дороживший своим честным именем более всего на свете, доходит почти до отчаяния. Но истина скоро открывается; граф узнает все: просит у Мирошева прощения, чувствует у себя в доме, прекращает тяжбу, снабжает сотнею рублей на возвратный путь и берет честное слово с Кузьмы Петровича, что он, немедленно по приезде домой, пошлет за управителем и прочтет ему бумагу и письмо, запечатанное графскою печатью. Мирошев исполняет в точности поручение графа: воротясь домой, обняв жену и дочь, посылает за управителем, распечатывает при нем графский конверт и находит купчую крепость на все графское соседнее имение, состоящее из 437 душ, и в том числе на самого управителя, совершенную на законном основании в Московской гражданской палате на имя Мирошева. Граф счел за долг честного человека вознаградить за все обиды и разорение, нанесенные, от его имени,

неправедною тяжбою ни в чем не виноватому соседу. Надменный графский управитель, который не очень посматривал и на губернатора, разумеется, повалился в ноги новому помещику. Ни одной минуты не остановясь на мысли владеть своим врагом, не обидев его ни одним грубым словом – «встань, Панкратий Лукич! Пусть простит тебя господь, как я тебя прощаю. Ступай сегодня же в город и пиши себе отпускную», – сказал Мирошев. Между тем, другое, еще более радостное известие ожидало нежного отца: гордый и знатный сосед, но человек с добрым сердцем, побежденный постоянством и покорностью своего сына, согласился на его женитьбу на дочери Мирошева... Полное благополучие, заслуженная награда честности и христианского смирения, поселяется под кровом Мирошевых. Еще 15 лет жил, служил и любовался счастьем своих господ усердный слуга, Прохор Кондратьич. Умирая, он отдал Кузьме Петровичу ларчик: в нем лежала сверху икона преподобного Косьмы, епископа Халкидонского, мешочек с десятью целковыми и мелким серебром, две изломанные игрушки, тет-

радка с детскими прописями и бережно завернутая в бумагу пара истертых сафьяновых башмачков, которые Кузьма Петрович носил в своем ребячестве...

Я счел за нужное рассказать содержание романа, может быть неизвестного многим моим читателям нового поколения. Все просто, все обыкновенно в «Мирошеве»; даже трудно объяснить, что именно производит то глубокое и благотворное впечатление, которое оставляет в душе читателя чтение этой повести. Кузьма Петрович Мирошев лицо невидное, бесцветное и бесстрастное; тот, кто взял его в герои своего романа, должен был носить в душе любовь и уважение к внутренней духовной высоте такого лица. Загоскин совершил многотрудный подвиг: он вывел так называемого добродетельного, в настоящем же случае, просто доброго человека, камень преткновения и для великих талантов – и добрый человек не скучен, а напротив возбуждает полное сочувствие. Мирошев, снисходительный и уступчивый во всем, что касается до его личности, до его самолюбия, до всего того, что свет называет благородством, –

тверд и постоянен в сопротивлении всему, нарушающему его совесть, в которой заключается святость его верований и нравственность убеждений. Я хотел было выписать что-нибудь поболее из слов Мирошева, для определения его характера и для подтверждения моего мнения, но нечего выписать, не на чем остановиться: нет ни одного особенно замечательного слова, ни одного выдающегося движения; но таков и должен быть Мирошев. Он ничего не сделал необыкновенного; но читатель убежден, что если потребует долг, Кузьма Петрович поступит с полным самоотвержением, и что нет такого геройского подвига, которого бы он не совершил не задумавшись; одним словом: это русский человек – христианин, который делает великие дела, не удивляясь себе, а думая, что так следует поступать, что так поступит всякий, что иначе и поступить нельзя... и только русский человек – христианин, каким был Загоскин, мог написать такой роман. Загоскин сделал это без малейшего усилия; для всякого же другого это был бы подвиг слишком трудный, едва ли возможный. Загоскину не нужно было твор-

чества; он черпал из себя, из своей собственной духовной природы, и подобно Мирошеву не знал, что он сделал и даже не оценил после: он признавался мне, что этот его роман немножко скучноват, что он писал его так, чтобы потешить себя описанием жизни самого простого человека; но я думаю, что нигде не проявлялся с такой силою талант его, как в этом простом описании жизни простого человека. На все есть время, а для настоящей эпохи оно летит с невероятной быстротой. В десять лет много утекло воды, и может быть теперь «Мирошев» будет оценен гораздо выше: прямее, искреннее смотрим мы на нравственную высоту души и лучше начинаем понимать русского человека. Я знаю, что молодое поколение русских читателей мало читало сочинений Загоскина, разве прочло одного «Юрия Милославского». Знаю, что оно выросло под влиянием неблагоприятных отзывов журнальных рецензентов, и потому я прошу каждого из них, кому дорог свой собственный взгляд и суд, прочесть «Мирошева», хотя для того, чтоб иметь полное право не согласиться со мною.

В 1842 же году Загоскин выдал «Москва и москвичи. Записки Богдана Ильича Вельского. Выход I». Эта книжка содержала в себе десять небольших статей. Две из них, III и VIII, то есть первая сцена из московской домашней и общественной жизни «Выбор жениха», вошли потом в состав последней комедии Загоскина, о которой я буду говорить в своем месте. В мелких статьях автор везде сохраняет свои обыкновенные достоинства: легкость и свободу языка, веселость и оригинальность взгляда. Очень часто можно не соглашаться с взглядом сочинителя, но всегда прочтешь с удовольствием все, им написанное. «Москва и москвичи, выход первый», включает в себе любопытные известия о многих московских зданиях и окрестностях. Вероятно, по этой причине «первый выход» переведен на французский язык и немедленно был вторично издан на русском.

В 1844 году напечатал Загоскин второй выход «Москвы и москвичей». В нем находилось 11 мелких статей, более или менее относящихся к Москве, к образу жизни и нравам ее обитателей. Второй выход имел все достоин-

ства первого; доставлял такое же приятное чтение, был также хорошо принят читающей публикой и также в непродолжительном времени был напечатан вторым изданием. Оба выхода «Москвы и москвичей» имели особенный интерес для московских читателей. В некоторых лицах многие узнали своих знакомых, а потому и во всех остальных искали с кем-нибудь сходства. В ласковом камергере, который часто встречался и беседовал с Богданом Ильичом Вельским, все узнавали самого сочинителя.

Между тем Загоскину захотелось возвратиться к историческим романам. Он снова занялся чтением, изучением и выписками из старинных рукописей и документов, и в 1846 году напечатал «Брынский лес. Эпизод из первых годов царствования Петра Великого», в двух томах. Публика обрадовалась ему. Этот роман напомнил читателям «Юрия Милославского»; он написан с тою же силою таланта, утратившего может быть только первую свежесть и новость; но, конечно, роман не произвел и не мог произвести такого же впечатления уже по одной разности эпох: в

«Юрии Милославском», в 1612 году, дело шло о спасении русской земли; оно составляло главное содержание, а все прочее было придаточной обстановкой; а в «Брынском лесу» положение государства, конечно, весьма интересное и важное по своим последствиям, составляет небольшую придаточную часть и служит, так сказать, введением в интригу романа, по несчастью – любовную. Любовь всегда была самую слабою стороною в романах Загоскина. Здесь она приторнее и несовременнее, чем во всех прежних. Я не знаю, каким образом любили в старину, но всякий скажет, вместе со мною, что не так любили, не так думали и говорили, как герои романа в «Брынском лесу». Несмотря на то, самый ход рассказа очень интересен; автор весьма искусно, естественно вмешал в него тогдашних раскольников: они описаны живо и забавно; но взгляд на раскол, верный только с одной смешной стороны, слишком односторонен; в сущности раскола лежало гораздо более важного значения. Очень удачно нарисован боярин Куродавлев, осердившийся на царя за мнимое оскорбление своего родового стар-

шинства и живущий по-боярски в своей отдаленной отчине; его помещичьи отношения к своим крестьянам, холопьям и бесчисленной дворне также описаны прекрасно, живо и даже верно, сказал бы я, если их придвинуть поближе к нам, то есть, если бы события романа происходили не в 1682, а хотя в 1742 году, двумя поколениями позднее. Едва ли можно предположить, чтобы отношения помещика к крестьянам допетровского периода были таковы, какими изобразил их автор. Впрочем, все достоинства и особенности таланта Загоскина: русская удаль, речь, шутка, жизнь – блестят яркими красками в этом романе, и он читается весело, с участием в ходе запутанных происшествий и в трудном положении действующих лиц. «Брынский лес» имел уже два издания и скоро будет издан в третий раз.

В 1848 году Загоскин напечатал свой последний исторический роман в двух частях. «Русские в начале восемнадцатого столетия. Рассказ из времен единоподержавия Петра I». Не нужно распространяться о том, какое обширное и богатое поле, исполненное самых важных исторических интересов, с каждым

днем получающих для нас большую значительность, представлялось таланту романиста. Самое название романа обязывало автора к изображению общественного положения, в котором, как в зеркале, отражался бы переворот государственный. Разбирая этот роман, прежде всего надобно сказать, что дело идет не о том, до какой степени справедливо воззрение автора на это великое событие. Я совершенно устраняю этот вопрос, и по моему мнению, никто не вправе требовать от романиста, чтоб он так или иначе понимал исторические события. Взгляд Загоскина довольно объясняется во вступлении к роману. Итак, я постараюсь только определить: удовлетворительно ли он исполнил свою задачу, смотря на предмет с собственной, известной точки зрения автора? Вот в коротких словах содержание рассказа: на сцене являются два молодых гвардейских офицера, Симский и Мамонов, книжная речь которых, пересыпанная дикими иностранными словами, приводит в изумление и досаду стариков того времени; оба молодые человека весьма охотно принимают новый порядок вещей и уже ску-

чают старинными обычаями: это представители нового поколения. В противоположность им выведено три старика: Л. Н. Рокотов, пристрастный друг старины, ожесточенный враг новизны; М. П. Прокудин, также осуждающий нововведения и хранящий старые обычаи, но без ожесточения; читатель чувствует, что этот добрый старик, способный оценить хорошее в противной ему новизне, способен сделать уступки и сделает их со временем; наконец, третий, Д. Н. Загоскин, дядя Симского, уже добровольно уступивший новым мыслям и новому порядку вещей, обривший бороду и надевший немецкое платье, несмотря на вопли его окружающих и на сокрушение своей жены, которая, сказать правду, рассуждает в этом случае гораздо дельнее и логичнее своего супруга. Из женского пола выведена одна барыня средних лет, А. П. Ханькова, которая также уже поддалась влиянию новых нравов; с нею живет временно родная племянница, О. Д. Запольская, воспитанная вместо дочери родным братом Ханьковой, Прокудиным. Эта девушка, героиня романа, сохраняя во всей чистоте старинные семейные понятия и нра-

вы, без отвращения однако ездит со своею теткою на немецкие танцевальные ассамблеи, где и познакомилась с молодым Симским; разумеется, они полюбили друг друга. Надобно отдать справедливость Загоскину, что эта любовь уже гораздо сноснее всех прежних описаний любви в его романах. Завязка состоит в том, что Прокудин сначала не соглашается отдать свою племянницу за Симского, который в большом горе отправляется с своим полком на войну с турками. Из лагеря на Пруте, в самую отчаянную минуту, Петр I отправляет его с известным указом в Сенат, [62] поручение очень опасно, но Симский счастливо избегается от неминуемой смерти и доставляет указ Сенату. Благородным поступком с своим соперником, которого считал женатым на Ольге Дмитриевне Запольской, но которому уже давно отказал Прокудин, как подлому трусу, Симский смягчает предубеждение старика, нравится ему уважением к старине и получает руку своей любезной. Есть еще несколько лиц эпизодических, о которых не говорю. Судя по расходу книги и по отзывам тогдашней читающей публики,

роман не имел большого успеха. Все ожидали чего-то другого: интригу находили слишком простою, не возбуждающею любопытства, а благополучную развязку – не имеющую достаточных причин. Может быть, это отчасти справедливо. Но задача романа состояла не в том. В рецензиях журнальных не было сказано ничего определенного: слышалась только мысль, что автор не глубоко, а поверхностно черпал из любопытного времени своего романа. Я не разделяю этого мнения. Я думаю, что едва ли Загоскин мог черпать глубже, не преступив пределов романа и не коснувшись живых государственных вопросов. По моему мнению, сочинитель, верный собственному воззрению, обработал данный предмет со всею силою и жизнию своего таланта, и разнохарактерная картина общества с его замечательными оттенками написана верно. Из всех разнородных представителей общественного мнения, автор никому не дает явного превосходства. Хотя мы знаем, с кем более согласен сочинитель, но противники предка его, Загоскина, и тогдашнего молодого поколения, особенно непреклонный Рокотов,

говорят очень убедительно и дельно; сопротивление их новым идеям так естественно, так много в нем здравого русского толка, что действующие лица являются живыми людьми, а не отвлеченными призраками или воплощенными мыслями, выведенными для торжества известного принципа. Некоторые находили, что мало показан Петр I; но я не могу и с этим согласиться: более показать Петра I было невозможно и не должно; его огромная личность закрыла бы весь роман и, заставив побледнеть или уничтожив все другие интересы – все бы не удовлетворила читателя. В такую ли тесную рамку уставиться великану? – Придаточные лица в романе, каждое в своем роде, очень естественны, живы и веселы, кроме, может быть, немножко идеальной молдаванки, куконы Хереско. Небольшая сцена немецких генералов и французского бригадира, известного Моро де Бразе, в лагерьной палатке на Пруте, при всей своей краткости и сжатости, передает очень живо всех этих господ. Русская речь также хороша, проста и сильна: одним словом – я считаю последнее произведение Загоскина не уступаю-

щим в достоинстве лучшим его прежним сочинениям, даже нахожу в нем большую зрелость мысли и силу языка. Последние два романа мало уступают «Юрию Милославскому» и, по-моему, даже превосходят его. Если б они вышли первые – успех был бы огромный. Но двадцать лет прошло – требования публики изменились.

В том же 1848 году Загоскин выдал третий выход «Москвы и москвичей». Он состоял из двенадцати небольших статей, относящихся до Москвы, ее обычаев, жителей и заведений; одна из них, самая большая по объему и очень забавная по содержанию, а именно: статья IV, называющаяся «Поездка за границу», написанная в разговорах – послужила основанием комедии того же имени. Книжка не имела однако ж такого успеха, как два первые выхода. Менее всех показалась удовлетворительною 1-я статья: «Несколько слов о наших провинциях». Автор, не выезжая из Москвы 30 лет, написал ее по слухам, а не по собственному личному убеждению, следствием чего было во-первых то, что он неосновательно обвинял современных писателей в

пристрастии и умышленном оскорблении провинциальных жителей, будто бы терпящих напраслины, и во-вторых, то, что все, написанное в защиту провинциального быта, вышло бледно, неверно, высказано без убеждения и наполнено общими местами; к тому же и содержание некоторых мелких статей – слишком мелко. Я уже говорил об этом, но счел за нужное повторить мои слова по поводу выше названной статьи. Справедливость требует сказать, что последняя статья: «Два слова о нашей современной одежде», при всей своей краткости и недостаточном развитии, имеет положительное достоинство и замечательна по своей мысли.

В 1850 году Загоскин напечатал комедию в 4-х действиях, в прозе: «Поездка за границу». Она была представлена на театре 19 января. Публика приняла ее на сцене очень хорошо, хотя причина благоприятной развязки, останавливающая только *на-время* поездку за границу, несколько натянута: собственно тут нет поездки, а только сборы за границу, но зато эти сборы так забавны, что зрители смотрели комедию всегда с удовольствием. Надобно

прибавить, что она была разыграна очень удачно.

В том же году вышла 4-я книжка или выход «Москвы и москвичей», заключающая в себе 10 статей и небольшое предисловие, или вступление, под названием: «К читателям». Загоскину показалось, что рамки, назначенные им для своих рассказов, слишком узки; он решился раздвинуть их, то есть, решился говорить не об одной Москве и ее обычаях, о чем и предуведомил своих читателей. Он назвал свои анекдотические рассказы, содержание которых не касалось Москвы, «Осенними вечерами», которые однако не представили большой занимательности; статьи же, собственно относящиеся к Москве, были напротив очень интересны, и, вероятно благодаря им, читающая публика приняла четвертый выход «Москвы и москвичей» гораздо лучше третьего.

Еще в 1841 году, во втором томе известного великолепного альманаха, «Сто русских литераторов», изданного Смирдиным, был напечатан довольно большой рассказ Загоскина под названием «Официальный обед». Из этого за-

бавного, но несколько растянутого рассказа, в 1850 же году, автор сделал комедию в прозе, кажется, в трех действиях: «Заштатный город». Вероятно на сцене она была бы очень весела и смешна; но пьеса эта, по независевшим от автора причинам, не была играна на театре и не была напечатана.

В 1851 году напечатана в Петербурге, сначала в журнале «Библиотека для чтения», а потом отдельно, последняя комедия Загоскина в четырех действиях, в стихах: «Женатый жених». Два ее акта составлены из двух сцен «Московской домашней и общественной жизни», напечатанных в первом выходе «Москва и москвичи». Эта комедия в том же году разыграна на московском театре, и весьма неудачно. Пьеса до такой степени была дурно или мало срепетирована, что некоторые актеры плохо знали роли. Причиной тому было особенное обстоятельство. Загоскин, отличавшийся всегда завидным здоровьем, с некоторого времени начал прихварывать и совсем не позаботился о репетициях. Пьеса не имела успеха, то есть, ее перестали давать; но при первом представлении зрители много смея-

лись, и автор был вызван единодушно, как и всегда, признательною московскою публикою. Впрочем, кроме плохого исполнения, сама комедия была неудачно составлена; не говорю уже о том, что два лучшие акта, в драматической же форме, но только написанные прозою, были давно известны публике. Эта пьеса – новое доказательство, что прекрасные, легкие и сильные стихи, оправленные часто в диковинные, мастерски прилаженные рифмы, и что даже забавные сцены (если взять их отдельно) не могут дать успеха комедии на театре, если в ней нет внутренней связи и единства интереса. Как бы то ни было, в первый раз случилось, что Загоскин был огорчен неудачей на сцене своего театрального произведения; он приписывал эту неудачу невниманию дирекции и актеров, что было справедливо только отчасти. Комедия «Женатый жених» – последнее произведение Загоскина, явившееся на сцене и в печати.

Загоскин начинал расхварываться: он чувствовал постоянный лом, по временам сильно ожесточавшийся в ногах и даже в груди, с каким-то наружным раздражением кожи;

впрочем, сначала он терпел более беспокойства, чем боли. Доктора находили, что это артрическая острота (рассыпная подагра), перешедшая впоследствии в подагру атоническую – нервную. Загоскин не любил лечиться, первую зиму он перемогался, продолжал ежедневно выезжать, надеялся, что лето и верховая езда за городом, которую он очень любил, лучше докторов восстановят его здоровье. В первый год точно так и было: он видимо поправился летом, но к осени болезнь возвратилась с удвоенною силою. Загоскин принужден был приняться за лекарство; но лечился так неправильно, своенравно, так часто переменил методу лечения и самые средства, употребляя их нередко в страшном излишестве, следуя советам не врачей, что без сомнения лечение ему повредило и придало болезни силу и важность. Страдания физические отняли у него возможность писать, а человеку, привыкшему в течение целой жизни к ежедневной умственной работе, такое лишение невыносимо. Загоскин принялся читать и перечитал все, что за недосугом было только просмотрено им или пропущено совсем. Сначала

он выезжал по вечерам почти ежедневно, но ездил уже не в светское общество, а к самым коротким друзьям, где нередко увлекался своим живым характером, забывая на мгновение мучительные боли, горячился в спорах о каких-нибудь современных интересах, а иногда в спорах о картах за пятикопеечным ералашем: громкий голос его звучно раздавался по-прежнему, по-прежнему все были живы и веселы вокруг него, и взглянув в такие минуты на Загоскина, нельзя было подумать, что он постоянно страдал недугом, тяжким и смертельным. Наконец болезнь так усилилась, что он не мог выезжать по вечерам: обстоятельство очень тяжелое для Загоскина, потому что при огне он не мог читать; его вывозили только прогуливаться, и он, не вылезая из экипажа, делал визиты своим приятелям и знакомым. Кроме собственного его семейства, родной брат, М. Н. З., с женою, жившие тогда в Москве, были ежедневными его собеседниками. Друзья также навещали его, составляли приятельский вист или ералаш, и больной не давал задуматься своим посетителям, а напротив нередко заставлял их смеяться-

ся. Между тем беспорядочное, часто изменяемое, лечение героическими средствами продолжалось; приключилась посторонняя болезнь, которая при других обстоятельствах не должна была иметь никаких печальных последствий; некогда могучий организм и пищеварительные силы ослабели, истощились, и 23 июня 1852 года, в пятом часу пополудни, после двухчасового спокойного сна, взяв из рук меньшего сына стакан с водою и выпив немного, Загоскин внимательно посмотрел вокруг себя... вдруг лицо его совершенно изменилось, покрылось бледностью и в то же время просияло какою-то веселостью. Он вздохнул и – его не стало. Больной заснул тихим, спокойным, вечным сном. За четыре дня он приобщился святых тайн. Тело его предано земле в Новодевичьем монастыре.[63] Считаю излишним говорить о глубокой горести его семейства и особенно, больной с давних лет, его супруги.

Загоскин написал и напечатал 29 томов романов, повестей и рассказов, 17 комедий и 1 водевиль. В бумагах его найдено немного: прекрасный рассказ «Канцелярист» и

несколько мелких статей, которые вместе с ненапечатанной комедией «Заштатный город» составят, как я слышал, пятый и последний выход «Москвы и москвичей».[64]

Говоря об «Юрии Милославском» и о «Мирошеве», я достаточно высказал мое мнение о таланте Загоскина. Не излишним считаю повторить в нескольких словах сказанное мною: талант Загоскина – самобытный, оригинальный, исключительно русский; в этом отношении он не имеет соперника, и потому я считаю его единственным исключительно русским народным писателем; основные качества его таланта – драматичность, теплота и простодушная веселость, дар драгоценный, редко встречаемый в самых знаменитых писателях. Это не то, что мы называем комизмом или юмором: Загоскин не возбуждает того высокого смеха, вслед за которым выступают слезы. Читая Загоскина, становится только весело на душе, и со дна ее незаметно поднимается чувство народности... Достоинство высокое! К этому должно прибавить, что все, написанное Загоскиным, проникнуто чувством нравственным, религиозным и пламен-

ной любовью к родной земле; его же искренняя, горячая преданность к государю известна всем. Загоскин проводил русское направление, как он понимал его, везде, во всяком сочинении, и восставал, сколько мог, против подражания иностранному.

Загоскин был членом русского отделения императорской Академии наук, и также членом, а потом и председателем Общества любителей русской словесности при Московском университете. Сверх того он имел *авторские кресла* в театрах обеих столиц – награда, которой, кроме его, не был почтен ни один русский драматический писатель.

Определив, по крайнему моему разумению, согласно моим личным убеждениям, Загоскина, как писателя, я должен теперь сказать о нем, как о человеке. Говорить о служебной деятельности Загоскина не мое дело. Без сомнения, он, как человек честный, дорожил добросовестным исполнением своих обязанностей. Его формулярный список свидетельствует, что, кроме наград чинами, орденами и знаком отличия за 40-летнюю беспорочную службу, Загоскин получил восемь высочай-

ших благоволений, из коих шестью удостоен, служа при театре, «за хозяйственные распоряжения и соблюдения значительной экономии».

Основными качествами характера Загоскина были: честность, веселость, неограниченное добродушие и доверчивость; последними двумя качествами, — которые людская испорченность называет детскими, следовательно не уважает, и даже смеется над ними, — разумеется, пользовались люди, имевшие к тому охоту и надобность; им особенно помогала вспыльчивость Загоскина, проходившая мгновенно и безвредно. Стоило только его рассердить, что было весьма не трудно — в горячности вылетало у него какое-нибудь резкое или грубое слово, мнимо обиженный прикидывался огорченным, жалким — и добрейший Загоскин готов был сделать все, чтоб загладить вину свою. Делая много добра, он никогда не помнил о том; ему приятно было, если помнили другие, и приятно только потому, что он радовался душою, находя в людях добрые качества. Загоскин никогда не жаловался и даже не любил, чтоб говорили и

другие о каком-нибудь человеке, неблагодарном ему за добро. Я сам, выведенный из терпения одним таким господином, историю которого знал коротко, выразился о нем очень жестко, будучи наедине с Загоскиным... Загоскин огорчился и взял с меня честное слово не говорить никогда не только ему, но и никому о неблагодарности лица, о котором у нас шла речь. Признаюсь, я был поражен такой христианскою добротою. Загоскин во всю свою жизнь не сделал с намерением никому вреда. Это несомненная истина. В пылу горячего спора, ему случалось сказать о человеке, даже при лишнях свидетелях, что-нибудь могущее повредить ему; но когда горячность проходила, и Загоскину объясняли, какие вредные последствия могли иметь его слова, которых он не помнил, — боже мой, в какое раскаяние приходил он... он отыскивал по всему городу заочно оскорбленного им человека, бросался к нему на шею, хотя бы то было посреди улицы, и просил прощенья; этого мало: отыскивал людей, при которых он сказал обидные слова, признавал свою ошибку, и превозносил похвалами обиженного... Может быть,

иным покажется это смешно, но высока эта смешная сторона. Будучи вспыльчив от природы, Загоскин совсем не имел того раздражительного авторского самолюбия, которым обыкновенно страдают писатели. Не только его друзья и приятели, но всякий мог сделать лично ему какие угодно жесткие замечания, и он принимал их всегда добродушно и спокойно, и готов был сознаться в ошибке, если чувствовал справедливость замечаний. Он не выносил только одного: если, нападая на Загоскина, задевали Россию или русского человека – тогда неминуемо следовала горячая вспышка. Загоскин был рассеян, и его рассеянность подавала повод ко многим смешным анекдотам: он часто клал чужие вещи в карман и даже запирали их в свою шкатулку; сел один раз в чужую карету, к даме, не коротко знакомой, и приказал кучеру ехать домой, тогда как муж стоял на крыльце и с удивлением смотрел на похищение своей жены. В другой раз он велел отвезти себя не в тот дом, куда хотел ехать и где ожидало его целое общество; он задумался, вошел в гостиную, в которой бывал очень редко, и объявил хозяйке, с

которой был не коротко, но давно знаком, что приехал прочесть ей по обещанию отрывок из своего романа; хозяйка удивилась и очень обрадовалась, а Загоскин, заметивши наконец ошибку, посовестился признаться в ней и прочел назначенный отрывок к общему удовольствию и хозяев и гостей. Рассеянность не оставляла иногда Загоскина даже в делах служебных: он подал один раз министру вместо рапорта о благосостоянии театра счет своего портного: министр усмехнулся и сказал: «Ох, эти господа авторы». – Загоскин был не только рассеян, но и чрезвычайно беспамятен, отчего так конфузился на сцене, что почти не мог участвовать в благородных спектаклях, хотя иногда очень желал разделять со всеми эту забаву, бывшую в большом ходу в Москве в 1820 годах. Особенно был смешон один случай, который я расскажу, как характерную черту физиономии Загоскина. В день рождения кн. Д. В. Голицына, которого, как человека, любили все без исключения, был сделан ему сюрприз; Загоскин сочинил интермедию с куплетами под названием «Репетиция на станции». Прозу писал он, стихи – А. И. Писа-

рев, а музыку – Верстовский. Это была веселая и забавная безделка; куплеты же Писарева – прелесть: таких куплетов уже не пишут с тех пор, как он умер. В интермедии Загоскин играл Загоскина, Писарев – Писарева, Верстовский – Верстовского, нарядившегося старым хористом. Кроме них участвовали в пьесе А. А. Башилов, Данзас и другие. Кто мог петь, тот пел куплеты, кто не мог – говорил их под музыку; Загоскин не пел и должен был последний, как сочинитель пьесы, проговорить без музыки свой самим им написанный куплет; опасаясь, что забудет стихи, он переписал их четкими буквами и положил в карман; опасение оправдалось: он забыл куплет и сконфузился; но достал из кармана листок, подошел к лампе, пробовал читать в очках и без очков, перевертывал бумагу, сконфузился еще больше, что-то пробормотал, поклонился и ушел. [65] Занавес опустился. Когда актеры вышли в залу к зрителям, все окружили Загоскина и спрашивали: «что с ним сделалось?» Он отвечал, что стихи позабыл, а в карман ошибкой положил вместо куплета листок белой бумаги... – Когда я спросил его о том же в свою оче-

редь, Загоскин шепнул мне на ухо: «так сконфузился, мой друг, что не мог разобрать своей руки: уж это я выдумал, что будто положил в карман белую бумагу; только молчи, никому не сказывай». Я и промолчал на тот вечер или на ту ночь, потому что ужин и бал продолжались до утра. На другой день я рассказал секрет всем приятелям, да и Загоскин с своей стороны сделал то же: разумеется, все посмеялись вдоволь.

Загоскин был постоянно весел в обществе и семейном кругу. Эта веселость происходила от невозмутимой ясности простой его души, безупречной совести и неистощимого благодушия; она невольно сообщалась другим и одушевляла всех: понятно, как он был любим в обществе, в кругу родных и в семье. Веселость не оставляла Загоскина даже в мучительной болезни; рассказывая о своих страданиях, он нередко употреблял такие оригинальные выражения, что заставлял смеяться окружающих и самого врача. Шуточное неконченное послание в стихах к А. Е. Аверкиеву, которое будет напечатано в последней книжке «Москвы и москвичей», [66] показыва-

ет, до какой степени сохранились в Загоскине веселость и спокойствие духа почти до самой кончины. Будучи сам неспособен не только к чувству зла, но даже к минутному недоброжелательству, он никогда не предполагал этих свойств в других людях. Лицемерия он не понимал совсем. Множество ошибок и поучительных уроков не излечили его от доверчивости, и ему всегда казалось, что он окружен прекрасными людьми.

Загоскин не получил в своей юности систематического, научного образования: он учился сам и образовал себя впоследствии необыкновенно обширным чтением книг. Имея ум простой, здравый и практический, он не любил ни в чем отвлеченности и был всегда врагом всякой мечтательности и темных, метафизических, трудных для понимания, мыслей и выражений. В прежнее время, когда это направление было в ходу, он врезывался иногда, с русским толком и метким русским словом, в круг людей, носившихся в туманах немецкой философии и не только все окружающие, но и сами умствователи, внезапно упав с холодных и страшных высот

изолированной мысли, предавались веселому смеху.

Из всего сказанного о Загоскине не трудно заключить, что он был бесцеремонен, прост в обращении: многим казалось, что эта простота доходила до излишества. Бывая иногда, по своему положению в свете и по своей литературной славе, в кругу людей так называемого высшего общества, Загоскин не мог не грешить против его законов и принятых форм, потому что был одинаков во всех слоях общества; его одушевленная и громкая речь, неучтивая точность выражений, простота языка и приемов часто противоречили невозмутимому спокойствию холодного этикета. Его русская натура постоянно сквозила из-под камергерского мундира и на аристократическом бале, и во дворце. Некоторые пожимали плечами, улыбались значительно и удалялись от него, а некоторые именно за то очень любили и уважали Загоскина.

В заключение должно сказать, что ко всем прекрасным свойствам своего счастливого нрава, к младенческому незлобию души и неограниченной доброте, Загоскин присоеди-

нял высшее благо – теплую веру христианина... Да будет мир его душе...

Декабрь, 1852 года.

Деревня.

Несколько слов о статье «Воспоминания старого театрала»*

В октябрьской книжке «Отечественных записок» напечатана очень интересная статья под названием: «Воспоминания старого театрала». В ней находятся, между прочим, хотя не прямо высказанные, опровержения моей статьи: «Яков Емельянович Шущерин», напечатанной в «Москвитянине». Если б в «Воспоминаниях старого театрала» выражалось только несогласие с моими мнениями и негодование за мой ошибочный взгляд, то я не сказал бы ни одного слова, хотя бы мог много сказать в подтверждение моих мнений. Доказывать, что такой-то актер был лучше или хуже такого-то актера, тогда как прошло уже несколько десятков лет после их смерти – дело весьма затруднительное, не говоря уже о том, что это дело чисто вкуса и

личных понятий о театральном искусстве; а главное – такие споры бесполезны и скучны для читателя. Скажу только, что, опровергая мои заключения о достоинстве игры Шушерины и Плавильщикова, стараясь доказать, что Дмитревский не мог никого образовать (чего я и не говорил), господин сочинитель своими собственными выводами как нельзя лучше доказывает, разумеется с некоторыми оттенками, что мои мнения справедливы: если б кто-нибудь решился прочесть обе наши статьи последовательно одну за другою, то я смею надеяться, что он согласился бы со мною. Но в «Воспоминаниях старого театра» находится указание моих ошибок в годах, и я спешу поблагодарить его за эти указания. Я предполагаю, что они верны, потому что господин сочинитель, как сам пишет, сорок шесть лет ведет ежедневные записки. Я не стану извиняться тем, что писал на память, писал о слышанном мною от других; я должен был прежде справиться, а потом печатать. Я сделаю это теперь и, печатая собрание моих воспоминаний, конечно, исправлю мои ошибки.

С искренним удовольствием прочел я в «Воспоминаниях старого театрала» все, что касается до князя А. А. Шаховского. Я сердечно обрадовался, что наконец нашелся человек, который по своему близкому и многолетнему знакомству с князем Шаховским и с его управлением в Петербурге тогдашнюю репертуарную часть имел право обличить клевету, которая так долго лежала на памяти нашего даровитого писателя, принесшего так много пользы сценическому искусству в России. Я сам несколько раз хотел написать об этом. Но я был коротко знаком с князем Шаховским только в то время, когда он, оставив Петербург, переехал в Москву и прожил в ней несколько лет сряду: в эти года я виделся с ним почти каждый день. Несмотря на прежние мои предубеждения, я вполне убедился, что князь Шаховской неспособен был к таким недостойным поступкам, в каких его обвиняли; но личное мнение не доказательство. Я написал тогда статью о заслугах князя Шаховского, оказанных драматической литературе и сценическому искусству, и напечатал ее в «Московском вестнике», который издавался

тогда М. П. Погодиным, но в котором это было году и как называлась моя статья – решительно не помню. Помню только, что князь Шаховской был ею не совсем доволен и сказал кому-то, что ожидал от моей дружбы более горячего заступления. Это последнее слово доказывает, чего желал князь Шаховской и до чего касаться я считал себя не вправе. Очень будет жаль, если господин сочинитель «Воспоминаний старого театрала» не напишет о князе Шаховском всего того, что ему было так хорошо известно. Личность князя Шаховского, его живость, веселость, забавное и безобидное остроумие, его детское притязание на хитрость, его незабвенные репетиции, на которых он предавался вполне своей горячей любви к театру, сопровождаемые бесчисленными, самыми комическими анекдотами, – представляют богатое и благородное поле для биографа.

В заключение скажу: неужели нельзя, опровергая чьи-нибудь мнения, обойтись без таких выражений и такого тона, какой слышится, например, на стр. 117 «Воспоминаний старого театрала»?

Несколько слов о М. С. Щепкине*

По случаю пятидесятилетия его театрального поприща

В исходе ноября 1805 г. в городе Курске на частном публичном театре содержателей – актеров Барсовых назначен был спектакль в пользу актрисы, г-жи Лыковой. Молодой человек лет семнадцати, с живою и умною физиономией, беспрестанно бегал с раннего утра из дома своего господина, графа Волькенштейна, в дом Дворянского собрания, где помещался театр. На озабоченном лице юноши ясно выражалась радость, тревога и опасение: это был дворовый мальчик графа, всеми называемый Миша, которому, по случаю внезапной болезни какого-то мелкого актера, дали сыграть маленькую роль. Миша с детских лет страстно любил смотреть театральные представления. Его охотно пускали и в оркестр и за кулисы, где все его знали, любили и где он всем услуживал. Сыграть какую-нибудь роль на публичном театре было его любимую мечтою, его постоянным и горя-

чим желанием; наконец, желанная мечта превращалась в действительность, и Миша выходил на сцену в драме «Зоя», в роли почтаря Андрея. Этот Миша – теперь наш знаменитый артист, ветеран театрального искусства, честь и гордость русской сцены, Михаил Семенович Щепкин.

Щепкин страстно полюбил театр еще в ребячестве. Семи лет он увидел на домашнем театре у графа Волькенштейна оперу «Новое семейство», и неожиданное зрелище так его поразило, что с тех пор в восприимчивой, горячей голове мальчика беспрестанно роились декорации, оркестр, сцена и действующие лица. Вскоре после того, когда он был уже в народном училище городка Суджи, удалось ему сыграть слугу Розмарина в комедии Сумарокова «Вздорщица»: разумеется, это усилило его страсть. Впоследствии, когда Щепкину уже было лет четырнадцать, он сыграл на домашнем театре своего господина несколько ролей и, между прочим, роль актера в комедии «Опыт искусства» и Степана сбитенщика в опере «Сбитенщик». С 1801 года Щепкин жил в Курске, учился в народном

училище и все свободные часы проводил в театре. В этом положении оставались дела до незабвенного дня, до бенефиса г-жи Лыковой.

Итак, в исходе ноября (подлинное число неизвестно) настоящего 1855 года исполняется пятьдесят лет с первого появления Щепкина на сцене публичного театра. Долгое поприще, редко совершаемое не поденщиками, не простыми исполнителями, равнодушными к своему ремеслу, а художниками по призванию, пламенно, тревожно любящими свое дело! Каких горячих усилий, каких постоянных трудов, какой напряженной работы духа и тела стоило возведение на степень искусства простой, по-видимому, охоты мальчика: выбежать перед публикою в каком-то святочном наряде и пробормотать несколько выученных речей. Так начинают многие, и трудно бывает разгадать в безотчетном влечении молодых людей: минутная ли это забава, или призвание истинного таланта.

Разумеется, в достопамятный день представления «Зои», за пятьдесят лет пред сим, никто из окружающих Щепкина не подозревал в нем будущего знаменитого артиста, и

всякий только посмеивался, глядя на его озабоченное лицо и важность, придаваемую им такому, по-видимому, пустому делу; но Щепкин чувствовал бессознательно, что роль почтаря Андрея решает его судьбу и определяет славную будущность.

С этого времени, после удачного дебюта, Щепкину начали давать многие небольшие роли и, разумеется, самые разнохарактерные. Захворал ли, загулял ли кто-нибудь из актеров – Щепкин в несколько часов выучивал его роль и, конечно, играл всегда лучше того, чье занимал место. Одним словом: им затыкали все прорехи малочисленной труппы и скудного репертуара. Оркестр прозвал его «контрабасною подставкой», и вся труппа со смехом повторяла *остроумное* прозвище.

Публика начинала любить и принимать Щепкина с одобрением. Каждый спектакль был шагом вперед для молодого актера, и в течение нескольких лет он сам и все его окружавшие убедились в том, что Щепкин родился для театра. Не получив достаточного образования, не выдав ни одного актера, который бы имел какое-нибудь понятие о сцениче-

ском искусстве, который бы ходил и говорил на театре по-человечески, Щепкин, конечно, не мог тогда создавать себе идеала представляемого лица, не мог не подчиняться вредным традициям, от которых трудно отделяться во всю жизнь, не мог не перенимать форм, которыми был окружен; но нет такой неестественной формы, которая не могла бы быть одушевлена, а Щепкин, одаренный необыкновенным огнем и чувством, оживлял ими каждое произносимое слово; кстати или некстати, верно или неверно – до этого никому не было дела, этого никто не понимал, и все безусловно восхищались новым и свежим талантом.

Чрезвычайно было бы любопытно и поучительно проследить постепенно, как уяснялся взгляд молодого актера, как зарождалось понимание лиц, им представляемых, как блеснула и разгоралась мысль об истине, естественности игры, и как он понял, наконец, что сцена – искусство, что он – художник!.. Но этого никто не может сделать, кроме самого Щепкина, и на нем лежит долг написать историю своего театрального поприща,

чем он окажет великую услугу не только театральному искусству, его служителям и почитателям, но и всякому мыслящему человеку, для которого дороги проявления, усилия и торжество духа человеческого над всеми препятствиями и случайностями жизни. У Щукина хранится лист бумаги, на котором великий художник Пушкин своею рукою написал следующее:

Записки актера Щепкина.

«Я родился в Курской губернии, Обоянского уезда, в селе Красном, что на речке Пенке».

Как красноречиво выражается в этом поступке важность интереса, который придавал Пушкин запискам актера Щепкина!

Семнадцать лет играл Щепкин на губернских театрах, переходя из труппы в труппу, разъезжая по ярмаркам с своими товарищами и постоянно идя вперед. У Щепкина не было амплуа, он не выбирал себе ролей, а играл все, что было необходимо для составления спектакля. Так, например, в «Железной маске» он, начиная с часового, дошел до маркиза

Лувуа, а в «Рекрутском наборе» переиграл все роли, кроме молодой девушки Варвары. Слава Щепкина росла, преимущественно в южной части России, дошла до Москвы, и, наконец, в 1823 году поступил он на императорский Московский театр. Не входя в подробности, потому что я пишу не биографию Щепкина, а краткий очерк пятидесятилетнего театрального его поприща, должно, однако, сказать, что Щепкин в продолжение своей провинциальной сценической жизни получил два толчка, как он сам выражается, которые были ему очень полезны. Первый случился в 1810 году, когда он увидел домашний благородный спектакль в селе Юноховке (Харьковской губернии); в этом спектакле князь Прокофий Васильич Мещерский играл роль Солидара в комедии Сумарокова «Приданое обманом». Естественная игра князя Мещерского сильно поразила молодого актера и произвела решительное влияние на его понятия о сценическом искусстве.[67]

Второй толчок случился гораздо позднее: его произвел замечательный актер Павлов, выехавший из Казани и странствовавший то-

гда по разным провинциальным театрам. Этот актер с необыкновенною для того времени истиною и простотою играл многие роли, особенно роль Неизвестного в комедии Коцебу «Ненависть к людям и раскаяние». Актера Павлова мало понимали и мало ценили, но Щепкин понял, оценил его и воспользовался добрым примером, несмотря на противоположное значение своего амплуа.

Московская публика обрадовалась прекрасному таланту и приняла Щепкина с живейшим восторгом в полном значении этого слова; но Щепкин не успокоился на скоро приобретенных лаврах, как делали и теперь делают это многие. Постоянно трудясь с первого дня поступления своего на сцену, постоянно изучая, обрабатывая игру, он удвоил свои труды, поступая на московскую сцену. Он делал это не для приобретения большей славы или выгод житейских, – он удовлетворял собственной душевной художественной потребности. Театр уже был для него необходимостью, воздухом, условием жизни... Жить – для Щепкина значило играть на театре; играть – значило жить. Сцена сделалась для

Щепкина даже целебным средством в болезнях духа и тела. Горевал ли он о чем-нибудь, как человек, которому надо было много преодолеть препятствий, много биться с жизнью, – искусство мирило его с действительностью; болел ли телом, – искусство, оживляя его нервы, чудотворно врачевало его тело. Много раз и многие были тому свидетелями, что Щепкин выходил на сцену больной и сходил с нее совершенно здоровый.

Обеспеченный в своем существовании, получивший независимость, придворный артист Щепкин вполне предался искусству. Обширный репертуар его с каждым годом обогащался новыми, значительнейшими ролями, над которыми надо было подумать, надо было потрудиться. Один ряд мольеровских стариков представлял уже назидательное поприще для его сценической деятельности, и Щепкин воспользовался этою высокою школой. На московской сцене Щепкин нашел товарищей более или менее образованных, нашел публику более просвещенную, судей более строгих и лучше понимающих дело. Кроме того, Щепкин нашел в московском обществе

дружеский литературный круг, в который приняли его с радостью и где вполне оценили его талант, природный ум, любовь к искусству и жажду образования. По счастливому стечению обстоятельств, в этом круге находились между прочими главные лица московской дирекции: Кокошкин, Загоскин, Писарев и Верстовский; но всего важнее было то, что в этом же приятельском круге на то время был наш даровитый писатель князь Шаховской, единственный знаток сцены, страстный и опытный любитель театрального искусства. Этого только и недоставало Щепкину: он весь предался труду и учению, предался пламенно и неутомимо.

Обыкновенно сценические артисты, сколько-нибудь замечательные, разделяются на два разряда: первый состоит из людей даровитых иногда в высокой степени, но не думающих об искусстве, об изучении его, не признающих необходимости труда, иногда даже не понимающих прямого значения художника. Второй разряд состоит не скажу из людей бездарных, но наделенных от природы скудною долею дарования, обработке которого по-

ложены, к сожалению, слишком тесные границы. Это достойные уважения труженики. В нравственном отношении они, без сомнения, несравненно выше ленивых дарований, но увы! всякий из нас предпочтет талантливого актера, у которого посреди неверной, даже бессмысленной игры вырвется иногда увлекающее и потрясающее душу слово, – предпочтет бедному труженику, бесцветно исполняющему умно и верно понятый характер. Это справедливо: сцена требует выражения ясного, живого, так сказать осязательного, без которого зритель не может видеть понимания роли, не может сочувствовать представляемому лицу. Но бывает редкое соединение таланта с ясным умом и горячею любовью к искусству, и это счастливое соединение представляет нам Щепкин. Его отличительное качество именно состоит в чувстве священного долга к искусству, долга неоплатного, каков бы ни был талант человека. Щепкин всю жизнь выплачивал этот долг по мере сил, платит и теперь и, конечно, не перестанет платить, пока будет жить. С ослаблением физических средств, которые не могли не изме-

ниться в течение пятидесяти лет, Щепкин усиливал средства духовные и вознаграждал, по возможности, неизбежные утраты, наносимые временем.

Несмотря на страшное число ролей, переигранных Щепкиным, несмотря на их бесконечное, дикое разнообразие, несмотря на их ничтожность, Щепкин не пренебрег ни одною из них. Выезжая на сцену Бабой-Ягой на ступе с помелом, являясь Еремеевной в «Недоросле», он старался быть тою личностью, которую представлял. От смешных фарсов и карикатур Щепкин в ролях своих доходил иногда до характеров чисто драматических и на одном из них столкнулся с первым трагиком своего времени – с Тальмой: роль Данвиля в комедии Делавиня «Урок старикам» в Париже играл Тальма, а в Москве – Щепкин!.. И что же? несмотря на тяжелый и темный русский перевод, Щепкин был так хорош, что удовлетворил требованиям самых строгих судей. Привычка смеяться от комизма игры Щепкина исчезала, и зрители всегда были растроганы до слез.

Во все пятьдесят лет театральной службы

Щепкин не только не пропустил ни одной репетиции, но даже ни разу не опоздал. Никогда никакой роли, хотя бы то было в сотый раз, он не играл, не прочитав ее накануне вечером, ложась спать, как бы поздно ни воротился домой, и не репетируя ее настоящим образом на утренней пробе в день представления. Это не мелочная точность, не педантизм, а весьма важное условие в деле искусства, в котором всегда есть своя, так сказать, механическая, или материальная, сторона, ибо никогда не может быть полного успеха без приобретения власти над своими физическими средствами. Но этого мало: вся жизнь Щепкина и вне театра была для него постоянною школою искусства; везде находил он что-нибудь заметить, чему-нибудь научиться; естественность, верность выражения (чего бы то ни было), бесконечное разнообразие и особенности этого выражения, исключительно принадлежащие каждому отдельному лицу, действие на других таких особенностей – все замечалось, все переносилось в искусство, все обогащало духовные средства артиста. Более двадцати лет я вместе с другими следил за иг-

рою Щепкина на сцене и за его внимательным наблюдением бесед общественных. Нередко среди шумных речей или споров замечали, что Щепкин о чем-то задумывался, чего-то искал в уме или памяти; догадывались о причине и нередко заставляли его признаваться, что он думал в то время о каком-нибудь трудном месте своей роли, которая, вследствие сказанного кем-нибудь из присутствующих меткого слова, вдруг освещалась новым светом и долженствовала быть выражена сильнее, или слабее, или проще и вообще вернее. Иногда одно замечание, кинутое мимоходом и пойманное на лету, открывало Щепкину целую новую сторону в характере действующего лица, с которым он до тех пор не мог сладить. Из всего сказанного мною очевидно, что роли Щепкина никогда не лежали без движения, не сдавались в архив, а совершенствовались постепенно и постоянно. Никогда Щепкин не жертвовал истинною игрою для эффекта, для лишних рукоплесканий; никогда не выставлял своей роли на показ, ко вреду играющих с ним актеров, ко вреду цельности и ладу всей пьесы; напро-

тив, он сдерживал свой жар и силу его выражения, если другие лица не могли отвечать ему с такою же силою; чтоб не задавить других лиц в пиесе, он давил себя и охотно жертвовал самолюбием, если характер играемого лица не искажался от таких пожертвований. Все это видели и понимали многие, и надобно признаться, что редко встречается в актерах такое самоотвержение.

Талант Щепкина преимущественно состоит в чувствительности и огне. Оба эти качества составляют основные, необходимые стихии таланта драматического, и я думаю, что в этом отношении драма была по преимуществу призванием Щепкина, но его живость, умная веселость, юмор, его фигура, голос, слишком недостаточный, слабый для ролей драматических (ибо крик не голос), навели его на роли комических стариков – и слава богу! По неудобствам физическим едва ли бы Щепкин мог достигнуть такого высокого достоинства в драме, какого достиг в комедии. Я сказал, что у Щепкина есть умная веселость; но в тех комических ролях, которые не соответствовали этому свойству, чего стоило ему

выражать глупость или простоту на лице необыкновенно умном? Вместо пронизательности и юмора – изображать простодушную, самодовольную веселость? Чего стоило также выработать свое произношение до такой чистоты и ясности, что, несмотря на жидкий, трехнотный голос, шепот Щепкина был слышен во всем Большом Петровском театре? Но всего труднее было ему ладить с своим жаром, с своими чувствами и удерживать их в настоящей мере, в узде; правда, они иногда одолевали его, но с намерением Щепкин никогда не украшал, не расцветчивал ими бесцветного лица в пиесе. Один только раз был я свидетелем, что Щепкин намеренно сыграл целую роль не так, как понимал. Это случилось в 1828 году: давали в первый раз перевод английской комедии «Школа супругов», пьесы очень умной, но растянутой и оттого довольно скучной. Я знал, как понимал и как исполнял свою роль Щепкин. Я видел его на главной репетиции и восхищался, вместе с другими, строгим исполнением характера замечательного, но уже слишком неэффективного. Во время представления, когда сошел уже

первый акт (Щепкин в нем почти не участвовал), принятый публикою с явными признаками скуки, вдруг Щепкин с половины второго акта начал играть с живостью и горячностью, неприличными представляемому лицу; оживленные внезапно его игрой, актеры также подняли тон пьесы, публика выразила свое сочувствие, и комедия была выслушана с удовольствием и одобрением. Когда я вошел к Щепкину в уборную, он встретил меня словами: «Виноват, но я боялся, что зрители заснут от скуки, если досидят до конца пьесы». Именно то и случилось при повторении бенефисного спектакля, в котором Щепкин играл уже свою роль, как требовала неподкупная истина и строгие правила искусства; в третий раз этой комедии уже не играли.

Идя неуклонно путем опыта, труда, ученья, дошел, наконец, Щепкин, еще в полной силе своих средств, до того возможного совершенства, с которым он играл Бота, Досажаева, Транжирина, Богатонова, Арнольфа в «Школе жен» (любимая его роль), Гарпагона, Сганареля, Любского в «Благородном театре» Загоскина и, наконец, Фамусова, Шейлока и Городни-

чего в «Ревизоре». Кроме того, Щепкин перенес на русскую сцену настоящую малороссийскую народность, со всем ее юмором и комизмом. До него мы видели на театре только грубые фарсы, карикатуру на певучую, поэтическую Малороссию, Малороссию, которая дала нам Гоголя! Щепкин потому мог это сделать, что провел детство и молодость свою на Украине, сроднился с ее обычаями и языком. Можно ли забыть Щепкина в «Москале-Чаривнике», в «Наталке-Полтавке»?

В эпоху блистательного торжества, когда Петровский театр, наполненный восхищенными зрителями, дрожал от восторженных рукоплесканий, был в театре один человек, постоянно недовольный Щепкиным; этот человек – был сам Щепкин. Никогда не был собою доволен *взыскательный художник*, ничем неподкупный судья!

В продолжение тридцатидвухлетнего своего служения на московской сцене скольким людям доставил Щепкин сердечное наслаждение и слез и смеха! Кто не плакал от игры его в «Матросе», кто не смеялся в «Ревизоре»?.. Но смех над собой – те же слезы, и равно

благодетельны они душе человека. Из людей, видевших полное развитие таланта Щепкина, уже многих нет на свете; нет именно тех людей, которых верная оценка и нелицеприятный приговор были для Щепкина высшею наградой, с мнением которых соглашалось и общественное мнение.

Из всех художников художник-актер, без сомнения, производит самое сильное, живое впечатление, но зато и самое непрочное. Нет выше наслаждения, нет более утешительного чувства, как двигать тысячи людей одним словом, одним взглядом. Актер, заставляя зрителей одно с ним чувствовать, одному радоваться, одно ненавидеть и об одном скорбеть – вдруг от нескольких тысяч людей слышит голос сочувствия и одобрения, выражаемых громом рукоплесканий!.. Но, увы, мимолетно это впечатление, и если не исчезает в зрителях мгновенно, по возвращении их в мир действительный, то, конечно, слабеет и умирает вместе с ними. Актер не оставляет свидетельства своего таланта, хотя разделяет творчество с драматическим писателем: ни картина, ни статуя, ни слово, увековеченное

печатью, не служат памятником его художественной деятельности, и потому о художнике-актере надобно более писать, чем о художниках другого рода, которые своими созданиями говорят сами о себе даже отдаленному потомству. Да сохранится же по крайней мере благородное имя сценического художника в истории искусства и литературы, да сохранится память уважения к нему признательных современников!

Не благосклонно мирному искусству настоящее грозное время; мрачен наш небосклон; строго испытание... Но всегда время отдавать справедливость заслуге; благодарным быть – всегда время. Если мы признаем за истину, что воспитание, усовершенствование в себе природного дара есть общественная заслуга, то не должны ли мы признать, что Щепкин оказал такую заслугу русскому обществу, преимущественно московскому? Итак, благодарность ему за доставление нам, в продолжение стольких лет, высоких наслаждений, сердечных и умственных! Благодарность за благотворные слезы и благодетельный смех!

1855 года, ноября 18-го, Москва.

Письмо к редактору «Молвы» (1)*

Милостивый государь!

Какая благодетельная фея внушила вам мысль воскресить имя «Молвы»! Я долго не верил своим глазам. Как, опять в Москве будет выходить «Молва», газета, и каждую неделю! Я не знаю, как понравится публике ваше предприятие и будет ли она довольна вашим изданием. Но что мне до этого за дело? Я старик, следовательно немножко эгоист, и потому очень буду рад появлению вашей газеты. Она напомнит мне прошедшее веселое время, жизнь, еще полную жизни, борьбу, удачи и неудачи и многие памятные, дорогие имена. Она напомнит мне и «Колченогого Надоумку», [68] и «Пе-Ща», [69] и битву за Мочалова против Каратыгина, и полемические выходки против издателя «Телеграфа», которыми он так раздражался, что домашние, как было слышно, даже прятали от него легкие листочки «Молвы»... Ну, надобно признаться, что выходки были слишком резки,

слишком грубы, не литературны. Видите, я человек беспристрастный, я говорю правду про свое время, даром что люблю его. Мое время, если хотите, если уж пошло на правду, было несколько, как бы это сказать, не то что поглупее теперешнего... нет, с этим нельзя согласиться; оно было проще, простодушнее, наивнее... Все не то; оно было пустее, вот это правда. Впрочем, мы не виноваты в том, что таково было время. Да, вопросы литературные и жизненные, особенно последние, были гораздо помельче, далеко не так важны, я не спорю, но жить было веселее; мы жили спуская рукава, не оглядываясь на свое прошедшее, не вникая в безнравственность отношений настоящего и не помышляя о будущем.

Впрочем, зачем же все это я говорю вам? Цель моего письма совсем другая. Я хотел только высказать вам мое удовольствие, что будет опять выходить газета «Молва», хотел познакомиться с вами, ее редактором, и попросить у вас местечка для моей стариковской болтовни. Я не имею чести вас знать; но не знаю почему, считаю вас человеком ученым и даже немножко серьезным, как и все

нынешнее молодое поколение; я опасаясь, что моя болтовня о прошедшем покажется вам ничтожною, не интересною для публики. Я понимаю, с одной стороны – вы правы: самое имя вашей газеты требует современности, свежести, животрепещущих интересов настоящего времени; но, милостивый государь, нельзя отделить настоящее от прошедшего китайской стеною ни в литературе, ни в жизни. Много посеяно, может быть и бессознательно, именно в мое время, даже пустило корни, и многое, что теперь цветет и пышно красуется современностью, думая, что оно родилось вчера, – долго лежало в земле, всасывая в себя питательные ее соки; на таком основании я думаю, что и мои простодушные воспоминания, благонамеренные напоминания и откровенные замечания могут иметь место в вашей газете и могут найти себе благосклонных читателей. Мир велик, вкусы различны; найдутся и на мою долю добрые люди, которым мои статейки придутся по вкусу.

В заключение позвольте дать вам совет как человеку неопытному в журнальном деле: будьте серьезны, учены, резки, несправед-

ливы, сколько вам угодно; но не будьте темны, бесцветны и скучны; последнего не простят вам читатели, то есть не будут вас читать. По секрету скажу вам, что журналы наши нередко страдают болезнью темноты и скуки. – Вы никогда от меня не узнаете моего имени; если же узнаете от других или догадаетесь сами, то я надеюсь, никогда не назовете меня; это было б крайне неучтиво. Уважьте прихоть старика, напечатайте мое письмо в 1-м номере вашей газеты.

«Три открытия в естественной истории пчелы»*

К. *Ф. Рулье, Москва, в типографии Каткова и К^о, 1857 года*

Эта брошюра, состоящая из пятидесяти семи страниц, заслуживает полного внимания не только ученых, но и всех любознательных людей. Даровитость г-на профессора Рулье, с полным сочувствием и благодарностью давно оцененная его слушателями, давно известна всей образованной публике. Письменная его речь отличается живостью, точностью, мет-

костью выражений и простотою. Изустная его речь, по общему признанию, еще лучше; то есть лучше тем, что сильнее действует на слушателей, чем письменная на читателей, хотя, без сомнения, профессор правильнее, отчетливее пишет, чем говорит. Живая импровизация, восполняемая личностью и одушевлением говорящего, никогда не может быть перенесена на бумагу. Профессор Рулье принадлежит к числу тех немногих профессоров, которых слушают не по обязанности и которых лекции никогда не забываются. Мы имели случай не один раз убедиться в том. Тут дело идет уже не об одной науке, не о числе и тонкости волокон и перепонок, жизненных орудий насекомого, открываемых только посредством микроскопа, – тут слышится и чувствуется нечто важнейшее: поэзия природы, вечная мудрость, высокое наслаждение в уразумении ее законов! Брошюра, о которой мы говорим, служит убедительным доказательством последних наших слов. Ее содержание, скажут, неудобно, неприлично для изложения, хотя в науке все удобно, все прилично и все чисто. Всякий, кто прочтет эту брошюру,

вероятно, согласится с нами; мы с жадностью и наслаждением прочли ее. Кроме удовлетворения любознательности, «Три открытия в естественной истории пчелы», одной из любопытнейших и полезнейших тварей божьего мира, произвели на нас два впечатления: глубокое благоговение к тому безграничному предвиденью, к той высшей экономии, с которою создано все в природе, и благодарность к благородным деятелям на поприще науки.

Москва.

1857 года, апреля 14-го.

Письмо к редактору «Молвы» (2)*

В первом моем письме я просил у вас местечка в «Молве» для помещения моей стариковской болтовни. Вы довольно неучтиво промолчали. Вам бы следовало сказать: «Милости просим!» – Ну, да я на это не смотрю. Я прикрываюсь известной поговоркой, что молчание есть знак согласия – и пишу к вам второе письмо.

Итак, ожила «Молва»! Вот уже три номера, каждый в полтора листа, да еще с *прибавлением* (гораздо более, чем вы обещали), лежат на столе передо мною. Я люблю вашу газету, как любовался бы старой приятельницей, воротившейся после долгого отсутствия, и с тревожным любопытством смотрю, как она переменялась и стала серьезна. Не скрою от вас, что настоящая «Молва» не совсем похожа на мой идеал. Я понимаю идеал современный: я не такой старик, который бы пожелал схождения настоящего с прошедшим. Я люблю правду и соглашусь, если мне возразят, что, может быть, мой идеал не понравится большинству публики. Время – деспот, и я признаю его пра-

ва. Но позвольте, однако, вам заметить, что у вас в «Молве» – мало молвы; а мало ли ее ходит по Москве? Уверяю вас, что найдется много читателей, которые будут вам благодарны за скорое сообщение живых известий о том, что думает, о чем говорит, в чем принимает участие образованное общество. Предоставляя вам самим позаботиться о молве для вашей «Молвы», хочу поговорить о действительном литературном событии.

В Петербурге скоро выйдет полное собрание сочинений Гоголя, со включением его огромной переписки, составляющей два больших тома. Письма Гоголя любопытны и поучительны в высшей степени. Можно надеяться, что русская публика, прочитав их, составит себе верное и определенное понятие о Гоголе как о человеке; убедится в искренности его стремлений, в горячей любви к людям и в полном самоотвержении для общего блага. Все его человеческие ошибки и уклонения – драгоценное наследие человечеству. Вот где заключается его полная биография! Едва ли какой-нибудь из великих писателей писал столько писем, как Гоголь. В его жизни

был период, очень долгий, когда он не мог продолжать своего гениального труда, то есть «Мертвых душ», и вся его внутренняя умственная и душевная деятельность находила себе выражение в письмах. Собрание их не полно. Многого нельзя было получить, и еще менее можно было напечатать. Труд издания взял на себя соплеменник Гоголя, известный своею деятельностью, точностью и знанием дела, г. Кулиш. Многие, видевшие образцовые листы нового издания, говорят, что оно так хорошо, так исправно и отчетисто, как не издают книг в России.

1857 г. Апрель 29.

Москва.

<О романе Ю. Жадовской «В стороне от большого света»>*

В «Русском вестнике» напечатан небольшой роман, или повесть, или рассказ о жизни деревенской девушки до замужества, под названием «В стороне от большого света», сочинения Юлии Жадовской, вероятно той самой, которой стихи, всегда с сочувствием и удовольствием, мы встречаем в наших журналах. Новое сочинение г-жи Жадовской принадлежит к роду так называемых мемуаров, или воспоминаний. Мы спешим радушно приветствовать сочинительницу на новом поприще, спешим высказать впечатления, которые произвело на нас чтение этого рассказа. В нем нет ничего блестящего, глубокого и сильно действующего на читателя; но есть много простоты, много правды и неподдельного чувства; а это такие достоинства, которые не часто встречаются в произведениях нашей беллетристики. Содержание ничего не имеет в себе особенного, да и нет в том никакой надобности. Жизнь всегда интересна. Г-жа Жадовская рассказывает то, что видела,

что пережила, что переживала. Язык у ней везде хорош, а в некоторых местах, несмотря на свою простоту, делается выразителен и живописен. Достоинство рассказа не везде одинаково. Он слабеет там, где сочинительница менее сочувствует обстоятельствам, которые описывает. Она не владеет еще искусством придавать пошлым мелочам интерес художественного представления. Но все соприкосновения с деревенским бытом, с природою, даже с зимнею безотрадною природою, переданы прекрасно. Особенно хороши ожидания и встреча пасхи, свадьба героини романа и окончание рассказа – эти места имеют художественное достоинство. Некоторые женские личности очерчены очень удачно и всех лучше тетка – благодетельница сироты; но таинственный Тарханов и магнетический Данаров не похожи на действительных людей, это не живые лица; черты их неопределенны, неясны и загадочны. Вероятно, сочинительница не выдумала их и по каким-нибудь причинам не хотела обрисовать точнее, не хотела, чтоб узнали их. Если ж она думала придать им более интереса загадочно-

стью их физиономий, то это большая ошибка: что не ясно для понимания, то не возбуждает сочувствия. Мы написали не разбор, а короткий отзыв о новом сочинении г-жи Жадовской, которое, по своей замечательности, имеет полное право на подробную критическую оценку.

Избранные стихотворения*

Три канарейки*

(Басня)

*Какой-то птицами купчишка
торговал,
Ловил их, продавал
И от того барыш немалый полу-
чал.
Различны у него сидели в клетках
птички:
Скворцы и соловьи, щеглята и си-
нички.
Меж множества других,
Богатых и больших,
Клетчонка старая висела
И чуть-чуть клетки вид имела:
Сидели хворые три канарейки в
ней.
Ну жалко посмотреть на сих бед-
няжек было;
Сидели завсегда нахохлившись
уныло:
Быть может, что тоска по роди-
не своей,
Воспоминание о том прекрасном*

поле,
Летали где они, резвились где по
воле,
Где знали лишь веселия одне
(На родине житье и самое худое
Приятней, чем в чужой, богатой
стороне);
Иль может что другое
Причиною болезни было их,
Но дело только в том, что трех
бедняжек сих
Хозяин бросил без призренья,
Не думав, чтоб могли оправиться
они;
Едва кормили их, и то из сожаленья,
И часто голодом сидели многи
дни.
Но нежно дружество, чертогов
убегая,
А чаще шалаши смиренны посе-
щая,
Пришло на помощь к ним
И в тесной клетке их тесней со-
единило.
Несчастье общее союз сей утвер-
дило,
Они отраду в нем нашли бедам

своим!
И самый малый корм, который
получали,
Промеж себя всегда охотно разде-
ляли
И были веселы, хотя и голодали!
Но осень уж пришла; повеял зим-
ний хлад,
А птичкам нет отрад:
Бедняжки крыльями друг другу
укрывали
И дружбою себя едва обогревали.
Недели две спустя охотник их ку-
пил,
И, кажется, всего рублевик запла-
тил.
Вот наших птичек взяли,
В карете повезли домой,
В просторной клетке им уют
спокойный дали,
И корму поскорей, и баночку с во-
дой.
Бедняжки наши удивились,
Ну пить и есть, и есть и пить;
Когда ж понасытились,
То с жаром принялись судьбу бла-
годарить.
Сперва по-прежнему дни три-че-

тыре жили,
Согласно вместе пили, ели
И уж поразжирели,
Поправились они;
Потом и ссориться уж стали по-
немножку,
Там больше, и прощай, счастливы
прежни дни!
Одна другую клюнет в ножку,
Уж корму не дает одна другой
Иль с баночки долой толкает;
Хоть баночка воды полна,
Но им мала она.
В просторе тесно стало,
И прежня дружества как будто
не бывало.
И дружбы и любви раздор гони-
тель злой!
Уж на ночь в кучку не теснятся,
А врознь все по углам садятся!
Проходит день, проходит и дру-
гой,
Уж ссорятся сильнее
И щиплются сильнее –
А от побой не станешь ведь жи-
реть;
Они ж еще хворали,
И так худеть, худеть,

*И в месяц померли, как будто не
живали.*

*Ах! лучше бы в нужде, но в друж-
бе, в мире жить,
Чем в счастья раздор и после
смерть найтить!
Вот так-то завсегда и меж лю-
дей бывает;
Несчастье их соединяет,
А счастье разделяет.*

А. И. Казначееву*

*Ах, сколь ошиблись мы с тобой,
любезный друг,
Сколь тщетною мечтою наш
утешался дух!
Мы мнили, что сия ужасная годи-
на
Не только будет зла, но и добра
причина;
Что разорение, пожары и грабеж,
Врагов неистовство, коварство,
злоба, ложь,
Собратий наших смерть, страны
опустошенье
К французам поселят навеки от-*

вращенье;
Что поруганье дев, убийство жен,
детей,
Развалины градов и пепл святых
церквей
Меж нами положить должны
преграду вечну;
Что будем ненависть питать к
ним бесконечну
За мысль одну: народ российский
низложить!
За мысль, что будет росс под-
властным галлу жить!..
Я мнил, что зарево пылающей
столицы
Осветит, наконец, злодеев мрач-
ны лица;
Что в страшном сем огне при-
страстие сгорит;
Что огонь сей – огонь любви к от-
чизне воспалит;
Что мы, сразив врага и наказав
кичливость,
Окажем вместе с тем им долж-
ну справедливость;
Познаем, что спаслись мы благо-
стью небес,
Прольем раскаянья потоки горь-

ких слез;
Что подражания слепого усты-
димся,
К обычьям, к языку родному обра-
тимся.
Но что ж, увы, но что ж везде
мой видит взор?
И в самом торжестве я вижу
наш позор!
Рукою победа, мы рабствуем ума-
ми,
Клянем французов мы француз-
скими словами.
Толпы сих пленников, грабителей,
убийц,
В Россию вторгшись, как стаи
хищных птиц,
Гораздо более вдыхают сожален-
ья,
Чем росски воины, израненны в
сраженьях!
И сих разбойников – о, стыд пре-
выше сил, –
Во многих я домах друзьями нахо-
дил!
Но что? Детей своих вверяли вос-
питанье
Развратным беглецам, которым

воздаянье

Одно достойно их – на лобном месте казнь!

Вандама ставили за честь себе
приятнь,

Который кровию граждан своих
дымится,

Вандама, коего и Франция стыдится!

А барынь и девиц чувствительны
сердца

(Хотя лишился – кто мужа, кто
отца)

Столь были тронуты французов
злоключеньем,

Что все наперерыв метались с
утешеньем.

Поруганный закон, сожженье городов,

Убийство тысячей, сирот рыданье,
вдов,

Могила свежая Москвы опустошенной,

К спасенью жертвою святой определенной. –

Забыто все. Зови французов к нам
на бал!

Все скачут, все бегут к тому, кто

их позвал!
И вот прелестные российские де-
вицы,
Руками обхватясь, уставя томны
лицы
На разорителей отеческой стра-
ны
(Достойных сих друзей, питомцев
сатаны),
Вертятся вихрями, себя позабы-
вают,
Французов – языком французским
восхищают.
Иль брата, иль отца на ком ды-
мится кровь –
Тот дочке иль сестре болтает
про любовь!..
Там – мужа светлый взор мрак
смертный покрывает,
А здесь – его жена его убийц ласка-
ет...
Но будет, отвратим свой оскорб-
ленный взор
От гнусных тварей сих, россиянок
позор;
Благодаря судьбам, избавимся мы
пленных,
Забудем сих невежд, развратни-

ков презренных!
Нам должно б их язык изгнать,
забыть навек.
Кто им не говорит у нас – не че-
ловек,
В отличных обществах того не
принимают,
Будь знающ и умен – невеждой на-
зывают.
И если кто дерзнет противное
сказать,
Того со всех сторон готовы осме-
ять;
А быть осмеянным для многих
сколь ужасно!
И редкий пустится в столь попри-
ще опасно!..
Мой друг, терпение!.. Вот наш с
тобой удел.
Знать, время язве сей положит
лишь предел.
А мы свою печаль сожмем в серд-
цах унылых,
Доколь сносить, молчать еще мы
будем в силах...

М^{осква.}
Сентябрь, 1814.

Песнь пира*

*Вслед один другому
Быстро дни летят;
К берегу так морскому
Ветры – волны мчат.*

*Младость пролетает,
Как веселый час;
Старость догоняет
Скорым шагом нас.*

*Истощим утехи,
Пресытимся всем;
Радость, игры, смехи,
Множьтесь с каждым днем.*

*Насладившись мира,
Так с него уйдем,
Как с роскошна пира,
И потом – заснем.*

«За престолы в мире...»*

За престолы в мире
Пусть льют бранну кровь;
Я на тихой лире
Буду петь любовь.
Не любя на свете,
Лучше умереть.
Есть ли что в нас злее
Друг друга губить,
Есть ли что милее
Пламенно любить.
Не любя на свете,
Лучше умереть.
В юности ль прелестной
Должно тигром быть?
Нет! Творец небесный
Создал нас любить.
Не любя на свете,
Лучше умереть.
Сладких восхищений,
Счастья богов,
Райских наслаждений
Ты творец – любовь.
Не любя на свете,
Лучше умереть.

«Юных лет моих желанье...»*

*Юных лет моих желанье
В летах зрелых не сбылось,
Непременное мечтанье
Как мгновенье пронеслось.*

*Я мечтал, что с другом нежным
Буду время проводить;
Буду в горе неизбежном
Сердце с ним мое делить.*

*Я мечтал в любви страстной
Чашу восхищений пить
И с подругою прекрасной
Небо в зависть приводить.*

«Вот родина моя...»*

Вот родина моя... Вот дикие пустыни!..

*Вот благодарная оратаю земля!
Дубовые леса, и злачные долины,
И тучной жатвою покрытые поля!*

*Вот горы, до небес чело свое взносящи,
Младые отрасли Рифейских древних гор,
И реки, с пеною меж пропастей летящи,
Разливом по лугам пленяющие взор!*

*Вот окруженные башкирцев кочевьями
Озера светлые, бездонны глубиной,
И кони резвые, несчетны табунами
В них смотрятся с холмов, любуются собой!..*

Приветствую тебя, страна благословенна!
Страна обилия и всех земных богатств!
Не вечно будешь ты в презрении забвенна,
Не вечно для одних служить ты будешь паств.

Послание к кн. Вяземскому*

Перед судом ума сколь, Вяземский, смешон,
Кто, самолюбием, пристрастьем увлечен,
Век раболепствуя с слепым благоговеньем,
Считает критику ужасным преступленьем
И хочет, всем назло, чтоб весь подлунный мир
За бога принимал им славимый кумир!
Благодаря судьбе, едва ль возможно ныне
Всех мысли покорить военной дисциплине!—
Я чту в словесности, что мой рас-

судок читит.

Пускай меня Омар и рубит и казнит;

Пускай он всем кричит, что «тот уж согрешает

И окаянствует, кто смело рассуждает».

Неправда ль, Вяземский, как будет он смешон,

В словесность к нам вводя магометан закон?

Священный Весты огонь не оскорблю сравнением

Сего фанатика с безумным ослеплением.

И что за странна мысль не прикасаться ввек

К тому, что написал и славный человек?

И как же истины лучами озаримся,

Когда поклонников хвалами ослепимся?

Наш славный Дмитриев сказал, что «часто им

Печатный каждый лист быть кажется святым!»

Так неужели нам, их следуя при-

меру,
К всему печатному иметь слепую
веру?..
Ты скажешь, Вяземский, и согла-
шусь я в том:
«Пристрастие, вода защитника
пером,
Наносит вред тому, кого он защи-
щает,
Что лавров красота от лести по-
меркает!
Ответ ли на разбор – сатиры лич-
ной зло,
Хоть стрелы б увивал цветами Бу-
ало?..
Лишь может истина разрушить
ослепленье,
Лишь доказательства рождают
убежденье».
Так, Вяземский, ты прав: презри-
телен Зоил,
Который не разбор, а пасквиль со-
чинил
И, испестрив его весь низкими
словами,
Стал точно наряду с поденными
вралями!
О, как легко бранить, потом пе-

чатать брань
И собирать хвалы, как будто
должну дань!
Легко быть славиму недельными
листами,
Быв знаменитыми издателей дру-
зьями;
Нетрудно, братскою толпой со-
единясь,
Через рукопашный бой взять при-
ступом Парнас,
Ввести самовластие в республике
словесной,
Из видов лишь хвалить – хвалой
для всех бесчестной,
Друг друга заживо бессмертием
дарить
И, ах! недолго жив, бессмертье пе-
режить;
Но кратковременно сих хищников
правленье!
Исчезнет слепота – и кончится
терпенье:
Тогда восстанет все на дерзких
храбрецов,
И не помогут им запасы бранных
слов;
Им будут мстить за то, что

долго их сносили
И равнодушными к суду при-
страстну были.
Шумиху с золотом потомство
различит
И время слов набор, как звук пу-
стой, промчит;
Ни связи, ни родство, ни дружески
обеда,
Взаимною хвалой гремящие бесе-
ды
Не могут проложить к бессмер-
тию следа:
Суд современных лжив; потом-
ков – никогда!

Москва.

Элегия в новом вкусе*

Nugae sanonae...

Horat[70]

Молчит угрюмый бор... луч солнца догорает...

Бродящий ветерок в листочках умирает...

С безбрежной высоты

Прохлада снизошла на лоне темноты,

*И ночь таинственным покровом
Как тучей облекла природы наготу;*

И запад потухал... с мерцанием багровым

Безоблачных небес сливая красоту.

Молчанье мертвое настало,

И тишина на ветвях возлегла.

И ночи божество дремотой оковало

Природу всю – людей, и мысли, и дела.

Как бы окаменев, древ гибкие вершины

Нахмурившись стоят,
И вечно трепетной осины
Листочки, опустясь, недвижимо
висят.
Река в родных берегах неслышима
катится,
Как будто жизни нет в живых ее
струях...
Невидимая тень на дне ее ложит-
ся,
Повсюду бродит тайно страх.
С душой отцветшею для милых
наслаждений
Как странник сирота – с улыбкой
незнаком –
И жизни молодой крылатых обо-
льщений
Утративши зарю... унынием вле-
ком,
Иду бестрепетно под сосен мрач-
ны своды
И там беседую с приветною тос-
кой
Слезой тяжелою (один сей дар
природы
Не похищен людей безжалостной
рукой),
Слезой тяжелою грудь скорбну

омывая;
Воспоминания о бывшем пробуж-
дая,
Лечу в туманну даль, мечтами
окрылен...
О сердце радости!.. погибши без-
возвратно,
Почто так рано вас лишен?..
Почто ты было так превратно,
О счастье моих весенних дней?..
Едва блеснуло... и сокрылось!..
Погас мгновенный блеск лучей
И солнце радостей навеки закати-
лось!..
Стеснилась грудь моя... и вдруг
как будто сном
Или оцепененьем
Невидимый одел меня крылом.
И внял я тайный глас с безвест-
ным мне веленьем:
«О странник! – он вещал, – вос-
прянь и ободрись!
О благах временных ты не кру-
шись тоскою!
Там, выше твой удел!.. Туда, туда
стремись!
Там обновись ты душою!..
Там вкусишь плод добра из бед!..

Из мрака будет свет!..»
И он умолк... неспавшие открыл я
вежды.
Душа присутствием небесного
полна...
На ней сиял луч кроткия надеж-
ды...
Возрел – окрест меня страна
озарена,
Бор черный – побледнел... и плава-
ла луна
Над мной – и подо мною,
И все вокруг – повторено ковар-
ною рекою.
Познал я сладость слез: незримый
спутник мой,
Благое провиденье!
Прости младенца дерзновенье,
Посмевшегося роптать на тайный
промысл твой...

15 *Апреля.*

Уральский казак*

(Истинное происшествие)

*Настала священная брань на врагов
И в битву помчала Урала сынов.*

*Один из казаков, наездник лихой,
Лишь год один живши с женой молодой,*

*Любя ее страстно и страстно любим,
Был должен расстаться с блаженством своим.*

*Прощаясь с женою, сказал: «Будь верна!»
«Верна до могилы!» – сказала она.*

*Три года за родину бился с врагом,
Разил супостатов копьем и мечом.*

*Бесстрашный наездник всегда впереди,
Свидетели – раны, и все на груди.*

Окончились битвы; он едет до-
мой,
Все страстный, все верный жене
молодой.

Уже достигают Урала берегов
И видят навстречу идущих отцов.

Казак наш объемлет отца своего;
Но в тайной печали он видит его.

«Поведай, родимый, поведай ты
мне
Об матери милой, об милой же-
не».

Старик отвечает: «Здорова се-
мья;
Но, сын мой, случилась беда у те-
бя:

Тебе изменила младая жена;
Зато от печали иссохла она.

Раскаянье видя, простили мы ей;
Прости ее, сын мой: мы просим об
ней!»

Ни слова ответа! Идет он с от-
цом,
И вот уже входят в родительский
дом.

Упала на грудь его мать в сле-
зах,
Жена молодая лежала в ногах.

Он мать обнимает; иконам свя-
тым,
Как быть, помолился с поклоном
земным.

Вдруг сабля взвилась могучей ру-
кой...
Глава покатилаь жены молодой!

Безмолвно он голову тихо берет,
Безмолвно к народу на площадь
идет.

Свое преступленье он всем объ-
явил,
И требовал казни, и казнь полу-
чил.

Послание к Васькову*

*Ты прав, любезный Васьков мой,
Чувствительность есть дар
несчастный.*

*Я прежде споривал с тобой,
Но в ведро ль видеть день ненаст-
ный.*

*Когда лелеет счастье нас,
То сильно чувствовать приятно,
Но горести в ужасный час
Холодным лучше быть стократ-
но!*

Роза и пчела*

(Басня)

*В саду, цветами испещренном,
В густой траве, в углу уединен-
ном*

*Прелестная из роз цвела;
Цвела спокойно, но – довольна не
была!*

Кто завистью не болен?

Кто участью своей доволен?

Она цвела в глуши; но что ж в

глуши цвести?
Легко ль красавице снести?
Никто ее не видит и не хвалит;
И роза всех подруг себя несчаст-
ней ставит,
Которые в красивых цветниках
У всех в глазах
Цвели, благоухали,
Всех взоры, похвалы невольно при-
влекали.
«Что может быть печальнее то-
го?
Невидима никем, не видя никого,
В неизвестности живу, и в скуке
умираю,
И тщетно всякий день на жребий
свой пеняю», –
Роптала роза так. Услыша речь
сию,
Сказала ей пчела: «Напрасно ты
вздыхаешь,
Винишь судьбу свою;
Ты счастливее их, на опыте узна-
ешь».
Что ж? так и сделалось! Все розы
в цветниках
За то, что были на глазах,
Все скорой смертью заплатили.

Тех солнечных лучи спалили,
Те пострадали от гостей,
Которые в жестокости своей
Уродовали их – хоть ими любова-
лись:

Один сорвет цветок,
Другой изломит стебелек,
А третий изомнет листок –
И, словом, розы те, которые
остались,
Такой имели жалкий, скучный
вид,
Что всякий уж на них с холодно-
стью глядит,
А наша розочка, в углу уединен-
ном,
Древ тенью осененном,
Росой до полдня освеженном,
Была любимицей и резвых мо-
тыльков
И легких ветерков;
Они и день и ночь ее не оставляли,
От зноя в полдень прохлаждали,
А ночью на ее листочках отдыха-
ли.
Так долго, долго жизнь вела,
Спокойна, весела и счастлива бы-
ла

Затем, что в уголку незнаема
цвела.

8-я сатира Буало «На человека»*

<I>

Из тварей всех, в земле и на земле
живущих,
И зрячих и слепых, безгласных и
поющих,
Которые ползут и ходят на но-
гах,
Летают в воздухе и плавают в во-
дах,
От Лимы до Москвы, от Темзы до
Терека –
Нет твари ни одной глупее чело-
века.
«Как, – спросят вдруг меня, – чер-
вяк, и муравей,
И насекомое, чуть зримо для
очей,
Едва ль живущее, – умнее челове-
ка?»
Так точно. Разве ум зависит наш
от века?
Я вижу, изумлен, смущен, профес-
сор мой,

Качаешь ты своей ученой головой.
«В природе человек верховный по-
велитель, –
Ты говоришь, – весь мир его стра-
стям служителю.
Ему леса, луга, и горы, и моря,
И все животные в нем признают
царя,
И разум свыше дан ему лишь в до-
стоянье».
Профессор мой, ты прав: рассуд-
ком обладанье
Единый человек стяжал в природе
всей,
И потому-то он из тварей всех
глупей.
«Такие выходки в сатире лишь го-
дятся
И могут рассмешить, кто хочет
рассмеяться, –
Ты говоришь, – но мне их должно
доказать,
Взойди на кафедру, изволь мне от-
вечать».
Что мудрость! – власть ума над
чувствами, страстями,
Спокойствие души, испытанной
бедами,

Неизменяемость чувств, мыслей,
правил, дел.

Кто ж менее людей сей дар бла-
гий имел?

Все лето муравей проводит за
трудами,

Наполнить закром свой старает-
ся плодами:

Когда ж дохнет борея, повеет
зимний хлад,

Спокойный муравей запасами бо-
гат,

Смеется под землей метелей
зимних вою

И ест, что собрано им летнею по-
рою.

Видал ли муравья, скажи, профес-
сор мой,

Весной ленивого, прилежного – зи-
мой?

А человек? Сие разумное творенье
Когда о будущем имеет попече-
нье?

В дни лета красного свой не ис-
правя кров,

Не он ли, голоден, зимой дрожит
без дров?

И в мыслях, и в делах, и в чув-

ствах до могилы
Непостоянен он, как ветер легко-
крылый!
Его рассудок – раб, игралище
страстей,
Бессилен вырваться из чувствен-
ных сетей;
А сердце слабое – челнок на океане
Средь бурь, без кормчего, сомне-
ния в тумане.
Он вмиг и добр и зол, и весел и сер-
дит;
Что хвалит поутру, то к вечеру
бранит:
Как мотылек летит с цветка к
другому цветку,
Кружится человек, меняя цель, по
свету.
В желаниях отчет не может
дать себе
И – за худой успех пеняет злой
судьбе.
«Как? мне? сковать мой век су-
пружества цепями
С кокеткой, женщиной? стать
наряду с глупцами?
Быть притчей в обществе, на-
смешкам жертвой злым?» –

Так говорил наш граф приятелям
своим;
Но месяц не прошел, и вот уж две
недели,
Как брачное ярмо на хвосту на-
дели.
Примерным мужем став, уверен
всей душой,
Что обладает он вернейшею же-
ной,
Что, к удивлению всего земного
круга!..
Родилась для него примерная су-
пруга.

Таков-то человек: не верен он себе,
Сегодня лучший друг, а завтра –
враг тебе;
Переменяет мысль, желания по
моде,
И плачет, и поет, и пляшет – по
погоде.
Что легкомыслен он и ветрен,
знаешь сам;
Он предан собственным обманчи-
вым мечтам,
Ты знаешь, и – зовешь его царем
творенья!

Но кто ж, ты говоришь, имеет в том сомнение?

Я сомневаюсь, да! и льщусь вам доказать:

Извольте выслушать. Не станем разбирать:

Когда бы ты в лесу с медведем повстречался,

Который бы из вас скорее испугался

И по указам ли нубийских пастухов

Терзают Ливию стада барканских львов?

А спросим – этот царь над тварию земною,

Сколь многих он владык имеет над собою?

Гнев, скупость и любовь, тщеславие и страх

Содержат ум его, как узника в цепях!

Едва покойный сон глаза его смыкает,

Как скупость говорит: – Вставай, уже светает, –

Оставь меня. – Вставай! Пора, собирайся в путь. –

Хоть час один... – Нет, нет, готов в минуту будь. –

Помилуй, да куда? – В Ямайку плыть за ромом,

Потом в Японию за амброй и фарфором. –

К чему богатства мне? Я потерял им счет. –

Глупец! богатства кто излишними зовет?

Приобретая их, и знать не должно меры,

Ни жизни не щадить, ни совести, ни веры:

На голых спать досках, почти не есть, не пить,

За денежку себя позволить удавить. –

Но для чего, скажи, такое сбережение?–

Не знаешь? Для того, чтоб все твое именье.

На диво промотал наследник пышный твой

И занял бы столиц внимание собой... –

Что делать? – Плыть скорей, матросы уж готовы...

Все скажут: человек один из всех
скотов
Живет средь общества обширных
городов;
Он ввел приличия, полезные обря-
ды,
Любезность нравов, вкус, весело-
сти, наряды;
Поставил над собой законы и ца-
рей,
Завел полицию, судилища, судей...
Конечно, нет в лесах полиции
устава,
И неизвестна там судебная рас-
права;
Для дел бессовестных – нет со-
вестных судов,
Лисиц-секретарей, исправни-
ков-волков;
Не размежеваны бесспорные вла-
денья,
Нет межевых контор запуты-
вать именья;
Не ездит земский суд с указом на
разбой,
Чтоб собственность отнять за-
конною рукой.

Нет формы и суда, и нет формальных споров;
Нет исков, нет тюрьмы, нет стряпчих, прокуроров;
Нет департаментов ни горных, ни лесных,
Приказной саранчи не слыхано у них;
Невинных барышей – нет и по винной части,

.....
Но между зайцами видал ли кто воров?
Но волки грабят ли когда-нибудь волков?
Бывало ль, замыслов своих для исполненья
Другими жертвуя – себя для вышенья,
Чтоб тигр Гиркании крамолой возмущал,
Чтобы медведь когда с медведем воевал?
И лев противу льва, отец противу сына
Сражался ли когда за выбор властелина?
И лютый зверь свой вид в другом

животном чтит
И ярость, зря себе подобного, сми-
рит!
Как братья твари все живут
между собою;
Ни злата, ни честей не мучатся
алчбою,
Ни гнусной завистью; у них нет
тяжеб, ссор;
Друг друга не теснят, и всякому
простор;
А мы? за горсть травы – проше-
нье исковое;
Безделки стоит вещь, а мы запла-
тим втрое.
Да что – к безделке сей придрав-
шись, наконец
Отнимут, чем владел и дед твой
и отец.
Кто нажил взятками кровавое
именье,
Тот в славе, в почестях и у людей
в почтенье;
Служить – уж значит красть; а
кто не мыслит так –
По мненью общему, конечно, тот
дурак;
А мы, разумные, в неистовстве

разврата
Щадим ли ближнего, иль друга,
или брата?
Пороки гнусные себе мы ставим в
честь.
Тот славится, что мог он много
пить и есть;
Тот картами своих друзей был ра-
зоритель;
Тот честных жен, девиц счастли-
вый обольстителъ;
А этот дуэлист, славнее всех дру-
гих:
На поединках он зарезал семерых;
Но мало! человек с чертовским
ухищреньем
Не занят ли всегда подобным ис-
требленьем?
Он порох изобрел, железо изост-
рил;
Вдруг тысячи губить науку со-
творил.

«Потише, говоришь, к чему так
горячиться?
Имеем страсти мы, в том вся-
кий согласится,

Подобно иногда волнению морей;
Но добродетели малейшие людей
Вознаграждают их все слабости,
пороки.

Скажи: не их ли ум и смелый и вы-
сокий

Измерил небеса, нашел пути пла-
нет,

На утлом челноке кругом объе-
хал свет,

Обширным знанием объемля и пу-
чины,

Проник природы ход, явления, при-
чины?

Ужели мы и сим не превзошли
скотов?

Цветут ли, как у нас, в глуши
твоих лесов

И академии и университеты,
И выпускают ли ученых факуль-
теты

Поэтов, химиков, юристов, док-
торов?»

Нет, доктор ни один не отравлял
лесов

Своей убийственной и дерзкою на-
укой,

И без болезней жизнь зверей – то-

му порукой:
Не мучатся они над путаницей
прав;
Природы таинства, природы не
познав,
Проникнуть не хотят; и в гордо-
сти свободной
Не селятся они забыть язык при-
родной.
Пустыми бреднями, набором
пышных слов
Не затмевается врожденный
свет умов...
Но это в сторону. Оставляя древних
мненья,
Что наши знания едва ль не за-
блужденья,
Я сам спрошу тебя: в наш просве-
щенный век
Где ж по учености ценится чело-
век?..
«Когда желаешь быть в больших
чинах, в почтенье
(Родитель говорит сынку нраво-
ученье,
Который выходит из детских на-
чал лет),
Последуй мне во всем, прими ты

мой совет.

Во-первых: книги брось и школьное ученье;

Науки суший вздор, знай только умноженье;

В нем заключается премудрость всех наук.

Спеши не торопясь, всего не можно вдруг;

Но всякий день и час – приобретать старайся.

Бессильного – дави, пред сильным – пресмыкайся.

На помощь призови: обманы, подлость, ложь,

Прижимки, воровство, подлоги и грабеж.

Богатство наживать – все средства благородны.

Честные бедняки к чему на свете годны?

Поверь, мой сын, когда ты будешь богачом,

Толпою набегут ученые в твой дом,

Хоть не бывали ввек они с тобой знакомы:

Артисты, физики, поэты, астро-

номы
Превознесут тебя напыщенной
хвалой
И к Цезарю причтут ближайшею
родней.
Тебе припишутся огромные тво-
ренья;
Ты будешь фаросом наук и просве-
щенья!
Знаток изящного, хоть сам тому
не рад,
И грамоте не зная, ты будешь Ме-
ценат!
Богач имеет все: познания, свобо-
ду,
Чины, любезность, ум, достоин-
ства, породу;
Он знатными – почтен, прелест-
ными – любим;
Честь строгая – как воск раста-
ет перед ним;
Свет полон для него друзьями и
родными –
Все отпирается ключами золо-
тыми.
Богатство – дурноте даст пре-
лесть красоты,
А бедность – красоте ужасные

черты!..»
Вот так-то облечен родитель-
скою властью,
Сыночку батюшка путь открыва-
ет к счастью,
Которого всегда скорей достиг-
нет тот,
Кто пальцам на руках едва ли
знает счет!
Итак, трудись теперь, профессор
мой почтенный!
Копти над книгами, и день и ночь
согбенный,
Пролей на знания людские новый
свет,
Пиши творения высокие, поэт,
И жди – чтоб мелочей какой-ни-
будь издатель,
Любимцев публики бессовестный
ласкатель,
Который разумеет язык недавно
стал –
Подкупленным пером тебя везде
марал;
Конечно, для него довольно и пре-
зренья...
Холодность публики – вот ка-
мень преткновенья,

Вот бич учености, талантов и
трудов!
Положим, перенести ты и его го-
тов:
Переплетя свои творения сафья-
ном,
С поклоном явишься пред счаст-
ливым болваном,
Который, на тебя с презреньем
посмотря,
Движеньем головы едва благода-
ря
И даже ласковым не удостоит сло-
вом,
Заговорит с другим – о балансере
новом...
Вот тут-то в бешенство придет
нрав тихий твой,
И согласишься ты на мой совет
благой,
Хоть будет он тогда немного и
не в пору:
Проститься с музами и сесть
скорей в контору
К банкиру иль к кому из знат-
ных...

.....

Осел, не к пению природой сотворенный,
Определению покорствуется смиренно
И диким голосом не гонит из лесов
Прелестныя весны пленительных певцов.
Осел без разума, а действует, как должно;
Мы им озарены и вечно судим ложно;
Противу склонностей природных восстаем,
И потому успеть не можем мы ни в чем;
В поступках наших нет ни цели, ни причины:
Иль глупо искренни, иль носим век личины;
Иль хвалим без ума, иль без толку браним;
Сегодня выстроим, а завтра разорим.
Лев, тигр или медведь, хотя без просвещенья,
Страшатся ль собственной мечты воображенья?

Имеют ли в году несчастливые
дни,
Числа тринадцати боятся ли
они?
От встреч дурных не ждут
несчастливого успеха,
И понедельник им в делах их не
помеха;
Видал ли кто в лесах, чтоб полу-
сгнивший пенъ,
Колени преклоня, боготворил
олень,
Когда кто из зверей как бога обо-
жал
Обтесанный болван иль сплавлен-
ный металл?
А мы каких скотов в числе богов
не чтили?
Мы кошек, обезьян, быков бого-
творили.
Народы славные на нильских бере-
гах
Пред крокодилами не падали ль во
прах?
«К чему, – ты скажешь мне, –
столь гнусные примеры?
Лжебоги египтян, постыдные их
веры?»

Ты хочешь доказать набором
дерзких слов,
Что человек глупей бессмыслен-
ных скотов,
Что будто бы осел – профессора
умнее...
Осел, который всех животных уж
глупее,
Которого одно название значит
брань...
Ты можешь рассуждать, бра-
ниться перестань».
Напрасно ты осла так много уни-
жаешь
И имя честное его за брань счи-
таешь;
Хотя смеемся мы большим его
ушам,
Но если б как-нибудь заговорил он
сам?
Смотря на наши все дурачества,
пороки –
Какие бы он мог наговорить уро-
ки!
Когда ж бы заглянул еще в столи-
цу к нам,
Чего б, профессор мой, он не уви-
дел там?

Глядя на пестрые, смешные одея-
нья,
Услыша плач, и смех, и песни, и
рыданья,
И громы музыки, и пенье похорон,
Ученье, и пальбу, и колокольный
звон,
Услыша, как в глаза один другого
хвалят
И третьему его ж – поносит и
бесславят,
Увидя меж купцов не торг, а плу-
товство,
В одежде нищенской обман и во-
ровство,
Увидя скачущих к больным, со
смертью рядом,
Убийц морить людей позволен-
ным обрядом?
За ними же купцы с атласом и
парчой,
И нищие, <и поп>, и мастер гробо-
вой;
Увидя, как ведут к суду воришку –
воры
Выслушивать воров важнейших
приговоры;
Увидя грабежи и частных и квар-

тальных,
Денной разбой в судах, в палатах у
приказных –
Осел от ужаса не мог найти бы
слов.
По справедливости вдруг ставши
мизантропом,
Сказал бы нам, как он говаривал с
Езопом:
«Благодарю творца, что я в числе
скотов!
Божусь, что человек глупее нас,
ослов!»

Послание к брату*

(Об охоте)

Предвестник осени туманной,
Седой зимы суровый сын,
Печальный гость, никем не ждан-
ный,
Губитель красоты долин!
Дохнул мороз – и пожелтели
Одежды рощей и лугов;
Повеял ветер – полетели
Листы увядшие лесов;
Но мы с тобою, брат мой милый,
Мы любим осени приход,

И самый виде ее унылый,
Для нас исполненный красот,
Какую-то имеет сладость!
Не знаю, как ее назвать?..
Она... не веселит, как радость,
Не заставляет горевать,
Она... есть тайна сердца... Полно
Неизъяснимость объяснять;
Без нас любителей довольноно
О тайнах сердца толковать!..

* * *

Охота, милый друг, охота
Зовет нас прелестью своей
В леса поблекшие, в болота,
На серебристый пух степей.
Уж гуси, журавли стадами
Летают в хлебные поля;
Бесчисленных станиц рядами
Покрыта кажется земля.
И вот поднимаются, как тучи,
Плывут к обширным озерам,
Их криком стонет берег зыбучий...
И как он слышен по зарям!
Пруда заливы уток полны;
Одев живой их пеленой,
Они вздымаются, как волны,
Под ними скрытою волной.

Вертятся стаи курахтанов,
Пролетных разных куличков;
Среди осенних лишь туманов
Мы видим их вокруг прудов.
Бекас и гаршнеп, разжиревши,
Забыли быстрый свой полет
И, к кочкам в камышах присевши,
Таятся плотно средь болот.
Товарищ их, летать ленивый,
Погоныш, вечный скороход,
С болотной курицей красивой
В корнях кустов, в топях живет.
Но дупель, вальдшнеп – честь и
слава,
Один – болот, другой – лесов,
Искусных егерей забава,
Предмет охотничьих трудов –
Переменили на отлете
Житья всегдашнего места;
Уж дупель в поле, не в болоте,
А вальдшнеп пересел в куста.
Перепела с коростелями,
Как будто обернувшись в жир,
Под травянистыми межами
Себе находят сытный пир.
Собравшись стрепета стадами,
По дням таятся в залежах,
А в ночь свистящими рядами

Летят гостить на озимях.
По ковылю степей волнистых
Станицы бродят тудаков
Иль роются в местах нечистых
Башкирских старых кочевьев.
Расправив черные косицы,
Глухарь по утренним зарям, –
Нет осторожнее сей птицы, –
Садится сосен по верхам.
И, наконец, друг неизменный,
Стрельбы добыча круглый год,
Наш тетерев простой, почтен-
ный,
Собравшись в стаи, нас зовет.
Черкнет заря – и как охотно
Валят на хлеб со всех сторон,
Насытились – и беззаботно
На ветвях дремлют до полдён!
И на деревьях обнаженных
Далеко видит острый взор,
Как будто кочек обожженных,
Угрюмых косачей сбор!

Надежино, 1823 г. Сентябрь.

Осень*

(Брату Аркадию Тимофеевичу, в Петербург)

*Я был в Аксакове, и – грусть
Меня нигде не оставляла;
Мне все тебя напоминало,
Мне дом казался скучен, пуст...
Тебя везде недоставало.
И дружба братская, любовь
Осиротели будто вновь.
Ах! Так ли прежде все бывало?
Бывало, тягостных часов
Холодное сложивши бремя,
Освободившись от оков,
Желанного дождавшись время,
Умы и души обнажив,
Сердец взаимным излияньем
Или о будущем мечтаньем
Мы наслаждались – все забыв.
Сходны по склонностям, по нравам,
Сходны сердечной простотой,
К одним пристрастные забавам.
Любя свободу и покой,
Мы были истинно с тобою
Единокровные друзья...*

И вот – завистливой судьбою –
Без друга и без брата я.
Я видел пруд: он в берегах
Отлогих мрачно расстилался,
Шумел в иссохших камышах,
Темнел, багровел, волновался,
Так хладно, страшно бушевал;
Небес осенних вид суровый
В волнах свинцовых отражал...
Какой-то мрак печали новой
По пруду томно разливал.
И грустное воспоминанье
Невинных радостей твоих,
Невинной страсти обоих
Мое умножило мечтанье.
Везде я видел все одно;
Везде следы твоей охоты
И дружеской о мне заботы:
Полоев в тинистое дно
Там колья твердою рукою
Глубоко втиснуты тобою,
Уединенные стоят,
Качаясь ветром и волнами...
Красноречивыми словами
Мне о прошедшем говорят.
Лежит там лодка на плотине
В грязи, с изломанным веслом,
Но кто ж на ней поедет ныне

Со мной, трусливым ездоком?
Кто будет надо мной смеяться,
Меня и тешить и пугать,
Со мною Пушкиным пленяться,
Со мной смешному хохотать.
Кто старшим лет своих рассу-
дом

Порывы бешенства смирит
И нежным чувством или шуткой
Мою горячность укротит.

Кто, слабостям моим прощая,
Во мне лишь доброе ценя,
Так твердо, верно поступаю,
Кто будет так любить меня!

И ты, конечно, вспоминаешь
Нередко друга своего,
Нередко обо мне мечтаешь!..

Я знаю, сердца твоего
Ни петербургские забавы,
Ни новые твои друзья,
Ни служба, ни желанье славы,
Ни жизни суетной отравы
В забвение не увлекут...

Но годы вслед годам идут,
И, если волей провиденья
Мы встретимся опять с тобой...

—

Найдем друг в друге измененье.

Следы десницы роковой,
Сатурна грозного течения,
Увидим мы и над собой.
Прошедшее сокрылось вечно,
Его не возвратит ничто;
И как ни больно, но, конечно,
Все будет то же – да не то.

Кто знает будущего тайны?
Кто знает о своей судьбе?
Дела людей всегда случайны,
Но будем верны мы себе!
Пойдем, куда она укажет,
Так будем жить, как бог велит!
Страдать – когда страдать при-
кажет,
Но философия нам щит!
Мы сохраним сердца прямые,
Мы будем с совестью в ладу;
Хотя не попадем в святые,
Но все не будем же в аду.

Прости, храни святую дружбу
И братскую ко мне любовь;
Будь счастлив и цареву службу
Начни, благословяся, вновь!
Пиши ко мне, ты очень знаешь,
Как письма дороги твои...

Уверен также, что читаешь
Ты с удовольствием мои!
Да всем, что услаждает мла-
дость
Ты насладишься в жизни сей!..
Неукоризненная радость
Да будет спутницей твоей.

1824 г. Ноябрь.
Надежино.

P. S. Это последнее усилие призвать про-
стившихся со мной муз!.. Ясно вижу, что мое
знакомство с ними кончено, и только осиро-
телая братская дружба могла вымолить у них
одно мгновенье слабого вдохновения.

Рыбачье горе*

(Русская идиллия)

Младший рыбак.

*Товарищ, что так приуныл?
здоров ли, любезный?
Здорова ль жена твоя, малые де-
ти?*

Старший рыбак.

*Спасибо,
Мой друг, за участие твое, за при-
ветное слово.
Здоров я, по милости божьей, с
моею семьею.
Вчера лишь такая досада случи-
лась со мною,
Что, кажется, ввек не забыть...*

Младший.

*Расскажи поскорее:
Сперва подосадуем вместе, а по-
сле забудем.*

Старший.

*Вчера поутру, лишь на небе брез-
жится стало,*

Со всем рыболовным снарядом я
был на плотине:

Три уды, мешок со пшеницей, и
ящик с червями,

И хлеба краюха, и раков линючих
десяток

(По грошу за них заплатил дере-
венским мальчишкам)[71]

В запасе и крючья, и лесы, и грузи-
лы были,

Сачок для язей (за грехи мои взял
у соседа).

Туман словно дым волновался!.. в
воде по колени,

Разлив перешед, кое-как пробрал-
ся я на стрелку.[72]

Прикормку сейчас набросал и все
уды закинул,

Одну на линючего рака, другую на
мякиш,

А третью на белого угря с про-
стыми червями.

Сам трубку набил, закурил и при-
сел на дощечке.

Туманная сырость меня до ко-
стей пронимала,

А только к заре, наклонясь, на-
плавки было видно.

Люблю я, товарищ, рассвета часы
золотые!

Не знаю, с чего то, а утро на
праздник похоже!

Заря загорелась; струей ветерок
перелетный

(Всегда перед солнечным восходом
он с неба слетает)

Туман и камыш взволновал и ря-
бью подернул

Дымящаясь воды... и шум неболь-
шой будто шепот

Кругом пробежал и затих, и сле-
дов не бывало;

Лишь изредка крупная рыба плес-
нется, как плаха,[73]

И круг, расширяясь, с водой непри-
метно сольется.

Ну, так мне, товарищ, и грустно
и весело стало!..

Сильнее из трубки я дым выпус-
кал, и мешаясь

С туманом седым – улетал он на
воздух,

И думы одна за другой в голове
пробегали,

Да слов не найду рассказать, а
много их было.

Ну, вот наступило и время для
рыбьего клёву:
Прикормку почуя, и сверху и снизу
тронулись
Язи, головли, и лини, и плотва
краснопёрка,
И окунь, всегда ненасытный, и
лещ простоватый;
По дну пузыри выпуская, забулька-
ли воду,
И сердце, как варом облитое, заби-
лось... Чуть дух
Переводил потихоньку, и с труб-
кой рука опускалась.
Склонив к наплавкам неподвиж-
ные, жадные взоры,
Я ждал поминутно, что хватит
и ко дну утащит, –
Напрасно: то тот, то другой на-
плавков пошевелит,
И только. Ты знаешь, что я тер-
пелив и не скучлив:
Все удочки вынул, одна за другой,
и насадку
Оправил, закинул – и трубку забы-
тую снова
Курю и счастливого часу опять
дожидаясь.

*Все то же: шалили язи, а не брали,
как должно.*

*Манила надежда не раз, а все по-
пустому:*

*Не то же ли с нами, товарищ, бы-
вает и в жизни?*

Младший.

*Конечно; кто прожил свой век, не
бывши обманут?*

*Дивлюся, однако, всегда твоему я
терпенью!*

*Ты смейся как хочешь, а удить
плотву веселее.*

Старший.

*Дружок, без терпенья язя никогда
не достанешь.*

*Таскать же плотичек, как ты, по-
моему, скучно. –*

*Уж солнце высоко взошло, а нету
талана.*

*На белого угря которая уда ходи-
ла,*

*Три раза ее повело и подернуло
шибко;*

*Тихохонько уду я вынул – червя по-
стащило;*

Червяк был велик, заглотать,
знать, не может – подумал,
И выбрал поменьше, его насадил и
закинул:

Руки не успел отделить, как вдруг
утащило

На дно наплавков... подсекаю,[74] и
что же? головлик,
Хотя небольшой, но все не пло-
тичка, все лучше.

А! а! я подумал, так это все вы
здесь шалите,

Вот я вас ужо... и уду большую
отбросил,

А среднюю взял, червячка насадил
молодого,

Закинув, держу удилище в руке, и,
конечно,

Кусок и до дна не дошел – напла-
вок повернуло

И тихо в камыш повезло... Подсе-
каю легонько...

Ужасная тяга, как будто задел за
корягу...

В кольцо удилище... вскочил я, и
сердце взыграло;

Попался, мой милый, кричу, и все
уды отдернул;

Веду потихохоньку около стрелки
налево,
На чистое место, а рыба большу-
щая, слышу,
Идет тяжело, как будто в воде
упираясь;
Едва половина лесы показалась, и
мигом,
Как молонья, прынула вверх ар-
шинная рыба...
Какая ж, не мог разглядеть, за-
дрожали и руки,
И свету не взвидел от страха,
что с рыбой не слажу:
Крючок небольшой и леса только
в шесть волосочков!
Водить я ее и туда и сюда... при-
смирела.
Гляжу, разглядел, наконец: голов-
лина ужасный!
Такого еще никогда не видал и да-
же не слышал.
Дрожащей рукою хватаю сачок –
не годится:
И мал, и без зыби совсем,[75] за-
хватить невозможно.
И только я стал подводить, а го-
ловль мой стрелою

Махнет из воды... и сачок я от-
бросил проклятый.

Повел головля вверх реки, хоть до
первой заводки,[76]

На мелкой воде не удастся ль
схватить мне рукою
(Ты знаешь, в подпруде река нарав-
не со краями);

Лишь к берегу стал подводить...
небесная сила!..

Головль сам собою на берег взмах-
нул будто птица!

Обробел я пуще, и чем бы схва-
тить поскорее

Руками иль пасть на него – обезу-
мел я, грешный,

Забыл стариков запрещенье, схва-
тил я за лесу...

Леса порвалася, головль пермет-
нулся – и в воду!

А я?.. я стою, будто в камень ме-
ня обернуло,

За кончик оборванной леси дер-
жуся руками,

Глаза устремив неподвижно на
мокрое место,

На берег зеленый, головль где ле-
жал серебристый...

И долго б стоял недвижим я, как
в воду опущен,
Когда бы головль мой, почувствуя
острое жало,
Пронзившее губу, желая его свобо-
диться,
Саженой десяток отплыв, наверх
не взметнулся.
Пришел я в себя, и досада меня
обуяла,
И в бешенстве все побросав: при-
пасы и уды,
Ушел я домой – и с тех пор со дво-
ра ни ногою.
Стыжуся глаза показать; для че-
го мне и счастье,
Когда совладеть не умел я с та-
кою добычей?
Не в добрый, знать, час я пошел,
иль от встречи зловещей
Нашло на меня небывалое прежде
затменье.
Как будто бы я не таскал и на
тонкие лесы
Огромных язей, а бойчее их нету и
рыбы!
Поверишь, товарищ, с досады от
хлеба отстал я

И сна по ночам не имею.

Младший.

*Товарищ любезный,
Забудь ты свою неудачу; и с кем
не бывало
Ошибки, невзгодья, на ловле
недоброго часу?
Пойдем-ка со мною – и время те-
перь золотое;
Ведь после грозы и ненастья вся
рыба гуляет
И жадно клюет; пойдем, попыта-
ем-ка счастье.
Товарищ, ты старше меня, и ра-
зумные речи
Слышал от тебя я не раз – куда ж
они делись?
Не ты ль говорил мне всегда: по-
сле дождичка ведро,
А после несчастья бывает сугубое
счастье?*

Старший.

*Все так, но на счастье худое пе-
нять мне не можно,
А должно винить мне себя за свое
нетерпенье,*

*За жадность, горячность, еще же
за глупую робость.*

Младший.

*Товарищ, не ты ль говорил – не на-
жить нам ума
Без потерь, неудач, без нужды и
без разных печалей?
Не ты ль говорил, что терпенье в
успехе порука?
Что радость без горя была б че-
ловеку не в радость?*

Старший.

*Конечно, правдивы слова: спасибо,
любезный!
Меня оживил ты своей добродуш-
ною речью;
Ах, добрый товарищ всего нам на
свете дорожке,
Печаль с ним покажется легче, а
радость милее!*

1824.

Послание в деревню*

(к А. Т. Аксакову)

*Весна, весна! ты прелесть года,
Но не в столичной тесноте.
Весна на Деме, [77] где природа
В первообразной чистоте
Гордится девственной красою!
Где темные шумят леса,
Где воды кажут небеса,
Где блещет черной полосой
Под плугом тучная земля,
Цветут роскошные поля!*

*О подмосковной я природе
В досаде слушать не могу!..
Засохлой рощей в огороде,
Гусиной травкой на лугу,
Загнившей лужи испареньем
Доволен бедный здесь народ!
И – зажимая нос и рот –
Он хвалит воздух с восхищеньем...
Нет, нет!.. Не там моя весна,
Где топь, песок или сосна!
В наш дикий край лечу душою:
В простор степей, во мрак лесов,
Где опоясаны дугою*

Башкирских шумных кочёвьев,
С их бесконечными стадами –
Озера светлые стоят, [78]
Где в их кристалл с холмов гля-
дят
Собравшись кони табунами...
Или где катится Урал
Под тению Рифейских скал!

Обильный край, благословенный!
Хранилище земных богатств!
Не вечно будешь ты, забвенный,
Служить для пастырей и паств!
И люди набегут толпами,
Твое приволье полюбя...
И не узнаешь ты себя
Под их нечистыми руками!..
Сомнут луга, порубят лес,
Взмутят и воды – лик небес!

И горы соляных кристаллов
По тузлукам твоим найдут; [79]
И руды дорогих металлов
Из недр глубоких извлекут;
И тук земли неистощенной
Всосут чужие семена;
Чужие снимут племена
Их плод, сторицей возвращенный;

*И в глубь лесов, и в даль степей
Разгонят дорогих зверей!*

*Лечу в мой дом, соломой крытый,
Простой, как я в желаньях прост;
Куда, породой знаменитый,
Скучать не придет скучный
гость.*

*Где с беззаботною душою,
Свободный света от оков*

.....
*Живал я с милою семьею;
Где я беспечно каждый день
Блажил мою богиню – лень!*

*Ах! если б долга исполненьем
Судьба мне не сковала рук –
Не стал бы вечным принужде-
ньем*

*Мрачить и труд мой и досуг.
Мне дико всякое исканье,
Не знал я за себя просить.
Противу сердца говорить,
Томить души моей желанье...
Противны мне берега Невы,
Да и развалины Москвы!*

К тебе, о друг и брат мой милый,

*Товарищ в склонностях моих,
Которому, как мне, постылы
Столицы с блеском, с шумом их,
К тебе лечу воображеньем:
С тобой сижусь, с тобой иду –
Стреляю, ужю на пруду,
Но не делюсь моим волненьем
Ни с кем!.. и спорю о стихах
Да о горячке в головах.*

М*ай, 1830.
Москва.*

Стансы*

К Александру Александровичу Кавелину, написанные вследствие его письма, в котором он, сожалея о моей отставке, говорит, что хотя я искусно притворяюсь, но в душе не спокоен и что как ни верти, а такая отставка пятно.

*Поверь, во мне достанет сил
Перенести царя неправость,
А возбуждать людскую жалость
Я не люблю – и не любил.*

*Спокоен я в душе моей,
К тому не надобно искусства;*

Довольно внутреннего чувства,
Сознания совести моей.

Моих поступков правоты
Не запятнает власть земная,
И честь моя, хоругвь святая,
Сияет блеском чистоты!

Не ангел царь, а человек.
Я не ропщу. Безумен ропот.
Я презираю низкий шепот;
Как был, таким останусь ввек.

Но подлые мои враги
Уж не сотрут клейма презренья,
Клейма общественного мненья
Со лба наемного слуги.

1832 г. Апрель. Москва.

К Грише*

*Ну, рыбак мой, шевелися
Поскорее, поскорей
И наудить торопится
Огольцов и пескарей!*

*Там с приветными волнами
Ждет тебя широкий пруд;
Под зелеными кустами
Начинай веселый труд!*

Богородское.
1832 г.

«Поверьте, больше нет мученья...»*

*Поверьте, больше нет мученья,
Как подмосковную сыскать;
Досады, скуки и терпенья
Тут много надо испытать.
Здесь садик есть, да мало тени;
Там сад большой, да нет воды;
Прудышка – лужа по колени,
Дом не годится никуда.*

*Там есть и рощи для гулянья,
Да нет усадьбы никакой;
Здесь дом хорош, да нет купанья,
Воды ни капли ключевой.
Там развалилось все строенье,
А здесь недавно выпал скот;
Красиво местоположенье,
Да Костя кочкой назовет.*

*Там хорошо живут крестьяне,
Зато дворовых целый полк;
Там лес весь вырублен заранее –
Какой же будет в этом толк?
Там мужики не знают пашни,
А здесь земля нехороша.
Там есть весь обиход домашний,*

Да нет дохода ни гроша.

*Там есть и летние светлицы,
Фруктовый сад и огород,
Оранжереи и теплицы,
Да только вымер весь народ.
Там есть именье без изъяна,
Уж нет помехи ни одной,
Все хорошо в нем для кармана,
Да – нету рыбы никакой!*

1843 г. Август.

«Сплывайтесь тихо...»*

*«Сплывайтесь тихо
На лов мотылей!» –
Так царица Ершиха
Скликнула ершей.*

1843

«Вот, наконец, за все терпенье...»*

*Вот, наконец, за все терпенье
Судьба вознаградила нас:
Мы, наконец, нашли именье
По вкусу нашему, как раз.
Прекрасно местоположенье,
Гора над быстрою рекой,
Заслонено от глаз селенье
Зеленой рощею густой.*

*Там есть и парк, и пропасть те-
ни,
И всякой множество воды;
Там пруд – не лужа по колени,
И дом годится хоть куды.
Вокруг чудесное гулянье,
Родник с водою ключевой,
В пруде, в реке – везде купанье,
И на горе и под горой.*

*Не бедно там живут крестьяне;
Дворовых только три души;
Лесок хоть вырублен заране –
Остались рощи хороши.
Там вечно мужики на пашне,
На Воре нет совсем воров,*

*Там есть весь обиход домашний
И белых множество грибов.*

*Разнообразная природа,
Уединенный уголок!
Конечно, много нет дохода,
Да здесь не о доходах толк.
Зато там уженье привольно
Язей, плотвы и окуней,
И раков водится довольно,
Налимов, шук и головлей.*

Москва. 1844.

К Марихен*

*Ты в Москве переводержавной
Увидала божий свет
И жила в столице славной
До четырнадцати лет.*

*В первый раз ты поздравленье
(Сам я вижу, как во сне)
Получаешь с днем рожденья
В деревенской тишине.*

*Завсегда мы были чужды
Шуму жизни городской,
Без богатства и без нужды*

Жили мы своей семьей.

*Будет нам еще привольней
В сельской мирной простоте
И приятней и покойней,
Позабыв о суете.*

*Хоть сурово время года
Поздней осени порой,
Хороша зато погода
У тебя в семье родной.*

Радонежье, 4 октября.

«Рыбак, рыбак, суров твой рок...»*

*Рыбак, рыбак, суров твой рок;
Ты ждал зари нетерпеливо,
И только забелел восток,
Вскочил ты с ложа торопливо.
Темны, туманны небеса,
Как ситом сеет дождь ненаст-
ный,
Качает ветер вокруг леса –
Ложись опять, рыбак несчаст-
ный.*

Послание к М. А. Дмитриеву*

*Обещал писать стихами...[80]
Да и жизни уж не рад;
Мне ли мерными шагами
Рифмы выводить в парад?
Стих мой сердца выраженье,
Страсти крик и вопль души...
В нем тревоги и волненье –
И стихи нехороши.*

*Стары мы с тобой и хворы
И сидим в своих углах;
Поведем же разговоры
На письме, не на словах!
Хороша бывает старость,
Так что юности не жаль:
В ней тиха, спокойна радость,
И спокойна в ней печаль.
Сил душевных и телесных
Благозвучен общий строй...
Много в ней отрад, безвестных
Даже юности самой!
Но не мне такая доля
Ни болезни, ни года,
Ни житейская неволя,
Ни громовая беда*

Охладить натуры страстной
Не могли до этих пор,
И наружностью ясной
Не блестит спокойный взор!
Дух по-прежнему тревожен,
Нет сердечной тишины,
Мир душевный невозможен
Посреди мирской волны!
И в себе уж я не волен.
То сержуся я, то болен,
То собою недоволен,
То бросаюсь на других,
На чужих и на своих!
Раздражительно мятежен
В слабом теле стал мой дух,
И болезненно так нежен
Изощренный сердца слух.
И в мгновениях спокойных
Вижу ясно, хоть не рад,
Сил телесных и духовных
Отвратительный разлад.
Есть, однако, примиритель
Вечно юный и живой,
Чудотворец и целитель, –
Ухожу к нему порой.
Ухожу я в мир природы,
Мир спокойствия, свободы,
В царство рыб и куликов,

*На свои родные воды,
На простор степных лугов,
В тень прохладную лесов
И – в свои молодые годы!*

Март, 1851 г.
Москва.

Плач духа березы*

*Тридцать лет красой поляны
На опушке я жила;
Шли дожди, вились туманы,
Влагу я из них пила.
В дни засухи – тень отрадну
Я бросала от ветвей,
Освежала землю жадну,
Защищала от лучей.
Все прошло! Не гром небесный
Разразился надо мной,
А топор в руке безвестной
Подрубил ствол белый мой.
И, старик неутомимый,
За грибами ты пойдешь,
Но березы столь любимой
Ты на месте не найдешь.
Поперек твоей тропинки
Свежий труп ее лежит
И, творя себе поминки,*

Тихо ветвями шумит.
Обойдешь ты стороною
Безобразный мой пенек,
С огорченною душою
На безвременный мой рок,
На судьбу мою столь строгу.
И за что ж она казнит?—
На Хотьковскую дорогу
Вам понадобился вид.

6 июля 1853.
Абрамцево.

Шестилетней Оле*

Рано дед проснулся,
Крякнул, потянулся,
Давши мыслям волю,
Вспомнил внучку Олю.
Семь часов пробило;
Затопили печку,
Темно очень было,
И зажег он свечку.
И дедушка хилый
К внучке своей милой
Пишет поздравленья
С днем ее рожденья.
Пишет понемногу,
Часто отдыхая,

Сам молится богу,
Олю вспоминая:
«Дай бог, чтобы снова
Оленька была
Весела, здорова –
Как всегда мила;
Чтоб была забавой
Матери с отцом –
Кротким, тихим нравом,
Сердцем и умом!»
Если бог даст силы,
Ровно через год
Оле, внучке милой,
Дедушка пришлет
Книжку небольшую
И расскажет в ней:
Про весну младую,
Про цветы полей,
Про малюток птичек,
Про гнездо яичек,
Бабочек красивых,
Мотыльков игривых,
Про лесного Мишку,
Про грибочек белый –
И читать день целый
Станет Оля книжку.

Дедушка
Сергей Аксаков.

21 декабря 1854 года.

31 октября 1856 года*

*Прощай, мой тихий сельский дом!
Тебя бежит твой летний жи-
тель.*

*Уж снегом занесло кругом
Мою пустынную обитель;
Пруды замерзли, и слегка
Ледком подернулась река.*

*Довольно спорил я с природой,
Боролся с снегом, с непогодой,
Бродя по берегам реки,
Бросая вглубь ее крючки.
Метель вокруг меня кипела,
Вода и стыла и густела;
А я, на мерзнувших червей,
Я удил сонных окуней.*

*Прощай, мое уединенье!
Благодарю за наслажденье
Природой бедною твоей,
За карасей, за пескарей,
За те отрадные мгновенья,
Когда прошедшего виденья
Вставали тихо предо мной*

С своюю прелестью живой.

17 октября (А. Н. Майкову)*

*Опять дожди, опять туманы,
И листопад, и голый лес,
И потемневшие поляны,
И низкий, серый свод небес.
Опять осенняя погода!
И, мягкой влажности полна,
Мне сердце веселит она:
Люблю я это время года.*

*Люблю я звонкий свист синицы,
Скрып снегирей в моих кустах,
И белые гусей станицы
На изумрудных озимях.
Люблю я, зонтиком прикрытый,
В речном изгибе, под кустом,
Сидеть от ветра под защитой,
Согретый теплым зипуном –
Сидеть и ждать с терпеньем
страстным,
Закинув удочки мои
В зеленоватые струи,
Вглубь Вори [81] тихой и неясной.
Глаз не спускаю с наплавка,
Хоть он лежит без измененья;*

*Но вдруг – чуть видное движенье,
И вздрогнет сердце рыбака!*

*И вот он, окунь благородный,
Прельстясь огромным червяком,
Подплыл отважно и свободно,
С разинутым, широким ртом
И, проглотив насадку смело,
Все поволок на дно реки...
Здесь рыбаку настало дело,
И я, движением руки,
Проворно рыбу подсекаю,
Влеку из глубины речной
И на берег ее бросаю,
Далеко за моей спиной.*

*Но окуни у нас не диво!
Люблю ершей осенний клев:
Берут они не вдруг, не живо,
Но я без скуки ждать готов.
Трясется наплавок... терпенье!
Идут кружочки... пустяки!
Пусть погрузит! Мне наслажде-
нье
Ерша тащить со дна реки:
Весь растопыренный, сердитый,
Упорно лезет из воды,
Густою слизью ерш покрытый,*

*Поднявши иглы для защиты, –
Но нет спасенья от беды!*

*Теперь не то. Внезапной хвори
Я жертвой стал. Что значим
мы?*

*Гляжу на берега я Вори
В окно, как пленник из тюрьмы.
Прошло и теплое ненастье,
Сковал мороз поверхность вод,
И грустно мне. Мое участие
Уже Москва к себе зовет.
Опять прости, уединенье!
Бесплоден летний был досуг,
И недоступно вдохновенье.
Я не ропшу: я враг докук.
Прощайте, горы и овраги,
Воды и леса красота,
Прощайте ж вы, мои «коряги»,
[82]
Мои «ершовые места!»*

1857' *С. Абрамцево.*

Записки об ужении рыбы*

Делу время и потехе час.

*Из книги «Устав сокольничьего пути»,
писанный царем Алексеем Михайловичем.*

Охоту тешить – не беду платить.

Охота пуще неволи.

Русские пословицы.

Моим братьям и друзьям

Н. Т. и А. Т. АКСАКОВЫМ

Есть, однако, примиритель,

Вечно юный и живой,

Чудотворец и целитель, –

Ухожу к нему порой.

Ухожу я в мир природы,

В мир спокойствия, свободы,

В царство рыб и куликов,

На свои родные воды,

На простор степных лугов,

В тень прохладную лесов

И – в свои младые годы.

(Отрывок из послания к М. А. Дмитриеву, 1850 г. Январь.)

Вступление

Я написал записки об ужении рыбы для освежения моих воспоминаний, для собственного удовольствия. Печатаю их для рыбаков по склонности, для охотников, для которых слова: *удочка* и *уженье* – слова магические, сильно действующие на душу. Я считаю, что мои записки могут быть для них приятны и даже несколько полезны: в первом случае потому, что всякое сочувствие к нашим склонностям, всякий особый взгляд, особая сторона наслаждений, иногда уяснение какого-то темного чувства, не вполне прежде сознанного, – могут и должны быть приятны; во втором случае потому, что всякая опытность и наблюдение человека, страстно к чему-нибудь привязанного, могут быть полезны для людей, разделяющих его любовь к тому же предмету.

Ужение, как и другие охоты, бывает и просто склонностью и даже сильною страстью: здесь не место и бесполезно рассуждать об этом. Русская пословица говорит глубоко и верно, что *охота пуще неволи*. Но едва ли на

какую-нибудь человеческую охоту так много и с таким презрением нападают, как на тихое, невинное ужение. Один называет его охотой празднолюбцев и лентяев; другой – забавою стариков и детей; третий – занятием слабоумных. Самый снисходительный из судей пожимает плечами и с сожалением говорит: «Я понимаю охоту с ружьем, с борзыми собаками – там много движения, ловкости, там есть какая-то жизнь, что-то деятельное, даже воинственное. О страсти к картам я уже не говорю; но удить рыбу – признаюсь, этой страсти я не понимаю...» Улыбка договаривает, что это просто глупо. Так говорят не только люди, которые, по несчастью, родились и выросли безвыездно в городе, под влиянием искусственных понятий и направлений, никогда не жилали в деревне, никогда не слыхивали о простых склонностях сельских жителей и почти не имеют никакого понятия об охотах; нет, так говорят сами охотники – только до других родов охоты. Последних я решительно не понимаю. Все охоты: с ружьем, с собаками, ястребами, соколами, с тенетами за зверьми, с неводами, сетью и удочкой за ры-

бою – все имеют одно основание. Все разнообразные охотники должны понимать друг друга: ибо охота, сближая их с природою, должна сближать между собою.

Чувство природы врожденно нам, от грубого дикаря до самого образованного человека. Противоестественное воспитание, насильственные понятия, ложное направление, ложная жизнь – все это вместе стремится заглушить мощный голос природы и часто заглушает или дает искаженное развитие этому чувству. Конечно, не найдется почти ни одного человека, который был бы совершенно равнодушен к так называемым *красотам природы*, то есть: к прекрасному местоположению, живописному далекому виду, великолепному восходу или закату солнца, к светлой месячной ночи; но это еще не любовь к природе; это любовь к ландшафту, декорациям, к призматическим преломлениям света; это могут любить люди самые черствые, сухие, в которых никогда не зарождалось или совсем заглохло всякое поэтическое чувство: зато их любовь этим и оканчивается. Приведите их в таинственную сень и прохладу дремучего ле-

са, на равнину необозримой степи, покрытой тучною, высокою травою; поставьте их в тихую, жаркую летнюю ночь на берег реки, сверкающей в тишине ночного мрака, или на берег сонного озера, обросшего камышами, окружите их благовонием цветов и трав, прохладным дыханием вод и лесов, неумолкающими голосами ночных птиц и насекомых, всею жизнью творения: для них тут нет красот природы, они не поймут ничего! Их любовь к природе внешняя, наглядная, они любят картинки, и то ненадолго; смотря на них, они уже думают о своих пошлых делишках и спешат домой, в свой грязный омут, в пыльную, душную атмосферу города, на свои балконы и террасы, подышать благовонием загнивших прудов в их жалких садах или вечерними испарениями мостовой, раскаленной дневным солнцем... Но, бог с ними! Деревня, не подмосковная, далекая деревня, – в ней только можно чувствовать полную, не оскорбленную людьми жизнь природы. Деревня, мир, тишина, спокойствие! Безыскусственность жизни, простота отношений! Туда бежать от праздности, пустоты и недостатка

интересов; туда же бежать от неутомонной, внешней деятельности, мелочных, своекорыстных хлопот, бесплодных, бесполезных, хотя и добросовестных мыслей, забот и попечений! На зеленом, цветущем берегу, над темной глубиной реки или озера, в тени кустов, под шатром исполинского осокоря или кудрявой ольхи, тихо трепещущей своими листьями в светлом зеркале воды, на котором колеблются или неподвижно лежат наплавки ваши, — улягутся мнимые страсти, утихнут мнимые бури, рассыплются самолюбивые мечты, разлетятся несбыточные надежды! Природа вступит в вечные права свои, вы услышите ее голос, заглушенный на время суетней, хлопотней, смехом, криком и всею пошлостью человеческой речи! Вместе с благовонным, свободным, освежительным воздухом вдохнете вы в себя безмятежность мысли, кротость чувства, снисхождение к другим и даже к самому себе. Неприметно, мало-помалу, рассеется это недовольство собою, эта презрительная недоверчивость к собственным силам, твердости воли и чистоте помышлений — эта эпидемия нашего века, эта черная немочь ду-

ши, чуждая здоровой натуре русского человека, но заглядывающая и к нам за грехи наши...

Но я увлекся в сторону от своего предмета. Я хотел сказать несколько слов в защиту уженья и несколько слов в объяснение моих записок. Начнем сначала: обвинение в праздности и лени совершенно несправедливо. Настоящий охотник необходимо должен быть очень бодр и очень деятелен; раннее вставанье, часто до утренней зари, перенесенье полдневного зноя или сырой и холодной погоды, неутомимое внимание во время самого уженья, приискиванье удобных мест, для чего иногда надо много их перепробовать, много исходить, много изъездить на лодке: все это вместе не по вкусу ленивому человеку. Если найдутся лентяи, которые, не имея настоящей охоты к уженью, а просто не зная, куда деваться, чем занять себя, предпочтут сиденье на берегу с удочкой беганью с ружьем по болотам, то неужели их можно назвать охотниками? Чем виновато уженье, что такие люди к нему прибегают? Другое обвинение, будто уженье забава детская и стариковская —

также не основательно: никто в старости не делался настоящим охотником-рыболовом, если не был им смолоду. Конечно, дети почти всегда начинают с уженья, потому что другие охоты менее доступны их возрасту; но разве дети в одном уженье подражают забавам взрослых? Что же касается до того, что слабый старик или больной, иногда не владеющий ногами, может удить, находя в том некоторую отраду бедному своему существованию, то в этом состоит одно из важных, драгоценных преимуществ уженья пред другими охотами. Остается защитить охотников до уженья в том, что будто оно составляет занятие слабоумных, или, попросту сказать, дураков. Но, боже мой, где же их нет? За какие дела они не берутся? В каких умных и полезных предприятиях не участвуют? Из этого не следует, чтобы все остальные люди, занимающиеся одними и теми же делами с ними, были так же глупы. Против нелепости такого обвинения можно назвать несколько славных исторических людей, которых мудроно заподозрить в глупости и которые были страстными охотниками *удить рыбку*. Известно, что наш

знаменитый полководец Румянцев предан был этой охоте до страсти; известен также и его ответ, с притворным смирением сказанный, на один важный дипломатический вопрос: *это дело не нашего ума; наше дело рыбку удить да городки пленить*. Славный Моро, поспешая с берегов Миссисипи на помощь Европе, восставшей против своего победителя, не мог проехать мимо уженья трески, не посвятив ему нескольких часов, драгоценных для ожидавшего его вооруженного мира, — так страстно любил он эту охоту! Людовик-Филипп, человек, кажется, тоже умный, все время, свободное от дел государственных, посвящал удочке в своем прелестном Нельи.

Теперь объяснимся о моих записках: на русском языке, сколько мне известно, до сих пор не напечатано ни одной строчки об рыболовстве вообще или об уженье в особенности, написанной грамотным охотником, знающим коротко свое дело. На французском и английском языках есть много полных сочинений по этой части и еще более маленьких книжек собственно об уженье. В Лондоне даже существует общество охотников до ловли

рыбы удочкой, которое систематически преследует эту охоту, совершенствуя ее во всех отношениях. Некоторые сочинения об этом предмете у французов написаны очень живо и увлекательно. Но у нас они не переведены, а если бы и были переведены, то могли бы доставить более удовольствия при чтении, чем пользы в применении к делу. Причиной тому разность в климатах, в породах рыб и их свойствах. В этом случае добросовестные наблюдения рыболова-туземца, как бы ни были недостаточны, будут иметь важное преимущество.

Все это вместе решило меня сделать первый опыт на русском языке. Охотников до уженья много на Руси, особенно в деревнях, и я уверен, что найду в них сочувствие. Прошу только помнить, читая мою книжку, что она не *трактат об уженье*, не *натуральная история рыб*. Моя книжка ни больше ни меньше как простые записки страстного охотника: иногда поверхностные, иногда односторонние и всегда неполные относительно к обширности обоих предметов, сейчас мною названных.

1847 год.[83]

Происхождение удочки

Вероятно, из всех родов рыболовных снастей одна из первых была изобретена удочка. Какой-нибудь дикарь, бродя по берегам реки или моря для добывания себе скудной пищи или беспечно отдыхая под тенью крутого берега и растущих на нем деревьев, заметил стаи рыб, плавающих около берегов; видел, как голодные рыбы жадно хватают падающих на поверхность вод разных насекомых и древесные листья, и, может быть, сам бросал их в воду, сначала забавляясь только быстрыми движениями рыб. Весьма естественно должна была родиться у него мысль, что если бы в насекомые спрятать что-нибудь, похожее на крючок (из кости или крепкого дерева) и привязать его на нитку, выделанную из звериных жил или волокон растений, и что если рыба схватит и проглотит такую насадку, то крючок зацепит, и рыбу можно будет вытащить на берег. Так, вероятно, родилась удочка; почти такова она и те-

перь в деревнях у крестьянских мальчишек: загнутый крючком гвоздь без шляпки, крючок из проволоки или булавки, привязанный на нитку, с камешком вместо грузила и палочкою сухого дерева или камыша вместо наплавка... ведь это почти удочка дикаря. Впрочем, даже и у нас, в настоящем своем развитии, у самых взыскательных охотников удочка строго сохранила все первоначальные основные свои качества.

Слово *удочка* – название общее. Она состоит из следующих частей: удилица, леса, наплавка, или наплавка, грузила, поводка и крючка. Все это рассмотрим мы внимательно, порознь и по порядку.

Удилище

Едва ли нужно говорить, что этим именем называется длинный прут или палочка, к которой привязывается леса. Удилища бывают искусственные и натуральные: я решительно предпочитаю последние. Искусственное, складное удилице делается из морского тростника (камыша) разной толщины, даже просто вытачивается из дерева, так что одно коленце, будучи тонее, может вкладываться в

другое, более толстое; целое удилище состоит из трех или четырех таких коленцев; все они привинчиваются одно к другому или просто втыкаются одно в другое; верхнее коленце делается из китового уса или тонкой камышинки с маленьким проволочным колечком на верхнем конце для привязки леси. Такие складные удилища, хорошо отделанные, с набалдашником и наконечником, имеют наружность толстой красивой палки; кто увидит их в первый раз, тот и не узнает, что это целая удочка; но, во-первых, оно стоит очень недешево; во-вторых, для большой рыбы оно не удобно и не благонадежно: ибо у него гнется только верхушка, то есть первое коленце, состоящее из китового уса или камышинки, а для вытаскивания крупной рыбы необходимо, чтобы гибь постепенно проходила сквозь удилище по крайней мере до половины его; в-третьих, его надобно держать всегда в руках или класть на что-нибудь сухое, а если станешь класть на воду, что иногда неизбежно, то оно намокнет, разбухнет и даже со временем треснет; к тому же размокшие коленца, покуда не высохнут, не будут свободно вкля-

дываться одно в другое; в-четвертых, все это надо делать неторопливо и аккуратно – качества, противоположные натуре русского человека: всякий раз вынимать, вытирать, вкладывать, свинчивать, развинчивать, привязывать и отвязывать лесу с наплавком, грузилом и крючком, которую опять надобно на что-нибудь намотать, положить в футляр или ящичек и куда-нибудь спрятать... Не правда ли, что это утомительно и скучно? Точно такие складные удилица подделываются у нас из простого дерева; нет сомнения, что последние никуда не годятся. Во многих местах употребляют удилица составные: к обыкновенному березовому или ореховому удилицу прикрепляют верхушку из китового уса или тонкого можжевелевого прута; но и здесь почти те же неудобства: гибь будет также неровна и верхушка станет сгибаться только до того места, где она привязана. Всего проще и лучше цельные, натуральные ореховые или березовые удилица: последние прочнее, и везде скорее можно их сыскать; говорят, что и вязовые также хороши, но мне не случалось их употреблять. Весною, покуда

лист еще не распустился, а сок дерева уже бросился из корня вверх и надулись почки на ветвях, всего благонадежнее срезывать удилица; впрочем, можно срезать их и во всякое время года. Надобно выбирать стволы тонкие, длинные и прямые; тщательно обрезать все сучочки, оставя главный ствол неприкосновенным во всю его длину, до самой последней почки, причем должно наблюдать, чтобы удилице не было тонко в комле; нижнюю половину, идущую к руке, надобно оскоблить, даже сострогать, если она слишком толста, а верхнюю *непрерменно* оставить в коже; несколько таким образом приготовленных удилиц должно плотно привязать к прямому шесту или доске и в таком принужденном положении завялить, то есть высушить в комнате или на воздухе под крышей, где бы не брали их ни дождь, ни солнце. Такое удилице, если не сломается от неосторожности, может служить два и три года.

Выбор и приготовление хорошего удилица весьма важны. Прямизна и гибкость верхнего его конца необходимы для успешной подсечки; следовательно, от хорошего удили-

ца зависит иногда количество выуженной рыбы, но верх его достоинства узнается только тогда, когда на тонкую лесу возьмет крупная рыба. Тут-то можно полюбоваться, как на хорошем удилице, согнувшемся до половины в дугу, будет ходить на кругах огромная рыба до тех пор, пока искусная рука рыбака утомит ее и подведет к берегу, где можно взять добычу другою, свободною рукой или, что всего благонадежнее, подхватить сачком.

Всякому известно, что такое сачок. Но вот какие качества должен иметь он: 1) сачок должен быть легок; 2) ободок, к которому прикрепляется сетка, лучше употреблять железный, а чтобы ржавчина ее не передала, можно обшивать ободок холстиной и к ней уже пришивать сетку; 3) мешок из сетки — тонкой и не частой; 4) мешок этот должен быть не мелок, четверти в три глубиною, для того чтобы рыба не могла выпрыгнуть и чтобы даже можно было ее завернуть в нем.

Леса

Лесою называется нитка, одним концом привязанная к удилицу, а другим к крючку. По большей части она свивается из волос

конского хвоста; но есть лесы шелковые, нитяные и приготовленные из какого-то индийского растения,[84] прозрачностью совершенно похожего на белый конский волос. Все эти роды лес имеют свои выгоды и невыгоды. Я предпочитаю первые и по прочности и по удобству доставания свежих конских волос; нетрудно найти искусника свить, или ссучить из них лесу какой угодно толщины, а всего лучше сплесть: плетеная леса прочнее, никогда не скручивается и не спутывается. Всего лучше уметь это делать самому. Лесы шелковые и нитяные в России не приготовляются на продажу; они получаютя из Англии и Австрии; с крючком, наплавком и грузилом они продаются в магазинах не менее двух рублей пятидесяти копеек ассигнациями – цена слишком высокая. Можно приготовить их дома; всякая женщина умеет ссучить на руках или на маленьких колесах, на которых спускают тонкие бечевки, несколько шелковинок или ниток (всего лучше конопляных) какой угодно толщины и длины. Выгода таких лес состоит в том, что они, будучи без узлов и не имея упругости, извиваются по дви-

жению воды, разнообразят и представляют натуральным, как будто шевелящимся, вид насаженного червяка или чего-нибудь другого; когда же насадка и конец шелковой зеленой леси лежат на дне, то она совершенно походит на волокны длинного водяного моха, называемого водяным шелком. Должно признаться, что рыба берет на них охотно; но зато они довольно скоро перегнивают и нестерпимо путаются, что отнимает много времени и ужасно надоедает; обоим этим порокам можно несколько помочь, проварив леси в растопленном воске,[85] но от того они отчасти потеряют свою, так сказать, зыблемость, составляющую приманку для рыбы. Что же касается до леси из индийского растения, тонкой, как конский волос, то вся ее выгода состоит в прозрачности и легкости; если насадка также легка (например, мухи, кузнечики и проч.), то она стоит на всех глубинах воды и долго плавает на поверхности, не погружаясь; но зыблемости шелковых и нитяных лес она не имеет и более пригодна для ужения некрупной рыбы без наплавка, особенно в водах прозрачных, около полудня, когда ры-

ба гуляет на поверхности воды. Такая леса (из индийского ли она растения, или из сырца) сначала очень крепка, и с помощью хорошего удилица и осторожности можно на нее выудить рыбу в четыре и даже в пять фунтов; но она скоро мшарится, то есть делается шероховатую, местами тонеет; высыхая на солнце, в сгибах трескается в длину и для уженья хорошей рыбы делается неблагонадежною, даже опасною. Говорят, что все это можно отвратить, вытирая ее досуха всякий раз после уженья и вымазывая маслом; но я, верный моей русской беспечной природе, никогда этого не пробовал и много раз терял рыбу и удочку; я скажу об этом подробнее в статье о поводках.

[86]

Итак, обратимся к лесам из конских волос. Получаемые из-за границы очень хороши, но зато и очень дороги и не довольно разнообразны в своей толщине. Покупаемые в русских лавках обыкновенно ссучены неровно и часто из старых, уже не так прочных волос, что, впрочем, можно узнать по желтоватому цвету. Итак, всего лучше готовить их дома.

Надобно выдернуть волосы из хвоста белой[87] лошади; выбрать самые длинные, ровные, белые и прозрачные и сучить или вить из них лесы какой угодно толщины: от двух, четырех, шести и до двадцати волос. Можно вить и сучить лесы цельные или с коленцами. Цельные, без сомнения, лучше, но для приготовления их надобно гораздо более уменья. Лесы с коленцами делаются очень просто. Берутся, например, шесть конских волос одинаковой длины, выравниваются в толщине,[88] завязываются на конце обыкновенным узлом, разделяются поровну и сучатся или вьются (как кто лучше умеет) до самого конца волос; потом опять завязывается обыкновенный узел: это называется коленцем. Коленцы связываются между собой уже двойным рыбачьим узлом, затягиваются как можно крепче, коротенькие кончики подстригаются довольно плотно, и вот вам готова леса какой угодно длины. Объяснить на словах свиванье цельной леси довольно трудно; но раз увидевши, как это делается, перенять легко. Тут волосы употребляются разной длины и всучиваются или ввиваются один за дру-

гим: как скоро приходит к концу один волос, то другой впускается на его место, а кончики обоих обстригаются так плотно, что после даже неприметно, где волосы оканчивались и где вставлялись. Сделанные таким образом лесы, по окончании каждого ужения и в продолжение зимы сохраняемые в сухом месте, если не будут изорваны насильственно, могут служить года три и более, хотя бы весной, летом и осенью удили на них каждый день. Не нужно распространяться, как важна для охотника крепость лесы, которая преимущественно зависит от ее ровности. Лесы, плетенные из волос, как обыкновенно заплетаются девичьи косы, особенно хороши. Они гораздо прочнее сученых и витых лес и никогда не путаются.

Наплавок

Наплавком называется небольшая, обыкновенно круглая или овальная, палочка, [89] длиною и толщиною в палец, из легкого дерева, или древесной коры осокоря, или из пробки, привязываемая к лесе в каком угодно расстоянии от крючка. Величина наплавка должна зависеть от толщины лесы, тяжести

грузила, величины крючка и удилица. Если наплавок мал – он тонет, если велик – не встает на глубине, а это иногда бывает нужно. Наплавок имеет два назначения: первое, чтобы крючок с насадкой плавал в таком расстоянии от дна, какое нужно рыбаку, или лежал на дне, смотря по надобности, и второе, еще важнейшее, чтобы он показывал своим движением всякое прикосновение рыбы к насаженному крючку и, наконец, время, когда надобно подсечь (то есть дернуть удилицем лесу) и вытащить на берег свою добычу. Следовательно, всякое легкое, плавающее на воде вещество может служить наплавком. Наплавки готовятся различным образом:

- 1) Они вырезаются или вытачиваются из коры *осоко́ря*, которая имеет прекрасный темно-красный цвет, очень легка и не намокает в воде. По-моему, это самые лучшие наплавки.
- 2) Можно их делать из всякого сухого дерева: на один обвостренный конец маленькой палочки, в палец толщиной посредине, плотно надевается нижняя половина гусяного пера, а в другой, обвостренный же, втыкается маленькая, из проволоки сделанная пе-

телька для продевания лесы, другой конец которой (то есть лесы) продевается сквозь колечко, вырезанное из пера и надеваемое на перьяной конец наплавка (колечко должно быть несколько шире пера). 3) Вместо дерева можно употреблять пробку: пропускают сквозь нее тоненькую деревянную палочку и потом обдeldывают точно так же, как наплавки второго разряда. Есть еще наплавки, получаемые из-за границы, сделанные из одного гусяного толстого пера и устроенные точно так же, как сейчас описанные мною наплавки; но они пригодны только для удочки наплавной, без грузила, ибо слишком легки; притом толстый конец пера, в котором утверждается петелька, обыкновенно заклеивается сургучом или особенною смолою; если вода как-нибудь туда проникнет, то наполнит пустоту пера, и наплавков будет тонуть; притом они не видки на воде. Хотя осокоревые наплавки менее удобны для передвиганья, ибо каждый раз надобно распустить двойную петлю лесы, которою затянут наплавков, зато они менее сложны и реже портятся; а у наплавков второго и третьего разрядов проволочные пе-

тельки часто выдергиваются и перьяные колечки еще чаще трескаются. Колечки надобно иметь запасные, но надевать их хлопотно: должно отвязывать лесу, если крючок и грузило по величине своей сквозь перьяное колечко пройти не могут. Можно также употреблять наплавки из зеленого и сухого камыша особой породы, мягкого, толстого и ноздреватого внутри; но он непрочен и не везде родится. Величина наплавка должна быть соразмерна с целым устройством удочки, как я уже и сказал, а потому наплавок должен иметь такую тяжесть, относительно к этому общему устройству удочки, чтобы рыба, трогая и забирая в рот насадку крючка, не почувствовала никакого препятствия.

Грузило

Грузилом называется кусочек металла, почти всегда свинца (ибо он тяжел и мягок), прикрепляемого к лесу, в недалеком расстоянии от крючка для его погружения в воду. Грузила бывают разной тяжести смотря по величине всей удочки и течучей или стоячей воде. Для самой маленькой удочки довольно одной небольшой дробинки; для средней – од-

ной, двух или трех крупных дроби́н, а для самой огромной употребляют небольшую пулю. Прикрепление грузила из свинца делается следующим образом: берется кусочек свинца такой величины, какой надобно, разбивается в длинную узенькую пластинку и наворачивается на лесу или поводок; а чтобы грузило не передвигалось, то легким ударом молотка бока его сжимаются. Дроби́ны прикрепляются еще проще: возьмут дроби́ну или пулю, разрежут ее до половины ножом, вложат в это отверстие лесу и потом краешки сколотят. Всегда надобно прикреплять грузило к волосяной лесе, повыше шелкового поводка, ибо свинец скорее переедает шелк, чем конские волосы. За неимением дроби и пуль можно сделать грузило из всякого кусочка свинца, о чем сейчас мною сказано, наблюдая только, чтобы фигура его была овальна: угловатое грузило скорее заденет за траву или шероховатое дно. После свинца всего лучше олово, а за неимением того и другого можно употребить и медь и железо: последние привязываются иногда к лесе особой ниткой.

Крючок

Без сомнения, это важнейшая часть удочки: весь успех ужения зависит от доброты крючка. Лучшие крючки – английские. Величина их различна и разделяется на двенадцать номеров.[90] При выборе их надобно наблюдать следующее: 1) Крючок должен быть хорошо закален: недокаленный будет разгибаться, а перекаленный – ломаться; синий цвет, признак доброй закалки, легко подделать, и потому всего лучше каждый крючок попробовать погнуть рукою. В случае крайности лучше брать крючки недокаленные: они будут разгибаться немного, а перекаленные будут ломаться; последние никуда не годятся. 2) Сгиб крючка должен быть кругловат, не слишком глубокий и не мелкий, широкий, к острому концу немного погнут набок. Жало должно быть остро, длинно, смотреть в сторону. Выгода первых двух качеств не требует пояснения, но выгоду последнего – для чего конец крючка должен быть погнут немного вбок – можно узнать только из опыта. Если вы будете удить на две одинаковые по величине и устройству удочки, из которых у одной жало крючка смотрит на сторону, а у другой прямо по

спинке крючка, то увидите, что на вторую удочку будет втрое более промахов, чем на первую. Без сомнения, причина состоит в том, что при подсечке крючок с жалом прямым удобнее выдергивается изо рта рыбы, не задев за которую-нибудь его сторону. 3) Зазубрина должна хорошо, но не круто отделяться и крепко держаться в рассечке, ибо она не допускает крючок выскользнуть назад изо рта подсеченной рыбы. Крючки нередко ломаются в рассечке, если она слишком глубока. 4) Крючок не должен быть толст. Толстый крючок неудобен, потому что мелкая насадка (небольшой червь, кобылка, маленькая рыба и проч.) теряет на нем свой натуральный вид и сейчас умирает, и особенно потому, что крючок тонкий скорее пронзит губу. Еще труднее толстому крючку проколоть верхнюю часть рыбьего рта, которая бывает очень жестка. 5) Спинка крючка не должна быть длинна: это также мешает живости насадки, которая обыкновенно сбивается книзу и верхняя часть спинки остается ничем не закрытою. Это рыбу пугает, но сверх того, если она и возьмет насадку в рот, что почти всегда де-

лается на ходу (кроме ужения со дна), то сейчас почувствует твердую, не закрытую спинку крючка и проворно выплюнет (выкинет назад) насадку. В этом всякий наблюдательный охотник может убедиться собственными глазами, когда будет удить в светлых водах. 6) Спинка крючка оканчивается лопаточкой, плечики которой должны быть широки и не остры, для того чтобы завязка поводка или волосяной лесы не обрезывалась и держалась крепко: это последнее условие очень важно. Завязка часто подрезывается внутри неприметно для глаза, хотя бы заботливый рыбак всякий день осматривал свои удочки; дело идет хорошо, покуда берет небольшая рыба, но чуть взяла крупная – прощай и крючок и добыча... Леса взвивается вверх, как будто просто сорвалась рыба, огорченный охотник поспешно достает свежего червя, хочет насадить и вместо крючка видит перерезанный конец поводка или лесы, которым была она привязана... Тут последуют заключения: «Рыба была так велика, что поводок не выдержал, откусила щука» и проч., а это вздор! При внимательном рассмотрении окажется, что

длина поводка или лесеы не убавилась, а что она порвалась у самого крючка, в самой за-вязке.

Обращаю особенное внимание охотников-рыбаков на привязку крючка к поводку или прямо к лесе: от прикосновения к железу и мокроты привязка, то есть самый узелок, часто переедается ржавчиной; для предохранения от нее можно под привязку наматывать тонкую шелковинку в один ряд, но не более, иначе привязка будет толста. Всего лучше осматривать крючки ежедневно и внимательно: чуть появится желтизна около привязки – сейчас переменить поводок. Хотя и волосяная лесеа подвергается действию ржавчины, но она долее ей противится.

Поводок

Поводком называется особый небольшой *привязок* к лесе, к которому уже прикрепляется крючок. Поводки бывают: 1) из тонкой проволоки, медной или железной; 2) из басовых и простых толстых струн; 3) из спинки гусиного пера во всю его длину, очищенную от мякоти, и 4) из шелка. Первые три рода поводков употребляются для ужения щук, ибо

по множеству и остроте зубов она перегрызает, иногда в одну секунду, всякие лесы: волосяные, нитяные и шелковые, а последний род поводков шелковых почти никто не употребляет. Это собственно придумано у нас в доме одним старым рыбаком. Тридцатилетняя опытность моя и нескольких охотников, перенявших эту выдумку, удостоверили меня в ее несомненной пользе. На удочку с шелковым поводком всякая рыба берет (по-охотничьи: клюет) гораздо жаднее. Почти все, что было мною говорено о выгодах шелковой леси, состоящих в ее зыблемости, шелковый поводок имеет в себе, для чего он должен быть не короче шести вершков; а волосяная леса, к которой он привязан, не путается и не гниет так, как цельная шелковая: разумеется, всякий год надобно раза четыре переменять поводки; но это нетрудно. Еще выгода: шелковым поводком гораздо крепче привязывается крючок, чем волосяною лесою; причина очевидная: упругость волос. Толщина поводка зависит от толщины леси. На самую толстую лесу я обыкновенно навязываю поводок, ссученный из шести, на среднюю из четырех, а

на маленькую из двух обыкновенных шелковинок английского шелка. Здесь разумеется *маленькая* удочка, или *плотичная*, волоса в четыре: для удочки наплавной поводок из двух шелковинок будет тяжел. Шелк для поводков лучше употреблять зеленый, ибо он сходен цветом с травой, но в случае нужды годится всякого цвета. Хороший шелк бывает так крепок, что на свежий поводок из *одной* шелковинки можно вытащить с осторожностью рыбу в пять фунтов; только такие поводки, если удить постоянно, надобно перемениать раз или два в неделю.

Есть еще поводки, получаемые из-за границы, из индийского растения или сырца-шелка с прикрепленными уже крючками; они имеют все достоинства и пороки целых таковых лес. Рыба берет на них очень хорошо, но предупреждаю охотников, чтоб они не привязывали своих лес к выписным, волосяным поводкам за *петельку*, которая всегда у них делается, а связывали бы поводок с лесою обыкновенным рыбачьим узлом. Индийский волос на петельке легко рвется, и потому я до них небольшой охотник. Я испытал это, к

несчастью, много раз. — Леса в один конский волос употребляется без поводка, впрочем, можно и вовсе не употреблять поводков, а привязывают крючок прямо к лесе, что и делают почти все охотники.

Устройство удочки

Как скоро все части удочки у вас будут изготовлены, то вам остается только устроить целую удочку. Удочки бывают различной величины смотря по своему назначению: *маленькие* для мелкой рыбы: гольцов, пескарей, ершей, уклеек (в Оренбургской губернии их называют сентявками и белоглазками), ельцов, мелких окуней и плотвы; *средние*, более других употребительные, для крупных окуней, язей, головлей, лещей, линей и карасей; *большие* удочки назначаются для самой крупной рыбы: для пород, сейчас мною поименованных, достигающих иногда огромной величины, и особенно для пород хищных: для щук, жерихов, сазанов, судаков, карпий и лочов, или *красуль*. Разумеется, это разделение произвольно, и если удить в водах, где водятся все породы рыб, то легко может взять огромная рыба на среднюю и даже на малень-

кую удочку; она любит иногда попоказывать и, не трогая большие, самые лакомые насадки, хватает за пшеничное зернышко, кусочек хлеба с булавочную головку или муху... И страшно и весело бывает тогда рыбаку!.. Горько, когда рыба сорвется или порвет лесу; зато какое счастье, если на маленькую удочку вытащит он большого язя или головля. Верно одно, что на большую удочку не возьмет уже мелкая рыбка – по величине насадки.

Итак, вы берете крючок, привязываете к нему поводок, поводок привязываете к лесе и сейчас прикрепляете к ней грузило; если у вас наплавок с петелькой и пером, то надеваете его с другого конца лесе и, отмеривши ее столько, чтоб она была четверти две или полторы длиннее удилица, привязываете ее двойною петлею к тонкому его концу, к самой верхушке, а как вся лесе должна быть всегда гораздо длиннее удилица, то остальную ее часть надобно плотно обвить около него, спускаясь сверху вниз, и где лесе кончится, там привязывать ее гладенько к удилицу воценой ниткой.

Теперь устроена у вас удочка обыкновен-

ная, всего более употребляемая; но есть еще два рода удочек: *подонная* и *наплавная*, или *накидная*. Первая удочка, то есть ее леса, бывает длиною до восьми аршин и более; грузило ее состоит из пули и прикрепляется: от трех четвертей до одного аршина расстоянием от крючка, который обыкновенно берется из самых крупных номеров, то есть: первого, второго, третьего. – Такая удочка с самой толстой лесой, волос в тридцать, употребляется на больших и быстрых реках без наплавка; леса привязывается к маленькому и самому гибкому удилицу; а как ее нельзя закинуть обыкновенным образом, то леса забирается кругами в руку до самого грузила, и таким способом крючок с насадкой закидывается на большое расстояние. Тут уже удилице всегда держится в руке и служит для указания, что рыба взяла, для подсечки и для того только, чтоб уводить и утомить рыбу, по большей части самую крупную; но она подтаскивается уже просто за лесу и вынимается рукою или сачком. По большей части такое ужение производится по ночам и с лодки. Я сам видел, как рыбак удил таким образом на Москве-ре-

ке (в 1827 году) огромнейших головлей, фунтов по девять; он уверял меня, что головли иногда попадаются в четырнадцать фунтов.

Наплавная, или накидная, удочка устроивается из леси в два и даже в один конский волос, без грузила, наплавка и поводка. На длинную лесу навязывается самый маленький крючок (№ 10, 11, 12), а она привязывается к тонкому, легкому и гибкому удилицу. Насадка состоит из мух и самых маленьких красненьких червячков, называемых *мотылями*, которых я нигде, кроме окрестностей Москвы, не видывал. Крючок почти не тонет, и рыба хватает насадку на поверхности воды. Удить надобно на местах быстрых. Предпочтительно берут: ельцы, языки, головлики и уклейка. Разумеется, удилице надобно держать в руке. Я не охотник ни до подонной, ни до накидной удочки. Особенно трудно закидывать последнюю. Обыкновенно удят на нее с моста или войдя в воду по колени и глубже; в таком только положении удобно ее закидывать по ветру: ужение беспокойное и требующее большого навыка. Чувство осязания в руке должно быть так развито, чтобы верно ука-

зывало время подсечки: со всем тем на каждую рыбу придется по нескольку промахов. Подонная и наплавная – начало и конец всех удочек. Кстати здесь сказать, что вообще ужение без наплавка мне не нравится не только потому, что оно беспокойно, ибо надобно постоянно держать удилице в руке, но главное потому, что ужение без наплавка много лишается своей прелести. Внимательное наблюдение за движениями наплавка, за различием и значением этих движений, ожидание, что сейчас потянет или утащит наплавок, – все это вместе составляет наслаждение для охотника. Притом есть такого рода клев, где только глазами можно различить, когда надобно подсечь; а если судить по силе дерганья (без наплавка же иначе судить нельзя), то будешь беспрестанно ошибаться: станешь подсекать не вовремя и пропускать настоящее мгновение для подсечки, ту небольшую *потяжку*, которую никогда нельзя различить рукой. Итак, удочки у нас готовы всех сортов: надобно уметь их насадить, или, как многие охотники говорят, наживить.

Насадка

Насадкою называется все то, что для при-манки рыбы насаживается на острый конец крючка, который, если насадка велика, прячется в ней весь. Исчисляя многообразные виды и роды насадок, я скажу об уменьше насаживать, ибо оно также разнообразно. Можно сделать одно общее правило: жало крючка должно быть так скрыто в насадке, чтоб его не было видно глазами и слышно осязанием; чтоб оно не укололо рта рыбы при самом первом ее прикосновении, но чтоб в то же время выход жала был свободен и чтоб при подсечке или собственном движении рыбы (которая, взявши в рот насадку, иногда вдруг бросается в сторону), жало мгновенно высовывалось и впивалось во внутренние части рта рыбы.

1) Самая обыкновенная, везде находимая в навозе весной, летом, осенью, употребляемая всеми насадка – есть красный *навозный червь*, называемый в низовых губерниях *глистою*. Только в середине лета рыба берет на него не так охотно. На него клюют все породы рыб,

кроме жериха и щуки, но и те иногда изволят им лакомиться, особенно щука. Разумеется, на навозного червячка, по его мелкости, обыкновенно берет мелкая и средняя рыба, но иногда хватает и крупная. Красного червячка надобно насаживать, впуская жало в его голову,[91] весь крючок должен быть в нем скрыт; всего лучше, чтобы головка держалась на привязке лесы или на плечиках крючка, середина скрывала в себе крючок и жало, а хвост изгибался на свободе. Таким образом, червяк, нигде по бокам не прорванный, будет довольно долго жив и сохранит свой натуральный вид: и то и другое очень важно для приманки рыбы. Она весьма охотно хватается за длинный хвостик, но для мелкой рыбы, особенно для плотвы, такая насадка не удобна: рыба схватит за длинный конец и наплавок утащит; рыбак дернет – и полчервяка безвредно останется во рту рыбы. Разумеется, чем меньше удочка, тем меньше насаживается червяк. Для большой рыбы на один и тот же крючок насаживают по нескольку навозных червей, даже по десятку и более, прокалывая их поперек и спрятав жало в одном из

червей: это называется удить на кучу глист.

2) *Земляной червь*, фигурой совершенно сходный с червяком навозным; он длиною бывает вершка в три и даже четыре, а толщиною почти в мизинец; цвета бледно-коричневого, самые же крупные – коричневого. Земляные черви насаживаются не совсем так, как навозные. Насадка делается двумя способами: или проколоть червяка пониже головы пальца на полтора, весь крючок поместить в остальной его части, а плечики крючка спрятать в скважине, или насаживать с хвоста, отступя пальца на два и более, острый конец крючка скрыть в голове червяка, которая будет несколько висеть, а тупой – в его середине. Многие предпочитают второй способ, утверждая, что рыба охотнее берет червяка с головы; но я не могу вполне с этим согласиться. По моему замечанию, мелкая рыба жаднее берет червяка с хвостика, а крупная, особенно окунь, – как случится и всего чаще поперек. Этой породы червей я не видывал в Оренбургской губернии, а здесь, около Москвы, их очень много. Удочки надобно употреблять самого большого размера. Язи, головли, лини и

особенно окуни берут на этого червя очень хорошо; он имеет и ту выгоду, что мелкая рыба его не трогает.

Есть еще глиста, или червяк, тоже земляной. Он отличается от обеих пород червей, сейчас описанных: он белесоват, очень длинен, но не толст; тело его прахово и легко рвется; он пригоден для насадки средних удочек. Обе породы земляных червей не живут в навозе, а в земле. Вторых можно везде найти, а первых – иногда очень трудно: в сухое время они уходят глубоко в землю и только после дождя вылезают наружу, особенно ночью. Любимое их местопребывание – рыхлые гряды в огороде: там, после дождя, можно запасть ими надолго, но для сбережения надобно держать их в большом глиняном горшке, засыпав сверху, вершка на два, обыкновенной землей; горшок должно ставить в подвал и на уженье брать червей понемногу. Таким образом можно сохранять их несколько дней, даже неделю, в сильные жары.

3) В Москве-реке, в речках, в нее впадающих, и в заливаемых ею озерах водится маленький червячок, называемый *мотыль*, ве-

роятно, оттого, что, состоя весь из крошечных суставов, он мотается во все стороны. Насаживать его очень хлопотно, ибо как скоро вы его проколете, то из него вытечет красная влага и останется одна прозрачная кожица. Несмотря на то, туземные рыбаки умудряются насаживать мотылей на маленькие удочки: прокалывая двух или трех поперек, в четвертом искусно прячут жало. Всякая мелкая рыба клюет на них очень охотно именно летом, когда плохо берет на червяка навозного; но возня с ними очень скучна.

4) Есть еще довольно большой, толщиною в палец, длиною в вершок, с красною, жесткою головою, *белый червь*, в Симбирской губернии называемый *сальником*, а около Москвы, бог знает почему, *угрем*. Это гусеница навозного жука. Он насаживается точно так же, только всегда с головы, как и обыкновенный червь, с тою разницею, что находящуюся в нижней его части черную дрянь надобно слегка выдавить и червяка сполоснуть, а не то он в воде скоро весь посинеет и даже почернеет. На него охотно берут крупные язи, окуни, особенно головли. Мелких же сальни-

ков, называемых у нас *молошниками*, насаживают не выдавливая.

Все породы червей надобно сберегать в ящичках, деревянных или металлических, которые бы плотно задвигались и были наполнены землею, всегда влажною: излишняя мокрота и сухость равно им вредны; всего лучше такие ящички после уженья ставить на погребницу или в другое сырое и прохладное место.

5) Раки составляют во всякое время отличную насадку и приманку для рыбы в тех водах, где они водятся; в водах же, где их нет, рыба на них не берет, но, вероятно, можно приучить. Обыкновенно употребляют облупленные, сырые раковые шейки, но можно употреблять и внутренние стороны рака и его клещенки; жаль только, что эту превосходную насадку немилосердно треплет плотва, и где ее очень много, там она выведет из терпенья всякого терпеливого рыбака. Можно удить и на вареных раков: рыба берет на них хуже, но плотва не станет так сильно трепать и раздирать эту насадку. Самый же лакомый кусок, на который с жадностью бросает-

ся всякая крупная рыба, есть рак *линючий*. Всем известно, что раки линяют, то есть переменяют свою скорлупу, летом, в июне и в июле месяце.[92]

Это время их болезни, и потому они сидят в норах, откуда надобно вытаскивать их руками. Линючий рак тогда готов для насадки, когда можно с него и со всех его частей, даже с ножек, слупить осторожно старую жесткую скорлупу; под нею останется тонкая, молодая кожица, и он делается так нежен и мягок, что самого огромного рака может заглотать и язь, и головль, и линь, у которого рот очень мал относительно его величины. Все роды больших рыб, не исключая и хищных, до невероятности жадны до линючего рака. Он насаживается целый, исключая клешни, которые составляют особую лакомую насадку. Сначала крючок продевается сквозь середину шейки, начиная с ее конца, вдоль по кишечному каналу, и вынимается вон внизу, возле первых двух ножек, так что шейка остается продета поводком; отступя на полпальца, крючок снова впускается весь во внутренность рака, и жало его выходит несколько на-

ружу возле рачьих глаз. Поводок легонько выправляется, и рак получает свою естественную длину и фигуру. Эту насадку надобно делать очень искусно: если вы прорвете где-нибудь молодую кожу и жидкая внутренность рака выйдет наружу, то жадная и дерзкая плотва сейчас начнет щипать за прорванное место и совершенно испортит вашу насадку.

Клещенки, или клешни, у крупных раков отрывают у самого туловища, во всю их длину, не повредив нигде ни маленького кончика, очищают от старой кожи и так же осторожно насаживают с верхнего узкого конца на крючок, который прячется в самой клешне при ее раздвоении: она расправляется на поводке и имеет вид вытянутой длинной женской перчатки. На нее очень жадно берет рыба средней величины и даже крупная.

Если линючий рак уже прорван, то можно насаживать его по частям, то есть: шейку особо, туловище разрезать вдоль пополам и каждую половинку употреблять также особо, наблюдая при насадке общее правило. Эти половинки рачьего туловища покрыты с внутренней стороны каким-то мохом; большие окуни

жадно берут на них. Уженье на такую насадку называется «уженьем на *рачий мошок*». Все раковые насадки надобно часто вынимать и осматривать, если наплавок не совершенно спокоен: они легко портятся от прикосновения мелкой рыбы, то есть жало крючка высовывается наружу.

Раков всего лучше иметь живых; но как это не всегда возможно (впрочем, раки живут без воды дни два и три), то надобно очистить шейки и сохранять их в жаркое время на льду.

6) *Печеный хлеб и хлебные зерна*. Ржаной хлеб, мягкий, умятый руками до степени липкого теста, скатанный несколько кругловатыми шариками, составляет также весьма употребительную насадку, особенно у крестьян, живущих по рекам, изобильным рыбой. Величина шариков бывает различная, смотря по величине крючка и рыбы, какую желаешь поймать: от мелкой горошинки до небольшого грецкого ореха. Всего охотнее берет на хлеб плотва, но берет также и всякая другая рыба, исключая пород хищных, также ершей и гольцов. Хлебная насадка, кроме удобства ее

приготовления, имеет две выгоды: а) клев на нее вернее, ибо круглый кусочек хлеба нельзя таскать с места на место безнаказанно, как это часто делает рыба с хвостом насаженного червяка; и б) от вас зависит, насадив большой кусок хлеба, величиною с грецкий небольшой орех, защитить тем себя от дерганья мелкой рыбы и ждать спокойно крупной, чего нельзя сделать ни с шейкой нелинючего рака, ни с червяком. Можно удить на ситный и белый хлеб, но ржаной более имеет запаха, и рыба охотнее берет на него.

Хлебные зерна овса, ячменя, гороха, а всего лучше пшеницы употребляются предварительно распаренные в горячей воде, отчего они делаются крупными, мягкими и удобными для протыкания жалом крючка. Насаживают по одному зерну, по два и по три, смотря по их мягкости, величине и по рыбе. Тут особенно надобно наблюдать, чтобы острие крючка выходило свободно. На зерна преимущественно ловится рыба, заранее прикормленная. Рыба берет всякая, кроме пород хищных, и даже весьма крупная.

7) *Живец, животка*, или мелкая, живая

рыбка. На мелкую рыбку берет окунь, щука, шереспер, или жерих, судак и головль. На рыбку берет охотно и налим, но только по ночам; на маленькие кусочки изрезанной рыбки поздно осенью клюет плотва красноперка. Рыбку обыкновенно насаживают, впуская в ее спинку острый конец крючка, от головки к хвосту. Многие охотники задевают крючком за губу живца и утверждают, что этот способ гораздо лучше, что насаженная таким образом рыбка ходит бойчее, долее живет и лучше приманивает хищную рыбу. Все это отчасти и правда, но не менее правда и то, что рыбка, задетая за губу, часто срывается сама и еще чаще отрывается, если схватит ее не самая крупная хищная рыба и не вдруг всю заглотает. Для насадки употребляются все породы рыб, кроме хищных; в случае крайности можно и их употреблять, разумеется покуда они очень малы; пескари же, гольцы и лошки во всех своих возрастах служат превосходными живцами. Мелкую рыбку для насадки надобно сохранять живою, что довольно трудно. Самый простой способ – держать ее в ведре с водою, которую переменять как можно

чаще, а всего лучше – в маленькой плетеной сажалке, которая может подле вас стоять или плавать в воде; но переносить эту сажалку с места на место неудобно.

8) *Кобылки, жуки, мухи.* Все роды кобылок употребляются для ужения: от саранчи до кузнечика. Всего охотнее, как мне случилось заметить, берет крупная рыба на большую зеленую кобылку, а средняя и мелкая – на серенькую, очень маленькую. Удить надобно с легким грузилом и не рано, а около полдён, когда рыба гуляет поверху. Можно даже совсем снять грузило и пустить наплавок как можно мельче, иногда вершка в три глубиною, обращая таким образом обыкновенную удочку в наплавную. Все породы насекомых насаживаются одним способом: крючок впускается в спинку от головки к хвостику. Этот род ужения бывает успешнее в водах чистых и довольно быстро текущих, особенно в реках степных, потому что в степях более водится кобылки, чем в других местах, и рыба привыкла к ней, часто попадающей в воду.

Жуки употребляются для ужения так называемые майские, но в средней полосе России

они появляются в июне и держатся до половины июля и потому напрасно называются майскими. На них берут язи и головли. При насадке их надобно наблюдать, чтобы верхние, жесткие крылышки были приподняты и из-под них торчали их вторые крылья, длинные, мягкие и прозрачные. Некоторые охотники даже отрывают верхние, жесткие крылья.

Обыкновенные мухи составляют лакомую приманку для мелкой рыбы; она жадно берет на них с весны до осени, на удочку наплавленную, или накидную; изредка берет рыба и порядочной величины, особенно головли.

Надобно, чтобы мухи и всякие насекомые, употребляемые для насадки, были свежие, живые, для чего следует их наловить перед самым ужением и посадить в чистый, сухой, стеклянный пузырек, потому что в мокром или имеющем какой-нибудь запах они тотчас перемерут.

Можно удить на коромыслов, бабочек, летучих тараканов, одним словом на всех насекомых и даже на улиток (слизней). Удят также всякую крупную и хищную рыбу на ку-

сочки сырого мяса.

Я не употреблял сам, но слышал, что насаживают крючки «зеленью», то есть водяным цветом, когда он делается довольно густ.

За наименьшем другой насадки случилось мне один раз (на рыбной реке, Деме, в Оренбургской губернии) попробовать насадить крючок кишочкой кулика, и рыба брала всякая!.. Я пробовал то же раза два в других местах и всегда с успехом. Я ловил мелкую рыбу, потому что удил на тонкие кишочки, а на толстые, может быть, брала бы и крупная рыба.

Итак, у нас готовы не только удочки, но и всякая насадка: надобно выбирать места для ужения.

О выборе места

Если вы случайно заедете или постоянно живете на такой местности, где на реке есть мельница и пруд – спешите туда: там найдете вы самое разнообразное ужение и приволье в выборе места, о чем я буду говорить ниже. Я должен признаться, что страстен к запруженной реке. Вид пруда и мельницы, стук ее снастей, шум падающей воды – приводят в тихое и сладкое волнение душу старого рыбака. Чем-то дорогим прошедшим глядят воды и водяные травы, шумят вертящиеся колеса, дрожит мельничный амбар и пенятся кипящие под ним волны! Кустами обросшая плотина, дорожки, протоптанные прохожими, помольцами и хозяевами, переходы через воду из жердочек – все говорит о чем-то давно знакомом, близком сердцу. Где мельница – там и рыба. Пруд – ее притон и гульбище! Там много всякой пищи, там привольно метать икру и выводиться маленькой рыбешке. Около мельницы во все времена года, во всякую пору дня охотник найдет и достанет рыбу. В раннюю весну, в

позднюю осень, в дурную погоду – она держится больше в материке, в верховьях пруда; в теплое время, в летние жары – она гуляет по полям, в травах и камышах; в холодное ненастье – жметя по течению материка к теплой навозной плотине; но особенно любит она держаться в ямах, под спусками вешняка или под водяными колесами. Напрасно низвергающийся поток относит назад стаи мелких рыбок, они сторонкой беспрестанно возвращаются на самую быстрину, и хищные породы рыб хватают мелюзгу, обессиленную борьбою с стремлением воды. Рыбак вскарабкается на мокрый лежень, на котором тяжело ходит мельничный вал, и под навесом водяных труб, обросших зеленым мохом, под каплями и нитями просачивающейся воды, вздрагивая на своем месте при каждом обороте колеса, бросает удочку, насаженную червяком или всего лучше рыбкой, в самую быстрину, в волны и пену – и таскает жадных окуней и небольших щук... Но сказав о мельнице как о выгодном месте в частности, обращаюсь к выбору мест для ужения вообще.

Выбор мест бывает различен не только по

времени года, но и по времени дня. Весною, пока вода еще несколько мутна, рыба бродит зря, как говорят охотники, и клюет везде на всех глубинах, ибо берега рек еще не определились, не заросли по местам густою осокой, аиром или камышом; еще не поднялись со дна водяные травы, не всплыли лопухи; береговые деревья и кусты не оделись листьями, не покрыли прозрачные воды тенью зеленого навеса, маня рыбу пищею во всякое время и прохладю в полдень.

При раннем весеннем ужении, которое может иногда начинаться в исходе апреля, когда в реках еще много воды и они бегут быстрее обыкновенного, надобно грузило прибавить, чтобы крючок опускался как можно глубже, потому что удить приходится в *натяжку*, то есть леса стремлением воды будет натягиваться и крючок не будет касаться дна, а это весной необходимо. Рыба жметя обыкновенно ко дну, к берегам, особенно крутым, где течение потише. Места надобно выбирать не мелкие и не слишком глубокие; крючок с насадкой червя навозного или земляного (на хлеб удить на быстряках неудобно) от сильно-

го течения будет прибивать к берегу, и потому должно так класть или втыкать удилище, чтобы насадка только касалась берега и чтобы леса и наплавов не ложились на него; в противном случае они станут при подсечке задевать за берег, а это никуда не годится: рыба, хватая играющую насадку с набега, сейчас встретит упор от задевшей леси или наплавка и сейчас бросит крючок, да и подсечка никогда не может быть верна, ибо рука охотника встретит такое же препятствие, и подсечка не может сообщиться мгновенно крючку. Когда вода еще не совсем слила и не просветлела, трудно достать раков, насекомых еще никаких нет, и потому единственная насадка — черви; но как скоро река войдет в межень и образуются тихие места, то на них всякая нехищная рыба очень охотно станет брать на хлеб.

В реках не запруженных, текущих вольно, собственной массой воды, обыкновенно выбирают для уженья омуты, то есть глубокие места, где вода вдруг теряет свою быстроту, падая в яму; потом, завертывая назад около берега, она встречается с верхнею, текучею

струею, борется с нею и, наконец, теряет свое стремление: из этой борьбы образуется тишина; в таких тихих омутах постоянно держится рыба.

Летом надо выбирать глубину умеренную, дно песчаное или хрящеватое (то есть состоящее из мелких камешков), идущее от берега покато и отлого в глубину; на таких местах хорошо удить рано утром и поздно вечером. Еще лучше, если вода аршина на два от берега проросла травой и накрылась ее листьями, как бы зеленым ковром. Тут много выгод для охотника. Тут есть для рыбы и пища и защита от яркого солнца, а главное, тут не видно рыбака, сидящего на берегу, и ловко ему положить свои длинные удилица на травянистую ткань. Глубокие места, обросшие круглыми, как тарелки, зелеными лопухами, представляют те же выгоды. Места, где деревья зелеными ветвями своими наклонились над водою, где гибкие кусты омывают длинные листья свои в прозрачных струях, тихо ропщущих от их прикосновения, благонадежны для ужения не очень раннего и не очень позднего: ибо в это время рыба, уже поднявшись со

дна, ходит на умеренной глубине и очень любит держаться около зелени листьев. Охотники хорошо это знают и на реках и озерах, берега которых совершенно голы, прибегают к хитрости, устраивают искусственную зелень. срубают вершину какого-нибудь молодого дерева (если оно мало, то два и три) или целый куст тальнику, вербы, выбирают удобное для ужения место и кладут их на воду, погрузив до половины и воткнув нижние, заостренные концы в берег. Мелкая рыба не замедлит броситься к зеленым листьям, а за ней придет и крупная. Дни в два рыба привыкнет держаться около кустов, которые впоследствии, когда листья поблекнут, можно переменять по ночам. Так же поступают и на больших реках, где удят с лодки, привязав к ней связку вершин древесных или куст. Если место не так глубоко, то лодка стоит на *приколе*, то есть привязанная к длинному колу, воткнутому в дно; если же глубоко, то лодка держится на веревке с камнем, опущенным на дно.

Осенью для ужения крупной рыбы по утрам и вечерам надобно выбирать самые глубокие места; но около полудня рыба уже

не прячется от солнечного зноя, как летом, под траву, кусты, тень нависших берегов и даже тень мостов; напротив, обрадовавшись теплоте солнечных лучей, она стаями выплывает на поверхность воды, хватая падающие на нее увядающие листья и всяких насекомых. Тут надобно удить как можно мельче и предпочтительно на всяких насекомых.

Есть осеннее ужение «нахлыстом», как выражаются рыбаки, которого мне не довелось испытать, но которое, говорят, бывает очень удачно. Оно особенно выгодно и приятно потому, что в это время другими способами ужения трудно добывать хорошую рыбу; оно производится следующим образом: в маленькую рыбацью лодку садятся двое; плывя по течению реки, один тихо правит веслом, держа лодку в расстоянии двух-трех сажен от берега, другой беспрестанно закидывает и вынимает наплавленную удочку с длинной лесой, насаженную червяком, кобылкой (если они еще не пропали) или мелкой рыбкой; крючок бросается к берегу, к траве, под кусты и наклонившиеся деревья, где вода тиха и засорена падающими сухими листьями: к ним обыкновен-

но поднимается всякая рыба, иногда довольно крупная, и хватает насадку на ходу. Вероятно, вместе с сухими листьями падают в воду какие-нибудь насекомые, и потому падение листьев привлекает рыб. Я много раз сам наблюдал, как хватает рыба упавшие листья и уносит вглубь: некоторые листочки всплывают, а другие пропадают; может быть, рыба глотает те из них, которые еще зелены. В тихое время и на тихой воде, в верховьях прудов, где материк стоит наравне с берегами, обросшими лесом, листья застилают воду иногда так густо, что трудно закинуть удочку, и если грузило легко, то крючок с насадкой будет лежать на листьях; разумеется, надобно добиться, чтобы крючок опустился и наплавок встал; удить надобно всячески, то есть и очень мелко и глубоко, потому что рыба иногда берет очень высоко, под самыми листьями, а иногда со дна. Это ужение имеет одну невыгодную сторону: в листьях трудно разглядеть наплавок; но зато рыба охотно и смело берет под листовенным покрывалом, и прозрачность осенней воды в этом случае помогает успешному ужению, ибо рыба издале-

ка видит упавшую в воду насадку, а человека не видит. Берут по большей части окуни, средние головли, язи и крупные ельцы. Впрочем, может взять и всякая рыба. Приятность этого ужения состоит в том, что оно спокойно и что в позднее осеннее время нельзя в других местах выудить никакой порядочной рыбы, кроме хищной; а из-под листьев мне случалось выуживать хороших язей, головлей и очень крупную плотву: последняя брала на хлеб, а первые – на крупных земляных червей.

Во всякое время года выгодны для ужения *перекаты* (мелкие места реки), устья впадающих речек и ручьев, ямы, выбитые падением воды под мельничными колесами и вешняками. Перекаты – проходное место рыбы, переплывающей из одного омута в другой, скатывающейся вниз, когда вода идет на убыль, и стремящейся вверх, когда вода прибывает; перекаты всегда быстры, следовательно удить надобно со дна и с тяжелыми грузилами. Течение воды будет тащить и шевелить насадку на крючке, и проходящая рыба станет хва-

тать ее.

При устьях впадающих речек и ручьев всегда держится мелкая рыбешка, а около нее держатся все породы хищных рыб: щуки, жерихи, судаки, окуни и даже головли, которые, несмотря на свою нехищную, по-видимому, породу очень охотно глотают маленьких рыбок. В глубоких ямах, выбиваемых паденьем полый воды под вешняками или скрынями, всегда водится много крупной рыбы. Под шумом воды, падающей с мельничных колес, также всегда стоит рыба, хотя и не так крупная.

Из всего этого не следует заключать, что только в местах, мною исчисленных, должна клевать рыба. Где есть вода, там она может плавать, следовательно, и брать на удочку. Рыба пользуется этой свободой, и нередко клев ее бывает так прихотлив, что приводит в недоумение опытного рыбака.

До сих пор мы говорили о реках. О выборе мест в небольших речках и ручьях, где ловит-

ся на удочку форель (пеструшка), кутема и лох, нечего сказать особенного: такие места, то есть небольшие омуточки или ямки, перемещаются беспрестанно, и об этом будет сказано в статье об уженье форели. Выбор мест для ужения в проточных прудах, заросших травой и камышами, имеет свои особенности. Ужение в их материке (материком называется русло настоящей реки) есть ужение речное. Тут нет выбора мест, зависящего от положения берегов, ибо вода затопила их и стоит выше земной поверхности на аршин, иногда и более; тут надобно знать положение дна, заметив его при спуске полой воды или, если этот пруд вам незнаком, осязав дно рыбачьим лотом. (Лотом называется маленькая гиря или большая свинцовая пуля, привязанная на длинный шнурок.) Отлогое дно, идущее от берега в глубину, твердое, не заросшее травой, не имеющее задевов, без сомнения есть самое лучшее место; но здесь ужение производится уже с лодки или с нарочно устроенных для того мостков или плота. Для ужения в *полоях*, то есть в разливе пруда, проросшего травой и камышами, как это особен-

но бывает в губерниях черноземных, надобно выбирать местечки поглубже, не заросшие травой или камышом. Летом вся рыба бросается туда и полои делаются единственным и обильнейшим местом для ужения, о чем мы поговорим подробнее в своем месте. В озерах, если берега их обросли травой и кустами, выбор мест для ловли удочкой во многом сходен с выбором мест в реке. В копаном пруде берега и дно везде одинаковы, и потому можно удить где угодно. Впрочем, всегда надобно соображаться с привычками самой рыбы: где она больше держится, там и удить. Опыт — лучший указатель в этом деле.

Места для ужения получают особенные достоинства от прикормки.

Прикормка

Прикормкою называются бросаемые в воду хлеб, хлебные зерна, квасная гуща, червячки и вообще все то, что ест рыба. Много есть рыбаков-охотников, которые целый век удят без прикормки и даже не находят в ней большой пользы, но последнее несправедливо: прикормка дело великое, и не только доставляет обильнейший лов, но дает возможность выуживать рыбу в таком месте, где без прикормки вы бы никак ее не выудили, и в такое время года, когда эта порода рыбы перестала уже брать. Разумеется, мы говорим о прикормке постоянной, которую хорошо готовить следующим образом: берутся хлебные зерна ржи, овса, пшеницы или какие есть; прибавляются отруби, корки ржаного хлеба, особенно пригорелые (рыба далеко слышит их запах), все это кладется в чугунок, наливается водой и ставится в жаркую печь, сутки на двое так, чтобы совершенно разопрело.

Прикормки бывают *временные* и *постоянные*. Временною прикормкою мы называем

бросанье оной во время уженья, или с вечера накануне, или перед самым уженьем. Можно бросать и червей и раков, расщипанных в куски. Постоянною называется опущение в воду, на самое дно, мешка с прикормкою, сейчас мною описанною; величина мешка произвольная, но весьма достаточно, если он будет четверти две с половиной в длину и полторы в ширину. Мешок должен быть сшит из рединки, так, чтобы не только просачивалась жидкость, но и зерна местами высывались. Мешок с такою прикормкою, с камнем для тяжести, привязанный на веревочке, опускается на самое дно в избранном для уженья месте. Мешок надобно класть недалеко от берега, так, чтобы удочки ходили около него впереди, для того чтобы подходящая к прикормке рыба прежде встречала насаженные крючки. Мешок должен быть привязан шнурком к маленькому колышку, который втыкается в берег или под берег так, чтобы его нельзя было и заметить никому и чтобы только хозяин мог его отыскать. Шнурок нужен, во-первых, для того, чтобы, в случае надобности, можно было перенести мешок с прикормкою на дру-

гое место, и, во-вторых для того, что если вы заденете за него удочкой, то можете вытащить мешок и крючок отцепить, а без шнурка вы оторвали бы его. Задеть можно при всей осторожности: сама рыба натащит. Мне случилось один раз зацепить крючком за мешок; я вытащил его посредством шнурка и нашел пришилленную к нему крючком моей удочки плотицу.

Постоянная прикормка должна лежать с неделю, прежде чем начнется ужение; очень полезно, сверх того, побрасывать всякий день прикормки особо, горсти по две, по утрам или вечерам. Если сделать такую прикормку с весны, сейчас как сольет вода, покуда не выросла трава около берегов и на дне реки, пруда или озера и не развелись водяные насекомые, следственно в самое голодное для рыбы время, то можно так привадить рыбу, что хотя она и высосет прикормку из мешка, но все станет приходить к нему, особенно если поддерживать эту привычку ежедневным бросанием прикормки в одно и то же время; разумеется, уже в это время предпочтительно надобно и удить.

Прикормка постоянная имеет еще ту выгоду, что менее приманивает мелкой рыбы, чем временная.

Нет никакого сомнения, что не только можно, но и должно на то удить, чем прикормлена рыба, то есть: на хлеб и на распаренные хлебные зерна; но охотники редко выдерживают такую последовательность и спешат предложить дорогим гостям вкуснейшие и любимейшие ими кушанья, как-то: червей, раков и др. В оправданье охотников можно сказать то, что на хлеб и зерна некоторые породы рыб, особенно хищных, совсем не берут; за что же рыбак добровольно лишит себя возможности их выудить, лишится разнообразия добычи, столь приятного всякому охотнику.

Делаются хлебные прикормки с конопляным маслом, с сыром; пришивают к мешку, завернувши в тряпочку, маленькие кусочки бобровой струи (даже привязывают их к крючкам): все это я пробовал, но никакой особенной пользы не видел; хлебом же или квасною гущею с конопляным маслом, по моему замечанию, скорее можно отвадить рыбу; я

два раз испытал это очевидно на карасях. Я уверен, впрочем, что должна существовать такая лакомая пища для рыбы, которая имеет силу непременно собрать ее в одно место: но куда еще не сделано этого важного открытия.

Хотя после всего мною сказанного нельзя оспаривать, что постоянная прикормка очень выгодна для ужения, но, повторяю, есть охотники, которые предпочитают ужение без прикормки. «Что за удовольствие, – говорят они, – поймать рыбу, которая посредством долговременной привычки сделалась почти ручною, приваженною есть корм без всякого опасения, в известное время, как дворовая птица? Тут пропадает искусство удить, тут почти равняется умеющий с неумеющим рыбаком; тут не нужны ни труд, ни забота, ни бессонные ночи. Нет, изучить, отгадать местопребывание, свойство и вкус осторожной, пугливой, вольной рыбы, привлечь и обмануть ее искусною насадкой, подстеречь ее прикосновение к крючку – вот в чем наслаждение рыбака! Одна такая рыба стоит десяти прикормленных!» Несмотря на то, что я

много уживал с прикормкой, продолжаю и теперь удить и защищаю ее выгоды, я должен признаться, что в возражении против нее — много правды, если смотреть на ужение только с его поэтической стороны.

Об уменье удить

Нет, кажется, ничего проще, как взять удочку, насадить червячка или кусок хлеба, закинуть в воду и, когда погрузится наплавок, вытащить рыбу на берег. Все это правда, а не менее того и то правда, что существует большое уменье удить рыбу. Для приобретения вполне этого умения надобно много опытности и даже некоторых особенных способностей. Например, нужны: ловкость в руках и искусство сохранять натуральный вид червяка, рака и насекомых, насаживаемых на крючок; острое зрение для наблюдения за движениями наплавка, иногда едва приметными и вовсе непонятными для непосвященного в таинство ужения; нужно неразвлекаемое внимание, ибо клев рыбы, смотря по временам года и по насадке, бесконечно разнообразен; нужны сметливость и догадка... Вы уже смее-

тес, вы подумали, любезные читатели, что я хочу исчислять все качества, необходимые ружейному охотнику, о которых напечатано в «Совершенном егере», и дойду наконец до «*острых, прямых зубов?*» Хотя их не худо иметь каждому человеку, но я скажу вам нечто другое. Настоящему рыбаку, охотнику-артисту, необходимо изучение нравов рыб, а это самое трудное и темное дело, хотя рыбы живут и в прозрачных чертогах. Нравы их должно отгадывать; данных очень немного, и потому надобно иметь и проницательность и соображение, а сколько труда, беспокойства!.. Вечерняя и утренняя заря – наилучшее время для наблюдения нравов рыб, относительно их пищи, а летом, как говорится, заря с зарей сходится... итак, наблюдателю немного часов останется спать.

Если бы кто-нибудь вздумал спросить меня хотя ради шутки: что я понимаю под словами «*нравы рыб?*», то я отвечал бы, что под этими словами я понимаю вообще природные свойства рыб, то есть в каких водах преимущественно любят жить такие-то породы рыб, что составляет их любимую пищу, в какое

время года и в какое время дня держится рыба в таких-то местах, и проч. и проч.

Надобно признаться, что мы очень мало знаем эту любопытную сторону натуральной истории в *жизни* обитателей вод. Все, что мне случалось читать, весьма неудовлетворительно, а иногда и очевидно не верно. Рассказы рыбаков по ремеслу, которые, впрочем, редко и мало занимаются ловлею на удочку, конечно, могут быть очень полезны, но эти люди часто смотрят с отвращением на свое ежедневное, трудовое занятие, работу, доставляющую им скудный кусок насущного хлеба. У них нет любви к своему делу, следовательно не может быть внимания и наблюдательности образованного человека, но повторяю, что рассказами их очень можно воспользоваться. Говоря о каждой породе рыб отдельно, я скажу все то немногое, что знаю о их нравах, также о клеве и способах удить. Предупреждаю моих читателей, что хотя все, мною сказанное, будет совершенная правда, но легко может оказаться неудачным и даже безуспешным в исполнении. Не только в разных водах у одних и тех же пород рыб бывают раз-

ные вкусы и свойства, но в одной и той же реке нравы их изменяются с течением времени. Вероятно, это зависит от изменения свойств воды, берегов дна и обыкновенного рыбьего корма. Например, от усиленного народонаселения, скотоводства, постройки мельниц вода делается мутнее и теплее; берега теряют обраставшие их прежде травы, в разливах прудов вырастают новые, свойственные только воде мелкой и запруженной; породы рыб отчасти замещаются другими; рыба от сытного корма делается не так жадна, а с тем вместе изменяется ее клев. Итак, мне остается сказать только об одних общих правилах относительно умения удить.

Первое. Важнейшее дело в умении удить — умение хорошо устроить удочки; об этом уже было говорено, но я повторяю вкратце: удилище должно быть прямо, гладко, легко, ловко для подсечки, конец его гибок; леса должна быть ровна и ссучена не круто. Крутая леса будет свиваться, наплавок станет вертеться, крючок с насадкою приподниматься кверху, и если в этом положении возьмет рыба, то по большей части случится промах. Это неснос-

но на ужение и даже пугает рыбу; такую лесу или надобно рассучить, что довольно хлопотно, или бросить. Узелки, которыми поводок привязан к лесе и крючку, должны быть невелики, без махров; поводок должен идти от внутренней стороны крючка; крючок – хорошо загнутый, всегда острый: как скоро жало притупляется, сейчас переменить крючок; [93] насадка свежая, живая, насажена искусно. Вся удочка должна быть соразмерна в своих частях, красива, даже изящна. Такая удочка – большая порука за успех.

Второе. Не менее важно уметь пользоваться благоприятною погодою и временем дня. Самые драгоценные часы для ужения – раннее утро. Нет никакого сомнения, что в это время рыба голоднее, берет охотнее и смелее, потому что вода еще не так прозрачна, и что оттого рыба заклевывает вернее. Вечером также рыба берет охотнее, чем в продолжение дня, особенно поздно вечером: тогда и крупная рыба начнет смело ходить около берегов даже на местах очень чистых и мелких, и хотя рыба ест во всякое время дня, но вечером она жаднее ищет корма. Чем жарче пого-

да, тем надобно удить ранее: среди лета, в ясные знойные дни, едва блеснет белая полоса на востоке, охотник должен быть на месте уженья: мы разумеем уженье крупной рыбы и особенно на прикормленном месте; покуда рыбак бросит прикормку, разовьет и насадит старательно удочки, уже займетса заря, начнут выскакивать пузыри со дна на поверхность воды от идущей со всех сторон рыбы, и клев наступает немедленно. Он не продолжается долго, часов до шести. Как только солнце хорошенько обогреет и лучи его поглотят утреннюю прохладу, ступайте на другое место удить среднюю или мелкую рыбу, или ступайте с своею добычею домой и ложитесь спать. В дождливую и прохладную погоду не нужно начинать удить так рано, особенно весной и осенью, даже можно удить почти целый день.

Третье. Весьма также важно знать, в каких местах, в какое время года и в какую погоду держится рыба. Можно получить об этом некоторое понятие, прочтя все написанное мною; но узнать настоящим образом этого нельзя по одному описанию; тут необходимо

знание опытное, собственное наблюдение. Иногда место и время кажется очень хорошо, со всеми выгодами, а рыбы нет или она не берет; иногда совсем наоборот: рыба клюет и в дурное время и на плохих местах. Никак нельзя оспаривать, что у рыбы есть любимые места, по-видимому, без всякой причины. Самые благоприятные дни для ужения – дни теплые, серые, с перепадающими дождями и особенно тихие: при одном только ужении окуней и плотвы даже сильный ветер бывает иногда полезен. В знойные, безоблачные дни можно удить только рано поутру и поздно вечером (о полдневном ужении поговорю особо); но в серые, с перепадающими дождями дни можно удить целый день. Хотя иногда набежит туча с грозой и сильным вихрем, с частым и крупным дождем, который забьет ваши наплавки под траву, в шумные брызги и пузыри изрубит гладкую поверхность воды, взмутит ее, если она неглубока, отнесет длинные плетеницы трав туда, где их не бывало, так изменит положение места ужения, что вы сами его не узнаете... но туча пронеслась, влажная, парная теплота разливается в возду-

хе, мгновенно наступает глубокая тишина, все приходит в порядок: круглые, зеленые лопухи медленно отплывают на свое прежнее место, длинные листья прибрежной травы снова расстилаются широко над водою, и рыба, испуганная на время внезапным возмущением стихий, с новою жадностью бросается на ваши, между тем оправленные, крючки. Теперь поговорим собственно о процессе уженья.

Четвертое. Охотник должен наблюдать возможную тишину и стараться, чтобы рыба его не видала, особенно, если вода светла, место неглубоко и удочки закидываются недалеко от берега. На воде мутной, на значительной глубине, также под шумом мельничных колес или падающей воды и при далеком закидывании удочек можно наблюдать менее осторожности.

Пятое. Удочку должно закидывать, не шлепая по воде удилицем, всегда подальше и потом привести на то место, на котором вы назначаете держаться наплавку (не дав крючку лечь на дно); закинутую же удочку никак не должно *подтаскивать* к берегу, а если это

нужно, то вынуть ее совсем и закинуть ближе: подтаскивая, сейчас заденешь за какую-нибудь неровность дна.

Шестое. Без надобности не должно часто вынимать удочки, особенно при ужении крупной рыбы: этим можно испугать ее; но если беспрестанно дергает мелкая рыба, то неминуемо должно часто вынимать и оправлять или переменять испорченную насадку; но делать это следует осторожно и тихо.

Седьмое. Никогда не должно употреблять много удочек. Если вы удите со дна, можете закинуть три удочки, никак не более, насадив их разною насадкою, если она у вас есть и если место ужения просторно. При малейшем движении наплавка надобно сейчас положить руку на удилице, не пошевелив его с места, чтобы в ту же минуту, как скоро рыба погрузит наплавок или значительно потащит в сторону, можно было ее подсесть. Если наплавки ходят на весу, то более двух удочек употреблять не должно: ибо тут иногда вслед за первым движением мгновенно следует погружение наплавка и лишнее число удочек будет мешать; если же вы удите мелкую ры-

бу, которая берет часто посреди беспрестанного дерганья, то надобно удить на одну удочку и держать удилице в руке, иначе вы будете кидаться от одной удочки к другой и на обеих пропускать время, благоприятное для подсечки.

Восьмое. Знание времени, поры для подсечки, без сомнения, всего важнее в уменье удить; но сделать общее правило, когда надобно подсекать, невозможно, ибо у всякой рыбы особый клев и особая подсечка, и та изменяется по изменению характера клева и времени года; хотя о ней будет сказано при описании каждой рыбы отдельно, но это дело так важно в уменье удить, что о нем стоит поговорить особенно. Я слышал всегда от старых, опытных рыбаков, что всего нужнее дать рыбе *заклевать хорошенько*, то есть: проглотить насадку вместе с крючком и утащить наплавок на дно. Я долго и слепо этому верил; но впоследствии, при собственном внимательном наблюдении, убедился, что это правило никак нельзя принимать безусловно. В отношении к рыбам хищным оно верно всегда, наплавок, точно, погружается; но в от-

ношении к другим породам рыб, особенно некрупным, это правило вредно: они не проглатывают, а берут насадку в рот и плывут в сторону, очень часто не утаскивая наплавка; если встретится какое-нибудь препятствие (и оно встретится непременно от упора натягиваемой лесы), особенно если рыба услышит жесткую спинку крючка, а всего более, если уколется его жалом, то она сейчас выбросит насадку вместе с крючком. Итак, *потяжка* наплавка, то есть время, когда он поедет в сторону, особенно при некотором наклоне нижнего конца – есть настоящая пора для подсечки. Подсекать должно всегда живо, но не слишком сильно, всегда несколько вверх и в противоположную сторону той, куда рыба тащит наплавки. Это последнее правило еще нужнее соблюдать, когда удишь со дна.

Девятое. Как можно надобно стараться, чтобы не класть удилища на воду и не погружать их концов в воду. Если позволяет место, то можно легонько втыкать концы удилищ в берег, или класть их на береговую высокую траву, или подставлять под них рогульки, ко-

торые заблаговременно можно воткнуть у берега в воду на местах, где вы постоянно удите. Это чрезвычайно нужно для скорости и верности подсечки. В таком случае необходимо класть удилища на воду, если она, по отмели, далеко проросла травой, так что удилище едва достает ее края, а иногда и не достает. При таком неудобном ужении надобно тащить заклевавшую рыбу, если можно, прочь от себя или прямо до самой поверхности воды и потом выкинуть на берег. Это делается для того, чтобы рыба не запуталась в траве, куда она (особенно крупная) сейчас бросается.

Десятое. Леса, от удилища до наплавка, особенно, если она длинна, не должна слишком много погружаться в воду; она может задевать за что-нибудь на мелком дне у берега, и вы сделаете промах.

Одиннадцатое. Не должно вытаскивать рыбу с одного приема, из всей силы: у мелкой рыбы вы станете рвать губы и забрасывать так далеко на берег, что иногда не скоро в траве и найдете, даже потеряете; а с крупной рыбой можете порвать лесу или сломать удилище. Надобно быстро подсечь, и если рыба

невелика, то легонько ее вытащить; если же вы послышите большую рыбу, то после подсечки, которая должна быть довольно сильна, чтобы жало крючка могло вонзиться глубоко, надобно дать ей свободу ходить на кругах, не ослабляя лесы, и не вдруг выводить на поверхность воды, а терпеливо дожидаться, когда рыба утомится и сделается смирна; тогда, смотря по удобству берега или подведя поближе, взять ее рукою под жабры, если берег крут – или вытащить ее таском, если берег полог, для чего надобно отбежать назад или в сторону. Впрочем, это непростительная вина удить, не имея с собою сачка в таких местах, где может взять крупная рыба. При вытаскивании крупной рыбы без сачка, увидев и услышав ее, надобно подводить к берегу, особенно крутому, в таком положении, чтобы голова рыбы и верхняя часть туловища были наружи и приподняты кверху: само собою разумеется, что это можно сделать с толстой крепкой лесой, в противном случае надобно долго водить рыбу сначала в воде, потом на поверхности и подтаскивать ее к берегу очень бережно, не приподымая уже головы

рыбьей кверху, и потом взять ее рукою, но непременно в воде.

Двенадцатое. Если возьмет очень большая рыба и вы не умеете или не можете заставить ее ходить на кругах в глубине, если она бросится на поверхность воды и пойдет прямо от вас, то надобно попробовать заворотить ее вбок, погрузив удилице до половины в воду; если же это не поможет и, напротив, рыба, идя вверх, прочь от вас, начнет вытягивать лесу и удилице в одну прямую линию, то бросьте сейчас удилице в воду. Это одно спасение: если вы станете упорствовать, то потеряете и рыбу и удочку, ибо без гиби, происшедшей от конца удилица, леса непременно и в одну минуту порвется. Рыба утомится, плавая на брошенном вами удилице, и прибьется или к берегу, или запутается в траву на мелком месте: там можете вы удобнее взять ее руками.

Тринадцатое. При вытаскивании большой рыбы никогда не должно брать рукой за лесу, хотя бы и казалось это очень удобным: тут может случиться та же потеря, о которой я сейчас говорил. В одном только случае надоб-

но прибегнуть к этому средству: если у вас переломится удилице очень высоко тогда, нечего делать, надобно поймать обломанный конец удилица и полегоньку подвести рыбу к мелкому месту или пологому берегу и, взяв рукой за лесу на аршин или менее от рыбы, выволочь ее таском на берег. Если же место глубоко и берег крут, то, подведя к нему рыбу и придерживая на слаби левою рукою за лесу – правую взять рыбу под жабры и выкинуть на берег, как уже и было мною сказано. Должно всегда помнить, что леса, особенно не толстая, только потому выдерживает тяжесть большой рыбы, что она плавает в воде, что вода гораздо гуще воздуха, следовательно лучше поддерживает рыбу, и что гибкий конец удилица служит, так сказать, продолжением лесеы.

Четырнадцатое. Если рыба на удочке запутается в траве, то никак ее не тащить; напротив, ослабить лесу и дать рыбе свободу выпутаться самой из травы, что она почти всегда сделает: нужно только терпение. Наплавок или леса сейчас вам покажет, что рыба пошла в ход; тогда надобно проворно выве-

сти ее на чистое место и далее поступать так, как я сейчас говорил. Если же по прошествии долгого времени рыба не отпутывается и слышно по руке, что она крепко затянулась и задела на дне за корни травы или корягу, то надобно лезть в воду и отцепить руками: тут сохранится иногда и удочка и рыба, или надобно достать длинный шест, вырезать на тонком конце его углубление (род рогульки) и, дойдя им по лесе до крючка и до корня травы, за которую он зацепил, легонько вырвать траву из дна или отцепить от коряги; в этом случае рыбу уже трудно сохранить.

Пятнадцатое. Никогда не должно уходить с места, не попробовав поудить на удочки разной величины и разной глубины и на все роды насадок, какие у вас есть. Рыба бывает непостижимо своенравна и прихотлива, по крайней мере так кажется нам по нашему неведению: сколько раз со мной случалось, что на удочку, хуже других устроенную, не на месте лежащую, на один и тот же обрывок червяка или рака беспрестанно брала хорошая рыба, тогда как наплавки других удочек, во всем ее превосходящих, с живою, лакомою

насадкой, лежали неподвижно; таким указанием пренебрегать не должно, и, не *мудрствуя лукаво*, советую, оставя другие удочки, продолжать удить на ту, на которую берет, то есть на счастливую, насаживая на нее не целых червей и раков, а небольшие обрывки их и закидывая удочку на то же самое место. Кто знает, может быть положение дна так выгодно для лежания насадки, что она видна со всех сторон?

Шестнадцатое. Хотя справедливо мнение, признанное всеми рыбаками, что рыба ходит высоко в августе и сентябре, а в прочие месяцы ходит низко, но к этому надобно прибавить, что состояние погоды совершенно изменяет ход рыбы. Если погода стоит жаркая и солнечная то еще в исходе июля рыба поднимается высоко и держится под навесом трав, преимущественно широколистных, что продолжается в августе и даже в сентябре – до наступления холодного времени; впрочем, рыба опускается не столько от холодной погоды, как от дождей и сильных ветров: вообще, крупная рыба держится глубже мелкой. Итак, главнейшее правило состоит в том, чтобы со-

ображаться с временами года и состоянием погоды: на дворе тепло, ясно и тихо – рыба гуляет везде, даже по самым мелким местам (особенно вечером), следовательно там и надобно ее удить; наступает ненастье, особенно ветер – рыба бросается в траву, прячется под берегами и кустами: должно искать ее там; наступает сильный холод – рыба становится на станы, то есть разделяется по породам, собирается стаями и ложится на дно в местах глубоких: надобно преследовать ее и там и удить очень глубоко. Такие станы, известные рыбакам, и зимою дают возможность, прорубя над ними проруби, удить рыбу, несмотря на стужу.

Кажется, я все сказал, что более или менее составляет умение удить или к нему относится. Говоря сколько можно вообще, я не мог избежать и частных, которые неминуемо должны повториться в своем месте.

Теперь следует сказать несколько также общих замечаний о «клеве» и причинах неудачи в ужении, зависящих от характера самого рыбака.

Рыба не всегда клюет одинаково. Никак

нельзя ручаться, чтоб превосходный клев вдруг не изменился. У рыбаков существуют на этот счет разные мнения. Одни говорят, что рыба перестает брать перед ненастьем, что она *слышит* ненастье, и я считаю это мнение справедливым. Много раз случилось мне замечать, что в прекрасную погоду вдруг рыба переставала брать, и почти всегда, через сутки или ближе, наступало упорное ненастье, то есть сильные, продолжительные дожди с холодным ветром. Я замечал также, что рыба потом привыкала к дурному времени и начинала опять брать, хотя не так хорошо, как прежде; за сутки же до наступления ведра клев восстанавливался прежний. Другие рыбаки убеждены, что рыба отлично берет *«на молодую»* и очень плохо – на *«ущерб месяца»*. С этим согласиться я не могу, потому что мои наблюдения этого не подтверждают. Вот положения, выведенные мною из многочисленных опытов и не подлежащие сомнению: 1) Рыба клюет жаднее, когда нет травы, и предпочтительно весной, сейчас по слитии полрой воды. 2) Чем жарче становится летом, тем хуже клюет рыба, и в сильные летние жары

только самое раннее утро и поздний вечер могут дать рыбаку что-нибудь порядочное. 3) В середине лета рыба очень неохотно клюет на *навозного* червяка, а на хлеб лучше, чем в другое время года; всего же лучше – на рака, особенно линючего. 4) Прохладная, не ярко солнечная погода выгоднее для уженья летом, потому что рыба менее гуляет и держится глубже на местах, известных охотнику.

Никак нельзя спорить, что в уженье, как и везде, многое зависит от счастья и что есть счастливые рыбаки, так же как есть счастливые игроки. Иначе мудрено будет объяснить ни на чем не основанную удачу одного и ничем не заслуженную неудачу другого. Но, как счастливый игрок, без умения, нередко, остается в проигрыше, так и счастливый рыбак, без умения, выживает мало. Везде надобны твердость, терпенье и умение воспользоваться счастьем. Нетерпеливый рыбак, раздосадованный тем, что у его соседа-рыбака на дурном месте, на грубо устроенную удочку, на глупую, несвоевременную насадку частехонько поклевывает рыба, а его удочки, мастерски устроенные, по-охотничьи насаженные, ле-

жат неподвижно, нередко бросает выгодное прикормленное место, переходит на другое, на третье, пропускает удобное время и возвращается домой с пустыми руками, тогда как сосед, перейдя на оставленное им место, несмотря на плохие удочки и неуменье удить (отчего, разумеется, он потеряет половину рыбы), возвращается домой с полным кошельком. Впрочем, это более касается до характера, а не до умения удить. Вообще не должно никогда гневаться на неудачу. Я много знавал рыбаков, у которых если сначала что-нибудь не удавалось, например: запутывалась или зацеплялась удочка, а всего хуже, если срывалась первая хорошая рыба, то они, рассердясь, и насаживать начнут дурно, и подсекать станут рано и слишком резко, да и удить бросят. Таким образом, будучи сами кругом виноваты, эти нетерпеливые охотники обыкновенно обвиняют свое несчастье.

Об ужении на крючки с готовыми, искусственными насекомыми я ничего не могу сказать, потому что сколько раз его ни пробовал, пробы были неудачны.

Ужение форели (пеструшки), кутемы и ло-

ха, или красули, имеет совсем особенный характер, если производится на быстрых, мелких речках; в верховьях же прудов тех же самых речек, в которых иногда водятся эти породы рыб, оно ничем не отличается от обыкновенного ужения, ибо вода уже в них глубока и не совсем прозрачна. Удить форель в речках незапруженных и мелких, следовательно совершенно прозрачных, надобно с величайшею осторожностью: малейший шум, человеческая тень, мелькнувшая на поверхности воды, мгновенно заставят спрятаться под берег или корни деревьев пугливую рыбу, из-под которых она не выходит иногда по нескольку часов. Высмотрев издали удобное место,[94] надобно подкрадываться из-за кустов и, пропустив сквозь них длинное прямое удище, на конце которого навита коротенькая леса без насадка с небольшим грузилом, крючком и насадкою красного навозного червяка, тихонько развить лесу и опустить в воду; если рыба вас не увидит, то она схватит в ту же секунду, иногда едва допустит червяка погрузиться в воду. Если же вы опустите крючок и рыба не берет немедленно, то значит: или ее

нет, или вы ее испугали. Сейчас надобно идти на другое место. Для уженья выбираются по речке, как я уже сказал, небольшие омуточки. На одном месте никогда более пяти, много шести рыб не выудишь. Иногда можно закидывать удочку, спрятавшись за крутыми берегами, густыми деревьями или кустами, *не пропуская сквозь них удилица*: в таком случае леса должна быть подлиннее. Надобно признаться, что уженье довольно беспокойно и утомительно. Пеструшка и особенно лох, по словам некоторых охотников, охотно берут на маленькую рыбку.

Пеструшка, хотя очень редко, попадаетса иногда довольно большая; я не выуживал более двух с половиною фунтов, но достоверно знаю, что другие рыбаки выуживали в пять фунтов и более. Лох бывает огромной величины: я видел лоха в двадцать семь фунтов; он зашел, в весеннее водополье, в маленький ручей и был пойман недоткой. В небольшой речке и на малой глубине возиться с рыбой очень трудно. Водить неловко, из берегов торчат корни, на берегах кусты и деревья, а леса

по большей части бывают нетолстые, крючок небольшой, удилице негнutable, а рыба самая бойкая... Беда да и только! При таких обстоятельствах мудрено избежать несчастной потери. Впрочем, очень крупная рыба редко берет в маленьких омуточках, а более в верховьях прудов, в местах глубоких: там хорошему охотнику с средними удочками обыкновенного устройства нечего бояться отчаянных прыжков этой бешеной на удочке рыбы, и драгоценная добыча не уйдет от его сачка.

Уженье около полдён, о котором я обещал сказать особо, в жаркие летние дни производится в таких местах, где густая тень покрывает воду, как-то: под мостами, плотами, нависшим берегом, толстыми пнями и корягами, нередко торчащими в воде, под густым навесом трав, расстилающихся иногда над значительною глубиною. Особенно окуни любят стоять в тени и берут в полдни довольно хорошо; иногда хватит язь и головль даже на мелкопущенную удочку. Но только в проточных прудах, заросших камышами и травами, полдневное уженье имеет настоящее значение. Летом в жаркий день, часов с девяти

утра, вся порядочная рыба уйдет из материка и чистых мест разлива в полои, проросшие разными травами и зеленым густым лесом камыша, над которым возвышается уже палочник своими пуховыми темно-коричневыми султанами. В травах и камышах всегда бывают местечки поглубже других, которые никогда не зарастают и которые называются «протоками». Вот тут-то надобно удить, разумеется на лодке. В траве около таких мест, в надлежащем расстоянии, заблаговременно втыкаются колья, к которым привязывается лодка для того, чтобы она не качалась. Тут непременно нужны длинные удилица, ибо лодка должна стоять недалеко от места уженья и удилица кладутся на траву. В камышах же ненадобно кольев. Подогнав осторожно лодку к незаросшему месту, надобно стать к нему боком, так, чтобы лодка и рыбак совершенно были спрятаны в камыше, которого горсти по две с обеих сторон захватываются и подгибаются под себя: рыбак плотно сядет на них, и лодка будет стоять неподвижно. Удилища должны лежать поперек лодки. По большей части вода бывает неглубока, тем

более надобно тишины и осторожности в движениях, особенно при вытаскивании рыбы, которая очень хорошо берет в таких местах и очень крупная. Это ужение в полоях имеет особенную важность потому, что в знойное летнее время, кроме раннего утра и позднего вечера, и то на местах прикормленных, трудно выудить что-нибудь порядочное и в материке пруда, и в его верховье, и в реке, тогда как здесь добыча бывает иногда чрезвычайно изобильна и разнообразна. Весело смотреть на *кружок*, [95] привязанный к лодке с противоположной стороны, в котором ходят крупные окуни, язи, головли, лини, лещи и даже щуки!

Но, кроме сказанных выше причин, полдневное ужение на лодке имеет, по крайней мере для меня, своего рода совершенно особенную прелесть. Для многих она покажется непонятною; для многих даже невыносимы палящие лучи летнего полдневного солнца, которое, отражаясь в воде, действует с удвоенною силою; но я всегда любил и люблю жары нашего кратковременного лета. Пышет знойный полдень. Совершенная тишина. Не

колыхнет зеленый, как весенний луг, широкий пруд, затканый травами, точно спит в отлогих берегах своих; камыши стоят неподвижно. Материк и чистые от трав протоки блестят, как зеркала, все остальное пространство воды сквозь проросло разнообразными водяными растениями. То ярко-зеленые, то темноцветные листья стелятся по воде, но глубоко ушли корни их в тинистое дно; белые и желтые водяные лилии, цвет лопухов, попросту называемые кувшинчиками, и красные цветочки темной травы, торчащие над длинными вырезными листьями, — разнообразят зеленый ковер, покрывающий поверхность пруда. Какая роскошь тепла! Какая нега и льгота телу! Как приятна близость воды и возможность освежить ею лицо и голову! Рыбе также жарко: она как будто сонная стоит под тенью трав. Завидя лакомую пищу, только на мгновенье лениво выплывает она на чистые места, пронзаемые солнечными лучами, хватает добычу и спешит под зеленые свои навесы.

Всякому рыбаку известно, что нередко случается задевать крючками удочек за неров-

ное дно, берег, камни, травяные и древесные корни, торчащие в воде неприметно для зрения, или ветви целых деревьев, нередко в ней лежащих. Много пропадает от того крючков и даже лес. Избежать таких невзгодий нельзя, особенно если удишь в водах неизвестных; притом рыба, преимущественно окуни, именно в таких крепких местах любит держаться и, попавшись на удочку, сама натаскивает ее на задев. Итак, для отдевания удочек всегда надобно иметь гладкое железное кольцо, вершка в полтора в поперечнике, в один фунт или менее веса, привязанное на длинном, тонком и крепком шнурке; продев в него задний конец удилица задетой удочки, надобно дать кольцу свободу бежать вниз сначала по удилицу, а потом по лесе, которую в это время держать несколько ослаби: кольцо, дойдя до крючка, отденет его своею тяжестью.[96]

За неимением кольца можно довольно успешно отдевать удочки шестом, точно так, как я говорил об отдеванье запутавшейся в траве рыбы. Но может случиться, что нет ни кольца, ни шеста и некому лезть в воду, чтобы отцепить крючок – потеря его неизбежна;

остаётся оторвать и сколько можно сохранить лесу; для этого нет другого средства, как навивать ее на удилице до тех пор, пока она лопнет.

Никогда не должно спешить отдеванием зацепившейся удочки. Очень часто бывает, что рак затаскивает крючок в нору, а рыба – под берег. Удилище надобно положить, не натягивая лесы; нередко случается, что через несколько времени удочка отцепится сама, то есть ее отцепит рыба, или выпустит рак, или вымоет из берега водой.

Иногда удочки отцепляются диковинным образом, но, без сомнения, это делает рыба. Я видел своими глазами, как удочку, задевшую грузилом за крутой берег, отцепила плотва, дернув книзу за крючок. Это и не мудрено; я видел, как крючок, воткнувшийся в деревянную плаху очень крепко, потому что я несколько раз сильно дергал удочку, рискуя даже оторвать – был отцеплен рыбой, которая, схватив насаженный крючок сзади и потянув вниз, весьма легко сняла его с дерева. Этого мало – я задел один раз крючком на глубоком месте так крепко, что, пробившись бо-

лее часа, бросил удочку, чтоб не пугать рыбу и одеть после. Через полчаса я вижу, что вдруг наплавок исчез, лесу натянуло и тащит в воду, даже удилице; я схватил его и выволок большого окуня: насадка была раковая.

Теперь следует взглянуть вообще на все породы рыб, ловлю которых мы занимаемся.

О рыбах вообще

Стихия рыбы – вода; назначение – плавать в ней, для чего снабжена она многими плавательными перьями и ими же опушенным хвостом. Для погружения себя в воду и стояния на всех ее глубинах имеет она во внутренности своей пузырь, лежащий вдоль спинного хребта, наполненный воздухом и перетянутый на две неравные половинки: должно предположить, что посредством сжиманья и разжиманья этого пузыря рыба погружается вниз или поднимается вверх. Дальнейшие подробности внутреннего устройства рыб относятся уже к натуральной истории. Я поговорю о том, как и где живут они и как размножаются.

Трудно вообразить себе плодовитость рыб.

Многие из них имеют такую мелкую икру и в таком множестве, что если б она оплодотворялась и выводилась вся, то каждая рыба производила бы ежегодно, может быть, миллион себе подобных и для помещения их не достало бы воды на земной поверхности. Но не то выходит на деле. Природа недаром снабдила таким изумительным обилием икры каждую рыбу самку, ибо, кроме того, что икра нередко остается неоплодотворенною, она истребляется каждую минуту окружающими ее в воде и живущими над водою в воздухе хищными врагами, для которых служит лакомой пищей. Не могу определить, в каком возрасте рыбы самки начинают *метать*, или *бить*, икру, способную к принятию оплодотворения, а молоки самцов – получают способность оплодотворять; но то не подвержено сомнению, что икру и молоки через год после своего рождения ежегодно имеют маленькие, молодые рыбки, не достигшие и десятой доли своей природной величины. Каждая порода рыбы мечет икру в свое определенное время, так что эта операция производится почти круглый год.[97]

Когда наступит пора[98] и рыбы самки почувствуют охоту или надобность выкинуть из себя обременяющую их икру, а самцы – молоки, и те и другие собираются стаями; самцы теснятся вплоть за самками, даже смешиваются с ними: первые выпускают икру, вторые обливают ее молоками; за ними следят другие породы рыб, преимущественно хищные: щуки, окуни, судаки, жерихи, налимы и проч., и даже не называемые хищными голлови и язи.[99]

Все они с жадностью глотают мелкие, как мак, яички, опутанные слизью, плавающие кучками в виде клочьев шерсти или паутин, держащиеся на поверхности и на всякой глубине воды. Мечущие икру и молоки самки и самцы, особенно первые, стараются прижаться или удариться об что-нибудь жесткое; они трутся около берегов и водяных растений, предпочтительно около камыша и лопухов, около подводных коряг, корней и камней. Некоторые породы, как-то: лещи, караси и плотва, выскакивают беспрестанно из воды и шлепаются об ее поверхность, чтоб от движения и толчков свободнее вытекали икра и мо-

локи. Сидя тихо и смиренно с удочкой на берегу озера или речного залива, проросшего травмами, а иногда притаясь в лодке в густых камышах пруда, я имел случай нередко, хотя поверхностно, наблюдать любопытную картину *рыбьего боя*: [100] при совершенной тишине в воздухе поверхность воды волнуется, как будто ветром, от вертящейся и прыгающей рыбы; брызги летят во все стороны, и плеск воды слышен издалека. В первый раз я был очень удивлен таким зрелищем. Я подошел с ружьем к небольшому озерку, кругом обросшему высокою и плотною гривою камыша, и вдруг услышал какой-то странный шум воды; полагая, что он происходит от утиных выводок, я осторожно вошел в камыш, по колени в воде пробрался до его края и увидел – настоящую рыбью пляску, производимую средней величины плотвою. Не вдруг догадался я, что значит такое явление, хотя слышал о нем. Впоследствии несколько раз имел я случай наблюдать этот процесс у лещей и особенно у карасей; но при всем моем желании рассмотреть его в подробностях я никак не мог; пожирание же икры другими рыбами я видал сам,

да и нахаживал ее часто в желудках пойманных рыб.

Другие породы рыб, особенно донные, то есть ходящие или плавающие обыкновенно по дну, как-то: ерши, пескари, гольцы, лини, а всего более налимы, которые мечут икру около святок, – при совершении этой операции, вероятно, трутся около берегов и подводных коряг или о хрящеватое, каменистое дно: последнее предположение доказывается тем, что именно на таких местах, именно в это время года, попадают налимы в морды или нероты. Выметываемая икра вышесказанными породами рыб, казалось бы, должна подвергаться меньшей гибели, потому что воды покрыты льдом да и рыба зимою не плавает везде, а стоит по своим местам; кажется, этих пород должно бы разводиться гораздо более других; но этого никак нельзя сказать, особенно о налимах. Без сомнения, есть другие причины, от которых также пропадает их мелкозернистая, бесчисленная икра.

Итак, при самом появлении рыбьих яичек начинается их истребление; оно продолжается до полного образования мелкой рыбешки,

которая, будучи окружена теми же врагами, может по крайней мере прятаться от них и спасаться проворством своего плаванья и малостью роста. Кроме хищных и нехищных рыб, немало также поедает икру птица; самые главные истребительницы – утки, чайки и вороны: утки и чайки хватают ее, плавающую в воде, даже ныряют за ней, а вороны достают ее сухопутно, ходя по берегам и по мелкой воде, преимущественно около трав, куда икру прибивает ветром и где она, прилипнув к осоке или камышу, на которые всплескивается волнами, часто обсыхает и пропадает даром. Должно предположить, что в первый год или в первые года рыба растет очень скоро, потому что после вывода из икры, мелкой, как размоченный мак, достигает она в один месяц величины овсяного зерна в шелухе. Я убедился в этом собственными наблюдениями; о дальнейшем росте рыбы, а также о долговечности ее ничего положительного не знаю. Говорят и пишут, что щуки живут до трехсот лет, а карпии – более ста, чему, как уверяют печатно, были деланы несомненные опыты, ибо в пруды, которые никогда не схо-

дят, но освежаются проточною водою или внутренними родниками, пускали маленьких щук и карпий с золотыми или серебряными кольцами, продетыми сквозь щечную кость, с означением на кольцах года: таких рыб ловили впоследствии (разумеется, уже потомки) и убедились по надписям годов в их долговечности.

Рыба имеет болезни, которые часто обнаруживаются черными пятнами по всему телу; если эти пятна находятся только на поверхности кожи, то рыба переносит их благополучно, но если чернота пойдет вглубь и коснется внутренних органов – рыба умирает. Около Москвы, в речках, по большей части припруженных, замечал я, что почти каждую осень на плотве появляются черные пятнышки; здешние рыбаки уверяли меня, что это происходит от осенней морозобитной травы, которою плотва питается, и что никакого вреда от того ей не бывает: кажется, это справедливо. В небольших непроточных прудах, в которых водятся караси в большом изобилии, нередко случается, что они, особенно белые, получают сначала кровавые, а потом черные пятна, но

я редко замечал, чтоб караси именно от них снули. Я сначала думал, что пятна происходят от внутренних причин, но при внимательном рассмотрении я, наконец, увидел, что они происходят от укушения крошечных зеленых червячков, которые в иные года, особенно в жаркое и сухое лето, появляются в стоячих водах в невероятном множестве; они заползают под чешую карасей и кусают их до крови: в одной ранке я нахаживал более десятка червячков. Сверх того, в таких прудах водятся большие, зеленоватые водяные черви (вероятно, вырастающие из маленьких зеленых), завертывающие себя в трубочку, как будто склеенную из осоки, — водяные ящерицы и жуки.[101] Все они кусают и портят бедных карасей и препятствуют их размножению и полному росту, а сидящих в плетеных сажалках или прорезях даже совсем заедают. Вдобавок вся эта гадость берет на удочку, насаженную навозным червяком, и мне часто случалось вытаскивать на крючках этих отвратительных гадин. Нигде я не встречал такого обилия и разнообразия этой подводной фауны, как около Москвы.

Иногда попадает снулая рыба без всяких наружных и внутренних признаков болезни, но кишки и пузырь оказываются как будто сморщенными и несколько высохшими.

Здоровье рыбы, без сомнения, зависит от хорошей воды и пищи. Все охотники знают, что в одной воде рыба бывает жирна, вкусна и бойка, в другой – тоща, безвкусна и вяла. Но какие качества воды и какая пища полезны или вредны для рыбы – мы решительно не знаем. Вода действует даже на цвет рыбы: не изменяясь в своих природных пестринах и оттенках, она изменяется в их яркости или цветности единственно от пересадки из одной воды в другую. Это дознано многими опытами: озерные караси, например, по большей части бывают яркого темно-желтого или золотистого цвета, а пересаженные в копаные, глинисто-мутные пруды делаются бледно-бланжевыми; окуни в иных реках бывают очень темны и ярко-пестры, но, посидев долго в пруде, становятся светлыми, белесоватыми: точно то же делается более или менее и с другими породами рыб.

Рыба очень нередко задыхается зимой под

льдом даже в огромных озерах и проточных прудах:[102] сначала, в продолжение некоторого времени, показывается она в отверстиях прорубей, высовывая рот из воды и глотая воздух, но ловить себя еще не дает и даже уходит, когда подойдет человек; потом покажется гораздо в большем числе и как будто одурелая, так что ее можно ловить саком и даже брать руками; иногда всплывает и снулая. Как скоро число прорубей будет значительно увеличено – рыба отдыхает и скрывается. Это последнее обстоятельство произвело общую уверенность, что рыбадохнет от недостатка прорубей, то есть от недостатка продушин, в которые могли бы вылетать спершиеся водяные испарения и мог бы получаться свежий воздух. Это отчасти справедливо; но согласиться безусловно с таким заключением нельзя, и вот почему. 1) Все озера и пруды, и большие и малые, не находящиеся близ жилья человеческого, никогда не имеют прорубей, потому что некому и не для чего их делать; не имеют также и полыней, то есть мест незамерзших, бывающих, как известно, только на реках больших и быстротекущих: следо-

вательно, в таких прудах и озерах не должна бы совсем водиться рыба, особенно в изобилии; опыт показывает противное. 2) В прудах и озерах, находящихся в селениях или близ селений, имеющих постоянные проруби для водопоя скота и других надобностей, рыба в иные года сдыхается под льдом при одинаковом числе прорубей. 3) Это сдыханье, при одних и тех же обстоятельствах, случается не каждый год, а лет через десять и более. Итак, из всего мною сказанного следует заключить, что есть какие-нибудь другие условия, при содействии которых дохнет рыба под льдом, но что независимо от этих причин рыба отдыхает, если будет увеличено сообщение воды с атмосферическим воздухом, и что содержание больших прорубей, ежедневно вычищаемых не только на прудах, не имеющих течения, и озерах, но даже на прудах проточных и даже на тихих омутистых реках, покрывающихся сплошным льдом, — для сохранения здоровья рыбы весьма полезно.

Рыба снет иногда от примеси вредных посторонних веществ, как-то: навозной жидкости со скотных дворов и испорченной воды с

фабрик и металлических заводов, если то или другое как-нибудь проникнет в озеро или пруд, преимущественно не проточный. Но на рыбу бывает повальный и внезапный мор от причин совершенно неизвестных. В последний раз мне случилось видеть такой мор в 1841 году: я жил это лето в подмосковном селе Ильинском; от него верстах в трех есть довольно большой, глубокий пруд и мельница при деревне Оборвихе на речке Сомынке; всякой рыбы много водилось в этом пруду, потому что в нем нельзя было ловить неводом и даже бреднем по множеству подводных каршей, коряг и густой травы. Я ездил туда удить почти каждый день. Один раз (в исходе июля), подъезжая к пруду, я увидел, что все берега белелись, точно по краям воды лежал снег; подошед ближе, я рассмотрел, что это была снулая рыба: окуни, плотва, языки, головлики и небольшие щурята. Мельник сказал мне, что мор начался вчера. В снулой рыбе не оказывалось никаких признаков болезни; крупные язи и огромные щуки ходили поверху и кружились; крестьяне ловили их и употребляли в пищу без всякого вреда. Заме-

чательно, что лини, караси и ерши остались невредимы. Я сейчас попробовал удить из любопытства: рыба брала изредка, но очень тихо и вяло и выуженная казалась почти снулою. Мор продолжался дней пять и вдруг прекратился. Через несколько дней клев начался по-прежнему, и в рыбе не было заметно никакого уменьшения: в окружных водах рыба осталась совершенно здоровою. Очевидно, что это не была общая эпидемия и что причина ее была местная, находившаяся только в Сомынском пруде, в воде которого, однако, никакой перемены я заметить не мог. Мне рассказывали крестьяне, что будто какой-то пьяный солдат, поссорившись с мельником в кабаке, погрозил ему и, проходя мимо пруда, что-то в него бросил. Предоставляя на произвол каждого читателя удовлетвориться или нет таким объяснением, я, с своей стороны, скажу, что нам весьма еще малоизвестны как целительные, так и ядовитые вещества, особенно травы, которые знает народ. Одно верно, что Сомынский мор рыбы происходил не от дурмана, не от табаку, не от кукольванца, ибо действие этих отрав кратковременно и

продолжается менее суток. Эти отравы производятся следующим образом: истертый в мелкий порошок табак, дурман, а всего чаще кукольванец, ибо он несравненно сильнее, смешивают с печеным хлебом или сырым тестом и раскидывают небольшими кусочками в тех местах, где более держится рыба, которая с жадностью их глотает. Через час или менее, смотря по качеству и количеству отравы, рыба делается пьяною, одурелою: выходит на мель, всплывает на поверхность воды, кружится, мечется, тычется в берега, даже иногда выскакивает на них и особенно забивается в камыши и травы, где они есть. Отравители, большею частию деревенские парни и мальчишки, нетерпеливо дожидавшиеся этой потехи, с громкими и радостными криками бегают по берегам, по мелкой воде, поросшей травой, берут снудую и ловят руками засыпающую рыбу: для крупной употребляют и сачки. Хотя в сравнении с прежним это губительное добывание рыбы значительно уменьшилось, но, к сожалению, все уверены, что отравленная таким образом рыба, даже снулая, служит безвредною пищею для человека.

Хотя трудно с этим согласиться, но положим, что такая уверенность справедлива, да для рыбы эта отравка очень вредна: та, которая наглоталась кукольванца много, умирает скоро, всплывает наверх, бывает собрана и съедена, но несравненно большая часть окормленной рыбы в беспамятстве забивается под берега, под коряги и камни, под кусты и корни деревьев, в густые камыши и травы, растущие иногда на глубоких местах – и умирает там, непримеченная самими отравителями, следовательно пропадает совершенно даром и гниением портит воду и воздух. Я даже думаю, что вся рыба, окормленная кукольванцем и отдохнувшая, потому что мало съела отравы, непременно должна долго хворать, терять способность к достижению полного роста и, может быть, к размножению своего потомства. Я замечал, что где часто окормливали рыбу, там она значительно уменьшалась, хотя число пойманной посредством отравы ничего не значило в сравнении с числом рыбы, какое вылавливали прежде ежегодно, в той же воде, обыкновенными рыболовными снастями. Замечено также, что после отравы ку-

кольванцем рыба перестает брать на удочки.

Хищные породы рыб питаются мелкою рыбешкой; нехищные – глотают все, что ни попало: тем не менее питание этих последних иногда дело загадочное. В прудах, озерах и реках, поросших и проросших водяными травами и растениями, рыба кормится ими и водящимися около них водяными насекомыми и гадинами. Это понятно, и все рыбаки знают, что самую питательную пищу предоставляет рыбе молодой камыш, первые побеги которого на вкус сладки. Если подойти тихонько к пруду или озеру камышистому и травянистому и послушать внимательно, то удивишься, какой странный и неумолкаемый шум, даже чавканье, производит рыба, кушая траву. Но чем питается нехищная рыба в больших реках, текущих всегда в берегах песчаных, на которых не растет ни одной былинки, дно которых также песчано и чисто и где очень мало водится водяных насекомых? Наконец, чем питается рыба в деревянных сажалках, с деревянным дном, называемых *прорезями* (потому что они *прорезаны* или просверлены), в которых обыкновенно рыбаки держат пой-

манную рыбу иногда по несколько месяцев и никогда ее не кормят? На эти вопросы я отвечать удовлетворительно не умею. Поневоле надобно согласиться с мнением рыбаков, которые говорят, что рыба, кроме всякой другой пищи, питается тиной, илом, землею, песком и даже – одной водой. Пребывание в сажалках без корма только этим и можно объяснить, допустив предварительно, что всякая вода содержит в себе множество инфузорий, неприемных для глаза человеческого, следовательно питательна для рыбы уже сама по себе.

Весною, при наступлении водополя, как скоро вода делается мутна, реки начнут прибывать и подниматься, рыба также поднимается кверху и идет против воды, сначала около берегов: тут ловят ее во множестве саками. Когда же реки выступят из берегов и разольются по поемным местам, рыба также разбредется по полям, не переставая упорно стремиться против течения воды. Это инстинктивное стремление бывает так сильно, что не выдавши трудно поверить: несмотря на ужасную быстрину, с которою летит спертая поляя вода, вырываясь в вешнях или

спусках из переполненных прудов, рыба доходит до самого последнего, крутого падения воды и, не имея уже никакой возможности плыть против летящего отвесного вниз каскада – прыгает снизу вверх; беспрестанно сбиваемые силою воды, падая назад и нередко убиваясь до смерти о деревянный помост или камни, новые станицы рыб беспрестанно повторяют свои попытки, и многие успевают в них, то есть попадают в пруд. Во время весенних разливов рыба заходит в самые вершины рек, речек и ручьев; заходит в такие места, что трудно поверить, стоя на таком месте летом, чтобы тут ловили крупную рыбу крыленами или вятелями, ставя их сначала по течению, а потом против течения воды. Но как скоро *дрогнет* вода, то есть пойдет на убыль, рыба поворачивает назад и с таким же стремлением скатывается вниз, с каким до сих пор шла вверх, для чего немедленно бросается она из мелких мест в глубокие, из разливов – в материк. Нередко случается, однако, что, зайдя слишком высоко или далеко в луговые поймы, не находит она водяного пути для возвращения в реку и остается в ямках и бокал-

динах: если увидят люди, то поймают ее, а если нет и бокалдины высыхают уединенно, рыба гибнет и достается на пищу воронам и разным другим птицам – иногда и свиньям. Рыба, застигнутая внезапно обмелением водяных сообщений в ямах, или, по-московски, в бочагах, переходит иногда из одного в другой *сухопутно*, прыгая по тому мокрому следу, где недавно бежала вода. Если же хотя крошечный ручеек останется, она перепрыгает по нем вниз непременно. Даже из копаных сажалок или прудков, сквозь которые протекает ручеек, рыба уходит этим самым способом, если только берега низки. Такие весенние путешествия рыбы снизу вверх и обратно повторяются отчасти при всякой случайной, но значительной прибыли воды: при внезапном прорыве огромных прудов и при *наводках*, случающихся от сильных и продолжительных дождей.

Не все породы рыб могут жить в одной и той же температуре воды: для одних нужна чистая, быстрая и холодная вода, для других – более теплая, тихая и даже стоячая, имеющая дно иловатое и тинистое. Я скажу об этом по-

точнее в описании рыб, а здесь означу только порядок, следуя которому живет одна порода за другою почти во всякой реке. Большая часть рек начинаются холодными, как лед, ключами; протекая на открытом воздухе, прогреваясь солнечными лучами, увеличиваясь разными притоками – они постепенно теплеют. В самой голове таких ключей или родников живет форель, то есть пеструшка, кутема и лох, или красуля; за ними лошок, голец и налим. Потом появляются головль, плотва, окунь, щука и пескарь; далее – уклейки, ельцы, ерши, язи, судаки и жерихи, если вода велика; наконец – лещи, лини, карпии и караси. Некоторые из поименованных пород, как-то: гольцы и караси, могут жить и водиться в водах самых холодных и самых теплых, в самых чистых и в самых грязных. Разумеется, точность такого порядка иногда нарушается; но где же нет исключений от причин и обстоятельств местных. Итак, все породы рыб могут жить в одной и той же реке, если течение ее *продолжительно*, только одни выше, где вода холоднее и чище, а другие ниже, где вода теплее и мутнее: в этом убедиться нетрудно,

исследовав течение какой-нибудь порядочной реки. В водополье вода везде одинакова: везде мутна и холодна, и рыба, обыкновенно обитающая в теплой сравнительно воде, поднимается вверх до самых холодных ключей, но при возвращении назад, если случайно что-нибудь захватит ее в таких местах, где вода для нее еще холодна, или, наоборот, скажется она слишком низко, так что вода для нее окажется уже тепла, — рыба или поднимется выше, или опустится ниже, только непременно отыщет сродную ей температуру. Если не может этого сделать в тот же год по причине прудовых затворов и решеток, то непременно сделает в следующую весну. Непреодолимость такого стремления к обычной температуре воды испытали многие охотники, пробуя развести у себя в пруду те породы рыб, которые водились в той же самой реке, только несколько верст пониже. Все усилия оказывались бесполезными: сажали рыбу мелкую и крупную, днем и ночью, во все времена года, держали сначала месяца по два в сажалках, загороженных в том же пруду, — ничто не помогало. Весной рыба подни-

малась вверх, так что ее ловили верст за пятнадцать выше, и потом вся без остатка скатывалась вниз. Итак, оставалось одно средство: заставить рыбу выметать икру в той самой воде, где назначалось жить ее потомству, и оно иногда удавалось.

В проточных небольших родниковых прудах, имеющих всегда свежую и даже холодную воду, которые весной мало прибывают от полой воды и *никогда не уходят*, спуски которых всегда загораживаются решетками и верховья мелки, будет жить всякая рыба, хотя бы температура воды не сходствовала с натурою рыбы, но будет только *жить*, а не *водиться*: даже не достигнет полной природной величины своей. Самый лучший способ, да и более удающийся, к разведению известных рыбьих пород в проточных и непроточных прудах, в которых они сами собой не держатся или не заводятся, состоит в следующем: надобно ловить рыбу, которую желаешь развести, перед самым метаньем икры; на каждых шесть икряных самок отобрать по два самца с молоками, посадить их в просторную сквозную ого-

родку или сажалку, устроенную в назначенном для того пруде; когда из выметанной в свое время икры выведется рыбешка и несколько подрастет – загородку разобрать всю и рыбу выпустить в пруд: старая уйдет, а молодая останется и разведется иногда, если температура воды не будет уже слишком много разниться с тою, в которой была поймана старая рыба. Точно таким образом разводят и раков.[103]

Я сейчас говорил о том, как иногда бывает трудно разводить некоторые породы рыб в такой воде, где прежде их не было; но зато сама рыба разводится непостижимым образом даже в таких местах, куда ни ей самой, ни ее икре, кажется, попасть невозможно, как, например: в степных озерах, лежащих на большом расстоянии от рек, следственно не заливаемых никогда полою водою, и в озерах нагорных. Оренбургской губернии, в Стерлитамацком уезде, есть на реке Белой несколько отдельно друг от друга стоящих гор, очень высоких и видных с луговой стороны верст за сорок. Когда небо покрыто тучами, они живописно белеют на темном горизонте.[104]

Не знаю, что теперь находится на их вершинах, но лет пятьдесят тому назад на двух из них были небольшие озера с чистою и холодною водою, и в одном озерке, кажется на горе Юрак-Тау, водились караси, а может быть, и другая рыба. Как они могли попасть туда – объяснить трудно. Я знал также один из так называемых в Оренбургской губернии *провалов* (круглые, более или менее глубокие ямы, имеющие фигуру воронки) в вершинах реки Ика; этот провал с незапамятных времен, как и многие другие, с весны сохранял долго снег, а летом был совершенно сух, так что в нем, сверху по бокам, росла лесная малина. Вдруг слышу, что он наполнился водою, а года через два – что в воде завелись караси: и в том и в другом явлении я удостоверился своими глазами. Повторяю мой вопрос: как могли попасть туда караси, когда озера с карасями, самые ближайšie, находились в пяти верстах от провала? Надобно допустить известное предположение, что птица (всего скорее чайка или ворона), проглотив где-нибудь рыбью оплодотворенную икру, залетает потом в такие места, на такую воду, где прежде

рыбы не водилось, выкидывает икру в своем помете и что пищеварительный сок птичьего желудка или зоба не лишает эту икру способности вывести из себя маленьких рыбок. Таким только образом можно объяснить появление рыбы на горе Юрак-Тау и в Икском провале, хотя я и должен признаться, что такое объяснение меня не вполне удовлетворяет.

Рыба имеет тонкий слух и острое зрение, особенно форель, но, кажется, рыба вообще больше боится стука, чем вида человека или животного, по крайней мере скоро к ним привыкает; но к звуку она чувствительна до невероятности; звуком можно ее оглушить до беспамятства, чему служит доказательством всем известное *глушение* рыбы ударами дубинки по тонкому осеннему льду. Рыбаки знают, что на рыбу сильно действует самый слабый звук. Кому из них не случалось смирно стоять или сидеть близ закинутых удочек, ожидая крупной рыбы, и видеть, как мелкая, поднявшись вверх, покрывает и рябит всю поверхность воды около его наплавков? Вдруг рыбак кашляет или чихнет – и как брызги во все стороны рассыплется серебря-

ные стайки мелких рыбок, точно мгновенный дождь sprыснул воду; то же делается от всякого внезапного звука или появления щуки, большого окуня, жериха и других хищных рыб.

Почти все молодые рыбки, особенно некоторые из пород не очень крупных, так красивы, или, лучше сказать, так милостивы, резвы и чисты, что народ на юге России употребляет слово *рыбка* как слово ласки, нежности – в похвалу красоте и прелести девической. Оно нередко встречается в народных малороссийских песнях, в которых чувство любви если не так глубоко, не так серьезно, как в старинных песнях великорусских, зато нежнее, эстетичнее, так сказать. В повести Гоголя «Майская ночь, или Утопленница» молодой казак Левко, вызывая из хаты свою милую Галю разными нежными словами, между прочим говорит: «Сердце мое, *рыбка* моя, ожерелье! Выгляни на меня. Просунь сквозь окошечко хоть белую ручку свою...» Для великорусского крестьянина это слишком нежно; но и он очень любит смотреть на всякую рыбу в воде, весело мелькающую на поверхности,

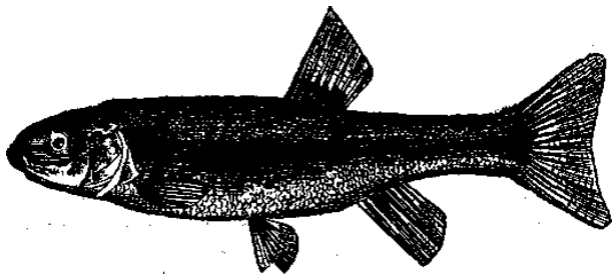
сверкающую то серебряной, то золотой чешуей своей, то радужными полосами; иногда тихо, незаметно плывущую, иногда неподвижно стоящую в речной глубине!.. Ни один, от старого до малого, не пройдет мимо реки или пруда, не поглядев, как гуляет вольная рыбка, и долго, не шевелясь, стоит иногда пешеход-крестьянин, спешивший куда-нибудь за нужным делом, забывает на время свою трудовую жизнь и, наклонясь над синим омутом, пристально смотрит в темную глубь, любясь на резвые движенья рыб, особенно, когда она играет и плещется, как она, всплыв наверх, вдруг, крутым поворотом, погружается в воду, плеснув хвостом и оставя вертящийся круг на поверхности, края которого, постепенно расширяясь, не вдруг сольются с спокойною гладью воды, или как она, одним только краешком спинного пера рассекая поверхность воды – стрелою пролетит прямо в одну какую-нибудь сторону и следом за ней пробежит длинная струя, которая, разделяясь на две, представляет странную фигуру расходящегося треугольника... Нужно ли говорить после этого, что рыбак-охотник глядит на вся-

кую рыбу еще с большею, особенною любовью, а на крупную и почему-нибудь редкую глядит с восхищением, с радостным трепетом сердца! Не охотникам, может быть, покажутся смешны такие выражения; я не буду тем оскорбляться – я говорю охотникам, и они поймут меня! Каждый из них, достигнув старости, находит отраду в воспоминании того живого чувства, которое одушевляло его в молодости, когда с удочкой в руке, забывая и сон и усталость, страстно предавался он своей любимой охоте. Он, верно, с удовольствием вспоминает это золотое время... И я помню его, как давнишний, сладкий и не совсем ясный сон; помню знойные полдни, берег, заросший высокими, душистыми травами и цветами, тень ольхи, дрожащую на воде, глубокий омут реки, молодого рыбака, прильнувшего к наклоненному над водою древесному пню, с повисшими вниз волосами, неподвижно устремившего очарованные глаза в темно-синюю, но ясную глубь... И сколько рыбы кипело в ней! Какие язи, головли, окуни... И как замирало сердце юноши, как стеснялось дыханье... Давно уже это было, очень давно!

Молодые охотники и теперь испытывают то же, и дай бог им надолго сохранить это живое, невинное чувство страстного рыбака.

Приступаю к описанию пород рыб мне известных, которые берут на удочку. Начну с мелкой рыбы, никогда не достигающей значительной величины, потом скажу о породах крупных, но не хищных, очень редко питающихся рыбою, и, наконец, о породах собственно хищных, для которых мелкая рыбешка составляет существенную и почти единственную пищу.

1. Лошок[105]

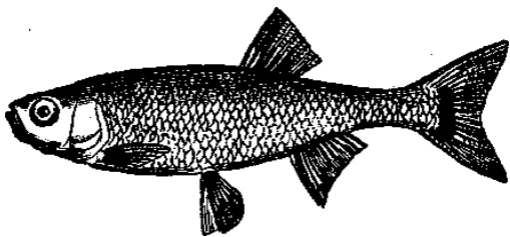

Самое имя этой красивой рыбки указывает, что оно уменьшительное от имени рыбы

лох, и оно недаром дано ей: красные, черные и белые крапинки, которыми она испещрена, очень похожи на крапины лоха, или красули, достигающей огромной величины; но рыбка, о которой я говорю, – самая маленькая рыбка. Лошок в два вершка – редкость по величине. Они водятся в маленьких родниковых речках и всегда появляются большими стаями. Иногда в омуточке прозрачного ручья вдруг видишь, что светлое везде дно покрыто чем-то черным: это лошки, которые в несколько рядов стоят друг на друге, и обыкновенно покрупнее внизу, а самые мелкие сверху. Нетрудно наловить их сколько угодно *недоткой* из рединки, частым саком или *хребтугом* [106] привязанным двумя узкими боками к двум палкам; но если не случится под руками и этих нехитрых рыболовных снастей, а есть небольшая удочка, то лошки станут беспрестанно брать на навозного червяка (без хвостика вернее) и простую муху: чем удочка меньше, тем лучше. Разумеется, никто не станет удить лошков без особенной надобности, я сам помню, что уживал их только в ребячестве; но они очень могут понадобиться, ибо

составляют превосходную насадку для уженья окуней и всякой хищной рыбы средней величины. Я видел лошков только в Оренбургской губернии; там водились они в большом изобилии и даже не в маленьких речках, а в таких, на которых стояли мельницы поставы на четыре, и я очень помню бесчисленные станицы лошков, лежащие на дне под мельничными водяными колесами. Но умножившееся народонаселение взмутило чистоту и прозрачность тамошних прекрасных речек и ручьев, и лошков становится гораздо меньше. Жареные лошки на сковороде составляют вкусное блюдо; их готовят не чищенных, а выдавливают руками и хорошенько промывают.

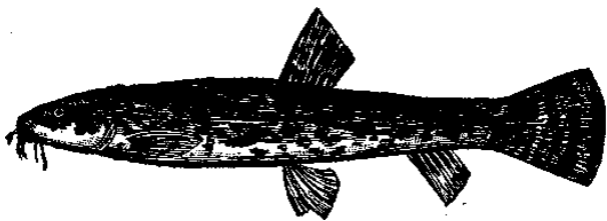
2. Верховка

Э то также самая маленькая рыба: не больше лошка, только лошок кругл, а она плоска. Верховка так похожа на уклейку, что многие считают их за одну и ту же рыбу, только в разных возрастах; но это несправедливо. Я знаю много рек в разных губерниях, в которых изобильно водится уклейка, под именем *сентявки*, или *белоглазки*, но в которых решительно нет верховки. Имя дано ей по ее свойствам: она любит плавать на поверхности воды и часто ложится на бок, блестя на солнце несколько синеватою серебряною белизною, точно как будто всплыла уснувшая рыбка. Где много ее, там она очень надоедает: вертясь кругом удочки с быстротою молнии,

она беспрестанно трогает и поталкивает с разбега ваши крючки, грузила, лесы и даже наплавки, особенно, если вы удите не со дна. Ее можно выудить только на самую маленькую удочку, насаженную на тоненького червячка или на крошечный кусочек хлеба, а всего скорее на муху; наплавков надобно пускать как можно мельче: она редко его погружает, но быстро тащит в сторону... Она также пригодна только для насадки крючков на хищную рыбу, и только с этой целью может удить ее рыбак. Около Москвы, во всех реках и чистых прудах, водится в большом множестве, а в Оренбургской губернии ее нет.

3. Голец

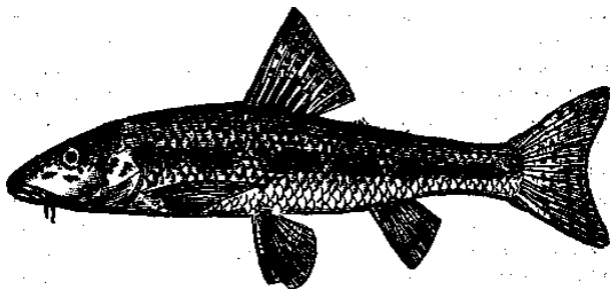

Имя его происходит от свойства кожи: она гола, на ней нет никакой чешуи; она очень тонка и скользка, какого-то неопределенного цвета: серовато-желтоватого или бланжевого с неправильными, неясными пятнами, более или менее темными. В одной и той же воде одни голецы бывают светлее, а другие гораздо темнее. Вообще в речках и ручьях они темнее, а в прудах, особенно в сажалках, – желтее. Голец не вырастает длиннее трех вершков, и то большая редкость; он совершенно кругл и пузаст; самые крупные бывают толщиной в большой палец мужской руки; маленький ротик его имеет усы. Мечет икру в апреле. Отличительное свойство гольца состоит в том, что он водится во всех во-

дах, начиная от копаного, тинистого, нечистого, теплого летом пруда до холодного и прозрачного, как лед, горного источника. Он первый с форелью (если не прежде ее) появляется в голове родников, лежа иногда под самыми теми камнями, из-под которых бьет девственная струя воды. Вообще гольцы так мелки, что редко кто-нибудь занимается собственно их ужением, да и клюют они в реках очень мало; но в омуточках ручьев и прудах, где иногда они разводятся до невероятного множества и берут беспрестанно, — по-моему, очень весело их удить. Они исключительно клюют на одного навозного червячка. Крючки надобно употреблять меньшего разбора из средних, потому что на маленькие трудно и скучно насаживать беспрестанно, по необходимости выбирая самых мелких червячков; хвостики можно пускать короче, гольцы берут и вовсе без хвоста, хотя не так охотно, но зато гораздо вернее, потому что голец клюет не с разбега и не вдруг заглатывает, а взяв в рот конец червяка, тихо плывет в сторону; следовательно, надобно подсекать немедленно, как скоро наплавок повезет вбок или прямо.

Удильть надобно со дна. Гольцы по мягкости своей кожи служат лакомою насадкой для всех хищных рыб, но и для человека они составляют самую вкусную пищу; уха из одних гольцов, осторожно вычищенных, то есть не раздавя в пузырьках желчи, так жирна и вкусна, что едва ли уступит ухе из налимов; жареные и маринованные гольцы превосходны. Они берут на удочку до сильных морозов. Я слышал, будто гольцы такие жадные пожиратели чужой икры, что в небольших прудах переводят породы других рыб, в чем я, однако, сомневаюсь.

4. Пескарь

Имя его происходит явно от того, что он всегда лежит на песчаном дне. Хотя обыкновенно говорят *пискаръ*, а не пескарь, но это единственно потому, что первое легче для произношения. Впрочем, многие уверены, что эта рыбка должна называться *пискарем*, потому что, будучи сжата в руках человека, издает звук, похожий на писк. Самый крупный пескарь не бывает длиннее трех с половиною вершков и — толще большого пальца руки (и этой величины достигает он редко). Он брусковат и довольно ровен. Спинка и бока покрыты темно-синими крапинками, а брюшко очень беловатое, серебристого цвета.

Пескарь очень красивая, или миловидная, и самая чистая рыбка. Пескари всегда собираются стаями, которые иногда бывают невероятно многочисленны; водятся и в малых и в больших реках, преимущественно песчаных. Про пескарей говорят рыбаки, что они мечут икру по несколько раз в год; но это несправедливо. Вероятно, эту операцию производят они в зимние месяцы. Будучи посажены в пруды, размножаются и в них изобильно, особенно, если вода чиста (иногда живут и в нечистой, что, впрочем, редкость); но в маленьких прудах они бывают мелки, а в больших проточных прудах и реках необыкновенно крупны. Пескарей уже удят собственно для них, и для многих охотников это весьма приятное ужение, ибо пескари если клюют, то клюют беспреостанно и очень верно; их удят, привязывая даже по два и по три крючка на разных поводках к одной и той же лесе, и они берут иногда вдруг за все три. Для ужения употребляется обыкновенный навозный червяк; средние удочки всего удобнее.

В продолжение моего рыбацкого поприща я заметил в ужение пескарей неизъяснимую

странность: в реках и проточных прудах, особенно около кауза и вешняка, они клюют на удочку необыкновенно жадно; в больших непроточных прудах уже берут не так хорошо, а в маленьких прудках или копаных сажалках не берут вовсе, хотя бы и водились в них во множестве; еще странность: в последних они берут иногда на хлеб, а в реках – никогда. Мне много случалось удить в копаных прудах, где водились только караси и пескари, и я много раз имел случай видеть, как крючки с червяками лежат спокойно на дне или мотаются между стаями пескарей, не обращая на себя их внимание (причем нередко выуживал я пескарей, задевая их снаружи, за бока), тогда как крючок, насаженный кусочком хлеба, едва коснется дна, то сейчас бывает ими окружен. Пескари до тех пор его потрогивают, поталкивают, треплют, щиплют и сосут, пока он свалится с крючка; если крючок и кусочек хлеба очень малы, то иногда случалось и выудить пескаря. Такими проделками они ужасно мне надоедали, ибо сами не клевали настоящим образом, а карасям мешали. Ужение пескарей начинается не рано вес-

ной, а когда вода делается совершенно светла: оно продолжается до самой зимы. Они клюют во всякое время дня. Обыкновенно удят их весной и летом в реках на перекатах, на местах мелких, песчаных, хрящеватых, где вода течет довольно быстро и где можно увидеть их стаи, лежащие на дне. Ужение устраивается тремя способами: 1) Можно удить с наплавком и умеренно тяжелым грузилом, пуская так глубоко, чтобы грузило было на весу, а крючок тащился по дну. Это хорошо при умеренной быстроте течения. 2) Можно удить без наплавка с грузилом очень тяжелым, находящимся в расстоянии двух и даже трех четвертей от крючка: грузило ляжет на дно, а леса с червяком будет извиваться по течению воды. Этот способ наилучший, особенно на сильных быстринах. 3) Можно удить вовсе без грузила, с наплавком, а лучше без наплавка, пусть вода несет крючок с червячком по своему произволу: по быстроте течения он не вдруг коснется дна, но при его приближении пескари проворно поднимаются кверху и хватают крючок. Нигде я не уживал пескарей в таком множестве и таких крупных, как в

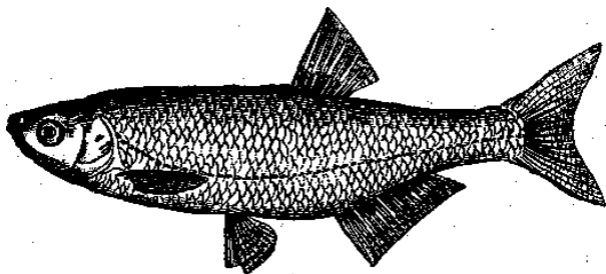
Москве-реке. При наступлении морозов пескари сваливаются с мелких мест в глубокие, где остаются на зиму. Там они берут до тех пор, пока крепкий лед покрывает поверхность воды; удить должно *непрерывно* со дна.

Пескарь берет живо и верно; его подержка и утаскивание видны по наплавку и слышны по руке; надобно подсекать его проворно; разумеется, должно удить на одну удочку и всегда держать удилице в руке. Он служит превосходною насадкою для хищной рыбы и самую здоровую пищу для человека. Уха из пескарей, как нежирная и легкая, обыкновенно предписывается докторами больным; пескари, жаренные в сметане, отлично вкусны.

Я уже сказал, что пескарей удят на два и даже на три крючка, привязанных к одной лесе, один другого короче. Правда, если придется удить на месте, где лежит огромная стая пескарей, — они берут жадно, и случается вытаскивать вдруг по два и по три пескаря. Но я не люблю этого устройства удочек: они ужасно путаются и пригодны только для пескарей, которых, если клев хорош, и на один крючок наудишь множество. Французы большие

охотники до двойных и тройных удочек. Они употребляют их для ужения крупной рыбы: крючки навязывают разной величины, привязки к лесе пускают также очень различной глубины, так что один крючок лежит на дне, а другой висит на аршин от дна; разумеется, и насадку употребляют разную. Такой способ ужения получает уже особый смысл. Я пробовал его, но без успеха; двойная или тройная удочка неловка, уродлива, чаще задевает, и рыба берет на нее неохотно.

5. Уклейка

Я уже сказал, что верховка на нее совершенно похожа, только вчетверо ее меньше: так же плоска, тонка, синевато-серебри-

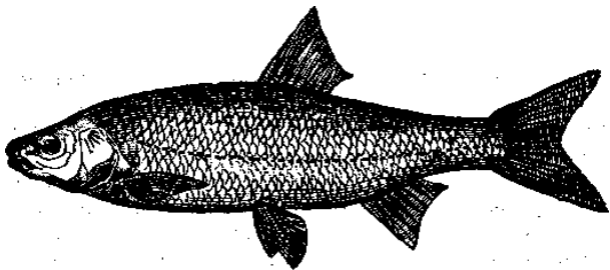
стого цвета и белоглаза; по этим-то двум последним качествам называют ее в Оренбургской губернии *сентявкой* и *белоглазкой*. Я никогда не видывал уклеики длиннее четверти и шире вершка. Отчего около Москвы называют ее *уклейкой*, добаться я никак не умею. Она водится в большом количестве во всех чистых водах, особенно в реках. Когда вы стоите над синею глубию речного омута или озера и солнце сзади освещает поверхность воды, то непременно увидите на довольно значительной глубине сверканье синевато-серебряных полос, кругловатыми линиями, в разных направлениях, пронзающих воду, — это уклеики.

Редко случается, чтоб охотник занимался их ужением; но что бы вы ни удили, только бы крючок был насажен навозным червяком, уклеика не оставит схватить его, испортить или попасть на удочку при первом погружении крючка в воду: разумеется, это делается там, где уклеики очень много. Если же червяк дойдет благополучно до дна, то она уже его мало трогает. Уклеика очень надоедает тем, что портит насадку червя, совсем не для нее

назначаемую; впрочем, она бросается только на небольшого червя. Если кому угодно ее удить, то надобно употреблять маленькие удочки, наплавок пускать очень мелко, с крошечным грузилом или даже без грузила; всего охотнее и вернее берет она на мушку; на червяка с хвостиком также клюет хорошо, но не так верно, потому что часто хватает только за свесившуюся половину червяка; без хвостика же клюет неохотно, а на хлеб еще неохотнее. Клев ее быстр; она налетает с разбега и вдруг утаскивает наплавок в сторону, иногда погружая его и в воду; а если сама попадет на крючок, что бывает нередко, то натянет лесу и дернет даже за удилице, если вы не вдруг подсечете. Для нее нет особенных мест: она держится по всей реке, но я замечал ее в большем количестве в местах глубоких и тихих. Уклейка пригодна для насадки на всякую хищную рыбу, даже и на крупную, которую она может приманить издали, кидаясь на крючок с необыкновенною быстротою во все стороны и сверкая блестящей белизной своей. Уклейка никогда не бывает жирна и потому не употребляется для ухи, но изжа-

ренная в сметане и высушенная – а еще лучше прокопченная, как сельдь, – очень хороша. Вообще вкус ее приятнее вкуса мелкой плотицы. Уклейка клюет до поздней осени, но после сильных морозов – уже только в глубоких омутах и со дна.

6. Елец

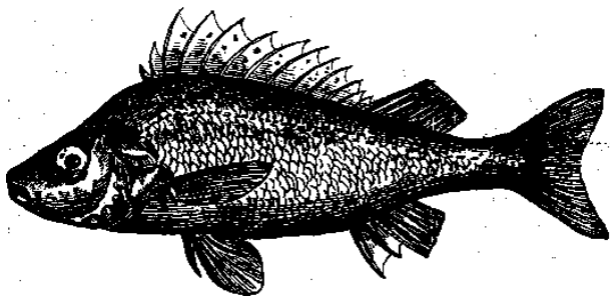

Рыба, неизвестная в низовых губерниях; может быть, так названа потому, что впервые появилась в известной реке Ельце, на которой стоит город Елец. Блестящей серебряной чешуей своей она сходна с уклейкой, но она белее, не плоска, а брусковата; похожа складом на головля. Длиною бывает с небольшим в четверть, а толщиною пальца в полтора;

глаза, перья и хвост какого-то неопределенно-серовато-сизого цвета, а спинка потемнее. Вообще эта рыбка очень живая и красивая. Елец водится довольно изобильно во всех реках Московской губернии, также в проточных прудах и озерах, заливаемых речною весеннею водою, но в небольших, копаных, несвежих прудах жить не может. Он так же, как и уклейка, очень проворен в своих движениях, но шире, белее и ярче сверкает в глубине; берет по большей части со дна и охотнее держится на местах неглубоких, быстрых, хрящеватых и каменистых. Клюет довольно верно; если со дна, то сначала ведет наплавок, не погружая: в это время должно подсекать его; если же насадка не касается дна, то берет живо и совсем утаскивает наплавок. Удить его надобно на навозного червяка, но крупные берут охотнее на земляного небольшого червя; говорят, что елец клюет и на хлеб, но мне никогда не случалось выудить ельца на хлебную насадку. В осень ельцы любят играть на солнце, и в это время надобно удить их, навязывая наплавок очень мелко, спуская его иногда до самого поводка; после же сильных мо-

розов, в октябре, они берут только уже со дна, в глубоких омутах. Средней величины ельцы пригодны для насадки на щук и больших налимов. Вкус ельца составляет нечто среднее между плотицей и уклейкой, следовательно имеет мало достоинства. Клевать начинает очень рано, даже в апреле, когда вода в реках еще слишком сильна и мутна.

7. Ерш

Имя ерша, очевидно, происходит от его на-
ружности: вся его спина, почти от головы
и до хвоста, вооружена острыми, крепкими
иглами, соединенными между собой тонкою
пестрою перепонкою; щеки, покрывающие

его жабры, имеют также по одной острой игле, и когда вытацишь его из воды, то он имеет способность так растопырить свои жабры, так взъерошить свой спинной гребень и загнуть хвост, что название ерша, вероятно, было ему дано в ту же минуту, как только в первый раз его увидел человек. Ерш в этом виде, быстро выхваченный из воды, не покажется даже рыбой, а чем-то круглым и мохнатым; даже на подъеме он покажется тяжелее, чем другие рыбки равной с ним величины. Русский народ любит ерша; его именем, как прилагательным, называет он всякого невзрачного, задорного человека, который сердится, топорщится, ершится. Про ерша сочинил он, вероятно всем известную, целую сказку с лубочными картинками своенародной фантазии и иногда с забавными созвучиями вместо рифм. По-моему, ерш – лучшая рыбка из всех, не достигающих большого роста. Складом своим он совершенно сходен с окунем, хотя никогда не питается рыбой. В реках средней полосы России он не бывает и четырех вершков длины, но в Петербурге, в устье Невы, ловятся ерши необыкновенной величины: я сам

видал их, с лишком в четверть длиною. Слышал также об огромных сибирских ершах. Ерш имеет необыкновенно большие навыва-те, темно-синие глаза; от самой головы, как я уже сказал, идет у него жесткий гребень, почти в вершок вышиною; он оканчивается, не доходя пальца на два до хвоста, но и это место занято у него другим небольшим гребешком, уже мягким, похожим на обыкновенное пла-вательное рыбье перо; ерш колется, как окунь, если взять его неосторожно; он весь пестрый, кроме брюшка, но пестрины како-го-то темноватого, неопределенного цвета; он весь блестит зеленовато-золотистым лоском, особенно щеки; кожа его покрыта густою сли-зью в таком изобилии, что ерш превосходит в этом отношении линя и налима; хвост и верх-ние перья пестроваты, нижние перья белова-то-серые. Ерши водятся только в чистых во-дах и в большем количестве в реках песча-ных или глинистых, также и озерах, заливае-мых полою весеннею водою. Где ершей много и они крупны, там уженье их необыкновенно изобильно и приятно; клюют только на крас-ного навозного червяка и, хотя не так охот-

но, – на земляных червей; разумеется, для этого надобно отбирать самых мелких; удочки употребляются средние. Ерши гораздо жаднее клюют со дна, чем на весу, и потому в таком только случае не должно удить со дна, если оно травянисто или имеет задевы.

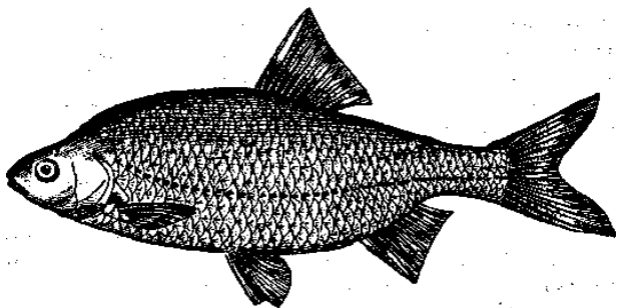
Ерши очень рано весною начинают клевать и перестают в конце самой поздней осени. Если вы нападете на станичку, можете переудить большую их часть: насаживать можно червяков с хвостами и без хвостов, но первое всегда лучше. Ерши берут и заклевывают верно, без обмана, и почти всегда погружают наплавок в воду, но иногда ведут в сторону, тряся его; нередко, вынимая просто удочку, вытаскиваете ерша, который держал крючок во рту. Впрочем, это бывает иногда со всякой рыбой. Я нигде не находил ершей в таком множестве, как в поемных озерах около Москвы-реки: там можно было их выудить сколько угодно: двести, триста и более, зато крупные попадались редко, отчего ужение теряло свою заманчивость. Ершей не употребляют для насадки, вероятно по причине их острых вооружений, которые не нравятся

хищным рыбам, но для человека ерш составляет превосходную добычу. Уха из ершей – самая здоровая, питательная и вкусная пища, но всего лучше они – особенно если крупны, – приготовленные на холодное под желе, которое бывает необыкновенно густо. По моему мнению, ничто не может сравниться с деликатнейшим вкусом этого блюда.

Я всегда дорожил крупными ершами и отыскивал их неутомимо. Но клев их в реках очень капризен: иногда на мели, иногда – только в глуби; сегодня клюют хорошо, завтра не клюют совсем. Ерши в исходе апреля набиты икрой до безобразия и в мае ее мечут, после чего клюют жаднее.

Теперь я поговорю о тех рыбах, которые, родясь такими же крошками, как и те, коих я уже описал, достигают большой величины.

8. Плотица

Очевидно, получила свое имя от того, что она плоска. В некоторых губерниях ее называют *сорога*, или *сорожняк*; происхождение этого названия объяснить не умею. Без сомнения, это самая плодовитая и многочисленная порода рыбы. В реках больших и малых, озерах, прудах проточных и копаных, если только вода довольно свежа, одним словом сказать, везде водится плотва во множестве. Это так ее опошлило, что рыбаки совершенна ее не уважают. Только тогда получает она некоторую значительность, когда начинает весить более фунта. Я сам видел плотицу

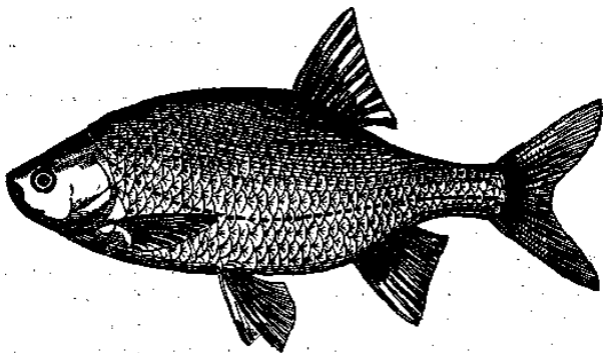
в четыре фунта, но старые рыбаки рассказывали мне в Оренбургской губернии, что в старину попадалась плотва в семь фунтов: такую плотицу выудить уже очень приятно. Плотица несколько широка и кругловата, особенно крупная, плоска, чистосеребристого цвета, который к спинке становится темнее; глаза имеет красные или красно-коричневые, и чем плотица больше, тем глаза становятся краснее; верхние и нижние перья темно-красноваты; чешуя довольно крупная. С увеличением роста плотица становится шире и кругловатее; рот имеет небольшой. Клев ее начинается с самой ранней весны, даже тогда, когда полая вода не совсем слила и еще довольно мутна; одним словом, плотва первая начинает и почти последняя оканчивает рыбий клев. Она жадно бросается на всякую насадку: на обыкновенного навозного червяка, а крупная – даже на земляного, на хлеб, на всякие распаренные зерна, на раковые шейки и на всяких насекомых. Ее можно удить на всех местах и на всякой глубине; но крупная плотва клюет лучше и вернее со дна, в местах глубоких и тихих, особенно на хлеб; в камышах

же, полоях, в мелкой воде она берет на две четверти аршина и даже менее от поверхности воды, особенно в ветреное время. В водах, где водится большая рыба и где рыбак ее особенно имеет в виду, плотва нестерпимо надоедает: от ее дерганья и тасканья нет никакой защиты; одно спасенье – огромные куски хлеба; самый крупный земляной червь; непрерыванный сальник и линючий рак, в целости насаженный на крючок. Я помню в детстве моем, когда Оренбургская губерния была еще гораздо менее населена и реки ее кипели всякой рыбой, особенно плотвой, как во множестве удили ее на кусочки кишок мелких птичек, на травяные стебельки и на всякую дрянь. Но презирать плотву можно там, где много другой, лучшей рыбы. Мне самому случилось жить в таких местах, где я был рад и порядочной плотичке; а как это может случиться и с другим охотником, то и следует поговорить обстоятельнее об ее ужении. Клев плотвы бесконечно разнообразен. Всего благонадежнее удить ее на кусочки хлеба и на распаренные пшеничные зерна, но к этому надобно ее приучить, бросая прикормку, со-

стоящую из того и другого. Мне попадались реки; в которых плотва ни на что не брала, кроме червяка,[107] и то с хвостом, а это клев самый неверный; не знаю, чем объяснить такую странность: непривычкой ли к хлебу и зерну, или изобилием питательных трав и разных водяных насекомых? Крупная плотва особенно любит брать рано утром. Надобно стараться приучить ее клевать со дна; тут она утаскивает и погружает наплавок в воду, а потому подсекать ее нетрудно, и только тут можно удить на две удочки; если же вы удите на весу, то надобно подсекать ту же минуту, как скоро она потащит наплавок или начнет его погружать. Плотва средняя, и особенно мелкая, редко берет верно: внимание, сметка, быстрота и ловкость подсечки тут необходимы. Удилище должно держать в руке. Нечего на это смотреть, что много будет промахов, зато много будет и рыбы. На местах, где давно опущен мешок с прикормкой, плотва очень привыкает кушать распаренные зерна и берет на них без обмана. Тут можно ее наудить сколько угодно, насаживая на маленькую удочку одно или два зерна разбухшей в горя-

чей воде пшеницы и всякий раз пробуя – свободно ли выходит наружу жало крючка; впрочем, самая крупная плотва скорее возьмет на куски умятого хлеба, величиною в русский небольшой орех. Для насадки червей надобно употреблять средние удочки, а для хлебных крошечных шариков и пшеничных зерен – маленькие крючки. Мелкая плотва может служить насадкой для хищной рыбы. Уха из нее невкусна и часто пахнет травой; лучше ее жарить в сметане и сушить. Плотва некрупная клюет до глубокой осени и даже зимою в прорубях; икру мечет в июне.

9. Красноперка

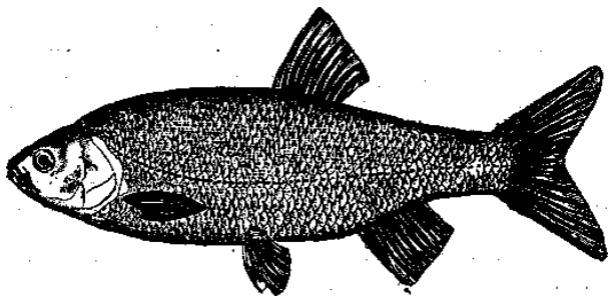

Рыбаки называют ее *плотица-красноперка*; итак, по-видимому, не следовало бы говорить о ней как особой породе рыбы, но я нахожу между нею и обыкновенною плотицею существенное различие, кроме различия цвета, которое, хотя не так ярко, встречается и у других рыб одной и той же породы. Красноперка гораздо шире обыкновенной плотицы; кругловатой своей фигурой и складом совершенно похожа на *подлещика*, покрыта чешуей желто-золотистого блестящего цвета; края этой чешуи как будто оторочены золоти-

сто-коричневой каемочкой; перья, особенно нижние, яркого красного цвета, отчего она и получила свое имя, глаза коричневые; все это вместе делает ее одною из самых красивых рыб. Красноперка, вероятно, может достигать такой же величины и такого же возраста, как и простая плотица. Икру мечет в одно время с нею. Один раз при мне выудил рыбак красноперку (на раковую шейку) в три с половиною фунта; она была так красива, что мы долго любовались ею. Не везде, где водится обыкновенная плотва, водится и красноперка; около Москвы никто про нее и не слыхивал, да и в Оренбургской губернии, во многих реках, прудах и озерах, изобилующих всеми породами рыб, в том числе и плотвой, нет ни одной красноперки, тогда как в других местах она водится во множестве; клев ее совершенно отличен от клева плотицы: она не теребит, не рвет, не таскает крючка, схватив за кончик червяка; красноперка или вовсе не берет, или берет верно. Очень редко выудишь ее в реке; но в конце лета и в начале осени удят ее с лодки в большом количестве в полях прудов, между травами, и особенно на чистых

местах между камышами, также и в озерах, весной заливаемых тою же рекою; тут берет она очень хорошо на красного навозного червяка и еще лучше – на распаренную пшеницу (на месте прикормленном); на хлеб клюет не так охотно, но к концу осени сваливается она в прудах в глубокие места материка, особенно около кауза, плотины и вешняка, и держится до сильных морозов; здесь она берет на хлеб и маленькие кусочки свежей рыбы; обыкновенно употребляют для этого тут же пойманную плотичку или другую мелкую рыбку; уж это одно свойство совершенно отличает ее от обыкновенной плотвы. Мелкая красноперка очень хороша для насадки на хищную рыбу, потому что живуща и не скоро утомляется, ходя на большом крючке. Вкусом мало отличается от обыкновенной плотвы. Для ужения на зерна употребляют маленькие, а для червей и кусочков рыбы – средние удочки. По необыкновенно красивой наружности, потому что водится не везде и клюет не всегда, даже появляется во множестве не всякий год – ужение красноперки несравненно выше ужения плотвы.

10. Язь

Не умею определить, откуда происходит его название. Язь, так сказать, уже капитальная рыба и занимает одно из почетных мест в уженье крупной рыбы, настоящим охотничьем уженье, которое преимущественно привлекает истинного рыбака. Тот уже не охотник, кто закидывает маленькую удочку на мелкую рыбу там, где клюет крупная: лучше просидеть или простоять несколько часов, ничего не выудив, глядя на неподвижные наплавки, но ежеминутно ожидая богатой добычи, чем приняться за тасканье дрянных плотичек и, может быть, отогнать этим боль-

ших рыб. Язи как-то редко попадаются в малом виде; по большей части они начинают брать на удочку, достигнув порядочной величины; впрочем, это замечание не везде верно. [108]

Около Москвы небольших язей фунтов до двух называют подъязыками, но в других местах России я не слыхивал такого подразделения. Язи около четырех фунтов попадаются всего чаще, но бывают и в девять фунтов. Самый большой язь, которого мне удалось выудить, весил около семи фунтов. Язь довольно широк, но уже не кругловат и ровнее плотицы; иногда достигает трех четвертей длины и двух вершков толщины, разумеется в спине; хвост и нижние перья имеет красные, а верхние – сивые, глаза светло-коричневые; покрыт чешуей, которая около спины крупнее и темнее, по большей части серебристого цвета, но попадаются изредка язи, в одной и той же реке, желтовато-золотистые. Они водятся только в водах чистых: реках, проточных прудах и больших озерах; икру мечут в мае. Язи легко привыкают к прикормке, особенно постоянной, и только при этом условии можно

выудить много крупных язей в одно утро на одном и том же месте; под словом *много* я разумею какой-нибудь десяток. С начала весны язи охотно берут на куски умятого хлеба, величиною с небольшой грецкий орех, потом на крупных земляных и на кучу навозных червей, или глист, также на раковые шейки; вначале и середине лета – на линючих раков и на большого белого червя (сальника); попозднее – на кобылок, а осенью язи почти не берут; если и возьмет какой-нибудь шалун, то уже не на большую насадку и удочку, а на удочку маленькую, мелко пущенную и насаженную на пшеничку, муху или тому подобную мелочь. Одного из самых крупных язей я выудил на большого зеленоватого комара особенной породы, на крошечную удочку; зато я водил его около часа. Настоящий клев язей – со дна; для ужения употребляются крючки большие, если велика насадка, и средние, если она мала. По слитии водой вслед за плотицей сейчас начинают брать язи; самый лучший клев их, по замечанию рыбаков, бывает в то время, когда цветет калина. Если вы удите без прикормки, *на ходу*

рыбы, то надобно, выбрав узкое место реки, одну удочку закинуть на середину, другую поближе, а третью у берега; если же удите на прикормленном и отлогом месте, то выгоднее класть все наплавки около травы, поближе к берегу, а удилица – на траву. Без всякого сомнения, в обоих случаях самое драгоценное время для ужения язей – раннее утро. Тут они берут задолго до восхождения солнца, так что, только сидя лицом к заре и то наклонясь к земле, можно различить наплавки. Только истинный охотник может вполне оценить всю прелесть этого раннего ужения... При торжественной тишине белеет восток и гонит на юго-запад ночную темноту, предметы выступают из мрака, яснее; но камыши стоят еще неподвижны, и поверхность вод не дымится легким паром: еще долго до солнца... Вдруг начинаете вы слышать, сначала издали, бульканье поднимающихся со дна пузырей: это воздух, выпускаемый чрез ноздри крупною рыбою... Это верный знак, что идут язи... Пузыри выскакивают ближе, вы уже их видите... Сейчас начнется клев... Язь берет верно и прямо утаскивает наплавков в воду; подсечка

должна быть скорая, решительная, но не слишком крепкая и не порывистая. Язь – одна из сильных рыб и на удочке ходит очень бойко. Надобно осторожно, утомив наперед, выводить его на поверхность воды и наблюдать, чтобы круги, которые он станет давать, были не слишком широки: иначе ему будет легко, бросившись в сторону, натянуть лесу и оборвать.

Большие язи бывают очень жирны, и уха из них довольно вкусна, но всего лучше готовить их на холодное под соусом с сметаной и хреном; жаль только, что язь очень костлив. Цвет его тела бледно-бланжевый.

Наибольшую часть крупной рыбы, выуженной мной в течение всего рыболовного моего поприща, составляют язи; река Бугуруслан, на которой я вырос, изобиловала в то время преимущественно язями; головли переводились, а лещи еще не заводились. Итак, большие язи были вожделенной добычей рыбака. Да и как славно брали они тогда на хлеб, без всякой прикормки, по всей реке без исключения. Только, бывало, и слышишь о порванных лесах, разогнувшихся или перелом-

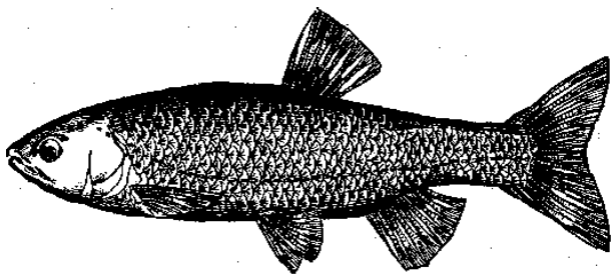
ленных крючках и удилицах. Разумеется, язей таскали через голову, как плотичек, — итак мудрено ли, что выуживали четвертую часть из числа попадавшихся?..

К числу диковинных случаев, виденных мною на уженье, можно причислить и следующий: удил я один раз на берегу своего пруда (Оренбургской губернии), а другой рыбак сидел на мостках, устроенных в траве над самым материком, посредине пруда. Вдруг вижу я, что рыбак встал на ноги и начал водить, по-видимому, большую рыбу. Эта история продолжалась так долго, что я пришел в большое удивление. Я попробовал спросить, но расстояние было велико, и мы слышали только крик друг друга, а слов расслушать не могли. Мне надоело смотреть на однообразные движения рыбака, и я занялся собственными удочками; изредка я взглядывал на него и видел все одно и то же. Наконец, по крайней мере через час, увидел, что рыбак поспешно плывет на лодке прямо ко мне: он привез в сачке не отцепленного огромного язя (с лишком в пять фунтов) и пригласил меня посмотреть, каким манером он попался на удочку. В

самом деле, это была диковинка: шелковый поводок (в две шелковинки) обернулся и захлестнулся за конец спинного плавательного пера, а крючок, насаженный червяком, не тронутый висел у язя сбоку. Я пробовал держать рыбу на весу (а в воздухе это несравненно тяжелее, чем в воде) – и рыба держалась крепко. Впоследствии с тем же рыбаком случилась другая история в этом же роде, еще удивительнее, но я расскажу ее, говоря о щуке.

Сообщаю новость охотникам: в прошлом, 1851 году, ночью на 15 сентября, попал мне язь в три фунта на крючок, насаженный карасем и поставленный на налимов, в яме под вешняком. Итак, язь может взять и на рыбку.

11. Головлъ

Хотя очевидно, что имя его происходит от большой головы, но она у него совсем не так велика, а если и кажется большей величины, чем у других рыб, то единственно оттого, что лоб у головля очень широк и как-то сливается с его брусковатым станом. Головлъ не так широк, как язь, длиннее его и гораздо толще в спине. По уверению многих рыбаков, достигает до аршинной длины и до четырнадцати фунтов весу; сам же я не видывал головля более девяти фунтов. Он гораздо красивее язя: чешуя крупнее и серебристее, а каждая чешуйка по краям оттенена тонкою, блестящею, коричневою каемкой. Рот имеет до-

вольно большой, глаза темные; нижние перья красноваты, а верхние, особенно хвост, темно-сизого цвета, так что когда в полдневный пригрев солнца рыба подымется со дна на поверхность воды то сейчас отличишь головлей по темно-синим, черным почти, хвостам. Головль любит воду чистую и свежую, водится даже в такой холодной воде, в которой язь не может держаться, так что в реках всегда появляется вслед за породами форели. Даже не знаю, живет ли он в больших озерах, но в проточных речных прудах размножается обильно; исключительно держится на песчаных и хрящеватых местах, даже каменистых; в полях головль редкость: река, материк в пруде, вот его место. Он необычайно быстр в своих движениях чему способствует склад его стана, которым несколько похож на щуку. Не так легко прикармливается хлебными зернами и вообще осторожнее язя, но иногда берет на хлеб; лучше любит червей и особенно сальника, раковые шейки и целых линючих раков; самые большие головли берут на рыбку, предпочтительно ночью, для чего и ставят на них осенью, когда сделается холоднее,

крючки, насаженные пескарями, гольцами, а по неимению их уклеяками и плотичками. Я уже упомянул об уженье головлей летом, по ночам, с лодки, на длинные лесы. Крупный головль большею частью берет со дна; клев его необыкновенно быстр, и он почти всегда сам себя подсекает и потом стремительно выскакивает наружу, мечется, на удочке, как бешеный, и выпрыгивает иногда весь из воды. Рыбак должен стараться предупредить все эти опасные проделки и, угадав по быстроте движений, что у него взял головль, не пускать его со дна наружу, пока он не утомится и не присмирееет, иногда погружая для этого конец удилица в воду. Нет рыбы его сильнее, бойчее, быстрее, неутомимее. Огромный головль на удочке – великолепное зрелище! Самый опытный, искусный рыбак не без страха смотрит на его быстрые, как молния, неусмиряющиеся прыжки и тогда только успокоится, когда подхватит сачком. Головлей удят и без грузила и без наплавка, на наплавную удочку средней величины, насаживая на крючок кобылку, жучка, муху или навозного червяка; это уженье производится на быстрых

течениях реки; попадаются преимущественно средние головлики и редко крупные; впрочем, большого головля на такую лесу почти невозможно выудить. Хотя он сходен вкусом с язем, но как-то чище, деликатнее. Уженье больших головлей я считаю первоклассным уженьем как по осторожности, необыкновенной быстроте и бойкости их, так и потому, что они берут редко: поймать двух, трех крупных головлей в одно утро – богатая, даже великолепная добыча. Но отчего так редко берут большие головли, тогда как, вероятно, каждому охотнику случалось видеть их гораздо более, чем другой крупной рыбы – это разрешить я никак не могу. Головли всегда и везде приводили меня в отчаяние – на реках Оренбургской, Симбирской, Пензенской и Московской губерний. Всего обиднее видеть их иногда гуляющих стаями в полдень, по самой поверхности воды, иногда лежащих на каменистом или песчаном неглубоком дне речного, как стекло прозрачного переката! Под самый рот подводишь им все любимые насадки: раков, огромных земляных червей, жирного сальника, пескаря – все понапрасну!

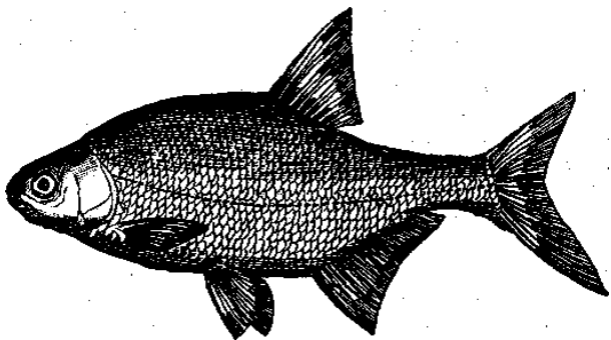
Точно и не видят! Иногда вдруг один подойдет, как будто понюхает (и займется дух от ожидания у охотника), толкнет рылом насадку и отойдет прочь! Иногда случалось, что кусок опустится прямо на головля, лежащего на дне, и что же? Отодвинется немножко в сторону и ляжет опять на песок, пошевеливая, как кормовым веслом, черным хвостом своим. Рыбаки обыкновенно объясняют это тем, что головли видят охотника и не берут из осторожности. Но бог знает, справедливо ли это объяснение: сторожкая, пугливая рыба, увидев какую бы то ни было движущуюся фигуру, может уплыть прочь, спрятаться – это понятно; но дальнейших соображений осторожности я не признаю: почему же головли берут редко и в глубоких местах, в воде непрозрачной, где рыбака решительно не видно? Нет, тут должны быть другие причины, которых мы не знаем.

Говоря о головле, считаю не лишним рассказать случай, служащий доказательством, что никогда не должно брать рукою за лесу, вытаскивая большую рыбу, о чем я упомянул выше. Удил я один раз после обеда рано вес-

ною в верху большого пруда (то есть в материке), заросшего камышами. Я стоял на узкой стрелке: так назывался мыс, залитый с трех сторон водою. Крупная рыба еще не начинала брать. Три мои большие удочки лежали неподвижно; наконец, тронуло на белого червя (сальника); два раза стаскивало, в третий раз я как-то ловко подсек и вытащил головлика. Видя, что крупная рыба не берет, я откинул большую удочку, взял среднюю, в шесть волосков, насадил маленького сальника и закинул. Не успел я положить удилица, как наплавок исчез... подсекаю – огромная рыба!.. Гибкое удилице согнулось в кольцо до самой руки. Сначала, по быстроте прямолинейных движений, я подумал, что это щука; но рыба не замедлила меня разуверить: огромный головль, какого я ни прежде, ни после не видел, вылетел на поверхность воды и начал свои отчаянные прыжки... Тонкая леса моя была так крепка, удилице так гнупто, я водил так осторожно, что через полчаса головль утомился. Я подвел его к берегу, чтобы подхватить сачком, но сачок был *мал и мелок*, рыба в нем не уместалась.[109]

Между тем вдруг головль сделал отчаянный прыжок и выскочил на густую осоку, которая свесилась с берега и была поднята подтопившею его водою: стоило только осторожно взять головля рукой или накрыть его сачком и вытащить на берег таском; но я, столь благоразумный, терпеливый, можно сказать искусный рыбак, соблазнился тем, что рыба лежит почти на берегу, что надобно протащить ее всего какую-нибудь четверть аршина до безопасного места, схватил за лесу рукою и только натянул ее – головль взметнулся, как бешеный, леса порвалась, и он перевалился в воду... Я потерял такую драгоценную для охотника, особенно в такое раннее весеннее время, добычу, что буквально был в отчаянии, да и до сих пор не могу вспомнить этой потери равнодушно, хотя впоследствии утешил себя тем, что написал идиллию «Рыбачье горе»...

12. Лещ

Определить с точностью происхождение его имени довольно трудно. Легко быть может, что слова *лещедь*, *лещедка* произошли от одного корня с именем леща, ибо у широкой и плоской лещеди есть с ним некоторое подобие; лещедкой же называется расколотый пенек дерева или сучка, в который ущемляется все то, что надобно придавить, сделать плоским. Круглой, плоской, широкой своей фигурой лещ отличается от всех других рыб: голова у него небольшая, особенно кажется такую по ширине склада; рот еще меньше от-

носителем величины всего тела. Лещи бывают огромной величины и весу: достигают почти аршинной длины, двух четвертей ширины и в то же время только до двух вершков толщины в спине. Я от многих слышал, что лещи попадают в восемнадцать фунтов, но сам не видал больше двенадцати фунтов. Они бывают желтовато-золотистого и серовато-серебристого цвета, но первые редки; брюхо — белое. Чешуя на них крупная, хвост и перья сизые и очень небольшие, глаза белые, с темными зрачками. Фигура леща неприятна, она представляет что-то уродливое. Он не сносит воды холодной и появляется в реках после всех рыб; преимущественно водится во множестве в реках тихих, глубоких, тинистых, имеющих много плес и заливов; особенно любит большие пруды и озера; икру мечет в апреле, в самое водополье. Я помню, что в реке Бугуруслане, Оренбургской губернии, когда она была еще мало заселена, сначала водилось много головлей и мало язей; потом развелось множество язей, а головлей стало мало; лещи же, сколько их ни пускали в пруд, никак не разводились, хотя верст двадцать

ниже, где наша река впадает в другую, именно в *Насягай*, лещей было довольно. Теперь же и в пруде Бугуруслана и по всей реке лещей развелось множество.[110]

Очевидно, что прозрачная и необыкновенно холодная вода реки от многих мельниц и новых поселений постепенно делалась мутнее, теплее, так что, наконец, стали в ней держаться лещи. Впрочем, был употреблен для разведения их тот способ, о котором я говорил в статье «О рыбах вообще». – Небольшие лещи называются *подлещиками*. Иные считают их особою породою рыбы, но, по-моему, это несправедливо. Весной, едва реки начнут входить в берега и воды проясняться, как начинается самый жадный клев лещей, потому что они тощи, голодны после извержения икры и молок, как и всякая рыба, а корму еще мало. Они берут на червяка навозного и земляного, но всего охотнее на первого. Впрочем, их можно прикормить хлебом и распаренными зернами; они хорошо берут на размоченный горох. Для ужения, если оно производится в реках, избираются места тихие и глубокие, всего лучше заводи и заливы. В прудах и

озерах можно выбирать место какое угодно, но, разумеется, глубокое, имеющее гладкое, покатое дно и удобный берег для вытаскивания добычи. В некоторых водах они водятся в таком изобилии и с весны клюют так охотно и верно, что их можно выудить невероятное количество. Я разумею лещей средних: очень крупные берут всегда редко. Удить надобно со дна, на две и на три удочки; лещ берет тихо и ведет наплавок, не вдруг его погружая: всегда успеешь схватить удилице и подсечь. Удочки лучше употреблять большие, а крючки средние, насаживая по нескольку червяков навозных или по одному, ибо лещ берет без церемонии на обе насадки. Первые его порывы на удочке бывают очень сильны, но он скоро утомляется и всплывает наверх, как деревянный заслон: тут весьма удобно подвести его к берегу, подхватить сачком и даже просто взять рукою. Это я говорю о лещах средней величины, то есть около четырех фунтов. Но первые движения огромного леща, то есть фунтов около восьми, десяти, так порывисты и упорны, что надобно крепкую лесу, очень гнупкое удилице и много уменья и ловкости,

чтобы выдержать их благополучно. Вот для чего лучше употреблять удочки большого разбора. Говорю это по рассказам, я сам мало уживал лещей, и не тяжеле пяти фунтов. Многие охотники страстно любят весенний клев лещей, который продолжается недели две. Без всякого сомнения, чем рыба больше, тем лестнее ее выудить, а потому и огромные лещи, которые берут не часто, представляют для охотника заманчивое ужение; но тасканье лещей мелких, то есть подлещиков, весом фунтов до двух, которые берут беспрестанно, до чрезвычайности верно и однообразно, сейчас всплывают наверх, и неподвижные вытаскиваются на берег, как деревянные щепки, – по-моему, совсем невесело: я пробовал такое ужение, и оно мне не понравилось. Для меня гораздо приятнее выудить леща, между многими другими рыбами, в продолжение лета и в начале осени, когда уже он берет редко.

Лещи бывают очень жирны, если хотите вкусны, но как-то грубо приторны, а большие – и жестки; впрочем, изредка можно поесть с удовольствием бок жареного леща, то есть ребры, начиненные кашей: остальные

части его тела очень костливы.

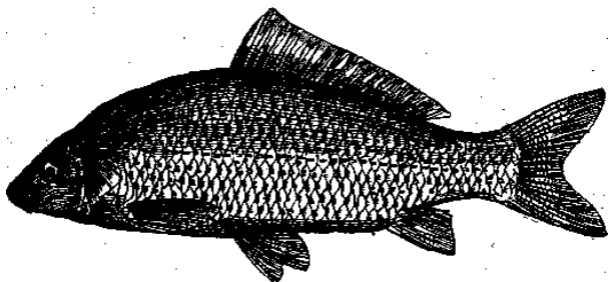
13. Сазан

Производства его имени сделать не умею; Пуж полно, русское ли оно? Сазан очень красивая рыба, достигающая пудового веса. Прежде я и не слыхивал, чтобы сазаны водились в реках, средней величины. В Оренбургскую, Симбирскую и другие низовые губернии обыкновенно их привозили зимою в значительном количестве с больших рек и преимущественно с Урала, в который набиваются они со взморья в таком невероятном множестве, что оно может показаться баснословным. Но лет двадцать тому назад в реке Свияге, протекающей под самым Симбирском, вдруг появились сазаны; сначала средней величины и крупные, а впоследствии уже развелось и множество мелких. Не утверждаю за верное, но мне сказывали, что в верховье этой самой реки у какого-то помещика был огромный пруд, не уходивший лет сорок, в котором он развел сазанов (карпий) в изобилии; но вдруг этот пруд прорвало, сазаны ушли и распространились по всей реке. Ко-

нечно, всего ближе было зайти сазанам из Волги, в которую Свияга впадает; но почему же они не заходили прежде? Как бы то ни было, но появление сазанов открыло новое превосходное ужение для симбирских рыбаков-охотников. Через несколько лет уже появились сазаны и в других небольших реках Симбирской и даже Пензенской губернии. Мне самому удалось выудить несколько сазанов от трех до четырех фунтов. Без сомнения, они бойчее на удочке всякой другой рыбы. Сазан берет тихо и везет наплавок с возрастающей скоростью, не вдруг погружая его в воду; но как скоро вы его подсечете, он бросается с невероятною быстротой прямо от вас, диагонально поднимаясь кверху и вытягивая в прямую линию лесу и удилице. Не ожидая начала такого маневра, я потерял несколько сазанов и крючков; довольно толстые лесы в одну минуту были порваны. Для ужения крупных сазанов употребляют удочки самого большого размера и особенно крепкие лесы. Сазан клюет только на навозного и земляного червяка. Самый лучший клев – весной. Сазан очень красив: он покрыт необыкновенно

крупною, темно-желто-золотистою чешуей; кажется, будто по золотому полю он весь усыпан гвоздиками с темными шляпками, что напоминает красивую чешую головля. Он довольно широк, при первом взгляде имеет некоторое сходство с карасем, но горбатее, уже и длиннее его; около краев рта имеет два толстые, короткие и мягкие уса, оканчивающиеся кругловатыми и плоскими головками. Сазана я решительно признаю за одну и ту же рыбу с карпией по совершенному их сходству во всем, хотя говорю о каждой особо. У большого сазана мясо несколько грубо, а мелкие сазаны очень вкусны.

14. Карп, или карпия

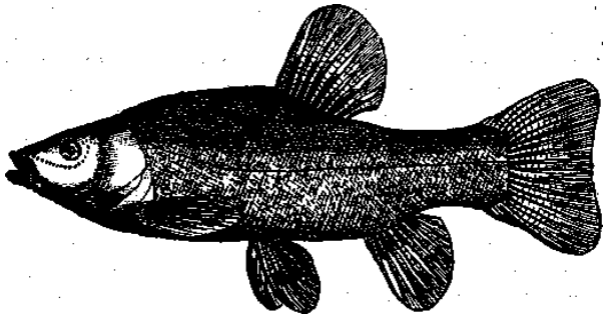
Карп – имя иностранное, а карпия – переделанное на русский лад. Говоря о сазане, я уже сказал, что он и карпия – одна и та же рыба, с тою разницею, что карпия в прудах имеет цвет не яркий, а серовато-грязный и не достигает такой огромной величины, как сазаны, водящиеся в больших реках и особенно в их устьях, при впадении в море; в Астрахани, например, улов сазанов бывает невероятно велик и замечателен как по множеству, так и по крупноте их. В самой Москве много водилось карпий в разных прудах, особенно в Пресненских и прудах Дворцового сада, который ныне принадлежит Кадетскому корпусу.

В окрестностях Москвы редко найдешь хороший пруд, проточный или непроточный, все равно, лишь бы довольно большой, в котором бы не были разведены карпии. В прудах, долго не чищенных и заглохших тиной, карпии переводятся; нередкодохнут они в прудах и оттого, что в продолжение долгих зим не заботятся о достаточном количестве ежедневных прорубей, отчего вода сдыхается и портится. — Карпии охотно клюют на земляного и навозного червяка. На удочке очень бойки и сильны, клюют больше со дна. Я не слыхивал, чтоб около Москвы попадались карпии в реках, пойманные же в прудах часто пахнут тиной, если дно в них тинисто. Впрочем, их можно так же, как карасей, сажать в прорезные сажалки, в проточную свежую воду: они скоро потеряют запах тины и получают свой обыкновенный приятный вкус. Карпии, разводимые в прудах, легко приучаются к прикормке в назначенный час и в назначенном месте; если во время их кормления звонить постоянно в колокольчик, то они так к нему привыкнут, что станут собираться на звон колокольчика даже и не в урочное время. Веро-

ятно, и других рыб можно приучить к тому же. В Москве есть еще люди, которые помнят эту проделку в Нескучном саду, когда он принадлежал князю Шаховскому. Весьма недавно в Пресненских прудах водилось множество карпий очень крупных; народ любил кормить их калачами. В самом деле, это было забавное зрелище: как скоро бросят калач в воду, то несколько из самых крупных карпий (а иногда и одна) схватят калач и погрузят его в воду; но, не имея возможности его откусить, скоро выпустят изо рта свою добычу, которая сейчас всплывет на поверхность воды; за нею немедленно являются и карпии, уже в большем числе, и с большею жадностью и смелостью схватывают калач со всех сторон, таскают, дергают, ныряют с ним, и как скоро он немного размокнет, то разрывают на куски и проглатывают в одну минуту. Все эти проделки провожал народ громкими восклицаниями и хохотом. Мне не удавалось удить много ни сазанов, ни так называемых карпий, но по рассказам охотников должно заключить, что это уженье, особенно в реках или больших прудах, очень приятно, добычливо и требует

В то же время уменья, осторожности и сачка: ибо крупная карпия – самая бойкая, сильная и неутомимая рыба.

15. Линь

Хотя можно имя его произвестъ от глагола *Льнуть*, потому что линь, покрытый липкою слизью, льнет к рукам, но я решительно полагаю, что названье линя происходит от глагола *линять*: ибо пойманный линь даже в ведре с водою или кружке, особенно если ему тесно, сейчас полиняет и по всему его телу пойдут большие темные пятна, да и вынутый прямо из воды имеет цвет двуличневый линючий. Без сомнения, народ заметил такую

особенность линя и дал ему характерное имя. Линь складом своего стана несколько схож с язем, только немного шире, толще его и как-то четверугольнее; он покрыт мельчайшею чешуей темно-зеленого, золотистого цвета, которую трудно разглядеть простыми глазами; он весь как будто обмазан густою слизью; глаза имеет маленькие, ярко-красные; хвост и перья толстые, мягкие и темные; рот небольшой. Линь достигает значительной величины; уверяют, что лини бывают в четырнадцать фунтов весом, но я не видывал линя более восьми фунтов. Надобно сказать, что я не совсем верю большой величине и весу многих рыб, о которых рассказывают рыбаки и охотники; часто они судят по глазомеру и по руке, и очень ошибаются. Вот, например, лини: сколько я их переудил в жизнь мою, сколько видел выуженных другими или пойманных разными рыболовными снастями; как бы мне не встретить, хотя одного, если не в четырнадцать, то хоть в десять или двенадцать фунтов? Виденный и взвешенный мною на безмене восьмифунтовый линь был длиною в две четверти с вершком, но зато

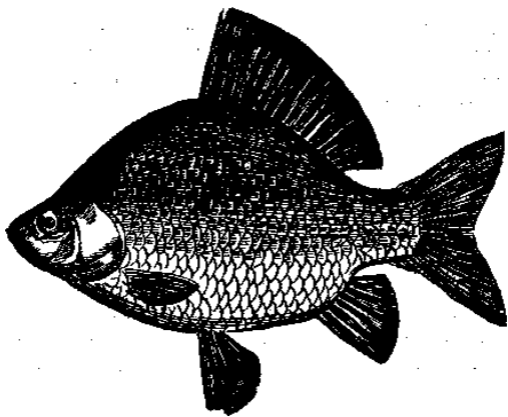
чрезвычайно толст. Лини клюют на хлеб, на земляных и навозных червей, на раковые шейки и на линючих, небольших раков; им трудно заглатывать крупных. Самый клев линей в реках (правильнее сказать: в заливах рек, и то в самых тихих, и то рано весною), озерах и прудах начинается сейчас по слитии вешних вод; летом они берут уже в одних прудах, то есть в их травянистых полях и верховьях, изредка даже в материке пруда; но в реке незапруженной летом уже ни за что линия не выудишь. В Оренбургской губернии я уживал линей, и помногу, в сентябре, даже при небольших морозах, по глубоким местам в полях пруда, обросших кругом травой; но около Москвы этого клева не существует: как скоро похолодеет, все лини из заливов и трав уйдут, а в материке не берут. Линь хорошо водится в реках тихих, тинистых и травянистых; холодной воды не любит, но всего больше размножается в проточных прудах, озерах и даже в прудах непроточных, небольших. Рыбаки говорят, что лини мечут икру два раза в год: марте и августе. Нисколько того не утверждая, я замечу, однако, что лучший

клев линей бывает в апреле и сентябре, как будто после метанья икры. Заводи, заливы, полои, непременно поросшие травой, – вот любимое местопребывание линей; их надобно удить непременно со дна, если оно чисто, в противном случае надобно удить на весу и на несколько удочек; они берут тихо и верно: по большей части наплавков без малейшего сотрясения, неприметно для глаз, плывет с своего места в какую-нибудь сторону, даже нередко пятится к берегу – это линь; он взял в рот крючок с насадкой и тихо с ним удаляется; вы хватаете удилице, подсекаете, и жало крючка пронзает какую-нибудь часть его мягкого, тесного, как бы распухшего внутри, рта; линь упирается головой вниз, поднимает хвост кверху и в таком положении двигается очень медленно по тинистому дну, и то, если вы станете тащить; в противном случае он способен пролежать камнем несколько времени на одном и том же месте. Когда вы почувствуете, что линь очень велик, то ненадобно торопиться и тащить слишком сильно: можно переломить крючок, если он воткнулся в лобковую кость его рта и пришелся на

взлом; держите лесу слегка внатяжку и дожидайтесь, когда линь решится ходить; тогда начинайте водить и водите долго, ибо он очень силен и не скоро утомляется; берегитесь травы: он сейчас в нее бросится, запутается и готов оставаться там несколько часов. Далее поступайте так, как следует обходиться с большою рыбою. Линь очень редко срывается, разве порвется леса или сломится крючок. Уженье линей на мелких местах, среди густых водяных трав, что случается очень часто, требует особенной ловкости и умения: запутавшись, завертевши лесу за траву, линь вдруг останавливается неподвижно; разумеется, тащить не должно; но если рыбак, ожидая времени, когда линь придет в движение, опустит удилице и будет держать лесу слишком на слаби, то иногда линь с такою быстротою бросается в сторону, что вытянет лесу в прямую линию и сейчас ее порвет (разумеется, линь большой); а потому советую удить в травах на лесы самые толстые, крепкие и употреблять удилица не слишком гибкие. По своей мягкости и живучести маленькие линьки служат отличной насадкой на хищную рыбу.

Уха из линей густа и питательна, имеет вместе особенный, довольно приятный, сладкий вкус; но всего лучше их сушить в сметане. Лини часто пахнут тиной, от чего легко их избавиться, посадив в плетеную сажалку и поставив недели на две в проточную воду. В сажалке надобно кормить их печеным хлебом, отчего они скоро разжируют.

16. Карась

Самая плодовитая и везде во множестве водящаяся рыба. Складом своим широк и

кругловат; фигура его составляет средину между красноперкой и лещом, то есть он шире красноперки и уже леща; покрыт чешуей серебряного или золотого цвета. И белые и желтые караси (как называют их без церемонии рыбаки) живут иногда в одной и той же воде вместе. В небольших копаных прудах во множестве попадаются караси среднего, переходного от белого к желтому, как будто розового цвета; вероятно, это помесь. Вся разница между ними состоит в том, что караси желтые несколько круглее и перья имеют красные, особенно нижние, у белых же они серовато-сизые. Вообще карась – складная и красивая рыба, преимущественно золотой. Многие уверяли меня, что караси бывают в десять и даже двенадцать фунтов, но я долго этому не верил. Переудивши в жизнь мою неисчетное множество карасей, я ни одного не выудил тяжелее двух с половиною фунтов. Помню я в детстве моем, как тянули неводами заливные озера по реке Белой (это было тогда, когда Оренбургская губерния называлась еще Уфимскою), как с трудом вытаскивали на зеленый берег туго набитую рыбой *мотню*,

[111] как вытряхивали из нее целый воз больших щук, окуней, карасей и плотвы, которые распрыгивались во все стороны; помню, что иногда удивлялись величине карасей, взвешивали их потом, и ни один не весил более пяти фунтов. Но несколько лет тому назад прислал мне зимой в Москву один приятель (Ф. И. Васьков) несколько мерзлых карасей, пойманных в Костромской губернии; все они были необыкновенной величины, или, лучше сказать, толщины, потому что карась, достигнув двух четвертей с небольшим длины, начинает расти только в толщину; один из обитателей Чухломских вод весил девять фунтов! Вот было бы весело поймать такого карася-исполина на удочку! Итак, почему же не быть карасям и в двенадцать фунтов? Живя в Оренбургской губернии, я и не слыхивал об уженьях карасей. При изобилии всякой крупной речной рыбы, конечно, никакой охотник не станет думать о карасях. Я познакомился с ними по необходимости, проводя летнее время где-нибудь в окрестностях Москвы. Тут везде есть копаные пруды, иногда очень большие и глубокие, поддерживаемые открывши-

мися на дне родниками и оттого всегда имеющие хорошую воду; карасей разведено почти везде множество, и я волею-неволею полюбил это уженье. Караси начинают брать весной позднее другой рыбы; надобно, чтоб теплота воздуха и весенние лучи солнца прогрели воду и тем подняли карасей с тинистого дна, из глубоких ям, куда они забиваются на зиму. Если очень холодно, то в начале сентября перестают брать, а если тепло, то берут до октября. Всего охотнее караси клюют на красных навозных червяков, или глист, но берут и на земляных червей и на хлеб: к последнему надо их приучить, бросая куски хлеба для прикормки. Я выудил один раз неожиданно желтого карася на раковую шейку, предназначенную для линя: итак, караси могут брать и на рака. Ежели в пруде водятся и белые и желтые караси, то на хлеб будут брать преимущественно желтые, а на червяка – белые; исключения довольно редки. Если же и возьмет на хлеб белый карась, то уже почти всегда не маленький. Странность необъяснимая, потому что белый карась точно так же ест хлебную прикормку, как и желтый. Хотя

караси по большей части водятся в озерах и копаных прудах и редко попадают в заливах проточных прудов, но никак нельзя сказать, что они не живут в реках. Я очень часто замечал, что в реке карасей, по-видимому, нет, а во всех озерах и заводках, наливающих припруженной водою этой же самой реки, везде есть караси. Они разводятся в невероятном количестве в самых нечистых водах и первые годы растут очень скоро, как и всякая рыба. Но живя в водах нечистых, следовательно теплых, караси точно так же могут жить в воде самой холодной. Вот какое тому доказательство видел я сам: в двух верстах от меня, в мордовской деревушке Киватское, была прорванная мельничная плотина, брошенная более десяти лет; против того места, где был прежде вешняк, всегда стояла, полная с краями, глубокая яма воды, студенной, как лед, из которой вытекал ручеек: несомненный признак, что в яме был родник. Почти всякий день проезжал я на охоту с ружьем мимо этого места. Один раз, возвращаясь с охоты, в исходе июня, вижу я кучу народа около вышесказанной ямы. Я зашел по-

смотреть, что тут делают. Каково было мое удивление, когда я увидел, что несколькими бреднями ловили в яме карасей и уже поймали более воза. Караси были все желтые, все одинаковой средней величины. Ловившие рыбу дрожали от холода, несмотря на жаркое время. Никогда никому не входило в голову, чтоб в этой яме могла держаться рыба, особенно караси: мальчишки увидели плавающие поверху темные тучи какой-то рыбы и рассказали о том в деревне.

Клев карасей чрезвычайно неординаков; иногда они берут беспрестанно и очень верно: тронутый наплавок дает около себя один или несколько кружков и отправляется в сторону, но погружается редко; тут довольно времени схватить удилице и подсечь; тут можно удить на несколько удочек и разложить спокойно свои удилица на чем случится; но иногда, в том же самом пруду, караси начнут клевать до того осторожно, или, лучше сказать, неверно, что надобно удить на одну удочку и держать удилице в руке, потому что должно уловлять, посреди троганья и поталкиванья, малейшую потяжку наплавка; промахов бу-

дет немало, но иначе ничего не выудишь; в этом случае гораздо вернее удить на хлеб. Впрочем, иногда караси берут только на хлеб, иногда только на червей. Перемену в характере клева я объясняю тем, что покуда держатся около удочек караси средние, ровные, то клев продолжается верный; когда же привалют стаи мелких карасей (вот почему не годится бросать много прикормки), то начнется одно пустое троганье и поталкиванье, так что порядочный карась должен протесняться сквозь кучу мелких и не может взять тихо и спокойно, а берет также урывками, хватая за хвост червяка, следовательно также неверно. Впрочем, и то надобно сказать, что когда в небольшом пруде выужено значительное количество карасей да у числа вдвое большего прорваны, оторваны[112] или поранены губы, то и карась, как он ни прост, должен сделаться осторожным.

Для хлебной насадки надобно употреблять удочки маленькие, а для червяка – средние. Очень раннего вставанья по утрам не нужно. В летние жаркие и красные дни, как скоро сядет солнце, караси начинают ходить около

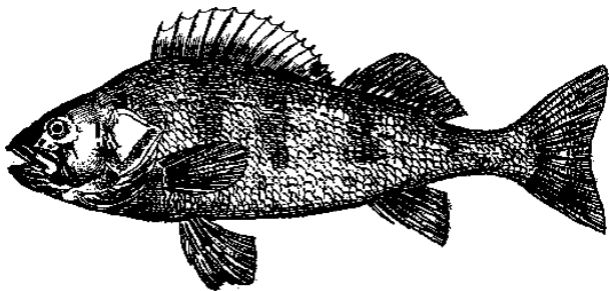
берегов; в это время и удочки надобно закидывать как можно ближе к берегу. В полдень же они поднимаются наверх и черными большими пятнами, как пролитая смола, то темнее, то светлее, тихо передвигаются с места на место по поверхности воды; тут надобно пускать наплавки как можно мельче, ибо в это время караси берут очень мало со дна. Крупные караси – я разумею карасей около двух фунтов, – попав на удочку, довольно бойко бросаются в сторону, вертя и головой и всем телом и виляя хвостом; я предполагаю, что у самых больших карасей этот маневр может быть опасен, и потому надобно стараться сейчас повернуть карася в сторону, не давая натянуть лесы; карась скоро утомляется и всплывает наверх боком, как лещ. Сушеные и особенно жаренные в сметане караси – превосходнейшее блюдо, но как они живут в прудах, то вкус их зависит от качества воды и они часто пахнут тиной. Впрочем, если таких карасей насажать в плетеную сажалку и опустить в чистую, проточную воду, то через две, много через три недели они потеряют неприятный вкус и сделаются очень хороши. Ка-

рась самая живучая рыба, и потому мелкие карасики служат отличною насадкой для всякой крупной, хищной рыбы.

Две последние породы рыб: линь и карась имеют особенный характер, им только свойственный. Их можно назвать *тинистыми*, ибо они только там разводятся в изобилии, где вода тиха и дно ее покрыто тиной. Тина – их атмосфера; на зиму они решительно в нее забиваются и остаются живы даже тогда, когда в жестокие бесснежные зимы в мелких прудах и озерах вся вода вымерзает и только остается на дне мокрая, тинистая грязь.

Теперь я приступаю к описанию хищных рыб.

17. Окунь

Уж право и не знаю, откуда произвести его ими. Не происходит ли оно от глагола *оку-нать*: ибо окунь всегда окунает, то есть погружает в воду, наплавок, и даже не один раз, если кусок, им заглатываемый, слишком велик?.. Но я нисколько не стою за такое слово-производство.

После плотвы окунь – самая многочисленная порода рыбы. В реках, озерах, в прудах проточных и даже непроточных, лишь бы вода была свежа, он разводится изобильно. Окунь довольно широк станом, горбоват, покрыт чешуей зеленоватого, несколько золотистого цвета; на спине имеет гребень с остры-

ми иглами и между им и хвостом плавательное перо; хвост и особенно нижние перья красные, брюшко беловатое, глаза желтые с черными зрачками; поперек всего тела лежат пять полос, что делает его пестрым и вообще очень красивым. На щеках, покрывающих его жабры, он имеет по одной игле, которыми очень больно колется, если его возьмешь неосторожно; большой рот и широкое горло показывают способность глотать большие куски, несоразмерные даже с его ростом, и отличают хищную его породу. Окунь достигает значительной величины и особенно веса. По рассказам людей, впрочем достоверных, бывают окуни в двенадцать фунтов; но я видел только в восемь фунтов, и то мерзлых, привозимых с Урала. Сам я выудил окуня в три с половиною фунта и тяжелее его живых не видел. В длину окунь не вырастает много, что я особенно заметил, сравнивая восьмифунтового окуня, который был двух четвертей с половиною длины и четыре вершка ширины, с окунем в три с половиною фунта: в длине не было такой большой разницы, какой следовало бы ожидать. Но зато окунь растет в толщи-

ну, которая простирается в спине до двух с половиной вершков. Окунь начинают клевать весною, как только прояснится вода, и продолжают до тех пор, пока вода покроется льдом, даже берут зимой в прорубях; впрочем, я никогда не пробовал зимнего ужения. В исходе апреля окуни полны икрой, которую мечут в мае. Выметав икру, начинают они брать жаднее. Самый богатый клев окуней – в августе и в начале сентября, когда от легких морозов вода делается чище, прозрачнее и им будет не так удобно ловить мелкую рыбу. [113]

Почти все охотники очень любят ужение окуней, и многие предпочитают его всем другим: во-первых, потому, что окуни клюют часто и если подойдет стая окуней (а осенью они собираются стаями), то уже немногие из них пойдут прочь, не хватив предлагаемой пищи; во-вторых, потому, что они берут жадно и верно, даже до того, что большею частью совсем проглатывают насадку; и, наконец, в-третьих, потому, что ужение их не требует осторожности. Окунь не только не боится шума и движенья воды, но даже бросается на

них, для чего палкой или толстым концом удилица нарочно мутят воду по дну у берега, ибо это похоже на муть, производимую мелкою рыбешкой. Средние окуни чаще берут на весу, а крупные – со дна, если оно чисто. С весны надобно удить на червей, летом – на раковые шейки и линючих раков и особенно на большие линючие раковые клешни, которые окуни очень любят; к осени же, до самой зимы, всего лучше удить на маленьких рыбок; если же их нет, что часто случается, то надобно поймать плотичку или какую-нибудь нехищную рыбку, изрезать ее на кусочки, крупные или мелкие, смотря по рыбе, какая берет, и по величине удочки, и насаживать ими крючки. Впрочем, окунь неразборчив и клюет почти всегда на все вышеименованные насадки, даже на кусочки сырого мяса; на крупных же земляных червей окуни берут очень жадно во всякое время года.[114]

Выгоднейшее время для уженья, без сомнения, утро; но в раннем вставанье, до солнца, нет надобности. По утрам должно удить на местах чистых, открытых или около трав; в полдень, напротив (разумеется, в летние жа-

ры), окунь любит стоять в тени, в корягах под кустами, под навесом трав и лопухами; следовательно, надобно удить в самых травах; вечером же окунь опять ходит по местам чистым и открытым. Если окуни берут не часто, то можно удить и на три удочки, из которых одну, большего размера, насадив крупной насадкой, положить на дно, а две пустить на весу. Если же окуни берут беспрестанно, то и с двумя удочками трудно управиться. Тут уже дело не в том, чтобы успеть подсечь, а в том, чтоб окуни не слишком далеко заклевывали и не утаскивали удилиц совсем в воду. Далекое заклевыванье отнимает много времени при доставании крючка, портит поводок и рыбу, отчего она сейчас умирает. Как скоро окунь повез наплавок или погрузил в воду, сейчас надобно его вытаскивать. Окунь никогда не хватает, не рвет насадки с разбега, с размаха, как то делают многие нехищные рыбы: клев его решителен, серьезен, добросовестен, ибо никогда не обманчив. Я имел случай много раз наблюдать его в прозрачных водах: завидя добычу, крупный окунь прямо бросается к ней, сначала быстро, но чем бли-

же, тем медленнее; приближаясь, разевает рот и, почти коснувшись губами куска, вдруг останавливается неподвижно и, не делая движения ртом, как будто потянет в себя воду: крючок с насадкой исчезает, а окунь продолжает плыть как ни в чем не бывало, увлекая за собой и лесу, и наплавок, и даже удилице. Ловя живую рыбу, он поступает иначе: стремительно бросается за нею и хватает ее на бегу. Окунь почти никогда не срывается; промахи случаются также очень редко. Правда, бывает иногда клев, который может привести к заблуждению неопытного рыбака, ибо беспрестанно какая-то рыба утаскивает наплавок и беспрестанно промахи следуют один за другим; видя всякий раз, что конец червяка оторван, охотник сначала считает это шалостью ельцов или плотвы, хотя характер клева чисто окуневый. Между тем посреди множества промахов иногда вытаскивает он порядочных окуней и убеждается, что и окуни иногда шалят, обманывают, клюют неверно. Обвинение несправедливое. Все сии проделки происходят от самых маленьких окуней, которые грешат невольно, ибо не могут заглотать ни

длинного червяка, ни толстой раковой шейки; как же скоро подойдет окунь покрупнее, то сейчас возьмет верно, и рыбак его вытасчит; чтоб убедиться в этом, надобно взять маленькую удочку, насадить маленького червячка, и сейчас будет выужен крошечный окунишка. Если охотник не захочет дожидаться подхода окуней покрупнее, которым мелкие сейчас уступят добычу, то надобно перейти на другое место, ибо стая окунишек, на которую он попал, не отстанет целый день от его удочек.

Бесспорно, что крупных окуней удить весело (об огромных нечего и говорить), но я должен признаться, что частый клев окуней средних и мелких так однообразен, так верен, вытаскиванье их так просто, что все это вместе иногда может так же наскучить, как и тасканье подлещиков. Искусство удить тут почти исчезает, а с ним – и весь интерес ужения. Я знаю, что за это восстанут на меня многие охотники, ибо клев окуней считают лучшим, но я говорю откровенно свое мнение. Большие окуни очень упористы и сильны и, покуда не будут утомлены, ни за что наверх не вы-

ходят; для них употребляются удочки большого размера, и, несмотря на то, надобно их вытаскивать осторожно; хотя огромный окунь не кидается быстро во все стороны, но зато, стараясь упираться головою в берег или дно, так круто поворачивается, что может порвать и крепкую лесу.

Известно, что окуни составляют превосходное и самое здоровое кушанье: приготовленные на холодное, а еще лучше печеные в чешуе, они имеют отличный вкус и вдобавок совсем не костливы. Уха из них также очень хороша.

Отличительное свойство окуней – жадность, в чем разве только щука может с ними равняться; уженье *на блесну*, о котором я поговорю особо, служит тому неопровержимым доказательством. Я расскажу два убедительные примера этой жадности, случившиеся со мной. В одно прекрасное летнее утро, на большом озере, называемом по-татарски Киишки, [115] таскал я плотву и подлещиков; вдруг вижу, что на отмели, у самого берега, выпрыгивает из воды много мелкой рыбешки; я знал, что это происходит от преследования хищной

рыбы, но, видя, что возня не прекращается, пошел посмотреть на нее поближе. Что же я увидел? на отмели, острым углом вдавшейся в берег, не глубже двух вершков, большая стая порядочных окуней ловила мелкую рыбу, которая от неизбежной гибели выскакивала даже на сухой берег; окуни так жадно преследовали свою добычу, что сами попадались на такую мель, с которой уже прыжками добирались до воды поглубже: я даже поймал трех из них руками. Несмотря на мое присутствие, окуни не переставали гонять и ловить рыбу; я сбегал за своей удочкой и, насаживая мелкую рыбешку, лежавшую на берегу, и закидывая в самую середину стаи, выудил тридцать хороших окуней. Другой случай еще поразительнее: в ненастную и ветреную погоду пришел я удить окуней у мельничного кауза, [116] между сваями, его окружавшими; едва только закинул я среднюю удочку, насаженную на раковую шейку, как пошел проливной дождь, от которого я спрятался под крышею пильной; дождевая туча еще не пронеслась, как я услышал крик зовущего меня мельника; я поспешно бросился к нему и ви-

жу, что он возится с моей удочкой, на которую взяла большая рыба; но я не успел прибежать вовремя: мельник стоял с одним удилицем и лесой, оборванной выше наплавка... Как ни досадна была эта услужливость, от которой я потерял большую рыбу и прекрасно устроенную удочку, но делать нечего; я развернул другую большую удочку, насадил кучу глист и раковую шейку и закинул: через минуту наплавков исчез, и я вытащил славного окуня, фунта в два, у которого изо рта висела и другая, сейчас оторванная им длинная леса и с наплавком. Оба случая, теперь описанные и иногда рассказанные мною не охотникам, не рыбакам, нередко возбуждали лукавые улыбки, в которых ясно выражалось, что мои рассказы годятся в известную книжку: «Не любо, не слушай, а лгать не мешай»; но иногда ничего нет невероятнее истины и мудренее действительности.

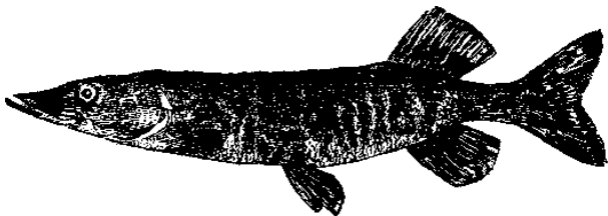
Вот и еще рассказ, не менее сомнительной вероятности для не охотников: я знаю Симбирской губернии в Корсунском уезде один глубокий пруд, весь состоящий из запруженного сильного родника, называемого Белый

ключ. Вода была превосходная, так что в ней жили насаженные головки и даже стерляди. В пруду развелось такое множество окуней и пескарей, что ужение вышло отличное и *диковинное*: рыбак закидывал удочку на червяка, сию минуту проглатывал его пескарь, и в непродолжительном времени проглатывал пескаря окунь... Сначала это был сюрприз для охотника, но потом мы все пользовались таким удобством, то есть самопроизвольной насадкой пескарей, и кто хотел удить именно окуней, тот не снимал только с крючка попавшегося пескаря. Говоря о насадке живцов за губу (на странице 311), я сказал о выгодах и невыгодах такой насадки. Всякий, кто поудил бы один час в пруде Белого ключа, убедился бы вполне в справедливости сказанного мною о невыгоде такого способа: это была именно насадка за губу; окуни брали беспрепятственно, но вытаскивались менее чем наполовину. Я тут же пробовал насаживать в спинку, и ни один окунь не срывался.

В прошедшем 1853 году, в исходе июля, у одного рыбака взял окунь на земляного червя (чего он не заметил), а на окуня – щука, кото-

рую он и вытащил. Замечательно, что щука не могла проглотить окуня, хвост которого торчал из ее рта.

18. Щука

При всем моем усердии не могу доискаться, откуда происходит имя щуки. Эта рыба по преимуществу хищная: длинный брусковатый стан, широкие хвостовые перья для быстрых движений, вытянутый вперед рот, нисходящий от глаз в виде ткацкого челнока, огромная пасть, усеянная внизу и вверху сплошными острыми, скрестившимися зубами, [117] из коих не вырвется никакая добыча, широкое горло, которым она проглатывает насадку толще себя самой, – все это вместе дает ей право называться царицею хищных рыб, обитающих в пресных водах обыкновен-

ных рек и озер. Я разумею здесь только те породы рыб, которые называются *бель*, в противоположность чему все другие породы, как-то: осетры, севрюга, белорыбица и проч., называются *красная рыба*. Щука имеет большие, темные, зоркие глаза, которыми издали видит свою добычу; она покрыта чешуей, испещрена вея пятнами и крапинами темно-зеленоватого цвета; брюхо имеет белое, хвост и плавательные перья зеленовато-серые с темными извилистыми каемками. Я слышал, что щука может жить очень долго, до ста лет (то же рассказывают и даже пишут о карпии), в чем будто удостоверились опытами, пуская небольших щурят с заметками на хвосте или перьях в чистые, проточные пруды, которые никогда не уходили, и записывая время, когда пускали их; слышал, что будто щуки вырастают до двух аршин длины и до двух с половиною пуд весу; все это, может быть, и правда, но чего не знаю, того не утверждаю. [118]

Самая большая щука, какую мне удалось видеть, весила один пуд и пятнадцать фунтов; длиною она была аршин и семь вершков,

шириною в спине и боках в четверть аршина, но зато почти во всю длину была равной квадратной толщины. Щука преимущественно питается рыбой и всякой водяной гадиной; она по алчности своей глотает даже лягушек, крыс и утят, отчего большую щуку называют *утятницей*. Щука водится только в водах чистых и появляется в реках вместе с плотвою и окунями, и вместе с ними дохнет, если вода в пруде или озере от чего-нибудь испортится. Она мечет икру в самом начале апреля, а иногда, если весна ранняя, в исходе марта. Где много всякой мелкой рыбы, там и щуки разводятся и держатся во множестве; большею частью ловят их на жерлицы, о чем я поговорю впоследствии. Щука очень охотно берет на удочку, крючок которой насажен какою-нибудь мелкой рыбкой, для чего поводок употребляется металлический или из простой басовой струны, о чем говорено выше, но клюет также на рака и даже изредка на червяка; клев ее иногда очень быстр, и как скоро она схватит насадку, то наплавок мгновенно исчезает из глаз, но случается, что она схватит рыбку, не проглотив ее, тихо поведет

наплавок в сторону, нисколько не погружая его. Щука нередко берет на простые удочки, закинутые совсем не для нее; разумеется, сейчас, как ножницами, перекусывает самую толстую лесу или поводок, что иногда бывает очень досадно. Только в одном случае можно вытащить щуку на удочку с обыкновенным поводком: если крючок зацепит за край губы и ей нельзя будет достать зубами до лесы, но такие счастливые случаи очень редки. Щук не нужно удить со дна; напротив, приманка будет гораздо виднее, если насаженная на крючок рыбка станет ходить аршина на полтора глубины. Вообще ужение на рыбку редко производится со дна. С весны щуки берут мало на жерлицы, летом же подпадают они около трав, в которых обыкновенно стоят, подстерегая мелкую рыбу, но всего лучше удить их осенью:[119] во-первых, потому, что вода делается светлее и щуки издали видят приманку, и во-вторых, потому, что водяные травы от морозов опадут и щукам делается не так удобно прятаться и не так ловко ловить мелкую рыбешку: в это время они голодны и жадны.

Рыбаки рассказывают следующую хитрость щуки: она становится на мели, головою вниз по течению воды, и хвостом мутит ил на дне, так что муть совсем закрывает ее от мимо плывущих рыбок, на которых она бросается как стрела, лишь только они подплывут близко: сам я таких штук не видел. Ужение щук очень веселое потому, что, как скоро вы закинете удочку и поблизости есть щука, то она не замедлит явиться, равно и потому, что нередко берут щуки очень большие. Хотя на удочке они очень бойки и в движениях быстры, но как-то не упористы, а ходки и на поворотах повадливы: вероятно, брусковатая, челнообразная фигура их тому причиной; небольшие щуки, фунтов до трех, довольно легко выкидываются на берег даже без сачка; разумеется, леса должна быть толстая и поводок здоровый; равного с ней весу окунь покажется гораздо тяжелее. Присутствие щук легко можно угадать по внезапному прекращению клева плотвы и другой некрупной рыбы и еще вернее по выпрыгиванью из воды мелкой рыбешки, которая как дождь брызжет во все стороны, когда щука с быстротою стрелы

пролетит под водою. Выудивши щуку, много две, на одном месте, надобно перейти на другое, на третье место и так далее; то же должно сделать, ежели пройдет с полчаса, и щуки не берут: это верный знак, что их нет поблизости. Некоторые охотники страстно любят уженье щук и предпочитают его всем другим ужениям; не разделяя этого мнения, я понимаю его причину. Для кого не скучно переходить с места на место, а, напротив, скучно сидеть на одном и том же месте, напрасно ожидая клева порядочной рыбы; кто любит скорое решение: будет или не будет брать; кто любит повозиться с рыбой проворной, живой, быстрой в своих движениях, которая выкидывает иногда необыкновенные, неожиданные скачки, – тому уженье щук и вообще хищных рыб должно преимущественно нравиться.

За щуками, особенно небольшими, водится странная проделка: по недостатку места, где бы можно было спрятаться, щука становится возле берега, плотины, древесного пня, торчащего в воде, сваи или жерди, воткнутой во дно, и стоит иногда очень близко к поверхности воды, целые часы неподвижно, точно

спящая или мертвая, так что не вдруг ее заметишь; даже мелкая рыба без опасения около нее плавает; цель очевидна, но инстинктивную эту хитрость она простирает до неразумного излишества. Стоящих в таком очарованном положении щук и щурят не только стреляют из ружей,[120] но даже бьют, или, правильнее сказать, глушат, дубинами, как глушат всякую рыбу по тонкому льду;[121] даже наводят на них волосяной силок, навязанный на длинной лутошке, и выкидывают на берег. Я имел случай убить из ружья стоящую в таком положении щуку в девять фунтов. Мало этого, при моих глазах мой товарищ-рыбак, сидевший и удивший со мною в одной лодке, крепко привязанной к кольям, приметив щуку, стоящую под кормою лодки, схватил ее рукою... она весила с лишком два фунта. Алчность щук не имеет пределов; они нередко кидаются на таких рыб или утят, которых никак заглотать не могут, из чего выходят презабавные явления: добыча, будучи сильнее вцепившегося в нее врага, таскает его по воде за собою. Я сам видел, как оперившийся совсем утенок, или, лучше сказать, мо-

лодая утка, с ужасным криком от испуга и боли, хлопая по воде крыльями и даже несколько приподымаясь с воды, долго билась со щукой, которая впиалась в заднюю часть ее тела; видел также, как большой язь таскал за собой небольшую щуку, схватившую его за хвост. Но я расскажу два случая, еще более доказывающие непомерную жадность щуки. Рыбак, стоявший возле меня на плотине огромного пруда, вытаскивая небольшую рыбу, вдруг почувствовал на удочке такую тяжесть и упорство, что едва не выронил из рук удилица, но, приняв это за неожиданное движение какой-нибудь средней рыбы, стал тащить с большею силою и выволок на плотину порядочную щуку. Каково было наше удивление, когда мы увидели, что за крючок взяла обыкновенная плотичка, а за нее уцепилась щука, не касаясь крючка, и так крепко вонзила свои зубы, что надобно было палкой разжать ей рот! Другой случай был со мной недавно, а именно в половине сентября 1845 года: пришел я удить окуней, часу в восьмом утра, на свою мельницу; около плотины росла длинная трава; я закинул удочку через нее в глубо-

кий материк, насадив на крючок земляного червя; только что я положил удилице на траву и стал развивать другую удочку, как наплавок исчез, и я едва успел схватить удилице; вынимаю – поводок перегрызен; я знал, что это щука, и сейчас закинул другую удочку; через несколько минут повторилась та же история, но я успел подсечь и начал уже водить какую-то большую рыбу, как вдруг леса со свистом взвилась кверху: поводок опять оказался перегрызен; явно, что и это была щука и уже большая, ибо я почти ее видел. Не имея с собой поводка для щук, что было очень досадно, я закинул третью удочку, насаженную также на земляного червя, но уже держал удилице в руке, в готовности подсечь щуку при первом движении наплавка; так и случилось: едва наплавок стал наклоняться, я проворно подсек и свободно вытащил небольшую щуку, которая также откусила у меня поводок, но уже на плотине. Дома, когда стали эту щуку чистить, чтобы сварить к столу, нашли у ней в глотке, кроме последнего, и первый мой крючок с отгрызенным поводком. Итак, это была щука, взявшая у меня в пер-

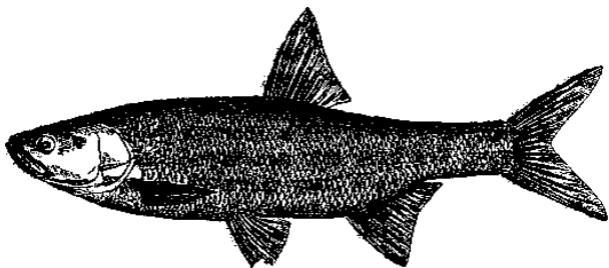
вый и третий раз, ибо вторая, с которою я довольно возился, была вдвое больше выуженной щуки; но какова же жадность, что ни боль от крючка в горле, ни шум от возни со второю щукою не могли отогнать первую! Я очень хорошо знаю, что подробное описание таких случаев может быть интересно только для настоящих и страстных охотников, но именно для них я и пишу. Для них также должен я сказать, что в том же году я выудил щуку в три с половиною фунта на один волос из индийского растения, или сырца. Со мной не было сачка, потому что я удил мелкую рыбу, и я должен был посылать за ним домой; итак, около получаса щука, проглотившая далеко крючок, билась и металась на одном волоске и не могла перегрызть его. Хотя я не охотник до этого выписного волоса, но должен признать превосходное его качество в этом отношении. Щука средней величины, пойманная весною (тогда называют ее щукою с голубым пером) и даже летом и сваренная на холодное прямо из воды, а не снулая, составляет недурное блюдо.

Щука берет иногда очень поздно осенью,

по ночам, со дна, на крючки, поставленные на налимов и, разумеется, насаженные рыбой.

Говоря об язях, я рассказал, как пятифунтовый язь был выужен за спинное перо; но тот же охотник выудил щуку в восемнадцать фунтов за перо хвостовое, проколотое крючком. Хотя леса была толстая и крепкая, но рыбак, видя, что рыба попала огромная, что поворотить ее невозможно и что леса вытягивается в прямую линию, – бросил удилище. Щука гуляла с ним по широкому пруду, погружая даже удилище совсем в воду; рыбак плавал за нею в лодке; как скоро рыба остановилась, он брал удилище в руки и начинал водить; как скоро натягивалась леса прямо – бросал удилище. Таким образом, утомляя рыбу *несколько часов* сряду, рыбак вывел ее на поверхность, как сонную или одурелую, и подхватил сачком. Он долго не знал, с какой рыбой возится, и увидел, что это щука, только тогда, когда она в первый раз всплыла наверх. Честь и слава искусству и долготерпению охотника!

19. Жерих, шереспер

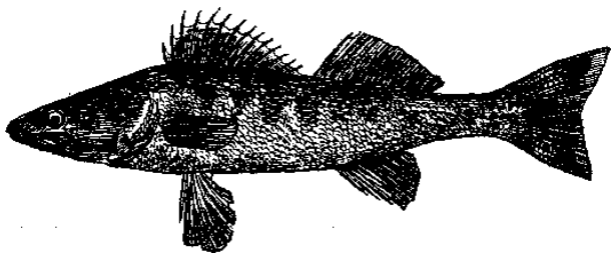

Эта хищная рыба во всех низовых губерниях называется *жерих*, а около Москвы – *шереспер*. Первое имя, вероятно, происходит от глагола *жировать*, то есть играть, прыгать, что весьма соответствует свойствам этой рыбы, ибо она очень любит выпрыгивать из воды и плескаться на ее поверхности из одного удовольствия, а не для преследования добычи; второе же имя должно происходить от того, что жерих, выскакивая из воды, расширяет свои плавательные, и без того весьма широкие, перья и гребень. Я слышал также и даже читал, что эту рыбу называют *конь*: название – тоже приличное по ее скачкам. Я буду

употреблять первое имя для удобства произношения и потому, что употребление его гораздо обширнее. Жерих длинен, похож на язя своим станом, но уже его и цветом крупной чешуи гораздо белее, серебристее, кроме спины, которая темнее язевой; он имеет ту особенность, что нижняя губа его рта длиннее верхней; верхняя как будто имеет выемку, а нижняя похожа своим образованием на загнутый кверху птичий нос и входит в выемку верхней части рта. Таким образом, рот жериха представляет несколько клюв хищной птицы в обратном положении. Хвост его и верхнее перо очень тверды и широки, цветом серые, а нижние перья красноватые; глаза серые, зрачки темные; рот довольно велик, но не огромен. Нижняя часть тела белая. Жерих не водится в маленьких речках, но любит реки большие или по крайней мере многоводные, глубокие и быстрые; живет также и в больших, чистых озерах, питается всякими водяными насекомыми, мелкою рыбою и на нее только берет на удочку; клев его чрезвычайно быстр, и на удочке ходит он необыкновенно бойко; он вырастает длиною в аршин и

весом бывает в восемнадцать фунтов. Говорят рыбаки, что жерихи бывают в тридцать фунтов, но я этого не утверждаю. Икру мечут в исходе апреля и в начале мая. Без сомнения, уженье жерихов одно из лучших, интереснейших для охотника; но, к сожалению, я очень мало знаком с ним и не могу сообщить дальнейших подробностей об этой замечательной рыбе. Я видел, что рыбаки удят их на рыбку, на быстринах, на весу, аршина в полтора глубины. Любимое место жерихов – глубокие водоемины под вешняками или спусками, где вода кипит и клубится беспрестанно, когда два или три запора подняты, что на сильных реках делается постоянно. В пене, шуме и брызгах прядают вверх и шлепаются эти *водяные кони*, и туда рыбак бросает свою прочно устроенную удочку с тяжелым грузилом. Жерих, приготовленный прямо из воды на холодное, составляет прекрасное блюдо.

20. Судак

С этой превосходною рыбою для стола я еще менее знаком как рыбак, но знаю, что она берет на удочку. Судак вырастает до огромной величины, вес их простирается до полпуда и более. Живут в больших реках, проточных озерах и прудах, но предпочтительно любят быструю и свежую воду реки. Судак имеет рот вытянутый, длинный, редкие, но толстые и крепкие зубы и довольно большой язык, что дает ему некоторое право, по моему мнению, причисляться к роду форелей. Станом он брусковат и похож на щуку, но немного шире ее; нижняя половина его тела и брюха – серебристо-белого цвета, а спина и верхние стороны боков – сероваты; поперек всего тела ле-

жат двенадцать неясных полос темно-синего, неяркого цвета; глаза имеет довольно большие, желтоватые, зрачки темные. В реках, где водится много судаков, они берут охотно на удочку, насаженную рыбкой. Судак, очевидно, хищная рыба; он попадает на жерлицы и крючки так же, как щука, но преимущественно ночью, с весны до половины лета. Живые, не истомленные долгим сиденьем в прорезях судаки составляют лакомое и здоровое блюдо; это необходимая принадлежность хорошего стола, вследствие чего иногда бывают очень дороги; но зато мерзлых судаков в Москву и ее окрестности навозят такое множество, что они к концу зимы делаются иногда чрезвычайно дешевы, то есть рублей по шести ассигнациями за пуд. Для постников это драгоценная рыба: вкусна даже перемерзлая, здорова, не костлива, на все пригодна, не приедается и дешева. Одним словом – это постная говядина.

21. Лох, красуля

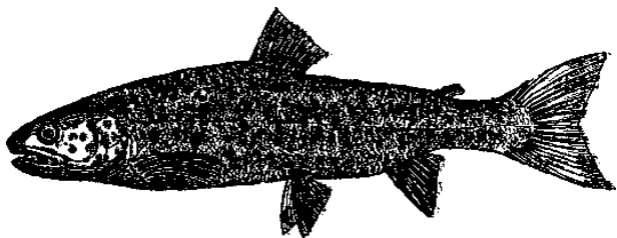
Эта превосходная порода рыбы во всех отношениях заслуживает второе имя, которым зовут его в Оренбургской губернии. Иногда употребляют и название «красной рыбы», вероятно по желтовато-розовому цвету ее тела и, может быть, по красным крапинам, которыми она испещрена; но не должно смешивать красулю с собственно так называемою *красною рыбой*, или семгой: последняя отличается от первой более широким станом, серовато-белым цветом чешуи и большею краснотою тела; она живет преимущественно в больших реках. Красуля принадлежит к породе форели и вместе с нею водится только в чистых, холодных и быстрых реках, даже в небольших речках или ручьях, и в новых, не загаженных навозом прудах, на них же устроенных, но только в глубоких и чистых; стан ее длинен, брусковат, но шире щучьего; она очень красива; вся, как и форель, испещрена крупными и мелкими, черными, красными и белыми крапинами; хвост и перья имеет сизые; нижнюю часть тела – беловато-розового

цвета; рот довольно большой; питается мелкою рыбой, червяками и разными насекомыми, падающими в воду снаружи и в ней живущими. Красуля достигает огромной величины; мне принесли однажды красулю, пойманную в маленькой речке, куда она зашла по мутной, весенней воде: она весила двадцать семь фунтов и была уже несколько брюхаста.

При уженье форели, обыкновенно на красного червяка, попадают иногда и красули, но это бывает редко, потому что они берут преимущественно на рыбку; большею частью ловят их разными рыболовными снастями, бьют по ночам острогою и даже стреляют из ружей, подкарауливая, когда красули по мелким, каменистым перекатам, в красные летние дни, всегда около полдён, перебираются из одного омута в другой. Эта последняя необыкновенная охота особенно в употреблении у оренбургских татар, живущих по берегам Большого и Малого Зая, протекающих и сходящихся в одну реку в Бугульминском уезде. Проезжая из Бугульмы в Казань, на одной станции знакомый мне ямщик, татарин, попросил у меня на несколько зарядов порошу и

крупной дроби; я охотно дал ему и того и другого, но спросил, какую птицу он стреляет. Татарин отвечал мне, что он стреляет рыбу, именно лохов. Разумеется, я расспросил обо всех подробностях этой необыкновенной охоты и даже сам сходил посмотреть места по Малому Заю, на которых он стрелял красуль, водящихся в этой реке в большом изобилии: берега были высоки и удобны для того, чтоб за ними притаиться, а перекаты так мелки, что и небольшую рыбку нетрудно было застрелить. – Во всю мою жизнь я выудил только одну красулю, на маленького навозного червяка, фунта в три весом, но и та чрезвычайно бойко ходила на удочке; можно предположить, что очень трудно возиться с большой красулей. Вкус ее превосходен. Она имеет довольно большой язык, как и все три породы форелей.

22. Форель, пеструшка

В Оренбургской губернии водилась она в чрезвычайном изобилии во всех ручьях и речках, ибо все они были студены летом, как лед, и прозрачны, как горный хрусталь. Но набежавшее отовсюду разнородное и разноплеменное народонаселение, впрочем, далеко еще не заселившее этого чудесного края, поизмяло его роскошные луга и помутило светлые воды. Теперь форели водится гораздо менее, но все еще много. В некоторых речках, мне известных, она осталась в их верховьях, до первой мельницы. Простой народ и не знает слова *форель*; он называет эту прелестную рыбу: *пестряк*, а в собирательном: *пеструшка* – имя самое приличное, ибо она вся испещре-

на черными, красными и белыми крапинами. Станом, складом, пестротой кожи – одним словом, всем она так похожа на красулю, что можно почесть их за одну и ту же рыбу; но пеструшка кажется шире и плоче красули и гораздо пестрее; рассовывают, что она бывает огромной величины, до пятнадцати фунтов веса; но я плохо этому верю и думаю, что смешивают с нею красуль, которых мелкими я никогда не встречал; признаюсь, я не чужд сомнения, что пестряк и красуля одна и та же рыба, только в разных возрастах. Я сам видел пестряка в семь фунтов, убитого острогою.

Это избиение всех родов форели, противное истинному охотнику до уженья, как и всякая ловля рыбы разными снастями, производится следующим образом: в темную осеннюю ночь отправляются двое охотников, один с пукон зажженной лучины. таща запас ее за плечами, а другой с острогою; они идут вдоль по речке и тщательно осматривают каждый омуток или глубокое место, освещая его пылающей лучиной; рыба обыкновенно стоит плотно у берега, прислонясь к нему или к древесным корням; приметив красулю,

пестряка, кутему или налима, охотник с острой заходит с противоположной стороны, а товарищ ему светит, ибо стоя на берегу, под которым притаилась спящая рыба, ударить ее неловко, да и не видно. Рыбак с острою осторожно, соблюдая возможную тишину, погружает понемногу в воду свой нептуновский трезубец и, доведя его на четверть расстояния до спины рыбы, проворно вонзает в нее зазубренные иглы остроги. Точно таким образом бьют и всякую другую рыбу в прудах, озерах и речных заливах, разъезжая на лодке, с тою разницею, что огонь разводится на железной решетке, прикрепляемой к носу лодки железною же рукояткой; тут иногда добывают такой величины щук, каких нельзя поймать и удержать никакою другою рыболовною снастью. В этом последнем случае я охотно допускаю острогу.

Я говорил выше об уженье форели по речкам; повторяю, что никогда не был до него большим охотником, но я много удил пеструшки и кутемы, и с большим наслаждением, в верховьях чистых прудов, где вода, не затопляя берегов, стоит наравне с ними, обра-

зую иногда очень глубокий, следовательно и не совсем прозрачный, материк. Тут можно удить со дна на две удочки и класть удилица на берег, не наблюдая особенной осторожности и тишины; тут клев пеструшки уже не имеет необыкновенной своей быстроты, и можно успеть схватить удилице, когда наплавок начнет шевелиться и погружаться. Это ужение самое веселое и заманчивое, особенно, если есть надежда на крупную форель и кутему. Самые большие пестряки, мною выуженные, весили около трех фунтов, но и те очень бойко ходили на удочки, и сачок был очень нужен. Я особенно люблю это ужение; тут нет надобности переменять часто места, и можно просидеть целое утро спокойно, со всеми удобствами, трубкой, сигаркой, на одном месте. В жаркое летнее время надобно удить рано, а в холодное – целый день. Я всегда удил на средние удочки, на обыкновенного навозного или земляного червяка, по большей части со дна, но многие охотники удят мелко и на рыбку; может быть, последняя насадка лучше, ибо в желудке пеструшки часто находят мелкую рыбешку. К сожалению, мне

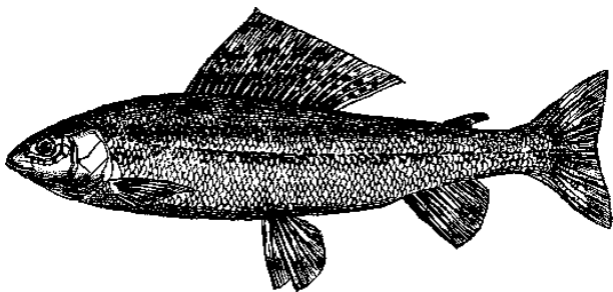
не случалось этого попробовать. – Пеструшка так нежна, что летом и пяти минут не проживет в ведре с холодной водою; покуда удишь, можно сохранить ее живою в кружке, но домой всегда приносишь или привозишь ее снулою, хотя бы место уженья было в самом близком расстоянии: от того она много теряет своего деликатного, единственно ей только свойственного вкуса. Обыкновенно готовят пеструшку снулою и не нахвалятся ее вкусом; но гастроном, желающий вполне оценить достоинство форели, должен отведать ухи, сваренной из форели, только что пойманной, на берегу реки или из привезенной в бочке со льдом.[122] Пеструшка превосходна также, приготовленная на холодное, равно жареная и сушенная в сметане.

Пеструшка идет позднею осенью очень хорошо в морды. Она берет и зимой на удочку в прорубях; даже ночью удят ее с фонарем, наводя луч огня прямо в прорубь. Я сам видел, как крестьянские мальчики ловили некрупную пеструшку, протыкая дубинками тонкий осенний лед и опуская в пробитое отверстие нитку с крючком, насаженным навозным

червяком; нитка привязывалась посередине к небольшой палочке, которая клалась поперек отверстия, так что рыба, попав на крючок, никак не могла утащить палочку в воду. Наставив много таких удочек по речным омуточкам, мальчики ходили взад и вперед по речке и осматривали свои рыболовные снасти: попавшуюся рыбку снимали, а сдернутый червяк заменяли новым.

Несмотря на то, что пеструшка самая пугливая, сторожкая рыба и самая быстрая в своих движениях – ее ловят руками (также кутему и налимов), ибо она любит втискиваться между корягами и корнями дерев, залезать под камни и даже в норы. Я уже говорил о ловле всякой рыбы руками, которая в большом употреблении около Москвы.

23. Кутема

Я нигде не видывал этой рыбы, кроме Оренбургской губернии. Хотя имя ее звучит по-русски, но это слово, как я слышал, чувашское и значит: *светлая, блестящая*. Я решительно причисляю ее к роду форелей. Во-первых, потому, что где водится пеструшка, там непременно живет кутема и гораздо в большем количестве; во-вторых, потому, что она имеет язык, и в-третьих, потому, что она совершенно сходна с форелью устройством своих костей, всеми своими нравами и превосходным вкусом. Складом своего стана она несколько пошире пеструшки, хотя относительно довольно толста в спине; цветом вся сизо-сереб-

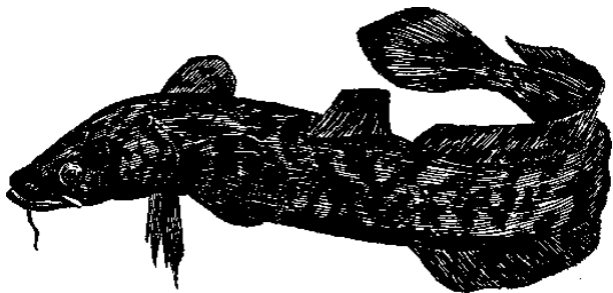
ряная, плавательные перья и хвост имеет также сизые с легким отливом розово-лилового цвета; оттенок этот приметен, если посмотреть к свету на ее перья и спину, которая несколько темнее нижней части тела, совершенно белой. Кутема, по единогласному мнению туземцев и по собственному моему наблюдению, не вырастает длиннее двух четвертей и не весит более двух с половиною, много трех фунтов; хотя она также любит чистую и холодную воду, но несколько менее взыскательна на этот счет, чем пеструшка. Когда на дикой, чистой, вольной речке или ручье сделают первую мельницу и запрудят воду плотиной из свежего хвороста и земли, пригнетя сверху несколькими пластами толстого дерна, взодранного плугом, то в первые годы в этом пруду, чистом и прозрачном, как стекло, живут пеструшка, красуля и кутема. Такой пруд бывает чудно хорош! особенно в тихое время, по зарям утренним и вечерним, когда сверкающее зеркало воды, подобно огромному куску льда, неподвижно лежит в зеленых, потемневших берегах. Наклонясь к заре, увидишь выпрыгивающих на гладкую

поверхность воды кутему и пеструшку, как будто розово-серебряных от блеска зари: они ловят разных мошек и других крылатых насекомых, толкущихся над тихой водою и нередко падающих в нее. В таком пруде, отдаленном от селения, куда навоз возить далеко и плотина которого поддерживается дерном и землею, могут долго водиться все эти три превосходные породы форели. Впоследствии времени, когда хворост перегниет, плотина осядет, на мельничном дворе накопится навоз, а девать его некуда, потому что там пашни не унаваживают, тогда этим навозом (и даже деревенским, если пруд не слишком отдален) начнут усыпать плотину; он сообщит воде свой запах, и пеструшка не станет жить в пруде, а удалится в верх реки; кутема же останется в нем несколько времени. Когда же вода еще более испортится, то и кутема пропадет. Она берет на удочку охотнее пеструшки, так что ее всегда выудишь вдвое дольше. Что касается до уженья этой рыбы, то оно совершенно одинаково с уженьем пеструшки, и потому я не стану говорить о нем особенно.

Вот все породы рыб, которые берут на

удочку и водятся в водах тех губерний, в которых мне случилось жить, следственно и удить. Это небольшой клочок в отношении к бесконечному пространству нашей Руси, и много есть пород рыб, неизвестных мне даже по имени, и способов ужения, незнакомых мне по опыту, отчего записки мои очень не полны. Предоставляю другим вознаграждать этот недостаток. Я считаю, однако, не лишним поговорить о двух породах рыб, которые хотя не берут на удочку во время обыкновенного дневного ужения, но попадают на крючки или обыкновенные удочки, если их ставить на ночь. — Нельзя также прейти молчанием раков; раки вполне заслуживают внимания рыбака: они играют важную роль в ужении; охотнику необходимо знать, когда, где и как можно доставать их. Надобно также сказать кое-что и о тех способах рыбной ловли, которых хоть нельзя назвать ужением, но которые ближе к нему, чем к ловле другими снастями: я разумею блесну, крючки и жерлицы. Рыбы, о которых я хочу поговорить, называются налим и сом.

24. Налим

Налим водится и в маленьких родниковых речках и во всех больших реках, проточных прудах и озерах, имеющих хорошую, свежую воду. Он принадлежит также к породе хищных рыб, ибо преимущественно питается мелкою рыбешкою; фигура его совсем особенная и не совсем приятная: от головы, с довольно большим и широким ртом и одним усом, торчащим из-под нижней губы, сейчас начинается белесоватое брюхо, которое у больших налимов бывает кругло и велико; от брюха стан его сплющивается и оканчивается длинным, плоским, извилистым плесом, опущенным, до небольшого кругловатого хвоста,

сплошным, мягким, плавательным пером. Налим не имеет чешуи, а покрыт слизью, так что его трудно удержать в руках; он весь мраморный: по темно-зеленому желтоватому полю испещрен черными пятнами; глаза имеет темные; некоторые налимы бывают очень темны, а другие очень желты. Я не видал налима более пятнадцати фунтов, но говорят, что он достигает тридцати фунтов. Хотя я только от одного рыбака слышал, что он выудил налима, но, судя по тому, что позднею осенью и в начале зимы налим берет со дна на обыкновенные удочки, насаженные рыбкою или куском рыбы и поставленные около берегов на ночь, – его очень можно выудить, если удить ночью; но в это время года никто не станет удить по ночам.[123]

Уха из одних налимов (даже без бульона из ершей), живых непременно, особенно если положить побольше печенок и молоко, до того хороша, что, по моему мнению, может соперничать с знаменитой стерляжьей ухой. Из уважения к такому высокому качеству и по невозможности удить налимов я допускаю и даже люблю ловлю их *мордами*, по-заволж-

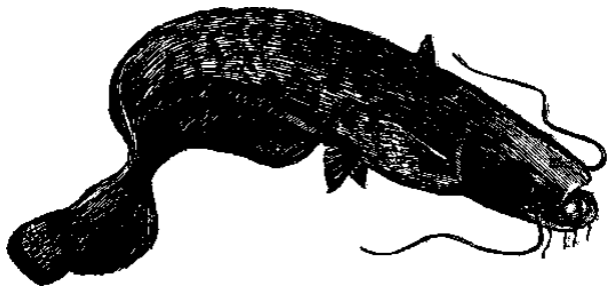
ски, или *неротами*, по-московски. Она производится следующим образом:

На перекатах реки, в которой водятся налимы, загораживаются язы, то есть вся ширина реки или только та сторона, которая поглубже, перебивается нетолстыми сплошными кольями, четверти на две торчащими выше водяной поверхности, сквозь которые может свободно течь вода, но не может пройти порядочная рыба; в этой перегородке оставляются ворота или пустое место, в которое вставляется морда[124] (или нерот), крепко привязанная посредине к длинной палке: если отверстие ее сторона четырехугольная, то ее можно вставить между кольями очень плотно; если же круглая (что, по-моему, очень дурно), то дыры надобно заткнуть ветками сосны или ели, а за наименьем их – какими-нибудь прутьями. Всего необходимее, чтоб морда лежала плотно на дне. Зимой, особенно в сильные морозы, преимущественно около святок, выходят налимы из глубоких омутов, в которых держатся целый год, и идут вверх по реке по самому дну, приискивая жесткое, хрящеватое или даже каменистое

дно, о которое они трутся для выкидывания из себя икры и молоко; таким образом, встретив перегородку, сквозь которую пролезть не могут, и отыскивая отверстие для свободного прохода, они неминуемо попадут в горло морды. Иногда вваливаются такие огромные налимы, что даже непонятно, как они могли пролезть в узкое отверстие, будучи почти вдвое его объемистее. Это объясняется тем, что вся толщина налима состоит в брюхе, которое, по мягкости своей, удобно сжимается, и тем, что налиим покрыт необыкновенною слизью. Всего выгоднее загоразживать язы на устьях речек, впадающих в главную реку. Налимы идут всегда по ночам и днем никогда в морды не попадают. В наши долгие, жестокие зимы очень приятно после снежной вьюги, свирепствовавшей иногда несколько дней, особенно иногда после оренбургского бурана, когда утихнет метель и взрытые ею снежные равнины представят вид моря, внезапно оцепеневшего посреди волнения, — очень весело при блеске яркого солнца пробраться по занесенной тропинке к занесенным также язам, которые иногда не вдруг

найдешь под сугробами снега, разгрести их лопатами, разрубить лед пешнями и топорами, выкидать его плоским саком или лопатой и вытащить морду, иногда до половины набитую налимами. Изредка, особенно к великому посту, попадаются окуни, плотва и раки. Налимы берут осенью на крючки, привязанные на толстую лесу или шнурок, без наплавка, насаженные целою рыбкою или куском свежей рыбы. Такие крючки ставят на ночь, насадку опускают на дно у самого берега, иногда же посредине реки, и шнурок привязывают к кольшку или к древесному сучку; но об этом я скажу в своем месте подробнее. Попадают такие налимы, что отрывают толстые шнурки: очевидно, что лучше привязывать их к кусту или сучку дерева (только не ольховому, ибо он сейчас переломится или оторвется от ствола), которое имеет гибь. Уха из налимов, пирог с налимыми печенками... такие блюда, превосходный вкус которых известен всем.

25. Сом

Сом фигурой своей очень похож на налима, но рот его, или, правильнее сказать, пасть, шире, безобразнее; голова еще более сливается с туловищем, то есть брюхом; он гораздо отвратительнее налима и как-то похож на огромного головастика. Я слышал, что сомы бывают чудовищной, баснословной величины, что проглатывают не только детей, но и взрослых. Они водятся только в больших реках, преимущественно в тихих, тинистых и глубоких. Вкус сомовий груб и неприятен, но его плесо, или хвост, весь состоящий из позвоночной кости и жира, имеет превосходный вкус: кулебяка с какою-нибудь красною

свежепросольною рыбой и доброй начинкой, проложенная внутри ломтиками свежего сомовьего жира, который весь в печи растает и напитает собою и начинку и корку, – объеденье! Сомов ловят на огромные крючки или крючья, величина которых иногда бывает не менее пожарного багра, с соразмерною зазубриною, привязывая их на крепкие веревки и насаживая больших рыб, огромные куски мяса, ощипанных вполовину кур, уток и даже маленьких поросят; насаживают также говяжьё и баранью требуху; но на чистую мясную насадку сом берет охотнее. Я слышал также, что где водится сомов много, там удят их на огромные удочки, насаживая рыбу и больших лягушек.

Раки

Хотя рак ни рыба, ни мясо, но лучше и того и другого. Пословица *на безрыбье и рак рыба* на этот раз несправедлива. Но, кроме своего высокого гастрономического достоинства, раки, как я уже сказал, играют очень важную роль в уженье, ибо служат самую лучшую насадкою для всех рыбных пород, особенно линючие, которых в это время года ничто заменить не может. Раки водятся почти во всех реках, проточных прудах и даже иногда в озерах, но слишком холодной воды и теплой, особенно несвежей и нечистой, сносить не могут. В реках больших и песчаных раки бывают очень крупны, но невкусны и водятся в малом количестве; но в небольших речках, особенно в губерниях черноземных, водятся в невероятном множестве, так что даже мешают удить, особенно после линянья, когда они бывают худы и голодны: на что бы вы ни насадили ваши крючки, хотя бы на раковые шейки, едва они коснутся дна, как раки бросятся со всех сторон, схватят клешнями и ртами свою добычу и поползут с нею в нору. Сна-

чала будешь ошибаться, что это берет большая рыба, станешь давать им волю заклевать, отчего иногда очень нескоро освободишь крючок из норы; потом скоро применишься к их клеву и не станешь давать им за-таскивать крючки. Как скоро рак повезет наплавок, то надобно сейчас потихоньку вынимать удочку: иногда вытащишь и рака; но какое же тут ужение хорошей рыбы, если надобно вынимать беспрестанно удочки? Когда крючки ходят на весу и недалеко к берегу, то раки будут брать менее; всего жаднее бросаются они на рыбку, навозных и земляных червей и хлеб. Одно верное спасение от раков: полои и разливы прудов, где их мало и где они не трогают никакой насадки, вероятно оттого, что не ползают по тине. Впрочем, не везде они нападают на удочки. Мне случилось удить во многих реках, в которых водились раки, и никогда ни один из них не трогал моих удочек. – Их ловят кругами и рачнями. Первое есть не что иное, как обруч деревянный или железный, подшитый сетью; на середине его прикрепляется камень для тяжести и кусок мяса, рыбы или хлеба: первые –

чем вонючее, тем лучше. Такой кружок привязывается, в равном друг от друга расстоянии, тремя равной длины веревочками, которые все три опять привязываются к довольно толстой веревке (кружок имеет вид привешенной к потолку люстры); длина этой веревки зависит от глубины воды; она в свою очередь опять прикрепляется к длинной палке. Несколько таких раколовных снастей закидываются по местам глубоким, тихим и крутоберегим, поближе к берегу, где всегда бывает множество рачьих нор; через полчаса на каждом кружке будут сидеть и кушать по нескольку раков; остается легонько вынимать кружки и собирать добычу. Устройство так называемой в Оренбургской губернии *рачни* точно такое же, как и кружка, с тою разницею, что вместо обруча и сетки употребляются старые лапти (осметки): это проще и удобнее. Таких рачен легко наделать десятка три. Внутри каждого лаптя (с привязанным к нему камнем или набитого глиной для скорейшего погружения) должно прикрепить лычком кусок какого-нибудь мяса, рыбы, если случится, а если нет ни того, ни другого, то

корку хлеба; рачни раскидать по реке, саженьях в пяти одна от другой. Когда раколов закинет последнюю рачню, то возвращается к первой и через полчаса начинает вынимать рачни по порядку; на каждой будет сидеть по два и по три рака; вынимать надобно осторожно и тихо до поверхности воды и потом проворно выкинуть на берег. В реках, изобильных раками, в несколько часов можно таким образом поймать не одну сотню раков.

В реках очень быстрых или мелких такой способ неудобен, и потому ловят раков руками, отыскивая их в норах, под корягами и камнями.

В тинистых прудах и озерах раки живут не в норах (потому что для устройства нор требуется жесткий грунт), а в тине; на круги и рачни они нейдут, и потому ловить их нет других средств, как частым бредешком или недоткой, вытаскивая на берег как можно более тины, а вместе с ней – и раков.

Ночью раки ползают по отмелям около самых берегов, влезают и на берег (вероятно, отыскивая корму). Ходя по таким местам с го-

рящей лучиной, ловят раков руками.

Наконец, есть еще способ, и довольно забавный, доставать раков; но для этого необходимо, чтоб вода была очень прозрачна. Надобно взять довольно длинную, не сухую палку, расщепить ее с одного конца и вставить в расщеп клинышек, чтоб края палки не сходились вершка на полтора. Запасшись таким орудием, надобно выбрать место умеренно глубокое, где водится более раков, и у самого берега бросить на дно какого-нибудь мяса, кишки, требуху или хоть умятого хлеба; раки сейчас поползут к корму со всех сторон; тогда расщепленную палку бережно погрузить в воду и, наводя тихонько на рака, как можно к нему ближе, вдруг воткнуть развилки в дно: рак попадет между ними и увязнет вверху расщепа. Кажется, штука простая, а надобно очень примениться, и сначала промахов будет множество. Если раков в реке много, то и этим способом можно наловить их довольно.

В июне и в июле раки линяют и сидят большие в норах, а рачихи, также в норах, высиживают икру: и тех и других необходимо доставать руками. Рачихи линяют позднее ра-

ков. Желая поймать линючего рака, некрупные налимы забиваются в их норы, и деревенские мальчишки, доставая раков, нередко ловят налимов руками.

Крючки и жерлицы

Ставленье крючков и жерлиц, о котором я упоминал не один раз, делается следующим образом. Большого сорта крючки, и даже средние, на толстых лесах или крепких шнурах с грузилом, если вода быстра, насаживаются рыбкою, опускаются на дно реки, пруда или озера, предпочтительно возле берега, около корней и коряг, и привязываются к воткнутому в берег колу, удилицу или кусту. Рыба на крючки попадает ночью; их начинают ставить осенью, когда сделается холодно и пойдут морозы; эту ловлю продолжают во всю зиму на таких реках, которые не мерзнут или покрываются тонким льдом.[125] Попадаются налимы, головли, судаки и щуки. Для предосторожности не худо употреблять крючки с поводками из проволоки или струны, без чего щука непременно перегрызет и самый толстый шнурок: ибо, она, хотя редко,

берет и на крючок со дна. – Жерлицы ставятся для одних только щук. Это тот же крючок, только рыбку надобно насаживать живую в спинку (наилучший способ насадки: животку пришивать боком к крючку) и пускать ее не глубже, как на один аршин, для чего длинная бечевка или шнурок всегда с металлическим поводком наматывается на рогульку и ущемляется в нарочно сделанный раскол одного из ее рожков; сама же рогулька коротко и крепко привязывается к длинному рычагу, который другим заостренным концом своим втыкается в наклоненном положении в берег или неглубокое дно; на крупных щук обыкновенно насаживают окуней, и немаленьких. Щука, проглотив насадку, разматывает шнурок с рогульки во всю его длину и, если хорошо забрала, будет ходить целый день и ни за что не сорвется. Жерлицы ставятся преимущественно в прудах и озерах, в мелких местах около трав и камышей. Для ставленья и выниманья жерлиц нужна лодка, потому что всего лучше ставить их в разливах прудов. Щуки попадают и днем, но чаще ночью. Для больших щук обыкновенные крупные крюч-

ки не годятся, потому что слишком тонки и малы. Огромная щука так сильна и станет так кидаться и метаться, что крючок, хотя бы задел за ее желудок, называемый рыбаками *кутырь*, непременно прорвет его и выскочит вон. Для этой ловли готовят особые толстые крючки, и они-то называются жерлицами. Мне не один раз случилось вынимать щук с вывороченным, как чулок, кутырем, то есть желудком, а щуки были еще живы и бойко ходили. На такие жерлицы попадают и огромные окуни, даже изредка налимы (разумеется, в глубокую осень), если шнурок разматается с рогульки и насадка опустится на дно или прислонится в воде к берегу: ибо налим на весу ни под каким видом не берет. Лучшее время для ловли щук на жерлицы – конец лета и первая половина осени; весной и в позднюю осень они берут мало. Двойные жерлицы, то есть с двумя крючками, по моим опытам, всегда оказывались неудобными.

Я небольшой охотник до жерлиц: стоит ли заниматься одними щуками, когда и без них всякая рыба берет на удочку? Но ставленья

крючков осенью на налимов – очень любил и теперь люблю и потому поговорю подробнее об этой ловле. Кроме того, что налим драгоценная по вкусу рыба и что ее в это время года ничем другим не достанешь, ставленья крючков потому приятно, что начинается тогда, когда прекращается ужение; заменяя его некоторым образом, оно может служить единственной отрадой страстному рыбаку, огорченному лишением любимой забавы на целые полгода! Крючки имеют значительную выгоду в том, что их можно ставить скрытно, так что никто кроме хозяина, не увидит и не найдет их; а это обстоятельство очень важно, если ловля производится на бойких местах, где много шатается народа: редко кто не любопытствует посмотреть поставленную снасть, если ее увидит; а много найдется и таких людей, которые будут нарочно приходить и вынимать вашу добычу. Да и посмотревший из одного любопытства уж непременно закинет крючок дурно: не туда и не так, как надобно; если же насаженная рыбка подбилась как-нибудь под берег, зашла за пенек или задела за корягу, то, вынимая ее без вся-

кой осторожности, незванный гость, наверное, заденет, стащит насадку набок или оторвет совсем. Для избежанья таких помех можно привязывать шнурок к колышку (который втыкается плотно в дно реки у берега и покрыт водою на четверть и более), даже к коряге или к таловому пруту: тальник часто растет над водою и очень крепок. Это можно так хитро устроить, что вор, знающий наверное, где поставлены крючки, – не найдет их. В местах, безопасных от посетителей, можно ставить крючки на удилицах и с наплавками; последнее приятно потому, что, подходя, рыбак издали уже видит, взяла на крючок рыба или нет и куда затащило наплавков, а также и потому, что на удилице веселее поводить и вытащить рыбу. Ставить надобно не на глубоких, а около глубоких мест, также около коряг, корней и крутых берегов, на крепях, как говорят рыбаки. Впрочем, иногда налимы берут на середине реки, на чистом и гладком дне, а потому надобно ставить разными манерами. Для насадки можно употреблять всякую мелкую рыбу, кроме ершей, окуней и щурят: живую или снулую – для налима это все

равно; я даже считаю, что снулая лучше: живая может спрятаться под траву и забиться под коряги, так что налим ее не увидит. Я предпочитаю плотичку, за ее белизну, всем другим насадкам; но рыбаки считают, что всего лучше небольшие карасики, уверяя, что они мягче и слаще другой рыбы и *живуци*; последнее совершенно справедливо, но, по моему замечанию, налимы и другие хищные рыбы берут на них не так охотно. Можно насаживать на крючки куски мяса, облупленных до половины раков и небольших лягушек: где много налимов, там берут они на все. Всяким насадкам всего вреднее живые раки; где ловятся они во множестве, там очень мешают этой ловле: объедают насадку и затаскивают в нору крючок, откуда его не скоро вытащишь. Раки нападают на свою добычу более днем, и потому на день крючки надо вынимать очень рано поутру и ставить как можно позднее вечером. Крючки нужны не столько большие, сколько толстые, ибо где водятся огромные налимы, там может ввалиться иной в полпуда; он замотает бечевку или шнурок, разумеется крепкий, за корягу и

так сильно рвется, что иногда выворачивает кутырь так же, как щука, и потому тонкий крючок может прорвать желудок.

Блесна

Ближе всех подходит к обыкновенному уже-нью *блесна*. Если хотите – это настоящее уженье, с тою разницею, что рука охотника, в которой он держит лесу блесны, служит вместо удилица; впрочем, я не знаю, почему не употреблять коротенького удилица? Им также ловко будет подергивать и потряхивать насадку. Это происходит следующим образом: на обыкновенную лесу прикрепляется металлическая, блестящая рыбка, у которой сбоку припаян крючок (иногда по крючку с обеих сторон); иногда крючок торчит из рта искусственной рыбки; рыбак садится в лодку и, пуская ее вдоль по течению реки, бросает одну или две блесны, на которых искусственные рыбки кажутся плавающими; жадные окуни, а иногда и щуки, хватают с размаху плывущих за лодкою искусственных рыбок и попадают на крючки. Эта ловля производится осенью, когда вода делается чиста. Я ни-

когда не уживал на блесну, но видал, как удят другие. Я встречал страстных охотников до этой ловли, но мне она никогда не нравилась, может быть потому, что я не охотник до уженья с лодки, плывущей по глубоким местам... Надо признаться: я люблю твердую землю, берег, а жидкого пути – боюсь.

Впрочем, можно ловить блесной, или *блеснить*, как говорят охотники, зимой в прорубях, а осенью с берега на местах глубоких, у самого берега, причем необходимо надобно часто потряхивать и подергивать за лесу, чтоб искусственная рыбка сколько можно казалась похожею на настоящую. Блеснить с берега и в проруби не так удобно; что же касается до уженья зимой, то в зимнюю стужу у меня пропадает охота удить.

Алфавитный указатель имен

(К третьему и четвертому томам)

Авдотья Петровна – см. Елагина А. П.

Аверкиев Александр Егорович (1788–1858) – видный сановник, состоял вице-губернатором Твери, губернатором Тулы, затем Полтавы.

Акимова – ученица Московского театрального училища.

Аксаков Аркадий Тимофеевич (1803–1860) – брат С. Т. Аксакова.

Аксаков Григорий Сергеевич (1820–1891) – сын С. Т. Аксакова.

Аксаков Иван Сергеевич (1823–1886) – сын С. Т. Аксакова, поэт, публицист, один из виднейших деятелей славянофильства.

Аксаков Константин Сергеевич (1817–1860) – старший сын С. Т. Аксакова, публицист, критик, поэт, драматург, один из основоположников славянофильства.

Аксаков Михаил Сергеевич (1824–1841) – сын С. Т. Аксакова.

Аксаков Николай Тимофеевич

(1797–1882) – брат С. Т. Аксакова.

Аксакова Вера Сергеевна (1819–1864) – старшая дочь С. Т. Аксакова.

Аксакова Любовь Сергеевна (1830–1867) – дочь С. Т. Аксакова.

Аксакова Мария Сергеевна (1831–1906) – дочь С. Т. Аксакова.

Аксакова Надежда Сергеевна (1829–1869) – дочь С. Т. Аксакова.

Аксакова Ольга Григорьевна (1848–?) – внучка С. Т. Аксакова.

Аксакова Ольга Семеновна (1793–1878) – жена С. Т. Аксакова.

Аксакова Ольга Сергеевна (1821–1861) – дочь С. Т. Аксакова.

Александр I (1777–1825)

Александра Осиповна – см. Смирнова А. О.

Александра Федоровна (1798–1860) – жена

Николая I.

Алексеева – ученица Московского театрального училища.

Алан (Аллан-Депрео) Луиза (1809–1856) – актриса Французской драматической труппы, игравшей в Петербурге в 1837–1847 годах.

Альфонский Аркадий Алексеевич

(1796–1869) – профессор медицины, ректор Московского университета.

Альфред – актриса французской труппы, гастролировавшей в Москве в 1828–1829 годах.

Андросов Василий Петрович (1803–1841) – экономист и критик, редактор «Московского наблюдателя».

Анна (1781–1860) – герцогиня Саксен-Кобургская – первая жена Константина Павловича (см.).

Арапов Пимен Николаевич (1796–1861) – драматург и историк русского театра.

Аристофан (ок. 446–385 до н. э.) – крупнейший древнегреческий комедиограф.

Армфельд Александр Осипович (1806–1868) – профессор судебной медицины, инспектор сиротского института Московского воспитательного дома.

Арсеньев Александр Васильевич (1782–1840) – помощник управляющего московскими театрами по репертуарной части с 1807 по 1830 год.

Арцыбашев Николай Сергеевич (1773–1841) – историк.

Афанасьев Александр Иванович (1808–1842) – с 1829 года актер московской труппы, позднее – петербургской.

Бажанова Анна – актриса московской труппы с 1826 по 1848 год.

Байрон Джордж Ноэл Гордон (1788–1824).

Бакунин Василий Михайлович (1795–1863) – драматург и переводчик, полковник.

Бакунин – полицмейстер.

Балабина Варвара Осиповна (1780–1845) – знакомая Н. В. Гоголя.

Балабина Мария Петровна (1820–1901) – дочь В. О. Балабиной (см.).

Бантышев Александр Олимпиевич (1804–1860) – актер (тенор) московской труппы.

Баранов Кузьма Николаевич (1797–1836) – актер московской драматической труппы и писатель.

Баранчеева Антонина Ивановна (1778–1838) – актриса из крепостной труппы А. Е. Столыпина. В московской труппе с 1806 года.

Баратынский Евгений Абрамович
(1800–1844) – поэт.

Барсовы – актеры, держатели частного театра в Курске.

Батюшков Константин Николаевич
(1787–1855).

Башилов Александр Александрович
(1777–1847) – сенатор.

Белинский Виссарион Григорьевич
(1811–1848).

Бенардаки Дмитрий Егорович (ум. 1870) – богатый откупщик.

Бенкендорф Александр Христофорович
(1783–1844) – шеф жандармов.

Бернаделли Фортунато (ум. 1830) – танцовщик, балетмейстер и композитор. С 1818 по 1822 год в московской балетной труппе.

Боборыкин Николай Николаевич
(1812–1888) – поэт.

Бобров Елисей Петрович (1778–1830) – актер-комик петербургской труппы с 1799 года.

Бодянский Осип Максимович (1808–1877) – филолог, историк, один из основателей славяноведения в России.

Боженковская Анна Михайловна – актриса

московской труппы с 1829 по 1851 год.

Бомарше Пьер Огюстен Карон (1732–1799).

Борисова (урожд. Воробьева) Анна Матвеевна – актриса московской драматической труппы с 1812 года.

Боткин Николай Петрович (1813–1869) – брат В. П. Боткина, публициста и критика.

Брамбеус (барон) – псевдоним Сенковского О. И. (см.).

Браун Карл Осипович – театральный художник, с 1824 по 1854 год декоратор московских театров.

Броссе Петр Федорович (1793–1857) – профессор глазной клиники при Московском университете.

Брянский Яков Григорьевич (1790–1853) – выдающийся актер-трагик петербургской труппы.

Буало Никола (1636–1711) – французский поэт и теоретик классицизма.

Булахов Петр Александрович (ок. 1793–1835) – знаменитый певец-тенор московской труппы.

Булгаков Александр Яковлевич (1781–1863) – московский почт-директор.

Булгарин Фаддей Венедиктович
(1789–1859).

Бунин – уездный судья в Белебеевском уезде, Оренбургской губернии.

Валентин – римский банкир.

Валуев Дмитрий Александрович
(1820–1845) – литератор-славянофил.

Валберх (Вальберг) Иван Иванович
(1763–1819) – наст. фам. Лесогоров – первый русский балетмейстер.

Валберхова (Вальберг) Мария Ивановна
(1788–1867) – актриса петербургской драматической труппы.

Вальтер Скотт (1771–1832).

Вандам Иосиф Доминик (1771–1830) – французский генерал, известный корыстолюбием и жестокостью.

Вандик (Ван Дейк) Антонис (1599–1641) – фламандский художник.

Ванечка, Ваня – см. Аксаков Иван Сергеевич.

Васьков Николай Иванович – вице-губернатор Псковской губернии, знакомый С. Т. Аксакова.

Васьков Федор Иванович (1790–1855) – один из друзей С. Т. Аксакова.

Великопольский Иван Ермолаевич (1793–1868) – второстепенный поэт и драматург.

Величкин Михаил Васильевич (1783–1848) – актер-комик петербургской драматической труппы.

Вельяшев-Волынцев Дмитрий Иванович (1770–1818) – драматург-переводчик.

Веневитинов Алексей Владимирович (1806–1872) – брат поэта Веневитинова Д. В. (см.).

Веневитинов Дмитрий Владимирович (1805–1827) – поэт.

Венелин Юрий Иванович (1802–1839) – ученый-славист.

Вера – см. Аксакова В. С.

Верстовский Алексей Николаевич (1799–1862) – композитор и театральный деятель.

Ветроцнская Мария Игнатьевна – актриса московской труппы.

Виельгорская Луиза Карловна (1791–1853) – жена М. Ю. Виельгорского (см.).

Виельгорский Михаил Юрьевич (1788–1856) – композитор-дилетант.

Виктор – актер французской труппы, гастролировавшей в Москве в 1828–1829 годах.

Виноградова – ученица Московской театральной школы.

Виноградский – актер московской труппы.

Виржини – актриса французской труппы, гастролировавшей в Москве в 1828–1829 годах.

Витгенштейн Петр Христианович (1768–1842) – фельдмаршал, видный участник Отечественной войны 1812 года.

Воеводин Василий Иванович (1783–1843) – актер московской оперной труппы.

Воейков – жандармский капитан.

Волков Михаил – актер московской драматической труппы с 1823 года.

Волькенштейн Гавриил Семенович – граф-помещик, у которого М. С. Щепкин был крепостным.

Воронина-Иванова Александра Ивановна (ок. 1806–1850) – артистка московской балетной труппы.

Воропанов – приятель С. Т. Аксакова.

Врасский Борис Алексеевич (1795–1880) – литератор, пайщик «Отечественных записок».

В. У. – см. Ушаков В. А.

Вьельгорский – см. Виельгорский М. Ю.

Высоцкий Григорий Яковлевич (1781–1849) – московский врач.

Вяземский Петр Андреевич (1792–1878) – поэт, критик и журналист.

Гедеонов Михаил Александрович (1814–1854) – драматический цензор III отделения

Глинка Сергей Николаевич (1776–1847) – писатель.

Глинка Федор Николаевич (1786–1880) – поэт, публицист, в молодости декабрист, один из вождей Союза благоденствия, впоследствии мистик и реакционер.

Гнедич Николай Иванович (1784–1833) – поэт, переводчик «Илиады».

Гоголь Анна Васильевна (1821–1893) – сестра Н. В. Гоголя.

Гоголь-Яновский Василий Афанасьевич (1777–1825) – отец Н. В. Гоголя.

Гоголь (по мужу Быкова) Елизавета Васильевна (1823–1864) – сестра Н. В. Гоголя.

Гоголь-Яновская (урожд. Косяровская) Мария Ивановна (1791–1868), мать Н. В. Гоголя.

Гоголь Николай Васильевич (1809–1852).

Голицын Дмитрий Владимирович (1771–1844) – князь, московский генерал-губернатор.

Головин Василий Иванович (ум. 1845) – драматург, автор водевилей, журналист.

Гомер (между XII и VIII вв. до н. э.) – по преданию, автор «Илиады» и «Одиссеи».

Горчаков Дмитрий Петрович (1758–1824) – поэт-сатирик, член шишковской «Беседы».

Грановский Тимофей Николаевич (1813–1855) – ученый и общественный деятель, профессор всеобщей истории в Московском университете.

Греч Николай Иванович (1787–1867) – реакционный журналист и беллетрист.

Грибоедов Александр Сергеевич (1795–1829).

Григорий Богослов (ок. 329–399) видный деятель римской церкви, поэт.

Григоровичева – ученица Московского те-

атрального училища.

Григорьев Василий Васильевич
(1816–1881) – профессор-ориенталист, цензор.

Гриша – см. Аксаков Г. С.

Гудчайльд Елизавета Фоминишна – теща
М. П. Погодина.

Гурьянов – ученик Московского театраль-
ного училища, скрипач.

Гюлень-Сор Фелисите – французская тан-
цовщица и балетмейстер в Московском теат-
ре с 1823 по 1839 год. Первая женщина-балет-
мейстер в России.

Давид (конец XI – начало X в. до н. э.) – по-
лулегендарный иудейский царь, которому
приписывается авторство псалмов.

Далес (ум. 1828) – актер французской труппы,
гастролировавшей в Москве в 1828–1829
годах.

Данзас Борис Карлович (1799–1868) – круп-
ный чиновник.

Двигубский Иван Алексеевич (1771–1839) –
профессор Московского университета.

Делавинь (де Лавинь) Казимир
(1793–1843) – французский поэт и драматург.

Delaveau le Cointe (Делаво) – литератор-француз, издатель «Bulletin du Nord» – журнала на французском языке, издававшегося в Москве.

Демутье Шарль Альберт (1760–1801) – французский писатель.

Державин Гавриил Романович (1743–1816).

Детуш Филипп (1680–1754) – французский драматург.

Диоген из Синона (ок. 404–323 до н. э.) – древнегреческий философ, проповедовавший сведение потребностей до минимума.

Дмитревский Иван Афанасьевич (1734–1821) – выдающийся актер.

Дмитриев Иван Иванович (1760–1837) – поэт-сентименталист.

Дмитриев Михаил Александрович (1796–1866) – реакционный поэт.

Долгорукий Иван Михайлович, князь (1764–1823), – поэт.

Долгорукий Юрий Владимирович, князь (1740–1830), – государственный деятель.

Дубровский Алексей – московский актер, игравший с 1806 года.

Дюр (в замужестве Каратыгина) Любовь

Осиповна (1806–1828) – актриса петербургской труппы.

Дюпарк – французская актриса в Москве.

Дюсис (Дюси) Жан Франсуа (1733–1816) – французский драматург, переделывавший произведения Шекспира применительно к нормам классицистического театра.

Ежова Екатерина Ивановна (1788–1836) – актриса петербургской драматической труппы.

Езоп (VI–V вв. до н. э.) – полулегендарный древнегреческий баснописец.

Екатерина II (1729–1796).

Елагина Авдотья Петровна (1789–1877) – хозяйка литературного салона в Москве, мать славянофилов Киреевских.

Ефремов Александр Павлович (1815–1876) – переводчик, преподаватель географии в Московском университете.

Жадовская Юлия Валерьяновна (1824–1883) – поэтесса и писательница.

Живокини Василий Игнатьевич (1808–1874) – актер московской драматиче-

ской труппы.

Жихарев Степан Петрович (1788–1860) – литератор, автор известных театральных воспоминаний.

М-ле Жорж (сценический псевдоним Маргариты Жозефины Веймер) (1787–1867) – известная французская актриса, дебютировала на петербургской сцене 13 августа 1808 года.

Жуковский Василий Андреевич (1783–1852).

Заборовская Анисья – артистка московской балетной труппы.

Загоскин Михаил Николаевич (1789–1852) – писатель.

Загоскин Маркел Николаевич – брат /М. Н. Загоскина.

Загоскин С. М. – сын Михаила Николаевича Загоскина.

Законная супруга (Константина Павловича) – см. Анна.

Закревский Арсений Андреевич, граф (1783–1865), – генерал-адъютант, министр внутренних дел, московский генерал-губернатор.

Зубов Михаил Николаевич – актер московской труппы, ранее играл в крепостном театре князя Волконского.

Иванов Александр Андреевич (1806–1858) – великий русский художник, создатель картины «Явление Христа народу».

Иванов Федор Федорович (1777–1816) – драматург.

Иванова Елена – артистка московской балетной труппы.

Иванова Мария – артистка московской балетной труппы.

Иванова – ученица театральной школы.

Иванова – московская домовладелица.

Измайлов Владимир Васильевич (1773–1830) – писатель, последователь Карамзина.

Издатель «Московского телеграфа» – см. Полевой Н. А.

Ильин Николай Иванович (1773–1823) – драматург.

Иннокентий (Иван Алексеевич Борисов) (1800–1857) – церковный писатель и проповедник.

Иноземцев Федор Иванович (1802–1869) – врач-хирург, профессор Московского университета.

Иордан Федор Иванович (1800–1883) – гравер.

Кабат Иван Иванович (1812–1884) – известный петербургский врач-окулист.

Кавалерова (урожд. Воробьева) Елена Матвеевна – актриса на сцене московских театров с 1806 года.

Кавелин Александр Александрович (1793–1850) – генерал-адъютант, служивший при дворе, друг С. Т. Аксакова.

Казначеев Александр Иванович (1788–1880) – старый друг С. Т. Аксакова, одесский градоначальник.

Калайдович Константин Федорович (1792–1832) – историк и археограф.

Каменогорский Захар Федорович (1781–1823) – актер петербургской труппы с 1810 года.

Капнист Василий Васильевич (1757–1823) – драматург и поэт.

Капнист (в замужестве Скалой) Софья Ва-

сильевна (1797–1887) – дочь В. В. Капниста, близкая знакомая семьи Гоголей.

Каразин Василий Назарович (1773–1842) – общественный деятель.

Карамзин Николай Михайлович (1766–1826).

Карасев – ученик Московского театрального училища.

Каратыгин Василий Андреевич (1802–1853) – крупнейший актер-трагик.

Каратыгина (Колосова) Александра Михайловна (1802–1880) – актриса петербургской труппы.

Кармуш Пьер Франсуа Адольф (1797–1868) – французский драматург.

Карниолин-Пинский Матвей Михайлович (1796–1866) – учитель, впоследствии чиновник департамента юстиции.

Каролина Карловна – см. Павлова К. К.

Карпаков – ученик Московского театрального училища.

Карпакова – актриса московской труппы.

Карташевская Мария Григорьевна (1818–1906) – племянница С. Т. Аксакова, друг его дочери Веры Сергеевны.

Карташевская Надежда Тимофеевна (1794–1887) – сестра С. Т. Аксакова.

Карташевский Григорий Иванович (1777–1840) – попечитель Белорусского учебного округа, сенатор, женатый на сестре С. Т. Аксакова Надежде Тимофеевне.

Каченовский Михаил Трофимович (1775–1842) – историк, журналист, редактор журнала «Вестник Европы».

Киреевский Иван Васильевич (1806–1856) – публицист, философ, один из видных деятелей славянофильства.

Клименков Степан Иванович (1805–1858) – известный в Москве врач, профессор.

Княжевич Дмитрий Максимович (1788–1844) – друг С. Т. Аксакова, литератор, этнограф.

Княжнин Яков Борисович (1742–1791) – драматург, представитель русского классицизма.

Козлов Иван Иванович (1779–1840) – поэт.

Козловский Дмитрий Федосеевич (ум. 1842) – режиссер и актер московской труппы.

Кокошкин Федор Федорович (1773–1838) – театральный деятель, посредственный драма-

тург.

Кокошкина Аграфена Федоровна (ум. 1822) – сестра Ф. Ф. Кокошкина.

Кокошкина Мария Федоровна – дочь Ф. Ф. Кокошкина.

Колпаков Петр Родионович (ок. 1765–1823) – актер московской труппы.

Константин, Костя – см. Аксаков К. С.

Константин Павлович (1779–1831) – брат Александра I, фактический наместник Польши.

Корсаков Петр Александрович (1790–1844) – писатель, цензор, был издателем ряда журналов.

Коттен Мария (1770–1807) – французская романистка.

Коцебу Август (1761–1819) – немецкий ре-
акционный писатель-драматург.

Кошелев Александр Иванович (1806–1883) – публицист, славянофил.

Кошелева Ольга Федоровна (1816–1893) – жена А. И. Кошелева.

Кошихин (Котошихин) Григорий Карпович (ок. 1630–1667) – подьячий Посольского приказа, автор сочинения «О России в цар-

ствование Алексея Михайловича».

Краевский Андрей Александрович (1810–1889) – издатель «Отечественных записок».

Кребильон Проспер (1674–1762) – французский драматург.

Кривцов Павел Иванович (1806–1844) – секретарь русского посольства в Италии.

Крузе – воспитанник Межевого института, рекомендованный Аксаковым Гоголю в качестве переписчика.

Крылов Иван Андреевич (1769–1844).

Крюковский Матвей Васильевич (1781–1811) – драматург.

Куликов Николай Иванович (1812–1891) – ученик Московского театрального училища, впоследствии режиссер Александрійского театра и драматург (псевдоним Н. Крестовский).

Куликова Прасковья Ивановна (в замужестве Орлова) (1815–1896) – актриса московской труппы.

Кулиш Пантелеймон Александрович (1819–1897) – украинский писатель националистического направления, этнограф и историк.

Куракин – московский домовладелец.
Курбатов Александр Дмитриевич
(1800–1858) – актер-любитель.

Лавров Николай Владимирович (1806 – ок.
1840) – певец-баритон московской труппы.

Лаврова (урожд. Сабурова) Дарья Матвеев-
на (1800–1845) – актриса, жена певца Н. В. Лав-
рова.

Лаврова (девица) – актриса московской
труппы.

Лалин Иван Федорович (1743–1795) – актер
петербургской сцены.

Левис Федор Федорович (1767–1824) – гене-
рал-лейтенант, участник Отечественной вой-
ны 1812 года.

Левшин – домовладелец.

Лекен (Лекень) Анри Луи (1729–1778) –
французский драматический актер.

Ленский Дмитрий Тимофеевич
(1805–1860) – драматург и актер московской
труппы.

Леонидов Леонид Львович (1821–1889) – ак-
тер, учился в Петербургском театральном
училище, с 1843 по 1854 год играл в Москве,

затем в Петербурге.

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814–1841).

Лидина – ученица Московского театрального училища.

Литавкина – ученица Московского театрального училища.

Лобанов Михаил Евстафьевич (1787–1846) – поэт и драматург.

Лович (княгиня Иоанна Антоновна, урожд. графиня Грудзинская) (1795–1831) – жена великого князя Константина Павловича.

Локуэс – художник-костюмер московских театров.

Ломоносов Михаил Васильевич (1711–1765).

Львова-Синецкая Мария Дмитриевна (1795–1875) – актриса московской драматической труппы.

Львов Владимир Владимирович, князь (1804–1856), – писатель.

Лыкова Пелагея Гавриловна – провинциальная актриса (конец XVIII – начало XIX в.).

Любенька – см. Аксакова Любовь Сергеевна.

Мазанов – преподаватель музыки (по классу скрипки) в Московском театральном училище.

Майков Аполлон Александрович (1761–1838) – директор московских театров 1810–1821 гг.

Майков Аполлон Николаевич (1821–1897) – поэт.

Макиавель (Макиавелли) Никколо (1469–1527) – итальянский политический деятель и писатель-драматург, автор комедии «Мандрагора».

Максимович Михаил Александрович (1804–1873) – этнограф, историк, находился в дружеских отношениях с С. Т. Аксаковым.

Максин Иван Алексеевич (1791–1828) – актер сначала петербургской, а потом московской труппы.

Максин (мл.) – ученик Московского театрального училища.

Мариво Пьер Шарль (1688–1763) – французский драматург.

Марихен – см. Аксакова М. С.

Марков Михаил Александрович (ок. 1810–1876) – генерал-лейтенант, беллетрист,

поэт и драматург.

Марку Шарль Рафаэль (1799–1866) – преподаватель музыки в Московском театральном училище.

Маркус Михаил Антонович (1790–1865) – придворный врач.

Мартынов Александр Евстафьевич (1816–1860) – актер Александрийского театра.

Мартынов Павел Петрович (ум. 1838) – приятель С. Т. Аксакова.

Марья Ивановна – Валберхова (см.).

Марья Ивановна – Гоголь-Яновская (см.).

Матюшкин Михаил Афанасьевич (1676–1737) – генерал-аншеф.

Маурер Людвиг Филипп (1789–1878) – скрипач, композитор и капельмейстер.

Машенька – см. Карташевская М. Г.

Медокс Михаил Егорович (1747–1822) – театральный антрепренер, содержатель частного театра в Москве.

Мельвиль Анри (1787–1865) – французский драматург и либреттист.

Мельгунов Николай Александрович (1804–1867) – беллетрист и публицист.

Менье – актер французской труппы, га-

стролировавшей в Москве в 1828–1829 годах.

Мерзляков Алексей Федорович (1778–1830) – поэт, критик, переводчик, профессор Московского университета.

Мерима Проспер (1803–1870).

Мессинг Михаил Иванович (ок. 1800–1884) – муж сестры М. П. Погодина.

Меценат Гай Цильний (род. между 74 и 64 – ум. 8 до н. э.) – римский политический деятель, покровитель кружка поэтов. Имя его стало нарицательным как покровителя искусства и науки.

Мещерский, князь, – председатель цензурного комитета.

Мещерский Николай Иванович, князь (1798–1862), – знакомый А. О. Смирновой, лечившийся за границей.

Мещерский Прокофий Васильевич, князь, – гофмаршал при Павле I, актер-любитель, умер при Александре I.

Милькеев Евгений Лукич (1815–1840) – поэт-самоучка.

Минин (Сухорук) Козьма (ум. 1616).

Миняевы (две) – ученицы Московского театрального училища.

Михайлова – ученица Московского театрального училища.

Михеич – см. Полевой Н. А.

Миша – см. Аксаков М. С.

Мольер (Жан Батист Поклен) (1622–1673).

Моро де Бразе – француз, служивший в русских войсках при Петре I, впоследствии издал воспоминания о своей службе в России.

Моро Жан Виктор (1761–1813) – французский полководец, в войне 1812 года воевал в рядах русской армии против Наполеона.

Мочалов Павел Степанович (1800–1848) – великий актер-трагик.

Мочалов Степан Федорович (1775–1823) – актер московской драматической труппы, отец П. С. Мочалова.

Мочалова (в замужестве Францева) Мария Степановна (1799–1862) – сестра П. С. Мочалова, провинциальная актриса.

Мочалова Наталья Ивановна – жена П. С. Мочалова, дочь владельца «Литературной кофейни».

Мудров Матвей Яковлевич (1776–1831) – профессор патологии и терапии Московского университета.

Наврозов Матвей Андреевич – оренбургский губернатор.

Нагаева Авдотья – актриса московской труппы.

Надежда Николаевна – см. Шереметьева Н. Н.

Надеждин Николай Иванович (псевд. Надоумка) (1804–1856) – критик, журналист, издатель журналов «Телескоп» (1831–1836) и «Молва» (1831–1835).

Надя, Наденька – см. Аксакова Н. С.

Наполеон I Бонапарт (1769–1821).

Нарежный Василий Трофимович (1780–1825) – писатель.

Нащокин Павел Воинович (1800–1854) – друг Пушкина.

Наумов – преподаватель пения в Московском театральном училище.

Негины (две) – ученицы Московского театрального училища.

Несвицкая, княгиня, – знакомая С. Т. Аксакова.

Никитенко Александр Васильевич (1805–1877) – историк литературы, цензор.

Николай I (1796–1855).

Николай Филиппович – см. Павлов Н. Ф.

Николаев Николай Петрович (1758–1815) – поэт и драматург.

Новиков Николай Иванович (1744–1818) – просветитель, общественный деятель, писатель.

Новиков – секретарь цензурного комитета.

Новосильцева Екатерина Владимировна (ум. 1885) – писательница, писавшая под псевдонимом Т. Толычева.

Обер Даниель Франсуа (1782–1871) – французский композитор.

Ободовский Платон Григорьевич (1805–1864) – драматург, переводчик и поэт.

Овер Александр Иванович (1804–1864) – московский врач.

Одоевский Владимир Федорович, князь (1804–1869), – писатель, философ, публицист, музыкальный критик.

Озеров Владислав Александрович (1769–1816) – драматург.

Оленин Алексей Николаевич (1763–1843) – писатель, занимал ряд видных государственных

ных постов, с 1811 года – директор Публичной библиотеки, с 1817 года – президент Академии художеств.

Оленька – см. Аксакова Ольга Сергеевна.

Ольга Семеновна – см. Аксакова Ольга Семеновна.

Оля – см. Аксакова О. Г.

Омар (580–644) – арабский калиф, завоеватель, по приказу которого после захвата Александрии была сожжена знаменитая Александрийская библиотека.

Опалихина – ученица Московского театрального училища.

Орлов (наст. фам. Копылов) Илья Васильевич (1801–1856) – актер, перешедший из петербургской в московскую труппу в 1828 году.

Орлов Михаил Федорович (1788–1842) – декабрист.

Орлова – см. Куликова П. И.

Оттаво Катарина – дочь танцовщика-иностранца, служившего в московской балетной труппе, ученица танцевального класса театрального училища, позднее артистка московской балетной труппы.

Павел – апостол (библейск.).

Павел I (1754–1801) – русский император.

Павлов – провинциальный актер (начала XIX в.).

Павлов Михаил Григорьевич (1793–1840) – ученый-натурфилософ, профессор Московского университета.

Павлов Николай Филиппович (1805–1864) – беллетрист, критик и публицист.

Павлова Каролина Карловна (урожденная Яниш) (1810–1893) – поэтесса и переводчица.

Павловы.

Панаев Владимир Иванович (1792–1859) – второстепенный писатель, дядя И. И. Панаева.

Панаев Иван Иванович (1812–1862) – писатель.

Панов Василий Алексеевич (1819–1849) – литератор славянофильского направления.

Панова – актриса московской драматической труппы с 1806 года.

Пейкер Петр Иванович (1811–1853) – чиновник, знакомый С. Т. Аксакова.

Первощиков Дмитрий Матвеевич (1788–1880) – математик, астроном, академик.

Перфильев Степан Васильевич

(1796–1878) – жандармский генерал, начальник московского корпуса жандармов.

Петр I (1672–1725).

Петров – ученик Московского театрального училища.

Пе-Ща (псевдоним) – автор статей в «Молве» об игре Мочалова и Каратыгина.

Пикар Луи Франсуа (1769–1828) – французский романист и драматург.

Пинский – см. Карниолин-Пинский М. М.

Писарев Александр Александрович (1780–1848) – драматург, генерал.

Писарев Александр Иванович (1803–1828) – автор водевилей.

Плавильщиков Петр Алексеевич (1760–1812) – актер и драматург. Дебютировал ок. 1780 года.

Плетнев Петр Александрович (1792–1865) – критик, поэт.

Погодин Михаил Петрович (1800–1875) – историк, публицист, писатель.

Погодин Петр Михайлович (1840–1841) – сын М. П. Погодина.

Погодина Аграфена Михайловна (ок. 1776–1850) – мать М. П. Погодина.

Погодина Елизавета Васильевна (урожд. Вагнер) (1809–1844) – жена М. П. Погодина.

Погорельский А. – литературный псевдоним писателя Перовского Алексея Алексеевича (1787–1836).

Погуляев – товарищ сыновей С. Т. Аксакова.

Пожарский Дмитрий Михайлович, князь (1578 – ок. 1641), – один из организаторов освободительной борьбы русского народа против польских захватчиков в начале XVII века.

Полевой Николай Алексеевич (1796–1846) – журналист, писатель и историк.

Полетаева – ученица Московского театрального училища.

Поляков – ученик Московского театрального училища.

Пономарев Александр Ефимович (1765–1831) – актер сначала московской, потом петербургской драматической труппы,

Потанчиков Федор Семенович (1800–1871) – актер, сначала московской, потом петербургской драматической труппы.

Rotot – дочь гувернантки в семье Аксаковых.

Присниц Винцент (1790–1851) – врач, имевший водолечебницу на курорте в Греффенберге.

Прокопович-Антонский Антон Антонович (1782–1848) – профессор и ректор Московского университета.

Прокопович Николай Яковлевич (1810–1857) – поэт и педагог, редактор первого Собрания сочинений Н. В. Гоголя.

Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837).
Пушкин Алексей Михайлович (1774–1825) – писатель и актер-любитель.

Пуцин Александр Семенович – друг Ф. Ф. Кокошкина (см.), знакомый С. Т. Аксакова.

Раевская Прасковья Ивановна (1788–1846) – знакомая Н. В. Гоголя.

Рамазанов Александр Николаевич (1792–1828) – актер петербургской драматической труппы.

Расин Жан (1639–1699) – великий французский поэт и драматург.

Редактор «Вестника Европы» – см. Каченовский М. Т.

Редкий Петр Григорьевич (1808–1891) –

профессор права, сначала в Московском, а потом в Петербургском университете, товарищ Гоголя по Нежинской гимназии.

Репина Надежда Васильевна (1809–1867) – актриса московской труппы.

Репнина (урожд. Балабина) Елизавета Петровна, княгиня, – петербургская знакомая Гоголя.

Ришард (Ришар) Жан Батист Атенор – французский танцовщик в московской труппе с 1825 по 1830 год.

Родецкая – актриса московской драматической труппы.

Рожалин Николай Матвеевич (1805–1834) – писатель-славянофил.

Ромберг Бернارد (1770–1841) – немецкий виолончелист.

Россини Джоаккино (1792–1868) – итальянский композитор.

Рулье Карл Францевич (1814–1858) – русский естествоиспытатель.

Румянцев Петр Александрович (1725–1796).

Рыкалов Василий Васильевич (1798–1826) – актер московской труппы.

Рыкалов Василий Федотович (1771–1813) –

актер петербургской труппы.

Рыкалова Аграфена Гавриловна (ок. 1805–1840) – актриса московской драматической труппы.

Рязанцев Василий Иванович (1803–1831) – актер сначала московской, а с 1828 года петербургской драматической труппы.

Сабуров Александр Матвеевич (1800–1831) – актер московской драматической труппы.

Сабурова Аграфена Тимофеевна (1795–1867) – с 1814 по 1855 год актриса московской труппы.

Сабурова – см. Лаврова Д. М.

Савицкая – актриса московской труппы.

Садовский Пров Михайлович (1818–1872) – знаменитый актер московского Малого театра.

Салтыков, граф.

Самарин Иван Васильевич (1817–1885) – ученик Московского театрального училища, позднее актер московской драматической труппы.

Самарин Юрий Федорович (1819–1876) –

видный славянофил, умеренный либерал.

Самарина – ученица Московского театрального училища.

Самборская Софья – приятельница Веры Сергеевны Аксаковой.

Санковская Александра Александровна – ученица Московского театрального училища, впоследствии балерина.

Сахаров Иван Петрович (1807–1863) – археолог и этнограф, собиратель народных сказок и песен.

Сахаров – ученик Московского театрального училища.

Свербеев Дмитрий Николаевич (1799–1874) – помещик, автор «Записок», имел в Москве литературный салон.

Свербеева Екатерина Александровна (ум. 1892) – жена Д. Н. Свербеева (см.).

Семенова Екатерина Семеновна (1786–1849) – знаменитая трагическая актриса.

Сенковский Осип Иванович (барон Брамбус) (1800–1858) – писатель, критик и журналист, противник прогрессивной литературы.

Сент-Альбсн – актер французской труппы,

гастролировавшей в Москве в 1828–1829 годах.

Синеокая – см. Львова-Синецкая М. Д.

Скриб Огюстен Эжен (1791–1861) – французский драматург.

Слепцов – московский домовладелец.

Смирдин Александр Филиппович (1795–1857) – петербургский издатель и книго-торговец.

Смирнов Семен Алексеевич (1777–1847) – профессор Московского университета, писатель, шурин Мерзлякова (см.).

Смирнова Александра Осиповна (урожд. Россет) (1809–1882) – приятельница Пушкина и Гоголя.

Соколов Яков Яковлевич – актер из крепостной труппы А. Е. Столыпина. В московских театрах с 1806 года.

Соллогуб Владимир Александрович (1813–1882) – писатель.

Соллогуб Софья Михайловна (урожд. Вильгорская) – первая жена В. А. Соллогуба.

Сони́на – ученица Московского театрального училища.

Сосницкая Елена Яковлевна (1799–1855) –

актриса петербургской труппы.

Сосницкий Иван Иванович (1794–1871) – актер петербургской труппы.

Софокл (ок. 497–406 до н. э.) – великий древнегреческий драматург.

Сочинитель «Воспоминаний старого театра» – см. Жихарев С. П.

Станкевич Николай Владимирович (1813–1840) – поэт, философ, глава литературно-философского кружка 30-х годов.

Степанов Василий Петрович (ум. 1848) – актер московской труппы с 1827 по 1848 год.

Степанов Н. С. – содержатель типографии.

Степанов Петр Гаврилович (1800–1861) – актер-комик московской труппы с 1825 года.

Степанова Анна Андреевна – ученица Московского театрального училища, позднее актриса московской труппы.

Стурдза Александр Скарлатович (1791–1854) – дипломат и публицист крайне реакционного направления.

Сумароков Александр Петрович (1717–1777) – писатель, один из видных представителей русского классицизма.

Таке – сапожный мастер.

Тальма Франсуа Жозеф (1763–1826) – выдающийся французский актер-трагик.

Гасс (Тассо) Торквато (1544–1595) – итальянский поэт.

Татищев Петр Алексеевич (1730–1810) – друг Н. И. Новикова, масон.

Терещенко Александр Власьевич (1806–1865) – этнограф и археолог.

Теща Погодина – см. Гудчайльд Е. Ф.

Титовы – Петр Павлович (1800–1878), член строительного комитета Одессы, и его жена Ю. М. Титова.

Толстой Александр Петрович, граф (1801–1873), царский сановник, крайний реакционер, мистик, один из друзей Гоголя в последние годы жизни.

Толстой-Американец Федор Иванович (1782–1846) – авантюрист, игрок и кутила.

Толстой Григорий Михайлович (1808–1871) – знакомый С. Т. Аксакова.

Толстой Федор Петрович (1783–1873) – живописец, скульптор, впоследствии вице-президент Академии художеств.

Толченков Павел Иванович (1787–1862) – ак-

тер петербургской труппы.

Томашевский Антон Францевич (1803–1883) – один из близких друзей Аксакова, чиновник Московского почтамта, цензор.

Третьяков Василий Кириллович (1703–1769) – поэт, филолог, теоретик литературы.

Третьяков Иван Васильевич – актер московской драматической труппы.

Трощинский – генерал-майор, домовладелец.

Тукмакова (Токмакова) Александра Ивановна (1820–1845) – ученица Московского театрального училища, впоследствии актриса московской труппы.

Тургенев Александр Иванович (1784–1845).

Уваров Сергей Семенович (1786–1855) – государственный деятель, реакционер; министр народного просвещения.

Ушаков Василий Аполлонович (В. У.) (1789–1838) – критик и беллетрист.

Фавар Шарль Симон (1710–1792) – французский драматург.

Федорова М. А. – актриса московской труппы.

Филарет (Дроздов Михаил Васильевич) (1782–1867) – московский митрополит.

Филибер – актер французской труппы, гастролировавшей в Москве в 1828–1829 годах.

Филлис – ученица Московской театральной школы.

Флери – актер берлинского театра.

Фома Кемпийский (1380–1471) – немецкий философ-мистик.

Фонвизин Денис Иванович (1745–1792).

Фролов Петр Григорьевич – знакомый С. Т. Аксакова.

Харламова – артистка московской балетной труппы.

Хемницер Иван Иванович (1745–1784) – писатель, баснописец, предшественник И. А. Крылова.

Хмельницкий Николай Иванович (1789–1845) – драматург.

Ховрина Мария Дмитриевна (1801–1877) – знакомая Аксаковых.

Хомяков Алексей Степанович (1804–1860) –

общественный деятель, славянофил, писатель и поэт.

Хомякова Екатерина Михайловна (1817–1852) – жена поэта А. С. Хомякова, сестра Н. М. Языкова (см.).

Хотяинцев Дмитрий Николаевич (1797–1836) – актер петербургской драматической труппы.

Цыганов Николай Григорьевич (1797–18131) – поэт, сын крепостного, актер, последние годы игравший в Московском театре.

Чернов – московский домовладелец.

Черткова Елизавета Григорьевна (1805–1858) – жена историка и археолога А. Д. Черткова.

Шаликов Петр Иванович, князь (1768–1852), – писатель и журналист.

Шатр – перс, отец Н. М. Шатрова (см.).

Шатров Николай Михайлович (1765–1841) – стихотворец, приверженец школы Шишкова.

Шаховская – московская домовладелица.

Шаховской Александр Александрович, князь (1777–1846), – драматург и театральный деятель.

Шван – ученик Московского театрального училища.

Шевырев Степан Петрович (1806–1864) – реакционный публицист и критик, профессор Московского университета.

Шекспир Вильям (1564–1616).

Шёнлейн Иоганн Лукас (1793–1864) – известный немецкий врач.

Шереметев – домовладелец.

Шереметева Надежда Николаевна (урожд. Тютчева) (1775–1850) – тетка Ф. И. Тютчева, религиозно настроенная женщина.

Шеридан Ричард Бринсли (1751–1816) – английский писатель и политический деятель.

Шиллер Иоганн Фридрих (1759–1805).

Ширяев Александр Сергеевич (ум. 1841) – московский издатель и книготорговец.

Ширяев – актер московской труппы.

Шишков Александр Семенович (1754–1841) – реакционный писатель и государственный деятель, вице-адмирал.

Шольц Фридрих (1787–1830) – композитор

и капельмейстер.

Штюрмер – московский домовладелец.

Шуйский Сергей Васильевич (1820–1878) – актер московского Малого театра.

Шушерин Яков Емельянович (1753–1813) – выдающийся актер.

Щепин Павел Мардарьевич – актер московской труппы с 1829 года.

Щепин – ученик Московского театрального училища.

Щепкин Дмитрий Михайлович (1817–1857) – сын М. С. Щепкина (см.), математик.

Щепкин Михаил Семенович (1788–1863).

Щепкин Николай Михайлович (1820–1886) – сын М. С. Щепкина (см.), издатель и общественный деятель.

Щепкин Павел Степанович (1793–1836) – профессор математики в Московском университете.

Эрколани – преподаватель пения в Московском театральном училище.

Юшневский – товарищ А. И. Писарева по пансиону.

Языков Николай Михайлович (1803–1846) – поэт.

Языков Петр Михайлович (1798–1851) – брат Н. М. Языкова (см.), геолог.

Яковлев Алексей Семенович (1773–1817) – актер-трагик.

Комментарии

Критическое наследие С. Т. Аксакова не очень велико по объему. Но в различные периоды своей жизни, и особенно в 20-х и начале 30-х гг., он охотно выступал в роли критика, чаще всего театрального. Аксаков был постоянным театральным обозревателем «Вестника Европы», «Московского вестника», «Галатеи» и «Молвы». Особенно близкими были отношения Аксакова с «Московским вестником». В конце 1827 г. он писал: «...с издателем „Московского вестника“ М. П. Погодиным и сотрудником его С. П. Шевыревым я познакомился и сблизился очень скоро. Я даже предложил Погодину писать для него статьи о театре с разбором игры московских актеров и актрис» (Н. Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. II, СПб, 1889, стр. 271). С начала следующего года редкая книжка «Московского вестника» выходила без театральной статьи или рецензии Аксакова. В середине 1828 г. по инициативе Аксакова было создано специальное «Драматическое прибавление», в котором он участвовал не только как автор,

но и как редактор. Об этом свидетельствуют примечания, которыми Аксаков сопровождал чужие статьи. Любопытен характер этих примечаний, подписанных буквами Л. Р. Т. (т. е. Любитель Русского Театра). Это был один из известных псевдонимов С. Т. Аксакова. Например, в рецензии на постановку комедии Загоскина «Благородный театр» автор, скрывшийся за буквой Н., указывает на прекрасную игру Щепкина в роли Любского. К этому месту Аксаков дает примечание: «В отношении к последнему представлению похвала сия может быть и совершенно справедлива. Это тем более делает чести г. Щепкину, что в первые представления строгий и внимательный зритель очень мог заметить: как высказывался иногда в Любском старый приятель Транжирина – Богатонов; мог заметить излишний крик, излишнее движение рук, изредка мало-российское произношение буквы „г“» («Драматическое прибавление к „Московскому вестнику“», 1828, № V, стр. 4).

В той же рецензии, в связи с положительной оценкой игры Третьякова в роли Волгина, Аксаков дает еще одно примечание: «Г-н

Третьяков, по нашему мнению, не только понял, но и выполнил эту роль превосходно» (там же, стр. 5). В другой рецензии – на постановку комедии А. А. Шаховского «Аристофан» – указывалось, что Мочалов играл в заглавной роли крайне неудачно. К этому рассуждению следует примечание Аксакова: «Справедливость требует сказать, что г. Мочалов прежде игрывал Аристофана прекрасно; в этом представлении мы не были» («Московский вестник», 1828, №№ 19–20, «Драматическое прибавление», №№ 7–8, стр. 384).

Аксаковские примечания носят явно редакторский характер, уточняя те или иные положения статьи или полемизируя с ними. Подобное вторжение в чужой текст могло быть позволено, разумеется, не рядовому сотруднику журнала, а человеку, наделенному редакторскими полномочиями. Нельзя забывать, что эти полномочия Аксаков должен был выполнять негласно, ибо в это время он цензуровал «Московский вестник».

Таким образом, Аксаков не просто сотрудничал в «Московском вестнике», но был фактическим руководителем его театрального

отдела.

В 1829 г. у издателя «Московского вестника» Погодина родился план преобразования журнала. В связи с реорганизацией цензурного ведомства Аксаков с декабря 1828 по май 1830 г. оказался не у дел. Он был причислен к департаменту министерства народного просвещения «для особых поручений» и никаких цензорских обязанностей не выполнял. В это время у Погодина и возникла мысль о привлечении Аксакова к изданию журнала. 13 августа 1829 г. Погодин писал в Италию Шевыреву: «Теперь в Москве принимаюсь за работу... „Вестник“ передаю Дмитриеву и Аксакову; сам беру на себя историческую часть» («Русский архив», 1882, кн. III, № 5, стр. 98). Несколько месяцев спустя, 7 января 1830 г., Погодин записывает в своем дневнике: «Издавать „Московский вестник“ по прежнему плану, при нем „Нимфу“ с ста четырьмя картинками и „Бич“, полемическое прибавление. Согласились с Надеждиным и выпили в честь зачатия. Пригласить Михаила Дмитриева, Аксакова. Убьем всех» (Н. Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. III, СПб. 1890, стр. 77).

Аксаков с энтузиазмом откликнулся на предложение Погодина. 30 сентября 1829 г. он сделал характерную приписку в письме Погодина к Шевыреву: «Да здравствует и да увенчается полным успехом „Московский вестник“. Он был и будет единственным журналом с благородною целью» (Русский архив, 1882, кн. III, № 5, стр. 115).

Плану Погодина, однако, не суждено было сбыться. Начавшиеся нелады внутри редакции, уход из журнала Пушкина, недостаточное количество подписчиков (к началу 1830 г. их осталось 250 человек) – все это запутало и расстроило дела «Московского вестника», превратившегося под конец в специально историческое издание. В исходе 1830 г. «Московский вестник» вместе с несколькими другими московскими журналами прекратил существование.

В начале 30-х годов деятельность Аксакова, в качестве театрального критика, сосредоточилась в «Молве». Эта страница аксаковской биографии представляет значительный интерес.

После неудачи с реорганизацией «Москов-

ского вестника» у Погодина и его друзей возникла мысль о создании нового журнала. Об этом новом плане Погодин сообщал Шевыреву еще 27 января 1830 г. Речь шла о том, чтобы с будущего года начать совместно с Надеждиным издание двухнедельного журнала «Фонарь» с тремя прибавлениями: а) «Русалка» (или «Нимфа») – два раза в неделю, с картинками мод, под редакцией А. Ф. Томашевского; б) «Литературная расправа» (или «Меч и щит») – с полемикой, «полнейшей библиографией», раз в неделю и в) «Московская вестовщина» – «нравы и театр», раз в неделю. Редактором двух последних прибавлений предполагался Аксаков. «Издание окупается 600 подписчиков, – замечает далее Погодин, – остальное делится между нами четвертьма и тобою пятым» («Русский архив», 1882, кн. III, № 6, стр. 129).

Таким образом, новый журнал был задуман как коллективное издание, одним из равноправных участников которого должен был быть Аксаков. Вместо «Фонаря» журнал получил название «Телескоп», вместо трех прибавлений начало выходить одно: «Молва».

Официальным издателем журнала стал Н. И. Надеждин. Именно он был наибольшим энтузиастом нового издания. 18 июня 1830 г. Погодин записал в дневнике: «К Акс., с Надоумкой (псевдоним Надеждина. – С. М.) недостойным о журнале. Ему очень хочется издавать, а я – похолоднее» (Л. Б., д. № 231, 38, 5, л. 32).

Хотя «Телескоп» стал «журналом Надеждина», как сообщал Погодин Шевыреву, но имелось в виду, что фактическими его соиздателями будут Погодин, Томашевский и Аксаков; Погодин брал в свое заведование «историческую часть», а Аксаков – театр. 12 мая 1830 г. Аксаков писал Шевыреву: «Что вы думаете о нашем предприятии насчет журнала? Правда, вы не знаете Надеждина; это драгоценный камень, но, черт знает, не лопнет ли он от шлифовки, выдержит ли грань? Вдобавок мы все четверо не журналисты. Впрочем, я не отвергаю успеха и охотно буду действовать, если должность не помешает» («Русский архив», 1878, кн. 11., № 5, стр. 52).

Но должность помешала. Обстоятельства сложились таким образом, что Аксакову, вернувшемуся после полугодового перерыва

ва к исполнению цензорских обязанностей, пришлось отказаться от роли соиздателя журнала. Совмещать ее со службой в цензурном комитете оказалось и неудобным и невозможным. Когда в 1831 г. произошел скандал из-за статьи Надеждина «Современное направление просвещения» – программной статьи; которой открывалась первая книжка «Телескопа» и которая была признана московскими властями статьей «скверного направления», – Аксаков, в качестве цензора, в специальном рапорте на имя Бенкендорфа всячески выгораживал «Телескоп» и его издателя и при этом рассказал историю возникновения этого журнала: «Вот моя искренняя исповедь. Уже год тому назад (в это время я не был еще вторично определен цензором) гг. Погодин, Надеждин, Томашевский и я решились издавать журнал для доставления публике не только приятного, но и полезного чтения, для распространения благонамеренной любви к просвещению и для оппозиции некоторым журналам, особенно „Телеграфу“, которого дух, направление и невежество в науках мы считали и считаем вредными во всех

отношениях». И далее, касаясь причин своего неучастия в издании «Телескопа», Аксаков продолжает: «Меня определили цензором, и по моему образу мыслей я счел за неприличное участвовать в издании журнала: ибо должность моя имела влияние на типографии и книгопродавцев. Я отстранился, но трое моих прежних товарищей привели в исполнение общее наше намерение, и „Телескоп“ издается с 1831 г.» («Русский архив», 1898, № 5, стр. 89–90).

Формально «отстранившись» от участия в соиздании «Телескопа» и «Молвы», Аксаков принимал, однако, деятельное участие в «Молве» в качестве автора ее театрального отдела. Само собой разумеется, что сотрудничество Аксакова в «Молве» в 1831 г. было тщательно законспирировано. Все его статьи печатались без подписи. И лишь в 1832 г., после увольнения из цензуры, он стал выступать открыто, подписывая статьи своими инициалами. Отсюда и возник в 50-е годы один из многочисленных псевдонимов Аксакова – «Сотрудник „Молвы“ 1832 года». Это был единственный год, когда Аксаков выступал в

«Молве», не скрывая своего имени.

В третий том четырехтомного собрания сочинений С. Т. Аксакова (М. 1956) были включены некоторые его статьи и рецензии; опубликованные в 1831 г. без подписи на страницах «Молвы», а также статья «Иван Выжигин», подписанная псевдонимом «Истома Романов» и опубликованная в журнале «Атеней». Множество доказательств подтверждало их принадлежность Аксакову. Однако это было оспорено С. Осовцовым (см. журнал «Русская литература», 1963, № 3 и 1964, № 2), высказавшим убеждение в том, что все эти статьи были написаны не Аксаковым, а Н. И. Надеждиным. Соображения С. Осовцова не представляются достаточно убедительными. Но в связи с тем, что вопрос об упомянутых статьях стал дискуссионным, они не включены в настоящее собрание сочинений С. Т. Аксакова.

Театрально-критические статьи Аксакова свидетельствуют о том, что еще задолго до того, как Аксаков сформировался как выдающийся художник-реалист, он тяготел к искусству, которое глубоко отражало бы правду

жизни. Театральная эстетика Аксакова, хотя и не лишенная противоречий, содержала в себе новаторские идеи. Молодой критик воевал против эпигонов классицизма и тех мертвых канонов старой театральной школы, которые они отстаивали. Он стремился к национально-самобытному искусству, «простому» и «натуральному», которое было бы понятно и близко народу. Едва ли не первым в театральной критике Аксаков оценил принципиальное, новаторское значение игры Щепкина и Мочалова. С поразительной чуткостью он понял, что будущее русского сценического искусства связано с теми принципами игры, которые утверждали своим творчеством Мочалов и особенно Щепкин (см. вступительную статью к т. 1 наст. изд.).

На статьях Аксакова лежит печать его индивидуальности. В своих критических выступлениях он не тяготел к широким теоретическим обобщениям, хотя и не игнорировал их. Его интерес преимущественно сосредоточен на конкретном разборе спектакля. Замечательная особенность его статей – в скрупулезном, точном и тонком анализе актерской

игры, спектакля в целом, в умении глубоко понять театральное представление с точки зрения требований жизненной правды. Свои наблюдения Аксаков чаще всего выражает в форме коротких рецензий или заметок-обзоров, в которых с заботливостью друга, с требовательностью критика и режиссера разбирает все мельчайшие подробности спектакля. От его внимательного, острого взгляда не ускользает ничего – он фиксирует неточный жест актера или неверную интонацию в произношении фразы, мелкую ошибку в костюме или нетвердое знание роли в какой-нибудь даже крохотной реплике. Особенно заботился Аксаков о том, чтобы актер правильно понимал свою роль, чтобы он был способен раскрыть характер того образа, который он воплощает. Известно, что в те времена режиссура спектакля была чрезвычайно слаба и единое художественное руководство нередко и вовсе отсутствовало, – в этих условиях статья, рецензия, заметка Аксакова оказывали актеру неоценимую практическую помощь.

Чрезвычайно интересно свидетельство одного из современников: «Аксаков стоял на ка-

ком-то пьедестале. Не имея никаких прав и служебной силы по театру... Аксаков раздавал славу актерам и определял достоинства пьес» (М. А. Дмитриев, Воспоминания, Л. Б., ф. Музейный, М. 8184/1, ч. II, л. 13). И в другом месте, говоря о молодых годах Аксакова, тот же автор замечает, что он, Аксаков, «имел в отношении к литературе и тогда большое достоинство – именно: строгий вкус и чрезвычайную верность в оценке литературных произведений. Стихотворения или драматические пьесы, прошедшие через его строгую цензуру, могли быть уверены или в своем достоинстве, или в вернейшем указании всех недостатков. В этих изустных критиках он обнимал в целом произведение и все его подробности от малейших оттенков и в худом и в хорошем» (там же, л. 2).

Театрально-критическое и публицистическое наследство Аксакова не велико по объему. Последующие розыски в архивах и в современной писателю периодической печати, несомненно, могут обогатить эту часть наследия Аксакова новыми текстами.

Несмотря на то, что отдельные помещае-

мые здесь рецензии и заметки посвящены, казалось, частным вопросам, в своей совокупности они, однако, дают достаточно яркое представление о процессе формирования эстетической мысли Аксакова, о ее общем направлении и развитии, а кроме того – содержат в себе ценный материал для суждений о различных явлениях русского театра первой половины XIX века.

Хотя некоторые оценки в литературно-критических статьях Аксакова не выдержали испытания временем и устарели, но все же эти статьи в целом не потеряли значения для современного читателя. Они прежде всего – памятник критической мысли давно минувшей эпохи. Но интерес к ним – не только исторический. В них содержится немало живых, плодотворных мыслей, а также полезный материал для характеристики различных явлений русской литературы и русского театра.

Тексты статей, рецензий и заметок Аксакова сверены с первоначальными журнальными публикациями, а в тех немногих случаях, когда они перепечатывались автором, даются

по последним прижизненным изданиям.

Письмо к редактору «Вестника Европы»*

Впервые напечатано в «Вестнике Европы», 1824, № 1, стр. 40–53. Подписано: С. А.

Трагедия Расина «Федра» в переводе М. Лобанова была впервые поставлена на петербургской сцене 9 ноября 1823 г. и в том же году вышла из печати.

«Ифигения в Авлиде» – трагедия Расина, пер. М. Лобанова.

Мысли и замечания о театре и театральном искусстве*

Впервые напечатано в «Вестнике Европы», 1825, № 4, стр. 298–305 за подписью: С. А.–в.

Полиник, Эдип – герои трагедии В. А. Озерова «Эдип в Афинах», *Магомет* – герой одноименной трагедии Вольтера.

Некрология <А. И. Писарев>*

Впервые: «Московский вестник», 1828, № 6, стр. 238–240, за подписью: А – в.

Он родился... – Биографические сведения об А. И. Писареве (год и место рождения)

здесь неточны. См. правильные данные, сообщаемые Аксаковым в «Литературных и театральных воспоминаниях» (т. 3 наст: изд., стр. 138).

Талия – в древнегреческой мифологии одна из девяти муз, покровительница комедии. *Мельпомена* – муза, покровительствующая трагедии.

Опера «Пан Твердовский»*

Впервые: «Атеней», 1828, ч. III, № 10, стр. 225–235, за подписью: *Любитель русского театра*.

Придавая большое значение «Пану Твердовскому» в истории русской оперы, Аксаков трижды на протяжении полугода выступил в печати с оценкой этого произведения. Настоящая статья является первым из трех откликов С. Т. Аксакова на оперу А. Н. Верстовского. Принадлежность статьи Аксакову не вызывает никаких сомнений. Она подписана псевдонимом, которым никто, кроме Аксакова, не подписывался и тем более, не мог подписаться в журнале, к которому сам Аксаков имел непосредственное отношение в качестве цен-

зора.

В «Литературных и театральных воспоминаниях» Аксаков рассказал о том, как он побуждал Верстовского создать русскую оперу. Для этой цели он сам принялся было даже писать либретто, написал первый акт, начал второй... но, загруженный обязанностями цензора, работу до конца не довел. «Я убедил Загоскина... – вспоминает он в тех же мемуарах, – сочинить либретто для Верстовского, и он... принялся писать оперу „Пан Твердовский“» (т. 3 наст. изд., стр. 119). Загоскин, частично использовал написанную Аксаковым цыганскую песню.

...один из первых русских комиков – имеется в виду М. Н. Загоскин.

Мая 29 дня 1828 года. – В журнальном тексте под статьей ошибочно обозначен 1826 год.

Нечто об игре г-на Щепкина*

Впервые: «Московский вестник», 1828, № 11, стр. 333–337, за подписью: *Любитель русского театра.*

«Эзоп» – «Притчи, или Эзоп у Ксанфа» – комедия-водевиль А. А. Шаховского.

«Чванство Транжирина» – имеется в виду неизданная комедия А. А. Шаховского «Чванливый Транжирин, или Следствие полубарских затей».

«Урок старикам» – комедия французского драматурга К. Делавиня.

«Пан Твердовский»*

Впервые: «Драматическое прибавление к „Московскому вестнику“», 1828, № I, стр. 10–13, за подписью: *Любитель русского театра*.

Это одна из трех частей коллективной рецензии на постановку в Москве оперы А. Н. Верстовского «Пан Твердовский». Остальные две части рецензии были подписаны буквами «S» (С. П. Шевырев) и «M» (Н. А. Мельгунов).

«Отелло, или Венецианский мавр»*

Впервые: «Драматическое прибавление к „Московскому вестнику“», 1828, № II, стр. 1–8, за подписью: *Любитель русского театра*.

Опера «Пан Твердовский» и «Пять лет в два часа, или Как дороги утки»*

Впервые: «Драматическое прибавление к „Московскому вестнику“», 1828, № III, стр. 1–8, за подписью: *Любитель русского театра*.

«Пожарский» и «Король и пастух»*

Впервые: «Драматическое прибавление к „Московскому вестнику“», 1828, № IV, стр. 1–8, за подписью: *Любитель русского театра*.

«Батюшкина дочка» и «Дядя напрокат»*

Впервые: «Драматическое прибавление к „Московскому вестнику“», 1828, № V, стр. 7–14, за подписью: *Л. Р. Т.* (т. е. Любитель Русского Театра).

1-е письмо из Петербурга к издателю «Московского вестника»*

Впервые: «Московский вестник», 1828, № 19–20, стр. 378–380, за подписью: *Л. Р. Т.*

2-е письмо из Петербурга к издателю «Московского вестника»*

Впервые: «Московский вестник», 1828, № 21–22, стр. 148–154, за подписью: *Л. Р. Т.*

Это «Письмо» принадлежит к числу самых

замечательных выступлений Аксакова – театрального критика. Много лет спустя о нем вспомнил в своей знаменитой статье «Мочалов в роли Гамлета» (1838) Белинский: «Все это мы говорим отнюдь не для того, чтобы поднять Мочалова: его талант, этот, по выражению одного литератора, самородок чистого золота...» (В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. II, АН СССР, М. 1953, стр. 303). Здесь имеются в виду следующие строки из «Письма» Аксакова: «Это золото, еще в горниле неочищенное; алмаз в коре, еще неограниченный» (наст. том, стр. 60).

Письмо в Петербург <О французском спектакле в Москве>*

Впервые: «Галатее», 1829, № 2, стр. 104–108, за подписью: А – в.

«Письмо» Аксакова вызвало «Антикритику», подписанную буквой В*** (Василий Ушаков) и напечатанную в «Галатее», 1829, № 4. Полагая, что «частное суждение г. А...ва об актерах, составляющих французскую труппу, довольно справедливо» и что «г. А...в судил как человек сведущий», автор «Антикрити-

ки» считает, однако, что Аксаков в своих оценках французского театра «судил слишком скоро и по одному спектаклю, а может быть, и с некоторым предубеждением против галломанов, что весьма простительно для русского»,

В. А. Ушаков был близким сотрудником Н. Полевого, в середине 30-х гг. эволюционировал вправо и стал писать для реакционной «Северной пчелы».

«Севильский цирюльник» и «Ворожея, или Танцы духов»*

Впервые: «Галатее», 1829, № 3, стр. 165–170, за подписью: С. А – в.

«Федор Григорьевич Волков» и «Механические фигуры»*

Впервые: «Галатее», 1829, № 5, стр. 282–286, за подписью: С. А – в.

Одно место в этой рецензии (конец первого абзаца) напечатано в «Галатее» неисправно и в таком виде воспроизведено в т. IV. Поли. собр. соч. С. Т. Аксакова (СПб. 1886). Между тем в следующей, шестой книжке «Галатее»

редакция дала поправку с ссылкой на рукопись Аксакова.

О другом Михеиче сказать этого еще нельзя – намек на издателя «Московского телеграфа» Н. А. Полевого. Михеич – Фаддей Михеевич Михеев – образ невежды в водевиле А. Шаховского «Федор Григорьевич Волков, или День рождения русского театра». Примечание, несомненно, принадлежит С. Т. Аксакову.

Ответ на антикритику г-на В. У.*

Впервые: «Галатея», 1829, № 6, стр. 347–348, за подписью: С. Аксаков.

Эта полемическая заметка, как явствует из ее содержания, вызвана «Антикритикой» В. У. (Ушакова), напечатанной в «Московском телеграфе», 1829, № 1, стр. 142–144, с таким подзаголовком: «О замечаниях г-на С. А-ва в № 3-м „Галатеи“». Статья Ушакова содержала грубые выпады против Аксакова, взявшего, по словам критика «Московского телеграфа», «на откуп раздачу театральной славы».

Чрезвычайно интересно, что позиция Аксакова в полемике с Ушаковым была публично поддержана М. Щепкиным и П. Мочало-

вым. В той же шестой книжке «Галатеи» вслед за «Ответом» Аксакова было помещено открытое письмо к издателю «Галатеи» за подписями обоих артистов:

«Покорнейше просим г. издателя „Галатеи“ напечатать в своем журнале, что мы, артисты императорского Московского театра, никогда не говорили г-ну В. У. и никому о неуважении нашем к замечаниям г-на Аксакова и просим его, В. У., не вмешивать нас в свои антикритики. Напротив, мы все замечания об игре актеров уважаем и читаем со вниманием и благодарностью.

М. Щепкин.

П. Мочалов.

1829 года. Февраля 4 дня.

Р. С. Мы уверены, что и другие товарищи наши не имеют такого излишнего самолюбия».

«Разбойники»*

Впервые: «Галатея», 1829, № 7, стр. 46–48, за подписью: С. А – в.

«Каменщик» и «Праздник колонистов

близ столицы»*

Впервые: «Галатея», 1829, № 8, стр. 104–106,
за подписью: С. А – в.

Последний ответ г-ну под фирмою «В. У.»

Впервые: «Галатея», 1829, № 8, стр. 104–106,
за подписью: С. А – в.

Эта заметка Аксакова является продолжением полемики с критиком «Московского телеграфа» Василием Ушаковым (см. наст. том, стр. 71. «Ответ на антикритику г-на В. У.»). В. Ушаков поместил в «Московском телеграфе» (1829, № 2, стр. 294–299) новую статью: «Ответ на ответ г-на С. Аксакова», в которой продолжал обвинять Аксакова в том, что тот пытается «присвоить себе исключительную привилегию быть судьей театрального дела». Ответом на эту заметку Ушакова и является настоящее выступление Аксакова.

Отметим лишь, что оно не исчерпало истории взаимоотношений между Аксаковым и Ушаковым. 12 мая 1830 г. Аксаков писал Шевыреву: «Друг Видока-Булгарина, его достойный Жермани из третьего действия „Жизни игрока“ и наружностью и душою, одним сло-

вом Ушаков, написал на меня такой гнусный пасквиль за перевод „Скупого“, которого я не желаю читать вам, ибо вы, любя меня, оскорбитесь. Если б не куча детей, то надобно бы драться с ним или просто бить его. И вдобавок, никто из журналистов ни слова!» (С. Т. Аксаков, Полн. собр. соч., т. III, СПб. 1886, стр. 438).

...суждения... изложенные во 2-м письме из Петербурга – см. в наст. томе, стр. 58–60.

Ответ г-ну Н. Полевому на его выходку во 2-м номере «Московского телеграфа»*

Впервые: «Галатея», 1829, № 9, стр. 168–169, за подписью: С. А – в.

Содержащийся в рецензии С. Т. Аксакова на постановку водевиля А. А. Шаховского, «Федор Григорьевич Волков...» выпад против Н. Полевого вызвал резкий отклик со стороны издателя «Московского телеграфа». Во второй книжке этого журнала за 1829 г. он выступил с антикритикой против Аксакова. Таким образом, в одном номере «Московского телеграфа» было напечатано два полемических выступления против Аксакова: В. Ушакова и Н.

Полевого.

Настоящая полемическая заметка С. Т. Аксакова является ответом на антикритику Н. Полевого. Об отношении Аксакова и Полевого см. т. 3 наст. изд., стр. 381–382.

...приводит два последние стиха VIII сатиры – имеются в виду стихи:

*«Благодарю творца, что я в числе
скотов!
Божусь, что человек глупее нас,
ослов!»*

<Об игре актера Брянского>*

Впервые: «Галатея», 1829, № 20, стр. 247–251, за подписью: С. А – в.

«Обриева собака», «Дипломат», «Новый Парис», «Семик»*

Впервые: «Галатея», 1829, № 26, стр. 268–272, за подписью: С. А – в.

«Обриева собака» – мелодрама, перев. с франц. А. Шеллера.

«Юрий Милославский, или Русские в 1612 году»*

Впервые: «Московский вестник», 1830, № 1, стр. 75–90, за подписью: С. А – в.

Перепечатано в книге «Разные сочинения С. Аксакова» (М. 1858), в «Приложениях», стр. 389–404. Воспроизводится текст этого последнего прижизненного издания.

Аксаков сопровождал «Приложения» короткой вступительной заметкой «От сочинителя», объясняющей мотивы, по которым автор решил перепечатать почти три десятилетия спустя несколько своих критических статей: «Прилагаемая статейка „О заслугах князя Шаховского в драматической словесности“ (см. наст. том, стр. 112), а равно и последующая за ней критика на „Юрия Милославского“ могут иметь тот интерес для любознательного читателя, что представляют, так сказать, наглядным образом состояние критики вообще в 1830 году. Писавши о моих коротких приятелях по настоятельному их желанию, я предупреждал их заранее, что мои статьи будут беспристрастны, что (по крайнему моему разумению), похвалив хорошее, я непременно замечу недостатки. Оба говорили, что они именно того желают – и оба остались недо-

вольны, особенно кн. Шаховской. Может быть, опасаясь показаться пристрастным, опасаясь, чтоб моих статей не назвали дружескими панегириками, я впал в противоположную крайность: говоря о лирико-патриотических стихотворениях князя Шаховского, я выразился слишком резко. Разбирая же „Юрия Милославского“ и обвиняя автора за слабый характер героя в романе, мне бы следовало вспомнить, что многие герои в романах Вальтер-Скотта не лучше Юрия Милославского и что мне не следовало подсмеиваться над ним. Главное достоинство романа Загоскина – народность, русский дух, которым проникнуты многие действующие лица, были мною почти не замечены. Двадцатипятилетний промежуток в нашей литературе стоит целого века. Мои статьи служат тому убедительным доказательством для меня самого» («Разные сочинения С. Аксакова», М. 1858, стр. 379–380).

Статья Аксакова о «Юрии Милославском» обратила на себя внимание Пушкина. В небольшой заметке о том же романе, вскоре появившейся в «Литературной газете», приве-

дя примеры некоторых языковых и стилистических погрешностей, Пушкин упомянул о статье Аксакова: «Но сии мелкие погрешности и другие, замеченные в I № „Московского вестника“ нынешнего года, не могут повредить блистательному, вполне заслуженному успеху „Юрия Милославского“» (А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., изд. АН СССР, 1949, т. 11. стр. 93).

Рекомендация министра*

Впервые: «Московский вестник», 1830, № 1, стр. 118–121, за подписью: *N.*

Этот сатирический фельетон С. Т. Аксакова был напечатан в «Московском вестнике», в разделе «Нравы», вместе с двумя другими заметками, также, по-видимому, принадлежащими перу Аксакова. «Рекомендации министра» было предпослано следующее примечание издателя журнала М. Погодина: «Издатель получил сии статьи при следующем письме: „Посылая, м. г., в объявленное вами отделение вашего журнала *Нравы* три статьи, я спрашиваю вас, можете ли вы напечатать некоторые статьи о злоупотреблениях, пре-

имуущественно тех, кои можно делать на полицейских местах. Прося у вас ответа печатного, имею честь и проч. Декабря 21. 1829“. Благодаря вас за присланные статьи, уведомляю касательно прочих, что мы имеем законную цензуру, которая, разумеется, не пропустит непозволительного. В ободрение вам указываю еще на примеры негодяев полицейских, представленные в „Выжигине“ и принятые благосклонно от высшего начальства. От себя скажу вам только, что, благодарный за общие замечания, я не потерплю личностей и не напечатаю ни слова из тех статей ваших, где их замечу, ваш покорный слуга. *Издатель*».

Принадлежность фельетона С. Т. Аксакову была впервые отмечена Н. Барсуковым (см. «Жизнь и труды Погодина», т. III, СПб. 1890, стр. 81–85).

Появление в печати фельетона Аксакова вызвало шумную реакцию в официальных кругах Москвы и Петербурга и угрожало автору серьезными последствиями. «Но все это видно, – писал Аксакову его отец Тимофей Степанович, – что ты себе наделал неприят-

лей своим невоздержанным сочинением критическим, а может быть, и другими разговорами» («Русский архив», 1894, № 9, стр. 134). Нависла угроза и над журналом и над его издателем. 19 февраля 1830 г. Погодин писал Шевыреву: «Мы ожидаем еще, чем это кончится для нас, т. е. меня, как издателя, и Аксакова, как сочинителя, который вызвался сам и объявил свое имя, когда стали спрашивать у меня. Надеемся, что не будет никакой неприятности. Я готов бы перенести ее, но боюсь за Аксакова. Впрочем, после его благородного вызова, да и по незначительности статьи нельзя ожидать ничего» («Русский архив», 1882, кн. III, № 6, стр. 134–135).

История со злополучным фельетоном вызвала полицейское дознание, и на Аксакова было заведено в III Отделении специальное «дело» (см. вступительную статью к т. 1 наст. изд.).

«Дон Карлос, инфант испанский» и «Посланник»*

Впервые: «Московский вестник», 1830, № 2, стр. 221–226, за подписью: С. А.

«Посланник» – водевиль Скриба, пер. А. Таскина.

«Внучатный племянник» и «Чудные приключения и удивительное морское путешествие Пьетро Дандини»*

Впервые: «Московский вестник», 1830, № 3, стр. 325–331, за подписью: С. А – в.

Письмо к издателю «Московского вестника»*

Впервые: «Московский вестник», 1830, № 6, стр. 201–204, за подписью: А. Перепечатано в книге «Разные сочинения С. Аксакова» (М. 1858), в «Приложениях», стр. 405–408. Печатается по тексту этого издания. В журнальном тексте статья помечена датой: «1830, марта 23».

...прозвище «знаменитых друзей» – Ксенофонт Полевой в своих «Записках о жизни и сочинениях Н. А. Полевого» так объясняет происхождение этого «прозвища»: «Слова *знаменитые друзья*, или просто: *знаменитые*, на условном тогдашнем языке имели особенное значение и произошли вот каким образом. В

1821 г. Н. И. Греч издавал „Сын отечества“ вместе с Воейковым... Воейков переселился в Петербург и при посредничестве друзей умел сделаться товарищем Н. И. Греча... Воейков, сделавшись соиздателем „Сына отечества“, выпрашивал у Жуковского, Пушкина, князя Вяземского и других известных писателей стихотворения для печатания в журнале, где в то же время завел войну с „Вестником Европы“, и когда этот журнал на своем наречии объявил однажды, что *какой-то* журнал взял на откуп всех стихотворцев, Воейков с сладкою улыбкой отвечал: „Жалеем о несчастном журнале; а мы можем похвалиться, что *наши знаменитые друзья* украшают наш журнал своими бесподобными сочинениями“. Это произвело общий взрыв насмешек и негодования, потому, что Воейкова не любили, да он же оскорбил общее мнение, назвав *своими друзьями* знаменитых писателей, которые давали в журнал стихи свои не из дружбы к нему... Название *знаменитых друзей* и просто *знаменитых* стало смешным и сделалось во все не лестным эпитетом. Ближе всего означали этим словом писателей бездарных или с

маленьким дарованием, причислявших себя без всяких прав к литературным аристократам» («Николай Полевой. Материалы по истории русской литературы» <Л. 1934>, стр. 153–154).

О заслугах князя Шаховского в драматической словесности*

Впервые: «Московский вестник», 1830, № 11, стр. 230–237, за подписью: С. А. Перепечатано в книге «Разные сочинения С. Аксакова» (М. 1858), в «Приложениях», стр. 381–388. Печатается по тексту этого издания.

Разговор о скором выходе II тома «Истории русского народа»*

Впервые: «Московский вестник», 1830, № 11, стр. 281–285, за подписью: 200-1 (это был один из псевдонимов С. Т. Аксакова).

Том I «Истории русского народа» Н. Полевого вышел из печати в 1829 г. Полемически направленный против концепции «Истории государства Российского» Карамзина, труд Полевого вызвал вокруг себя острые споры. Настоящая заметка Аксакова отражает отноше-

ние части русской журналистики к Полевому и его «Истории». О своих отношениях с Полевым Аксаков рассказал в «Литературных и театральных воспоминаниях».

...пресловутого объявления об «Истории русского народа», напечатанного при 80-м номере «Московских ведомостей» в 1829 году. – Текст этого обширного объявления начинался так: «Доныне не было у нас Истории великого отечества нашего, которая, представляя вполне события, совершившиеся в русской земле, являла бы взорам просвещенного наблюдателя картину судеб России в течение девяти с половиною веков, от начала русского народа до нашего времени». Отмеченный недостаток Н. Полевой обещал отчасти восполнить своим трудом, состоящим из двенадцати якобы уже законченных томов. В объявлении указывалось, что первые тома уже печатаются, что в текущем, 1829 году будут опубликованы два тома и все издание завершится в 1830 году. В заключение Н. Полевой уведомлял об открытии подписки на свою «Историю».

Это широковещательное объявление Н.

Полевого дало повод к многочисленным ироническим замечаниям в его адрес. «История русского народа» оказалась значительно меньшей по объему, и в издании ее автор не выдержал обещанных сроков. Всего вышло из печати шесть томов: первый – в 1829 г., второй и третий – в 1830, а последующие три – в 1833 г.

Адрианопольский трактат – Адрианопольский мирный договор, заключенный в 1829 году между Россией и Турцией после победоносно законченной для России войны 1828–1829 гг.

Междуцарствие – так называли период русской истории от смерти царя Федора Ивановича (1598) до восшествия на престол Михаила Федоровича Романова (1613).

Испытание в искусствах воспитанников и воспитанниц школы Императорского Московского театра*

Впервые: «Молва», 1832, № 31, стр. 121–124, за подписью: С. А – в.

«Марфа и угар», «Женщина-лунатик»,

«Новый Парис»*

Впервые: «Молва», 1832, № 33, стр. 130–131,
за подписью: С. А.

«Благородный театр» и «Кеттли»*

Впервые: «Молва», 1832, № 35, стр. 138–139,
за подписью: С. А.

«Горе от ума» и «Мельники»*

Впервые: «Молва», 1832, № 35, стр. 139–140,
за подписью: С. А.

«Графиня поселянка», «Две записки», «Чертов колпак»*

Впервые: «Молва», 1832, № 42, стр. 165–166,
за подписью: С. А.

«Маскарад», «Рауль Синяя Борода», «Швейцарская молочница», «Домашний маскарад»*

Впервые: «Молва», 1832, № 44, стр. 174–176,
за подписью: С. А.

Письмо из Москвы*

Впервые: «Молва», 1832, № 46, стр. 183–184,

за подписью: С. А.

После статьи, напечатанной в «Молве»... – см. стр. 120.

«Ненависть к людям и раскаяние»*

Впервые: «Молва», 1832, № 48, стр. 189–191, за подписью: С. А.

Эта в свое время популярная на русской сцене комедия А. Коцебу была издана в переводе И. Репьева (СПб. 1792) и А. Малиновского (М. 1796).

Антикритика*

Впервые: «Молва», 1832, № 49, стр. 194–195, за подписью: С. А.

Упоминаемый Аксаковым «критический разбор» «Марфы Посадницы» («Сын отечества», 1832, № 20, стр. 330–352) был подписан инициалами Н. Ю. и содержал в себе резко отрицательную оценку трагедии Погодина.

Письмо к друзьям Гоголя*

Впервые: «Московские ведомости», 1852, № 32, от 13 марта, стр. 328, за подписью: С. А.

Воспоминание о Михаиле Николаевиче Загоскине*

Впервые: «Московские ведомости», 1852, № 87, от 19 июля, стр. 898, за подписью: С. А – в.

Несколько слов о биографии Гоголя*

Впервые: «Московские ведомости», 1853, № 35, от 21 марта, стр. 360–361, за подписью: С. А – в.

Эта статья была написана по случаю первой годовщины со дня смерти Гоголя. О замысле статьи С. Т. Аксаков сообщал 27 февраля 1853 г. Тургеневу: «21 февраля, в день кончины Гоголя, написал я несколько слов о нем, желая сообщить мои мысли о составлении биографии Гоголя тем господам, которые весьма легкомысленно принимаются за это важное дело» («Русское обозрение», 1894, № 9, стр. 19).

...благородной статьи одного из жителей Курской губернии в защиту Гоголя. – Эта статья – «Отзыв провинциала на статью о Гоголе, помещенную в „Северной пчеле“» – была опубликована в «Московских ведомостях»,

1852, № 76.

...перемешанные с известиями о модных платьях и катаньях. – По-видимому, речь идет о статье Г. Данилевского «Хуторок близ Диканьки», напечатанной в № 124 «Московских ведомостей» за 1852 г.

...когда сам исправляющий их впадает в другие ошибки. – Имеется в виду статья «Выправки некоторых биографических известий о Гоголе», в которой анонимный автор, справедливо во многих случаях полемизируя со статьей Г. Данилевского (см. пред. примеч.), сам, однако, допустил ряд существенных фактических погрешностей в освещении биографии Гоголя.

...скрытое под формую повести. – Речь идет, несомненно, о повести Е. И. Вельтман – жены известного романиста и археолога – «Виктор», напечатанной в «Москвитянине», 1853, №№ 2, 3, 4. По поводу этого очень слабого в художественном отношении произведения С. Т. Аксаков с возмущением писал И. С. Тургеневу: «Эта... женщина вздумала мимоходом попачкать славу Гоголя. Оба они с мужем всегда шипели около себя хулу и клевету на

Гоголя, а теперь осмелились даже и печатно поплевать на его память. Я сейчас уведомил об этом Погодина, а он с своей молодой редакцией и не узнал, что у него в журнале напечатано. Надобно бы ее показнить несколькими строками равнодушия и презрения, да негде, да еще, пожалуй, и не пропустят» («Русское обозрение», 1894, № 9, стр. 19).

...некогда сказанное мною. – См. наст. том, стр. 141.

...число всех писем может простираться до нескольких сотен. – Эпистолярное наследство Гоголя гораздо более велико по объему. Ныне выявлено свыше тысячи трехсот его писем.

Биография Михаила Николаевича Загоскина*

Впервые: «Москвитянин», 1853, т. I, № 1, стр. 17–72 и одновременно отдельным оттиском.

Опубликовав в июле 1852 г. короткое воспоминание о недавно умершем М. Н. Загоскине, С. Т. Аксаков тогда же заметил, что он предоставляет другим впоследствии напи-

сать полную биографию этого человека. Но уже несколько месяцев спустя Аксаков сам занялся за такую большую биографию и очень быстро ее закончил. Почти вся литературная деятельность Загоскина прошла на глазах Аксакова. Они были близко знакомы три с половиной десятилетия. Стремясь к возможно более объективной оценке творчества своего друга, Аксаков в этой «Биографии» иногда все же поддается пристрастию дружбы, высказывая неумеренные восторги по поводу его литературных заслуг, настаивая на том, что Загоскин был «народным писателем».

Нет нужды полемизировать с С. Т. Аксаковым относительно «народности» Загоскина и его романа «Юрий Милославский», а также некоторых других преувеличенно лестных оценок творчества этого писателя. В иных случаях Аксаков словно сам с собой полемизирует. «Роман Загоскина, – писал Аксаков Шевыреву еще в 1830 г. о „Юрии Милославском“, – имеет большое достоинство: воображение, жизнь, теплоту и веселость, но часть художническая – в младенческом положении; глубины также нет» («Русский архив», 1878,

№ 5, стр. 50). Позднее в других своих высказываниях он еще ближе к исторической истине оценивал талант Загоскина. Вот что он, например, писал в 1846 г. сыну Ивану: «Загоскин читал новый выпуск своих „Москвичей“ („Москва и москвичи“. – С. М.): плохо, очень плохо, особенно когда он рассуждает, а не рассказывает. Мысли детские, допотопные, невежество непостижимое и невероятная дерзость: желая уничтожить Гоголя, пишет о нравах в провинции, сидя на своем чердаке в Денежном переулке! Ему назначено умереть, не понюхав искусства. При всем усилии я не мог его похвалить. Это было особенно странно потому, что поутру он не находил слов, как похвалить мою статью, и кончил словами: „Ну, да я боюсь больше хвалить, что бы ты из учтивости не стал меня хвалить уже ввечеру“. Я отвечал ему: „Ну, брат, на это не надейся“, – оно так и случилось» (ИРЛИ, ф. 3, оп. 3, д. № 10, лл. 29–29 об.).

Вместе с тем «Биография М. Н. Загоскина» не утратила интереса для современного читателя. В этой отлично написанной полумемуарной статье содержится немало полезного

фактического материала и острых наблюдений, воскрешающих перед нами не только облик одного из очень известных в свое время русских писателей, но и какие-то живые подробности литературного быта первой половины XIX в.

Несколько лет спустя после первой публикации «Биография» была тщательно пересмотрена автором, исправлена в стилистическом отношении и затем включена в сборник «Разные сочинения» (М. 1858). Печатаем по тексту этого последнего прижизненного издания.

В «Приложениях» к статье С. Т. Аксаков поместил два дружеских письма к Загоскину – Проспера Мериме и Е. Олберга, переводчика произведений русских писателей на немецкий язык.

Не имея в руках книжек этого журнала, ничего не могу сказать о достоинстве статей Загоскина. – В журнале «Северный наблюдатель» (1817) Загоскин довольно часто печатал театральные обзоры, нравоописательные очерки, драматические сцены, подписанные различными псевдонимами: «Юве-

нал Беневольский», «Обитатель Лиговского канала», «М. З. Житель Лиговского канала» и т. д. Однажды Загоскин под псевдонимом Ювенала Беиевольского напечатал рецензию на первое представление своей собственной пьесы «Богатонов, или Провинциал в столице» («Северный наблюдатель», 1817, ч. I, № 1, стр. 22–28).

«Второй Богатонов, или Столичный житель в провинции» – эта комедия Загоскина называлась, так: «Богатонов в деревне, или Сюрприз самому себе».

Это послание, кажется, было напечатано в Петербурге, в журнале «Общества соревнователей просвещения». – Журнал «Вольного общества любителей российской словесности» назывался «Соревнователь просвещения и благотворения». Стихотворение «Послание к Н. И. Гнедичу» было напечатано в «Соревнователе просвещения и благотворения» (1821, ч. XIV, № 6, стр. 302–307).

Оба эти пьесы... в журнале которого они и напечатаны. – Стихотворение Загоскина «Авторская клятва» напечатано в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения»

(1821, ч. XV, № 7, стр. 98–105); стихотворение «Выбор жены» (у Аксакова неточно: «Выбор невесты») – в том же журнале (1821, ч. XV, № 8, стр. 227–235).

В 1830 году я написал самый строгий разбор «Юрия Милославского». – См. наст. том, стр. 88.

Вальтер Скотт испытал падение с своей историей Наполеона... – Речь идет о книге Вальтера Скотта «Life of Napoleon Bonaparte» (1827). В русском переводе она вышла в 1831–1832 гг. в Петербурге под названием «Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов».

Я считаю «Мирошева» лучшим произведением Загоскина... – Белинский, как и некоторые другие современники Загоскину критики, оценивал этот роман гораздо более критически. Белинский относил «Мирошева» к тому типу явлений в русской литературе, о которых скоро «уже не будут ни говорить, ни писать, как уже не говорят и не пишут больше о Выжигиных, – и цель нашей статьи – ускорить по возможности это вождеденное время, которое будет свидетельством, что наша ли-

тература и общественный вкус сделали еще шаг вперед...» (В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. VI, М. 1955. стр. 52).

...с известным указом в Сенат. – Речь идет о том, что Петр I якобы повелел не считать его царем, если он попадет в плен к туркам.

Несколько слов о статье «Воспоминания старого театрала»*

Впервые: «Москвитянин», 1854, т. V, № 20, «Смесь», стр. 201–202.

Эта статья Аксакова является ответом на критику, которой были подвергнуты его воспоминания о Шушерине (см. т. 2 наст. изд., стр. 326–386) со стороны С. П. Жихарева, выступившего под псевдонимом «Старый театрала» («Отечественные записки», 1854, № 10, отд. II, стр. 93–132).

Я написал тогда статью. – См. наст. том, стр. 112.

Несколько слов о М. С. Щепкине*

В конце ноября 1855 г. исполнялось пятидесятилетие сценической деятельности М. С. Щепкина. С. Т. Аксаков горячо поддержал

мысль широко отметить юбилей великого русского актера и обещал в связи с этим сочинить статью о нем. 23 мая 1855 г. он с огорчением писал своему сыну Ивану: «Кажется, никто не думает праздновать юбилей его 50-летнего театрального поприща. Конечно, времена так трудны и тяжелы, что забвение его заслуг извинительно; но я не отказываюсь от моего обещания и готов написать его театральную биографию, т. е. 50-летнюю историю его действительной службы на сцене; но ты должен для этого дела прожить у меня и много мне рассказывать, так чтобы я немедленно мог записывать, или ты должен мне доставить записку, им самим составленную, – и то и другое у нас как-то не клеится» (ИРЛИ, ф. 3, оп. 3, д. № 14, лл. 84 об. – 85).

Это – первое в аксаковской переписке упоминание о статье «Несколько слов о М. С. Щепкине». Неизвестно, устно ли сообщил Щепкин необходимые сведения Аксакову или представил ему «записку», но осенью Аксаков начал писать обещанную статью. 17 октября того же 1855 г. он сообщил сыну Ивану: «Я начал писать статью о театральном поприще

Щепкина, для его юбилея» (ИРЛИ, ф. 3. д. № 14, л. 106 об.). Статья «Несколько слов о М. С. Щепкине» писалась быстро, с большим творческим подъемом и явилась своего рода итогом тридцатилетних раздумий писателя над творчеством любимого актера. 13 ноября Аксаков писал И. С. Тургеневу: «Если его (Щепкина. – С. М.) юбилей пройдет без всяких знаков уважения к его таланту и к его постоянному художественному труду, то это будет стыдно московскому обществу. Я очистил мою совесть и приготовил статью с кратким обзорением театральной жизни Щепкина; но, к удивлению моему, покуда не вижу ни в ком горячего желания дать Щепкину обед». Аксаков затем высказывает пожелание, чтобы Тургенев письмами к своим московским знакомым помог «подвинуть это дело» и сам приехал на торжества в Москву («Русское обозрение», 1894, № 12, стр. 572–573). Тургенев в Москву приехать не смог, но о том, как он реагировал на предложение Аксакова, свидетельствует письмо последнего к сыну Ивану от 24 ноября 1855 г.: «Я написал в Петербург к Тургеневу об юбилее, и он поднял там всех на

ноги: делает подписку, собирает деньги, и пишут адрес Щепкину от имени всех литераторов, артистов и художников» (ИРЛИ, ф. 3, оп. 3, д. № 22, л. 45).

Чествование Щепкина состоялось 26 ноября. В этот день, рассказывал С. Т. Аксаков в письме к сыну Ивану, «дан был Щепкину обед в зале Училища живописи и ваяния. Посетителей было до двухсот, и в том числе несколько лиц почетных, то есть: Перфильев, Назимов, Трубецкой, Казначеев и проч. Перед обедом Константин прочел мою статью, сидя за особым столом вместе с Щепкиным, который плакал и смеялся. Слушатели, разумеется, рассыпались рукоплесканиями. Потом присланный из Петербурга депутат, актер Бурдин, прочел прекрасное поздравление Щепкину от петербургских артистов. За обедом было много спичей... Я забыл сказать, что Щепкину был прочтен адрес, прекрасно написанный, от всех петербургских литераторов; разумеется, тут были Плетнев и князь Вяземский – и не было Греча и Булгарина» (Н. Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. XIV, СПб. 1900, стр. 444–445).

Одновременно Аксаков писал художнику К. А. Трутовскому: «Празднование щепкинского юбилея было поистине прекрасно, и, конечно, оно тем приятнее для меня, что без меня его бы не было... Итак, совершилось первое празднование юбилея русского актера. Это не только торжество Щепкина, но торжество искусства вообще и сценического искусства в особенности» («Русский художественный архив», 1832, вып. II–III, стр. 132).

Статья Аксакова впервые появилась в печати в «Московских ведомостях» («Литературный отдел», 1855, № 143) и отдельным оттиском – М. 1855. С незначительными стилистическими исправлениями (около десяти) статья была перепечатана в книге «Разные сочинения С. Аксакова», М. 1858, стр. 345–361. После смерти Аксакова и Щепкина статья была помещена в качестве предисловия к «Запискам и письмам М. С. Щепкина» (М. 1864). В настоящем издании печатается по тексту «Разных сочинений».

«Зоя» – «Зоа», драма Мерсье, перев. с франц. Малиновского (М. 1789).

«Новое семейство» – комическая опера в

одном действии С. К. Вязмитинова (М. 1781).

«*Опыт искусства*» – комедия Н. Р. Судовщикова.

«*Сбитенщик*» – комическая опера в трех действиях Я. Б. Княжнина (СПБ. 1790).

«*Железная маска*» – драма в пяти действиях, переделанная с немецкого Н. Краснопольским (СПБ. 1808).

«*Великодушие, или Рекрутский набор*» – драма в трех действиях Н. Ильина (М. 1804), впервые представлена на петербургской сцене в ноябре 1803 г.

Бот – персонаж комедии «Бот, или Английский купец», перев. с франц. (СПБ. 1804); другой перевод – П. Долгорукова (М. 1804).

Досажаев – герой комедии Шеридана «Школа злословия», вышедшей в переводе, точнее, переделке, И. М. Муравьева-Апостола под названием «Досажаев» (СПБ. 1794).

Богатонов – персонаж комедии М. Н. Загоскина «Господин Богатонов, или Провинциал в столице» (СПБ. 1817).

«*Школа жен*» – комедия Мольера.

Гарпагон – герой комедии Мольера «Скупой».

Сганарель – имя героев нескольких комедий Мольера.

«*Москаль-Чаривник*» (Солдат-Чародей) и «*Наталка-Полтавка*» – комедии украинского писателя Ивана Петровича Котляревского (1769–1838).

«*Матрос*» – водевиль Соважа и Делюрье, перев. с франц. Д. Шепелева.

Письмо к редактору «Молвы» (1)*

Впервые: «Молва», 1857, № 1, стр. 10–11, за подписью: *Сотрудник «Молвы» 1832 года* (о сотрудничестве Аксакова в «Молве» 1857 г. см. вступительную статью к т. 1 наст. изд.).

Категорическое указание Аксакова на то, что *П. Щ.* – это Н. И. Надеждин, опровергается... самим Надеждиным, сообщавшим в 1835 г. Е. В. Сухово-Кобылиной, что статьи *П. Щ.* написаны не кем иным, как «отцом Аксаковым» (ИРЛИ, ф. 199, оп. 2, д. № 47, лл. 39 об. – 40). Мысль об авторстве Аксакова в отношении статей *П. Щ.*, особенно некоторых из них, кажется весьма соблазнительной. Ее давно поддерживает ряд исследователей, например, А. И. Кондратьев, В. С. Нечаева и др. См. В. С.

Нечаева. Кому принадлежат статьи, подписанные П. Щ.? («Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», 1956, т. XV, вып. 1. стр. 38–51).

Автор этой статьи приводит обширный материал в доказательство того, что основным автором статей П. Щ. был Аксаков. И конкретным содержанием и общей своей идейной направленностью статьи П. Щ. действительно близки эстетической позиции Аксакова. Но аргументы В. С. Нецаевой вместе с тем не снимают всех вопросов и недоумений, вызываемых гипотезой об авторстве Аксакова. Среди них немаловажное значение имеет, например, вопрос о том, зачем в 1857 г., то есть спустя четверть века, Аксакову надо было отречься от столь блестящих статей и приписывать их авторство Надеждину. Соображения В. С. Нецаевой относительно того, что Аксаков не желал «обидеть» Шевырева, очень зыбки. «Шевырев был еще жив, – замечает она, – а Надеждина уже не было в живых, и ему можно было приписать какие угодно статьи» (указ. изд., стр. 51). Но какая вообще была нужда Аксакову в этой столь

хитроумной дипломатии? Если он действительно считал неудобным перед Шевыревым признавать себя автором статей П. Щ. – зачем ему надо было касаться этой темы? Кто его неволил? Не проще ли было ему обойти молчанием весь этот эпизод!!

В последние годы все более обоснованным становится убеждение, что автором статей, подписанных инициалами «П. Щ.», был Н. И. Надеждин (см. С. Осовцов, К спорам о псевдониме «П. Щ.» – «Русская литература», 1959, № 4).

«Три открытия в естественной истории пчелы»*

Впервые: «Молва», 1857, № 2, стр. 20, за подписью: *Сотрудник «Молвы». 1832 года.*

Письмо к редактору «Молвы» (2)*

Впервые: «Молва», 1857, № 4, стр. 49–50, за подписью: *Сотрудник «Молвы» 1832 года.*

В Петербурге скоро выйдет полное собрание сочинений Гоголя со включением его огромной переписки... – Это издание «Сочинений и писем Гоголя» в шести томах вышло в

1857 г; под редакцией П. Кулиша; В него вошло всего 780 писем (см. примеч. к стр. 149).

<О романе Ю. Жадовской «В стороне от большого света»>*

Впервые: «Молва», 1857, № 8, стр. 92–93, за подписью; *Сотрудник «Молвы» 1832 года*; статья напечатана без названия.

...вероятно, той самой, которой стихи... – Стихи Ю. В. Жадовской вызвали сочувственную оценку Добролюбова, а роман «В стороне от большого света» он назвал «замечательным» (Н. А. Добролюбов, Полн. собр. соч., 1934, т. I, стр. 368–379).

Короткая заметка С. Т. Аксакова о романе Ю. Жадовской интересна тем, что она содержит несколько любопытных деталей для характеристики эстетических взглядов Аксакова в 50-е годы.

Избранные стихотворения*

С. Т. Аксаков был «убежденным» прозаиком. Но поэт в душе, он очень любил стихи и писал их с необычайным увлечением на протяжении почти всей своей жизни – с юноше-

ских лет до глубокой старости. Это увлечение было особенно сильным в молодости, когда он не только писал оригинальные лирические стихи «для души», но и переводил стихами крупные драматические произведения – например, Софоклова «Филоктета» и комедию Мольера «Школа мужей». Впрочем, Аксаков никогда не придавал серьезного значения своему стихотворчеству. В 1854 г. он писал Тургеневу: «Стихи мои имели все пороки своего времени, но стихов оригинальных я никогда не печатал» («Русское обозрение», 1894, № 11, стр. 18). Аксаков запомнил. Некоторые его стихи, не только переводные, но и оригинальные, появлялись в печати при жизни писателя, за его подписью или под псевдонимами.

Разумеется, не следует преувеличивать художественного значения стихов Аксакова. Не отличаясь очень высокой поэтической культурой, они все же привлекательны простотой и искренностью, с какой выражены в них настроение, душевное состояние лирического героя, чаще всего самого автора. Часть аксаковских стихотворений носит шуточный ха-

рактер и вызвана различными обстоятельствомами семейной жизни писателя, а также впечатлениями страстного рыболова и охотника. Стихи Аксакова глубоко автобиографичны, и в этом прежде всего состоит их интерес для современного читателя.

Все стихи расположены в хронологическом порядке по времени их написания.

Три канарейки*

Впервые: «Русский вестник», 1812, № 7, стр. 57–61, за подписью: *С. Аксаков*.

Это стихотворение представляет собой едва ли не первое выступление С. Т. Аксакова в печати.

Затерянное в журнале «Русский вестник», оно никогда при жизни писателя не перепечатывалось и даже никогда не упоминалось в литературе об Аксакове.

А. И. Казначееву*

При жизни Аксакова в печати не появлялось. Впервые опубликовано в «Русском архиве», 1878, № 2, стр. 253–254. Воспроизводится по этому тексту. В тексте «Русского архива»

явная опечатка в первой строке: «Ах, ежели ошиблись мы с тобой, любезный друг...»

Песнь пира*

Впервые: «Труды Казанского общества любителей отечественной словесности», Казань, 1815, кн. 1, стр. 292–293, за подписью: *Сергей Аксаков*.

Время написания этого и следующего стихотворений неизвестно. Можно предполагать, что они были написаны вскоре после выхода Аксакова из Казанского университета и, во всяком случае, не позднее конца 1800-х годов.

«За престолы в мире...»*

Впервые: «Труды Казанского общества любителей отечественной словесности», Казань, 1815, кн. 1, стр. 293–294, за подписью: *Сергей Аксаков*.

«Юных лет моих желанье...»*

Впервые: С. Т. Аксаков. Собр. соч. в четырех томах, т. 3, М. 1956 – по автографу, находящемуся в «Книге для всякой всячины», начатой

Аксаковым в 1815 г. (Л. Б., ГАИС III, VII/I, л. 10). К стихотворению рукой автора была сделана приписка: «Сия мечта сбылась». По-видимому, стихотворение было написано до 1816 г., то есть до женитьбы Аксакова на Ольге Семеновне Заплатиной. Надо полагать, что именно в связи с этим событием и появилась приписка.

«Вот родина моя...»*

Впервые: С. Т. Аксаков. Собр. соч. в четырех томах, т. 3. М. 1956 – по черновому автографу (ЦГАЛИ, ф. 10, оп. 1, д. № 75, лл. 1–1 об.).

Стихотворение было написано Аксаковым в конце 10-х или в самом начале 20-х годов и отправлено в письме к сестре, Надежде Тимофеевне, в Петербург, «на строгий суд». В этом письме он сообщал из Оренбургского края: «У нас совершенный неурожай и даже голод, почему места наши еще кажутся более печальными, а я было начал писать стихи к своей родине; только видя, что они слишком несправедливы, решил их оставить». Перед нами, очевидно, отрывок из обширного и незавершенного стихотворения (ср. ЦГАЛИ, ф.

Послание к кн. Вяземскому*

Впервые: «Вестник Европы», 1821, № 9, стр. 12–14, за подписью: «200-1».

Редактор «Вестника Европы» М. Каченовский, не поставив в известность автора, самовольно озаглавил стихотворение: «Послание к Птелинскому-Ульминскому» и соответственно заменил фамилию Вяземского в тексте (об этом, а также об обстоятельствах, вызвавших появление этого пародийно-сатирического стихотворения, см. во вступительной статье к т. 1 наст. изд.; см. также «Литературные и театральные воспоминания», т. 3 наст. изд.).

Быв «знаменитыми» издателей друзьями – см. примеч. к статье «Письмо к издателю „Московского вестника“» (наст. том, стр. 431).

Элегия в новом вкусе*

Впервые: «Вестник Европы», 1821, № 9, стр. 15–17, за подписью: *Подражаев*.

Стихотворение было сопровождено примечанием редактора «Вестника Европы»: «Чи-

тавши в рукописи эту „Элегию“, некоторые строгие критики, или, прямо скажем, зоилы, осмеливались утверждать, будто бы в ней не заключается никакого смысла. Пускай и так; зато уж какой слог! какой язык! Кому не известна привязчивость педантов? Но кто же и смотрит на их требования? Истинный поэт, человек со вкусом, гений не имеет нужды в правилах; он скажет: так пишут! И педанты посрамлены!»

В «Литературных и театральных воспоминаниях» Аксаков утверждал, что его «Элегия в новом вкусе» явилась выражением «Протеста против туманно-мечтательных стихотворений, порожденных подражанием Жуковскому» (т. 3 наст. изд., стр. 48). «Элегия» Представляла собой пародию на стихотворение П. А. Вяземского «Вечер на Волге».

Уральский казак*

Впервые: «Вестник Европы», 1821, № 14, стр. 88–90, за подписью: С. Аксаков.

В «Литературных и театральных воспоминаниях» Аксаков назвал это стихотворение «слабым и бледный подражанием „Черной

шали“ Пушкина» (т. 3 наст. изд., стр. 48).

Стихотворение стало популярной народной песней.

Послание к Васькову*

Впервые: С. Т. Аксаков. Собр. соч. в четырех томах, т. 3, М. 1956 – по автографу, находящемуся в «Книге для всякой всячины» (Л: Б., ГА-ИС III, VII/I, л. 34). Написано, по-видимому, в первой половине 20-х годов.

Роза и пчела*

Впервые: «Труды Общества любителей российской словесности», 1822, ч. 1; стр. 178–180, за подписью: С. Аксаков.

8-я сатира Буало «На человека»*

Это вольный перевод, а местами даже переделка «на русские нравы» сатиры Буало (см. вступительную статью к т. 1 наст. изд.). Она публиковалась Аксаковым отдельными отрывками.

Отрывок I был напечатан в «Трудах Общества любителей российской словесности», 1824, ч. 4, стр. 256–261, за подписью: Аксаков;

отрывки II и IV – в «Московском вестнике», 1829, ч. I, стр. 183–187, за подписью: А, и датированы 1823 г.; отрывок III – в «Трудах Общества любителей российской словесности», 1828, ч. 7, стр. 155–158, за подписью: С. Аксаков, и помечен датой: «1823 год, в марте».

Этот отрывок был сопровожден подстрочным примечанием Аксакова: «Вся сатира есть разговор ученого профессора и сатирика. Последний описывал пагубные действия воинского искусства. Ученый возражает».

Фарос – небольшой островок в дельте Нила, знаменитый своим маяком; это слово стало нарицательным обозначением маяка.

И нищие <и поп> и мастер гробовой. – В тексте «Московского вестника» слова «и поп» отсутствуют. Они появились в четвертом томе Полн. собр. соч. С. Т. Аксакова (СПб. 1886), которое выходило под наблюдением И. С. Аксакова, вероятно, восстановившего цензурную купюру. Предположение, что здесь имела место купюра, подтверждается тем, что отсутствие указанных слов явно нарушает строгий размер стихотворения.

Послание к брату*

Не полностью впервые напечатано в «Письмах С. Т., К. С. и И. С. Аксаковых к И. С. Тургеневу» («Русское обозрение», 1894, № 11, стр. 19–21).

Это стихотворение было написано Аксаковым в форме послания к брату Аркадию Тимофеевичу. Несколько десятилетий спустя автор вспомнил свое давнишнее послание и в письме к И. С. Тургеневу от 22 августа 1854 г. процитировал его, сопроводив следующим комментарием: «Мне пришла фантазия послать вам послание мое к брату, писанное около 37 лет тому назад; я отрубил ему голову и хвост. Стихи, конечно, несовременные, но иное схвачено верно и вам, как охотнику, может быть приятно» («Русское обозрение», 1894, № 11, стр. 21). «Около 37 лет тому назад» – значит, Аксакову казалось, что стихотворение было написано около 1817 г. Между тем в сохранившейся рукописной копии стихотворения стоит дата, представляющаяся нам более вероятной: «Надежино, 1823, сентябрь» (ИРЛИ, ф. 3, оп. 11, д. № 1).

Тургенев, прочитав стихотворение Аксако-

ва, согласился с его оценкой: «Стихи ваши хотя и старой фактуры, как вы говорите, но исполнены жизни» («Вестник Европы», 1894, № 2, стр. 488).

Текст стихотворения печатается по указанной выше рукописной копии, в которой сохранились первые двадцать строк, «отрубленные» Аксаковым в письме к Тургеневу.

Осень*

Впервые: С. Т. Аксаков. Собр. соч. в четырех томах, т. 3, М. 1956 – по копии, написанной рукой Ольги Григорьевны Аксаковой, внучки писателя (ИРЛИ, ф. 3, оп. 11, д. № 1, лл. 3–7).

В копии этого стихотворения имеется следующая приписка: «В случае если стихи С. Т. войдут в полное издание собрания сочинений С. Т. Аксакова, то покорнейше прошу напечатать этот P. S. <см. в наст. томе, стр. 257> и в виде замечания прибавить, что С. Т. никогда не считал себя хорошим стихотворцем, хотя и был поэтом в душе и один из первых оценил Пушкина. Внук С. Т. Аксакова Сергей Аксаков».

Рыбачье горе*

Впервые: «Московский вестник», 1829, ч. I, стр. 149–155, за подписью: С. Аксаков.

Послание в деревню*

Впервые: «Телескоп», 1831, ч. III, № 11, стр. 300–303, за подписью: С. А – в.

Это стихотворение Аксакова, представляющее определенный автобиографический интерес, оказалось затерянным в журнале и не было зарегистрировано в аксаковской библиографии.

Стихотворение это, по-видимому, нравилось самому автору. 12 мая 1830 г. он в письме к Шевыреву процитировал третью строфу стихотворения и заметил: «Вот вам и стихи, мой возлюбленный. Весною так стало грустно мне по деревне, что я написал строф десяток и одну вам сообщил» («Русский архив», 1878, кн. II, № 5, стр. 52). Аксаков снова вспомнил об этом стихотворении два с половиной десятилетия спустя и процитировал две строфы из него (четвертую и пятую) в «Семейной хронике» (наст. изд., т. 1, стр. 67).

Стансы*

Впервые опубликовано в кн. Н. Пахомова «Абрамцево. Музей-усадьба АН СССР» («Московский рабочий», 1953, стр. 32–33).

Вторая строка «Стансов» звучит в этой первой публикации так: «Перенести судьбы неправость». Между тем у Аксакова речь идет не о «судьбе», а о «царе»: «Перенести царя неправость». Текст стихотворения, напечатанный Н. Пахомовым, взят из семейного аксаковского альбома, датированного 1847 г. и хранящегося в музее «Абрамцево». В настоящем издании воспроизводится текст, относящийся к более позднему времени – к 1857 г. Это запись в другом семейном альбоме, сделанная рукой одной из дочерей писателя и подписанная С. Т. Аксаковым (ЦГАЛИ, ф. 10, оп. 2, д. № 3, лл. 9–9 об.).

Стихотворение это было написано в связи с «высочайшим повелением» об освобождении Аксакова от должности цензора (см, вступительную статью к т. 1 наст. изд.).

К Грише*

Впервые: С. Т. Аксаков. Собр. соч. в четырех

томах, т. 3, М. 1956 – по тексту аксаковского альбома «Семейные стихотворения, писанные на разные случаи до 1841 года. Москва, Аксаковых», хранящегося в ИРЛИ, ф. 3, оп. 11, д. № 2, л. 7.

«Поверьте, больше нет мученья...»*

Впервые: С. Т. Аксаков. Собр. соч. в четырех томах, т. 3, М. 1956 – по тексту альбома «Семейные стихотворения» (ИРЛИ, ф. 3. оп. 11, д. № 2, лл. 10–10 об.).

Приближавшаяся старость лишала С. Т. Аксакова возможности часто ездить в свое далекое поместье в Оренбургском крае. Возникла мысль о приобретении небольшого имения в Подмосковье. Эти стихи отразили настроения писателя, связанные с поисками имения в 1843 г.

«Сплывайтесь тихо...»*

Впервые: С. Т. Аксаков. Собр. соч. в четырех томах, т. 3, М. 1956 – по тексту альбома «Семейные стихотворения» (ИРЛИ, ф. 3, оп. 11, д. № 2, л. 13).

«Вот, наконец, за все терпенье...»*

Впервые опубликовано в кн. Н. В. Поленовой «Абрамцево. Воспоминания» (М. 1922, стр. 6). Печатаем по тексту альбома «Семейные стихотворения» (ИРЛИ, ф. 3, оп. 11, д. № 2, лл. 11–11 об.).

После долгих поисков С. Т. Аксаков остановился наконец на Абрамцеве, которое и купил в 1843 г. До конца своей жизни писатель проводил большую часть времени в этом своем подмосковном имении (см. кн. Н. Пахомова «Абрамцево», «Московский рабочий», 1953).

К Марихен*

Впервые: С. Т. Аксаков. Собр. соч. в четырех томах, т. 3, М. 1956 – по тексту альбома «Семейные стихотворения» (ИРЛИ, ф. 3, оп. 11, д. № 3, лл. 16–16 об.). Стихотворение это относится, по-видимому, к 1845 г.

«Рыбак, рыбак, суров твой рок...»*

Впервые: С. Т. Аксаков. Собр. соч. в четырех томах, т. 3, М. 1956 – по автографу (ЦГАЛИ, ф. 139, оп. 1, д. № 47, л. 40 об.). Автограф представ-

ляет собой черновой карандашный набросок, сделанный С. Т. Аксаковым на обороте черновика письма к Гоголю, датированного 26 июля 1847 г. К этому же времени, по-видимому, относится и данное стихотворение.

Послание к М. А. Дмитриеву*

Впервые полный текст опубликован: С. Т. Аксаков. Собр. соч. в четырех томах, т. 3, М. 1956 – по тексту альбома «Семейные стихотворения» (ИРЛИ, ф. 3, оп. 11, д. № 2, лл. 18 об. – 20).

Последние одиннадцать строк этого стихотворения С. Т. Аксаков хотел предпослать в качестве эпиграфа ко второму изданию «Записок ружейного охотника» (М. 1852), но московская цензура не пропустила эпиграфа. По этому поводу Аксаков жаловался Тургеневу в письме от 29 октября 1852 г. («Русское обозрение», 1894, № 8, стр. 484). Как теперь выясняется, цензуре показались предосудительными содержащиеся в отрывке две строчки: «Ухожу я в мир природы, в мир спокойствия, свободы». Два года спустя этот стихотворный отрывок был использован Аксаковым в каче-

стве эпиграфа ко второму изданию «Записок об уженье рыбы» (М. 1854).

Дмитриев писал ко мне три раза стихи, и я обещал... – Одно из этих стихотворных посланий к С. Т. Аксакову опубликовано в сборнике М. Дмитриева «Стихотворения» (ч. 1, М. 1865, стр. 225–235).

Плач духа березы*

Впервые опубликовано в книге Н. В. Полевой «Абрамцево. Воспоминания» (М. 1922, стр. 14). Печатается по копии, сделанной рукой И. С. Аксакова и хранящейся в музее «Абрамцево» (шифр: Рук. 8). Имеется еще список этого стихотворения в альбоме «Семейные стихотворения» (ИРЛИ, ф. 3, оп. 11, д. № 2, лл. 20 об. – 22).

В тексте абрамцевской копии имеется сноска, сделанная неизвестной рукой: «Эта береза, заслонявшая вид на Хотьковскую дорогу с балкона, была срублена по распоряжению дочерей С. Тимофеевича».

Шестилетней Оле*

Факсимиле стихотворения (автографа)

приведено в юбилейном издании «Детских годов Багрова-внука» (СПб. 1891). Печатается по этому тексту.

Это шуточное стихотворение представляет несомненный автобиографический интерес. Оно фиксирует возникновение у Аксакова замысла книги для детей, который несколько лет спустя был воплощен в «Детских годах», вышедших, как известно, с посвящением внучке, Ольге Григорьевне Аксаковой.

31 октября 1856 года*

Впервые опубликовано в «Журнале охоты», 1858, т. 1, № 1, стр. 10, за подписью: С. Аксаков. По крайне неисправному тексту напечатано в газете «Новое время. Иллюстрированное приложение», 1909, № 11902. Имеется несколько списков этого стихотворения с существенными разночтениями. Печатается по тексту «Журнала охоты».

17 октября (А. Н. Майкову)*

Впервые опубликовано в «Журнале охоты», 1858, т. 1, № 2, стр. 139–141, за подписью: С. Аксаков. Впоследствии, посмертно,

несколько раз воспроизводилось по различным спискам, существенно между собой отличающимся. Печатается по тексту «Журнала охоты». В пятьдесят первом стихе исправлена по рукописной копии в альбоме «Семейные стихотворения» опечатка: «Что знаем мы?» (ИРЛИ, ф. 3, оп. 11, д. № 2, л. 42). В фондах ИРЛИ хранится еще одна рукописная копия (ИРЛИ, 16. 469/с IV б. 19) этого стихотворения, правленная рукой С. Т. Аксакова и подписанная им. Стихотворение здесь озаглавлено: «Октября 16-го 1857 г. (Посвящается А. Н. Майкову.)» В этой копии имеются и некоторые другие разночтения с печатным текстом.

Это стихотворение было прислано автором в 1857 г. А. Н. Майкову в ответ на посвящение им своего стихотворения «Рыбная ловля» С. Т. Аксакову, некоторым другим литераторам «и всем понимающим дело».

В рукописном списке стихотворения, хранящемся в музее «Абрамцево» (шифр: Рук. 8), имеется примечание, сделанное рукой Ивана Аксакова: «Это стихотворение было также написано перед переездом из Абрамцева в Москву на зиму, но С. Тим. более уже не вер-

нулся в Абрамцево. Захворав осенью еще в деревне, он проболел всю зиму, летом 1858 г. вынужден был жить в Петровском парке, чтоб быть поближе к доктору, а 30 апреля 1859 г. он скончался. Таким образом, эти стихи – его последнее прощание с любимым Абрамцевым, исполненное грустных предчувствий».

Записки об уженье рыбы*

Охотничьи произведения писались С. Т. Аксаковым в годы расцвета его таланта, то есть почти одновременно с автобиографической трилогией.

Обратившись во второй половине 40-х годов к активной литературно-художественной деятельности, Аксаков вместе с тем окунулся в атмосферу напряженных общественных интересов, которая кипела вокруг него. Рост социальных противоречий в России и Западной Европе и связанное с ними повсеместное обострение идейной борьбы, назревание серьезных политических событий – все это вызвало в Аксакове очень сложную реакцию. С одной стороны, в нем проявлялись элементы

критического отношения к порядкам современной жизни, а с другой – эти порядки и все последствия, которыми они были чреватые, пугали писателя и возбуждали в нем желание уйти от «скверной действительности», от «хаоса» современной политической жизни в природу, «в мир спокойствия, свободы». Вот характерные для подобных настроений Аксакова строки из его письма к сыну Ивану от 12 октября 1849 г.: «Скверной действительности не поправишь, думая об ней беспрестанно, а только захвораешь, и я забываюсь, уходя в вечно спокойный мир природы» (ИРЛИ, ф. 3, оп. 3, д. № 16, лл. 70–70 об.).

Но уход в «спокойный мир природы» отнюдь не мог изолировать писателя от острых вопросов действительности. Работа над другими произведениями этого периода вызывала у Аксакова более непосредственные ассоциации с идейными проблемами современности.

В середине 40-х годов, в самый разгар работы над «Семейной хроникой и Воспоминаниями», Аксаков задумал написать книгу о рыбной ловле. Удочка была давней страстью пи-

сателя. В «Детских годах Багрова-внука» он рассказал о первых радостях рыболова, которые испытал в самом детстве. «Ужение просто свело меня с ума! – писал он. – Я ни о чем другом не мог ни думать, ни говорить...» В годы юности и молодости Аксаков стал отдавать решительное предпочтение охотничьему ружью перед удочкой. Но на склоне лет он снова увлекся ужением рыбы. Даже старым, немощным, тяжело больным человеком Аксаков ежедневно летом, в любую погоду, выходил из дому с опущенным на почти невидящие глаза защитным козырьком и часами просиживал на берегу Вори в Абрамцево с удочкой в руках.

Рано пробудившееся в Аксакове пытливое внимание к самым разнообразным явлениям природы было вскоре дополнено еще одной страстью – стремлением описывать предметы своих наблюдений. В известном своем мемуарном очерке «Собирание бабочек» писатель рассказал о том, как любил он с детских лет «натуральную историю», а также о своих первых ребячьих попытках описывать полюбившихся ему зверьков, птиц и рыб. «Но горячая

любовь к природе и живым творениям, населяющим божий мир, – продолжал Аксаков, – не остывала в душе моей и через пятьдесят лет; обогащенный опытами охотничьей жизни страстного стрелка и рыбака, я оглянулся с любовью на свое детство – и попытки мальчика осуществил шестидесятилетний старик: вышли в свет „Записки об уженье рыбы“ и „Записки ружейного охотника Оренбургской губернии“» (наст. изд., т. 2, стр. 159).

Начало работы над первой книгой можно с большой достоверностью отнести к 1845 г. 8 октября этого года С. Т. Аксаков писал сыну Ивану: «Впереди у меня составление книжки об уженье и диктовка моих воспоминаний» (ИРЛИ, ф. 3, оп. 3, д. № 16, л. 67 об.). А неделю спустя Вера Аксакова в письме к М. Г. Карташевской отмечала: «По утрам отесенька диктует книгу об уженье, которую недавно начал писать» (ИРЛИ, ф. 3, 10. 615/XV с. 12, л. 112 об.). Наконец, 22 ноября того же 1845 г. Аксаков общал Гоголю: «Я затеял написать книжку об уженье не только в техническом отношении, но в отношении к природе вообще; страстный рыбак у меня так же страстно любит и

красоты природы; одним словом, я полюбил свою работу и надеюсь, что эта книжка не только будет приятна охотнику удить, но и всякому, чье сердце открыто впечатлениям раннего утра, позднего вечера, роскошного полдня и пр. Тут займет свою часть чудесная природа Оренбургского края, какую я зазнал ее назад тому сорок пять лет. Это занятие оживило и освежило меня» (наст. изд., т. 3, стр. 315).

В конце 1846 г. работа над книгой была закончена, и в начале следующего, 1847 г., она вышла из печати под названием «Записки об уженье». Разъясняя во Вступлении содержание и характер этой книги, автор предупреждал читателей, что она «не трактат об уженье» и «не натуральная история рыб», что это «ни больше ни меньше, как простые записки страстного охотника». Нисколько не претендуя на «художественность», автор строил свою книгу в форме непритязательных зарисовок-очерков «бывалого» человека-рыболова. Начав свое повествование деловыми заметками о рыболовных снастях и способах рыбной ловли, автор затем переходит к ха-

рактеристике «рыб вообще» и подробному описанию различных пород рыб. Весьма кстати оказались многочисленные дневниковые заметки, которые Аксаков вел на протяжении многих лет. Он аккуратно записывал количество выловленной рыбы, найденных грибов, застреленной дичи, точно классифицируя ее по видам и способам добычи (например, убитых «в лет», «сидячими», «покрытых шатром», пойманных капканом). В этих записях сопоставлены цифры, характеризующие число выстрелов и количество добытой дичи. Например, «в 1817 году выстрелено 1758, убито 863» или: «в 1819 году выстрелен 1381 заряд, убито 743» (отрывки из этих своеобразных дневников Аксакова опубликованы Н. М. Павловым в журнале «Природа и охота», 1890, № 1, стр. 93–98). Все это очень пригодилось Аксакову в работе над его охотничьими книгами.

Сведения, сообщаемые Аксаковым в «Записках об уженье», сопровождаются многочисленными его воспоминаниями из «собственного опыта». Практические советы, полезные для рыболова, перемежаются с тонки-

ми «портретными» зарисовками рыб, их повадок и нравов, поэтическими описаниями картин природы.

Появление «Записок» Аксакова неожиданно для него самого стало сразу же приметным явлением в русской литературе. Скромное, деловито-прозаическое заглавие книги воспринималось как нечто мало соответствующее богатству и удивительной поэтичности ее содержания, ее литературной манере, языку. «Вообще автор человек бывалый; его записки дают более, нежели обещает заглавие», – отмечал рецензент «Современника» (1847, № 6, стр. 114). О необычайной новизне и своеобразии аксаковских «Записок» писал рецензент «Финского вестника»: «Мы были совершенно изумлены, когда, раскрыв „Записки об уженье“ с полною уверенностью встретиться в них с галиматьею, сделавшеюся отличительным достоянием книг о подобного рода предметах, увидели вдруг книгу если не весьма полезную, то весьма умную, написанную чистым русским языком и складом, книгу, которая, на безделье, может быть прочитана с удовольствием не одними охотниками удить ры-

бу, но и каждым образованным человеком» («Финский вестник», 1847, № 6, отд. V, стр. 2).

В таком же духе откликнулись и многие другие современные критики, единодушно отмечавшие и чисто познавательные и эстетические достоинства книги Аксакова. Как вспоминал позднее Хомяков: «Нашлись люди, которые догадались, что тут скрывалось искусство, и искусство истинное» («Русская беседа», 1859, № 3, стр. III) В числе почитателей аксаковских «Записок» был и Гоголь. «Об вашей же книжке он говорил и прежде, что хотя он и совсем не интересуется предметом, но прочел ее всю от доски до доски с большим удовольствием», – сообщала в сентябре 1848 года отцу Вера Аксакова («Литературное наследство», 1952, т. 58, стр. 706).

«Записки об уженье» быстро завоевали симпатии читателей, и вскоре возникла потребность в их переиздании. Писатель воспользовался этим обстоятельством и значительно расширил свою книгу. Появилась новая глава: «О рыбах вообще», и существенно были расширены почти все остальные главы. По этому поводу С. Т. Аксаков писал М. П. По-

годину 5 декабря 1853 г.: «Я с любовью занимаюсь 2-м изданием. И, кажется, многие прибавки удачны. Книжка выйдет почти вдвое толще» (Л. Б., ф. Погодина, II 1/64; ср. также письмо к Тургеневу от 3 ноября 1853 г. – «Русское обозрение», 1894, № 9, стр. 499). В начале 1854 г. второе издание этой книги вышло в свет. Она теперь стала называться «Записки об уженье рыбы».

В новом издании книга открывалась стихотворным эпиграфом, взятым из «Послания к М. А. Д<митриеву>» (полный текст стихотворения см. в наст. томе, стр. 275). У этого эпиграфа есть своя история. Аксаков первоначально хотел сопроводить им второе издание «Записок ружейного охотника» (М. 1852). В бумагах Анны Григорьевны Достоевской, жены Ф. М. Достоевского, сохранился автограф С. Т. Аксакова, озаглавленный: «Эпиграф». За текстом эпиграфа следует короткая записка Аксакова, начинающаяся фразой: «Не правда ли, что этот эпиграф был очень кстати к моим „Запискам ружейного, охотника“?» (ЦГАЛИ, ф. 212, оп. 1, д. № 260). Замысел Аксакова не был осуществлен. Московская цензура, напуган-

ная недавним скандалом, который был вызван появлением на страницах «Московских ведомостей» знаменитой некрологической статьи Тургенева о Гоголе, решила теперь действовать более «осмотрительно» и категорически воспротивилась напечатанию эпитафия из-за строки «В мир спокойствия, свободы». 29 октября 1852 г. Аксаков с горечью сообщил об этом обстоятельстве Тургеневу («Русское обозрение», 1894, № 8, стр. 484). Два года спустя писатель вспомнил об этом эпитафии, но теперь уже в связи со вторым изданием «Записок об уженье рыбы». Отрывок из послания к Дмитриеву был на сей раз пропущен, но в искаленном виде. В строке «В мир спокойствия, свободы» последнее слово цензором И. Снегиревым было признано предосудительным, вымарано и заменено отточием. Лишь в третьем издании «Записок об уженье рыбы» злополучный эпитаф был напечатан целиком.

Выход книги Аксакова вторым изданием вызвал в печати снова ряд восторженных критических откликов. Наиболее значительным из них явилось выступление И. И. Панае-

ва на страницах «Современника». Самой важной чертой «Записок» Аксакова, по его мнению, является то «глубоко поэтическое чувство природы», которое свойственно большому художнику, и та удивительная «простота в изложении», которая отличает истинное произведение искусства. В этой книге «столько простоты, – писал Панаев, – что ее смело можно променять на десятки так называемых романов, повестей и драм, которые пользовались у нас в последнее время даже довольно значительным успехом. В ней столько поэзии, в этой небольшой книжечке, сколько вы не отыщете в целых томах различных стихотворений и поэм, которые привились и точно имеют в себе некоторые поэтические достоинства. Она, может быть, даже для специалиста, для охотника удить не имеет такого значения, какое имеет для художника, для литератора» («Современник», 1854, № 8, стр. 130–131). Словом, «Записки об ужении рыбы» были восприняты современным читателем и критикой как произведение искусства. «Ты так умеешь писать, что и этот предмет делается у тебя литературным», – сообщал Аксако-

ву М. Дмитриев в ответ на получение от него экземпляра «Записок» (ИРЛИ, ф. 3, оп. 13, Д. № 18, л. 1).

Два года спустя «Записки об уженье рыбы» вышли третьим, и последним при жизни автора, изданием (М. 1856). Это издание отличалось от предшествующего немногочисленными стилистическими поправками и незначительными дополнениями. Кроме того, книга была сопровождена специальными примечаниями и заключительной статьей «Ход рыбы против течения воды», принадлежащими перу выдающегося русского естествоиспытателя К. Ф. Рулье. Статья Рулье явилась своего рода естественнонаучным комментарием к некоторым положениям аксаковских «Записок». Впервые в этом издании они вышли с полиטיפажами, подобранными, очевидно, Рулье.

Литературные достоинства книги Аксакова были и впоследствии высоко оценены самими выдающимися писателями. Для многих из них она служила своего рода эталоном, образцом того, как надо живописать природу. В 1884 г. А. П. Чехов писал своему брату педагогу Ивану Павловичу, что с интересом чита-

ет журнал «Природа и охота» и особенно статьи об аквариумах, ужение рыбы. «Хорошие есть статьи, – добавляет Чехов, – вроде аксаковских» (А. П. Чехов, Полн. собр. соч., т. 13, М. 1948, стр. 110). «Запискам об ужение рыбы» воздавал должное и Горький. Во второй части романа «Жизнь Клима Самгина» есть любопытный эпизод. В серьезном, важном разговоре, который ведет большевик Степан Кутузов с Климом Самгиным, неожиданно всплывает имя Аксакова. Кутузов обращается к своему собеседнику: «Вы, Самгин, рыбу удить любите? Вы прочитайте Аксакова „Об ужение рыбы“ – заразитесь! Удивительная книга, так, знаете, написана – Брем позавидовал бы!» (М. Горький, Собр. соч., т. 20, М. 1952, стр. 47).

В настоящем собрании «Записки об ужение рыбы» печатаются по тексту третьего издания, с устранением мелких неисправностей и опечаток.

«Записки об ужение рыбы». – Подобно последнему прижизненному изданию, а также первому Полному собранию сочинений С. Т. Аксакова (СПб. 1886), выходявшему под наблюдением И. С. Аксакова, снабжены полити-

пажами. Политипажи «Записок об уженье рыбы» даны по изданию 1886 г., не повторяющему в этом отношении последнего прижизненного издания 1856 г. Есть основание предполагать, что такого рода отступление от прижизненного издания в Полном собрании сочинений 1886 г. было не только санкционировано сыном писателя, но в свое время авторизовано самим С. Т. Аксаковым. Сохранилось письмо профессора Н. П. Вагнера, указавшего С. Т. Аксакову на существенные недостатки политипажей издания 1856 г. (ИРЛИ, ф. 3, оп. 13, д. № 6).

Моро Жан Виктор (1761–1813) – французский полководец, сражался под началом Наполеона; после конфликта с ним уехал в 1805 г. в Америку; восемь лет спустя вернулся в Европу и в мундире русского генерала воевал против наполеоновской армии.

...о которых напечатано в «Совершенном егере». – Полное название книги: «Совершенный егерь, или Знание о всех принадлежностях к ружейной и прочей полевой охоте», в трех частях, перев. с нем. В. Левшина (СПб. 1779).

«Сердце мое, рыбка моя, ожерелье! Выгляни на меня...» – Цитата из «Майской ночи» была приведена Аксаковым, вероятно, по памяти. Следует: «Выгляни на миг».

...идиллию «Рыбачье горе» – стихотворение С. Т. Аксакова «Рыбачье горе», см. стр. 258 наст. тома.

Я уже сказал... – Это примечание появилось впервые во втором издании «Записок об уженье рыбы» (М. 1854). Аксаков имеет в виду объяснение, которое он дал ко второму изданию «Записок ружейного охотника» (М. 1852). См. т. 5 наст. изд., стр. 158.

...случилось мне прочесть в «Охотничьей книге» г-на Левшина... – Речь идет о сочинении В. Левшина «Книга для охотников до звериной и прочей ловли, также до ружейной стрельбы и содержания певчих птиц...» в четырех частях, М. 1810–1814.

С. Машинский

Примечания

1

Je le vis, je rougis, je palis a sa vue;

Un trouble s'eleva dans mon ame eperdue;

Mes yeux ne voyaient plus, je ne pouvais
parler;

Je sentis tout mon corps et transir et bruler.

.....

Je l'evitais partout.

[^^^]

2

Que dis-je? Il ne point mort, puisqu'il respire en vous.

Toujours devant mes yeux je crois voir mon epoux.

[^^^]

3

Je vois de votre amour l'effet prodigieux...

[^^^]

4

Delivre l'univers d'un monstre qui t'irrite.

La veuve de Thesee ose aimer Hippolyte!

Crois moi, ce monstre affreux ne doit point
t'echapper.

Voila mon coeur, c'est la que ta main doit
frapper.

Impatient deja d'expier son offense.

Au-devant de ton bras je le sens qui s'avanse.

.....

Donne...

[^^^]

5

Sur quel espoir nouveau, dans quels heureux climats

Croyez-vous decouvrir la trace de ses pas?

[^^^]

6

Oenone, la rougeur me couvre le visage,
Je le laisse trop voir les honteuses douleurs
Et mes yeux malgré moi se remplissent de
pleurs.

[^^^]

7

Ma blessure trop vive aussitot a saigne

Ce n'est plus une ardeur dans mes veines
cachees:

C'est Venus tout entiere a sa proie attachee.

[^^^]

Que ces vains ornements, que ces voiles me
pesent!

Quelle importune main, en formant tous ces
noeuds,

A pris soin sur mon front d'assembler mes
cheveux?

Tout m'afflige et me nuit et conspire a me
nulre.

[^^^]

Dieux, que ne suis-je assise a l'ombre de forets!
Quand pourrai-je au travers d'une noble
poussiere,
Suivre de l'oeil un char fuyant dans la
carriere?

[^^^]

10

Quelle fruit esperes tu de tant de violence?
Tu fremiras d'horreur si je romps le silence.

[^^^]

11

Indomptable taureau, dragon impetueux,
Sa croupe se recourbe en replis tortueux;

.....

La terre s'en emeut, l'air en est infecte;
Le flot qui l'apporta recule epouvante.

[^^^]

12

A travers les rochers la peur les precipite,
L'essieu crit et se rompt: l'entrepide Hippolyte,
Voit voler en eclats tout son char fracasse.

[^^^]

К удивлению моему, г-н Булгарин в прекрасном подарке своим любителям театра, в «Русской Талии», довольно мало и холодно сказал о Шушерине. Шушерин, без сомнения, должен стоять вторым после Дмитревского по своему искусству, тем более, что не имел способов образовать себя учением и примерами, как Дмитревский.

[^^^]

Под техническим термином *хорошие средства* должно разуместь голос, грудь и лицо.

[^^^]

Ровно через год, в один день и час с Д. В. Веневитиновым.

[^^^]

«Похвальное слово Капнисту» (см. «Атеней»
№ 5 <1828>

[^^^]

Мы не говорим о тех людях, которые ничего русского не хвалят, и о тех, которые ничего в целом мире не хвалят.

[^^^]

Нам кажется поступок Гикши несообразностью, не он ли с опасностью жизни освобождает после Красицкого? А здесь от маленького шума, ничего еще не видя, бросает его – быть может, на жертву двум разбойникам, с которыми они и сами, будучи вдвоем, легко бы управились.

[^^^]

Прерванное пение баллады было бы очень хорошо, если б было нужно по ходу пьесы; если б это было единственным средством возбудить в старике подозрение, но здесь и без баллады можно было все рассказать, как впоследствии и сделалось.

[^^^]

Нам показалось, декорация не та, которая была в конце второго действия.

[^^^]

Эти прятанья нам кажутся слишком однообразны и сходны с такими же в втором действии и вообще утомительны.

[^^^]

Мысль прекрасная, но, кажется, не соответствующая с обстоятельствами: Твердовский, раб злого духа, не может уже повелевать стихиями и умереть повелителем его.

[^^^]

Кажется, падением Твердовского надобно бы кончить оперу; зрители отгадали бы последствия. Финал хотя и очень хорош, но не мог уже произвести никакого впечатления на пораженного зрителя.

[^^^]

Эта часть требует улучшения.

[^^^]

Мы со временем скажем, как в роле Данвиля г. Щепкин достигает общей цели верно, – в частности неверными путями; этому причиной его физические средства.

[^^^]

Г-н Щепкин очень часто играет пустые роли, которые чем лучше сыграны, то есть ближе к истине, тем менее заметны: он лично теряет для того, чтоб целая пьеса выигрывала. По-настоящему, ему должно бы играть раза четыре в месяц, а не три раза (а иногда и пять) в неделю. Что часто видим, то теряет цену – таков человек!

[^^^]

Вскоре после представления «Отеллы» Иван Афанасьевич Дмитревский, в одном дружеском обществе, доказал торжествующему г. Яковлеву, что он не понял роли в первом действии и в сенате представлял не великого человека, всегда благородно-скромного, но какого-то буяна (так выразился И. А. Дмитревский). Все без исключения и сам Яковлев были убеждены в истине его слов.

[^^^]

Мы говорим о спектакле удачном. К сожалению, г. Мочалов играет не всегда одинаково, и, восхищаясь им сегодня, нельзя твердо надеяться того же удовольствия в следующем представлении той же пьесы.

[^^^]

Впрочем, должно было сберечь себя для конца четвертого акта.

[^^^]

Покойный отец его один раз так произнес их, что они остались на целый век в памяти у многих.

[^^^]

Водевильные куплеты слабы в отношении к целой пиесе, потому что она вся исполнена замысловатой остроты и веселости.

[^^^]

Слова: «Москва не мать ли мне?» – были сказаны довольно удачно.

[^^^]

Искусному произношению г-жи Синецкой надобно приписать, что каждое ее слово слышно даже на большом театре.

[^^^]

Теперь следуют вопросы: какую публику надо для подобного спектакля? чему удивиться, что театр был пуст? что «Ябеда» считается здесь пьесой, написанной для черни? Сама дирекция признает ее такою, ибо обыкновенно дает по воскресениям и праздникам.

[^^^]

Это писано до несчастной кончины г. Далеса.
Французский театр много потерял в нем.

[^^^]

См. «Московский телеграф», 1828, № 22.

[^^^]

Говорят, что причиной этому была передача ролей другим актерам за болезнью прежних.

[^^^]

О другом Михеиче сказать этого еще нельзя; что будет далее – увидим и наберем. (Замеч. наборщика.)

[^^^]

Князем А. А. Шаховским, М. Н. Загоскиным, Д.
М. Перевощиковым и пр.

[^^^]

Сколько мы могли заметить, перевод показался нам старым и всем известный. Неужели почтенный переводчик сам позволил сократить пиесу?

[^^^]

Сии стихи читаны в публичном заседании Общества любителей словесности при Московском университете и напечатаны в трудах оного.

[^^^]

Представление этой комедии по особым обстоятельствам отложено на некоторое время.

[^^^]

Кроме, однако, г. Бантышева, который, вероятно, мог бы не говорить теперича и держать себя не столь дурно.

[^^^]

Надобно признаться, что хотя Юрий предобрый, и благородный, и храбрый человек, но слишком горячо к нему не привязываешься. Как скоро он действует с кем-нибудь вместе, он уже играет второклассное лицо; в нем ничего нет славного, сильного, увлекательного, самобытного. Его спасают, посылают, освобождают, не слушают, разрешают и венчают. В своем роде Кирша нравится гораздо более. Лучше всех написанный и выдержанный характер это юродивый, за ним следует Туренин.

[^^^]

Быть может, некоторые из читателей спросят: не подражание ли это Вальтер-Скотту? Вот наше мнение: если б не писал знаменитый шотландец, быть может, не существовал бы и «Юрий Милославский» или явился в свет под другою формою, но вот все влияние Вальтер-Скотта, какое только можно допустить. Подражания мы решительно не заметили.

[^^^]

С дипломатической точностью списываем афишку.

[^^^]

Хотя должно сказать, что г. Браун предпочтительно заслуживал особого вызова, если вызов что-нибудь значит.

[^^^]

Найдутся люди, которые упрекнут нас в излишестве требований и скажут: и без того водёвиль стоит дорого; можно ли еще бросать тысячи для новых волшебных чертогов, для костюмов Истины, Нереиды, рек и речек!.. – Милостивые государи, вы правы, но зритель не хочет знать расходов и приходов дирекции, требует целого в исполнении, очарования полного.

[^^^]

Это говорилось о Н. И. Надеждине, в грубых критиках которого всегда было много и дельного; впоследствии он признавался мне не один раз, что был неправ перед Пушкиным. *(Позднейшее примечание С. А.)*.

[^^^]

Вместо слова «щитом» стояло «лбом»; но издателю показалось это уже слишком резко. (Позднейшее примечание С. А.).

[^^^]

В это же время написаны им и другие замечательные пьесы; водевили: «Езоп у Ксанфа», «Волков» и «Евфратский пеликан». Первый заслуживает внимания по необыкновенному искусству в языке разговорном, второй – горячим чувством народности, живостью и верностью характеров, третий – остроумием.

[^^^]

Эта и следующая статья служат убедительным доказательством, что значит двадцать восемь лет в нашей словесности. Я сам не могу без улыбки перечитывать некоторых выражений. *(Позднейшее примечание С. А.)*

[^^^]

Все напечатанное курсивом взято из 9-й книжки «Телеграфа» (см. стр. 130, 131 и 132).

[^^^]

Карикатурные роли вредны для детей, начинающих играть: они убивают самообразность дарования.

[^^^]

«Выбранные места из переписки с друзьями»,
стр. 12.

[^^^]

«Московские ведомости» 1852 года.

[^^^]

«Московские ведомости» 1852 года.

[^^^]

«Отечественные записки» № 2, 1853 года.

[^^^]

При составлении этой статьи я основывался, особенно до 1815 года, на записке, сообщенной мне братом покойного, Маркелом Николаевичем Загоскиным. С 1826 г., живя постоянно в Москве и находясь в самых близких отношениях с автором «Юрия Милославского», я уже рассказываю то, что видел и слышал сам; разные документы и письма были доставлены мне сыном Загоскина, С. М. Загоскиным.

[^^^]

Известный псевдоним Алексея Алексеевича Перовского.

[^^^]

В 1830 году я написал самый строгий разбор «Юрия Милославского» и напечатал его в «Московском Вестнике». Я помещаю мою тогдашнюю критику в Приложениях, предполагая, что для некоторых читателей будет интересно сличить мнения одного и того же человека, об одной и той же книге, написанные через 22 года, одно после другого.

[^^^]

Указ этот, как теперь дознано, никогда не существовал.

[^^^]

С. И. Клименков, почтенный и всем известный в Москве врач, который 15 лет был медиком, и другом покойного Загоскина и всего его семейства, но которого, по несчастию, он не слушался в последние два года, призванный только за три дня до кончины Загоскина, полагает, что она произошла вследствие истощения сил больного, сначала гидрпатией, потом средствами горячительными и раздражающими, наконец четырехмесячным употреблением Цитманова декокта; что наследственная подагра, гнездившаяся в нем издавна, несмотря на трезвую и правильную жизнь, при существовавшей тогда эпидемии в Москве кровавых дизентерий, бросилась на пищеварительные органы и произвела воспаление и антонов огонь.

[^^^]

К сожалению, это ожидание доселе не исполнилось.

[^^^]

Первое представление этой интермедии происходило в подмосковной кн. Д. В. Голицына, где посетителей было не так много: тогда кое-как Загоскин прочел свой куплет, и то принужден был взять его у суфлера и разбирать со свечкой; хозяин и небольшой круг гостей смеялись: рассказанный же мною анекдот случился при повторении интермедии в Москве, при многочисленной публике, в доме Ф. Ф. Кокошкина.

[^^^]

Не знаю почему, книжка эта до сих пор не напечатана.

[^^^]

Подробное описание этого происшествия можно прочесть в альманахе «Комета», изданном Н. Щепкиным, сыном нашего знаменитого артиста, в Москве, в 1851 году.

[^^^]

«Надоумка» – известный псевдоним Н. И. Надеждина, которого однажды печатно назвали «Колченогим Надоумкой» в собственной его газете, в «Молве».

[^^^]

П. Щ. – этими буквами подписывал иногда Надеждин полемические свои статьи, хотя немножко семинарски, но едко написанные.
П. Щ. – начальные буквы имени и фамилии короткого приятеля Надеждина, всем известного тогда, достойного и почтенного профессора, Павла Степановича Щепкина.

[^^^]

Звучные безделки...

Гораций.

[^^^]

Раки, линяя, т. е. переменяя свою кожу, прячутся в норы, и доставать их бывает очень трудно, а рыба особенно любит их.

[^^^]

Стрелка – место, не залитое водою.

[^^^]

Плаха – пластина. Техническое выражение у рыбаков.

[^^^]

Подсекать – вдруг дернуть уду.

[^^^]

Сачок без зыби – если сетка, к нему пришитая, коротка. Не зыблется – как мешок.

[^^^]

Заводка – узкий залив воды.

[^^^]

Де́ма – река в Оренбургской губернии, около которой места живописные и самые привольные для житья.

[^^^]

Кандра и Каратабынь – прелестные большие и необыкновенно прозрачные озера.

[^^^]

Тузлук – соленый ключ.

[^^^]

Дмитриев писал ко мне три раза стихи, и я обещал.

[^^^]

Название реки.

[^^^]

Название места, где берет крупная рыба.

[^^^]

Я печатаю книжку мою третьим изданием. В течение шести лет, постоянно продолжая удить, с меньшим увлечением и большим вниманием, я имел возможность для второго издания сделать много новых наблюдений и сказать пространнее и полнее о том, о чем было сказано слишком коротко, в чем справедливо обвиняли меня некоторые охотники; в течение же последних трех лет я почти ничего нового прибавить не мог.

1856 год.

[^^^]

Так думал я прежде по слухам; но теперь думаю, что это шелк-сырец, приготовляемый каким-нибудь особенным способом.

[^^^]

Здесь опять должно сказать, что это не прочно: воск скоро сойдет, и леса начнет путаться по-прежнему; впрочем, воск можно подновлять.

[^^^]

В 1853 году привезли мне в подарок из Гавра много чудесных лес, очень тонких и полупрозрачных, имеющих в то же время (покуда они сухи) какую-то упругость и звонкость струны. Я употреблял их целый год и должен сказать, что сначала они удивительно крепки и могут выдержать самую крупную рыбу, но месяца в четыре, при ежедневном уженье, перегнивают и требуют перемены. Намокнув, они делаются мягки, как шелк, но высохнув, опять получают упругость; они свиты из нескольких удивительно тонких волокон, кажется сырцовых. В Гавре называют их американскими. Рыба берет на них очень охотно. Может быть, это волокны какого-нибудь американского растения.

[^^^]

Приготавливаются лесы и из черных волос, но очевидно, что прозрачность белых волос, сливаясь с водою, делает лесу неприметною для рыбы, следовательно лучшею.

[^^^]

То есть одна половина волос кладется комлем
вверх, а другая вниз.

[^^^]

Впрочем, фигура наплавка – дело произвольное. Я видал наплавки, очень искусно вырезанные из осокоря, представляющие рыбу, птицу и даже человека; но вообще наплавки бывают в середине толще.

[^^^]

Это разделение прежнее. Теперь насчитывается множество номеров, но я хорошенько их не знаю.

[^^^]

Иногда можно насаживать и с хвоста, если мелкая рыба беспрестанно отрывает только один хвостик. Особенно выгоден этот способ насадки при ужении ершей. Жало крючка скрывается тогда в голове червяка.

[^^^]

Не утверждаю, но мне сказывали, что в ИНЫХ местах раки линяют два раза в год.

[^^^]

Чтобы жало крючка не тупилось, надобно не втыкать его никогда в удилице, что делается весьма часто.

[^^^]

Удобными местами считаются омуточки, ямки, где вода завертывается и бежит тише и где форель выпрыгивает иногда на поверхность, ловя червячков, падающих с деревьев, мошек и других насекомых.

[^^^]

Кружком называется мешок из крепкой частой сети; в середину его вставляется обруч, нижний конец завязывается наглухо, а верхний собирается на крепкий шнурок, которым он и привязывается к чему случится.

[^^^]

Я читал в одной французской книжке, что такое кольцо делается с двумя крючками, крепко припаянными к внешней стороне кольца один против другого, для того чтобы, задев крючьями за корягу, за которую зацепилась удочка, можно было ее вырвать и тем спасти крючок

[^^^]

Многие охотники утверждают, что некоторые породы рыб мечут икру по два раза в год. Но я никак не могу с этим согласиться. Хотя икра во внутренности рыб (одной и той же породы) бывает точно в разное время года, но это только доказывает, что они мечут икру в разные сроки. Я убежден, что каждая рыба самка мечет икру один раз в год. Убеждение мое я основываю на медленности, с какою икра растет в рыбе: два раза в год – некогда совершиться этому процессу.

[^^^]

Эту пору узнает всякий, взглянув на пойманную в то время рыбу, особенно взяв ее в руки. Кроме того, что она бывает необыкновенно толста, даже пузаста – из самок течет жидкая икра, а из самцов – беловатая слизь, похожая на молоко.

[^^^]

Я полагаю, что все без исключения породы рыб едят всякую икру, даже собственную свою.

[^^^]

Процесс метанья, или боя, икры даже этих трех пород, сейчас мною названных, наблюдать очень трудно, потому что он происходит по большей части в травах или камышах, а главное потому, что рыба боится приближения человека. Некоторые рыбаки утверждают, что не самцы гонятся за самками, а напротив: самки за самцами, и всегда бывают гораздо в большем числе, чем самцы, что первые трутся около последних, загоняют их на мель, на густую траву, и, когда самец, обернувшись кверху брюшком, начнет изливаться молоки, — самки прямо в эту оплодотворяющую жидкость выпускают свою икру. Я не беру на себя решить, которое мнение справедливее. Оплодотворенная икра в теплое, солнечное время выводится через десять, двенадцать и четырнадцать дней.

[^^^]

Водяные червяки имеют способность выползать до половины из своих трубочек и прятаться в них совсем. Водяные жуки – плоские, каштанового цвета, с беловатыми по краям обводками; они проворно ползают по земле и летают быстро по воздуху: поднимаются прямо из воды и опускаются прямо в воду. Мне сказывали, что подмосковные крестьяне употребляют их вместо пиявок.

[^^^]

Из многих, мною самим виденных таких любопытных явлений самое замечательное случилось в Казани около 1804 г.: там сдохлось зимою огромное озеро Кабан; множество народа набежало и наехало со всех сторон: рыбу, как будто одурелую, ловили всячески и нагружали ею целые воза.

[^^^]

Я имел случай убедиться, что раки могут жить в густой тине или в речном иле глубиною более аршина от земной поверхности. Один раз, в исходе лета, при мне чистили сруб родникового колодца, глубиною с лишком в два аршина, который весеннею полою водою поднимался и был доверху занесен земляным илом и тиною очень плотно; не знаю, почему он не был вычищен ранее. На полуторааршинной глубине, где пошла земля помокрее, начали попадаться крупные, живые раки; их выкидали десятка два, и они были отлично жирны и вкусны; итак, раки могут обходиться почти без воздуха.

[^^^]

Я недавно с удовольствием прочел несколько строк об этих горах в статье г. Авдеева «Поездка на кумыс», напечатанной в декабрьской книжке «Отечественных записок» 1852 года.

[^^^]

Недавно я узнал, что «лошки» называются в Можайском уезде «голопузкой», а в Верейском – «свинобойкой». Вероятно, они водятся и в других губерниях.

[^^^]

Хребтугом называется раскрытый мешок из рединки же, в котором задают лошадям овес.

[^^^]

Один почтенный охотник (С. Я. А.) сообщил мне; что в реке Неме, протекающей близ г. Вереи, плотва, водящаяся во множестве, не берет совсем на удочку, так что в иной год выудишь две или одну плотицу.

[^^^]

Это замечание справедливо только в отношении к Оренбургской губернии; около Москвы совсем напротив: мелкие языки попадаются гораздо чаще.

[^^^]

Вот доказательство сказанного мною выше, что сачок всегда должен быть глубок и не мал.

[^^^]

Эта переменная произошла через сорок лет.

[^^^]

Мотнею называют остроконечный длинный мешок, находящийся в середине невода.

[^^^]

От сильной подсечки нередко совсем отрываются у карасей (и у всякой мелкой рыбы) губы, которые, точно как колечко, держатся на кожице, вытягиваясь в нужном случае наподобие небольшого хобота.

[^^^]

Должно заметить, что это не везде так. Около Москвы, например, во второй половине августа клев значительно уменьшается. Впрочем, здешние речки от беспрестанных мельниц или фабрик находятся постоянно в подпруде и характера рек, текущих самобытно, то есть массою собственной, ненакопленной воды, — не имеют.

[^^^]

Около Москвы, сколько я ни пробовал удить на кусочки рыбки или мяса, – окуни у меня никогда не брали.

[^^^]

Кишки – по-русски значит длинный. Это озеро находится в тридцати верстах от губернского города Уфы и в полуверсте от реки Белой, с которой сливается весной; разумеется, русские называют его и сидящую на нем деревню Кишки.

[^^^]

Я уже сказал, что кауз около Москвы называют «дворец». Не происходит ли это название от слова «дверца», то есть маленькая дверь, поднимающаяся для протока воды на колесо? Может быть, сначала говорили «дверец», а потом, для удобства произношения, стали говорить «дворец».

[^^^]

Щука меняет зубы ежегодно в мае месяце. Я, к удивлению моему, узнал об этом очень недавно.

[^^^]

После выхода моей книжки первым изданием случилось мне прочесть в «Охотничьей книге» г-на Левшина, напечатанной в 1812 году (часть 4-я, стран. 487-я) любопытное известие о долговечности щук; выписываю его с совершенною точностью: «Когда вычищали пруды близ Москвы, в Царицыне, чему прошло с небольшим двадцать лет, то, между прочего, при пересаживании рыбы в сажалки поймана была щука около трех аршин длиною и в поларшина шириною, с золотым кольцом, продетым в щечную кость близ жабр, с надписью на оном: „Посадил царь Борис Федорович“. По тогдашнему исчислению щуке сей оказывалось более двухсот лет. Леман утверждает, что 1497 года в Хейльброке поймана была в одном озере щука девятнадцати футов (семи аршин с лишком), и по надписи на медном кольце, на ней бывшем, оказалось, что в озеро сие посажена она была цесарем Фридерихом II в 1230 году; следовательно, в сей воде жила она двести шестьдесят семь лет. Весу в ней было восемь пуд трид-

цать фунтов; она от старости почти вся побелела». – Предоставляю читателям поверить, насколько им угодно, справедливости таких рассказов.

[^^^]

Это говорится про Оренбургскую губернию: там величайшая редкость, если щука возьмет даже летом или осенью на белого червя (сальника); хотя редко, но иногда берет она на раковую шейку; на земляного же и навозного червя – никогда. Около Москвы совсем напротив: особенно рано весной, выметав икру (и особенно в реке Воре, Дмитровского уезда), щуки берут очень часто не только на земляного, но даже на маленького навозного червяка. Это было бы нетрудно объяснить тем, что подмосковные речки слишком сильно вылавливаются и что в них мало мелкой рыбы, отчего щуки голодны; но я должен сказать, что здесь гораздо чаще берут они на червяка, чем на жерлицы или удочки, насаженные рыбками, преимущественно весной; следовательно, этого вопроса иначе нельзя разрешить, как предположением, что здешние щуки имеют особенный вкус к червям. В прошедшем 1853 году ужение началось очень рано, и мне удалось поймать несколько небольших щук в апреле месяце: всех на маленькие удочки и всех

на червяка. Одну из них выудил я на поводок из *одной шелковинки!* Берег был крутой, я удил без товарища и принужденным нашелся выкинуть щуку (в полтора фунта) на довольно высокий берег. Крошечный крючок она проглотила, но шелковинка в самом зеве захлестнулась за костяную оконечность верхней губы, отчего не попала на зубы; рыба вытаскивалась боком и казалась вдвое тяжелее. Рыбаки понимают, что это очень редкий и счастливый случай.

[^^^]

Всякую рыбу, стоящую неглубоко в воде, можно застрелить из ружья. Надобно только взять в соображение угол падения дроби и метить не в самую рыбу, а дальше или ближе. Угол отражения дроби (всегда равный углу падения) будет зависеть от того, как высок берег, на котором стоит охотник.

[^^^]

Как только вода в пруде или озере покроется первым тонким и прозрачным льдом, способным поднять человека, ходят с дубинками по местам не очень глубоким. Заметя близко ко льду высоко стоящую рыбу, сильно ударяют дубинкою над ее головою – рыба оглушится (впадет в обморок) и взвернется вверх брюхом: проворно разбивают тонкий лед и берут рыбу руками, покуда она не очнулась.

[^^^]

Если нельзя довести пеструшку живою до кухни, то лучшее средство к сохранению ее вкуса – заколоть ее, завернуть в траву и поливать в тени холодной водою (обложить льдом – еще лучше). Всякая рыба теряет вкус, когда заснет, потому что истомится, умирая в ведре, и, вероятно, выпустит несколько желчи.

[^^^]

Недавно я убедился, что налим может взять на удочку и в день: при мне один рыбак выудил налима в два фунта на земляного червя, весною, в спущенном пруде. Налимы берут также весною на крючки, сейчас по слитии полой воды.

[^^^]

Мордою называется сплетенный из ивовых прутьев круглый мешок; задний конец его завязывается наглухо, а в переднем, имеющем вид раскрытого кошелька, устраивается горло наподобие воронки, так что рыбе войти можно свободно, а выйти нельзя.

[^^^]

Про зимнюю ловлю на крючки я только слышал, но мои попытки были всегда неудачны. Самый лучший лов около 1 октября, если есть морозы, а если нет, то позднее.

[^^^]